

MD СВЗЗ
19 Советов
IX

с9 Всероссийский
г. Москва
1922г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИКО-ЛITERАТУРНАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 1.

23 Декабря 1921 года.

№ 1.

Заседание первое.

(Вечернее).

Калинин. Товарищи, прошу занять места. От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета приветствую делегатов 9-го Всероссийского С'езда Советов. (Аплодисменты).

С решающим голосом присутствуют на С'езде 1.606 человек, с совещательным—346.

Сегодня в этом зале впервые находятся представители Грузинской Социалистической Советской Республики. (Аплодисменты).

По поручению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета объявляю 9-й С'езд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов открытым. (Аплодисменты). (Оркестр исполняет «Интернационал»). Слово имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Коммунистическая фракция С'езда, по соглашению с беспартийными, предлагает следующий список членов Президиума С'езда: т.т. Калинин, Ленин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Троцкий, Сталин, Молотов, Рудзутак, Шляпников, Томский, Раковский, Сапронов, Орджоникидзе, Ярославский, Воронцов, Петровский, Оешский, Комаров, Егунидзе, Смирнов, Н. П., Новоселов, Сафаров, Меднев, Коротков, Николаева, Петрушкин, Фокин, Писаренко, Скребинов, Матницкий, Головкин.

Калинин. Есть ли другие предложения по вопросу о составе Президиума? Других предложений нет. Позвольте, товарищи, проголосовать только что оглашенный тов. Рудзутаком список. Кто за этот список, просит поднять руки. Кто против? Нет. Кто воздержался? Таких тоже нет. Список принимается единогласно.

Прошу членов Президиума занять места.

Слово для предложения имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Товарищи, Бюро коммунистической фракции Съезда предлагает избрать Председателем Съезда тов. Калинина. (Аплодисменты).

Председательствующий тов. **Каменев.** Есть ли другие предложения? Нет. Голосуя предложение избрать т. Калинина председателем Съезда. Кто за это предложение? (Голос с места: «Да здравствует Всероссийский крестьянский старшина»). Кто против? Нет. Избирается единогласно.

Председатель. Приступаем к конструированию Мандатной Комиссии. Слово для предложения имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. Для проверки полномочий делегатов от коммунистической фракции Съезда предлагается следующий список кандидатов в Мандатную Комиссию: т.т. Максимовский, Зорин, Садовский, Сырцев и Озол.

Председатель. Есть ли какие-нибудь другие предложения? Нет. Разрешите проголосовать. Кто за оглашенный список? Кто против? Кто воздержался? Принимается единогласно.

Приступаем к утверждению регламента Съезда. Регламент Съезда роздан и имеется на руках у всех делегатов. Есть желающие высказаться по регламенту? Нет. Есть ли какие-нибудь дополнения? Таковых нет. Разрешите проголосовать. Кто за розданный регламент, прошу поднять руку. Кто против? Кто воздержался? Утверждается единогласно.

Теперь, товарищи, приступаем к обсуждению порядка дня. Порядок дня, розданный вместе с регламентом, включает следующие вопросы:

- 1) Отчет ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политике Республики.
- 2) Доклад о помощи голодающим.
- 3) Предварительные результаты новой экономической политики.
- 4) Положение промышленности.
- 5) О восстановлении сельского хозяйства и в частности в пострадавших от голода местностях.
- 6) Финансы и бюджет.
- 7) Кооперация и кооперативное законодательство.
- 8) Доклад о международном положении.
- 9) Вопросы строительства Красной Армии.
- 10) Советское строительство.
- 11) Выборы ВЦИК.

Есть ли желающие высказаться по порядку дня? Слово для предложения имеет тов. Томский.

Томский. Товарищи, Совет Народных Комиссаров просит Съезд включить в порядок дня для краткого обсуждения и утверждения декрет Совнаркома об электрификации.

Председатель. Есть ли еще какие-нибудь предложения к порядку дня? Нет.

Позвольте сначала проголосовать розданный на руки порядок дня. Кто за этот порядок дня в целом, прошу поднять руки. Кто против? Таковых нет. Принимается.

Теперь разрешите проголосовать предложение тов. Томского. Есть желающие высказаться по поводу этого предложения? Нет. Кто за предложе-

ние тов. Томского о том, чтобы порядок дня увеличить пунктом об электрификации, прошу поднять руку. Кто против? Нет. Итак, порядок дня Съезда считается утвержденным.

Слово к порядку имеет тов. Томский для внеочередного заявления.

Томский. Товарищи, несмотря на то, что этот год впервые Советская Россия провела в сравнительно мирной обстановке, многие ответственные работники Советской власти положили свою жизнь за укрепление республики трудящихся, за власть Советов в борьбе с эпидемиями, бандитизмом и голодом. В рядах этих погибших есть члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, и один из них виднейший работник, известный всей Советской России тов. Артем.

Президиум Съезда предлагает почтить вставанием память погибших работников Советской власти. (Все встают).

Далее следуют приветствия представителей братских Советских республик—Грузии (т. Мдивани), Азербейджан (т. Сумбит), Армении (т. Варханьянц), Украины (т. Раковский) и от Дальне-Восточной республики (т. Кушнарв), а также от коммунистических партий—Японии (т. Катаяма), Америки (т. Кар) и Германии (т. Ремеле).

Председатель. Слово по первому пункту порядка дня имеет т. Ленин. (Бурные овации. Возгласы: «Ура», «Да здравствует наш вождь т. Ленин!» «Да здравствует вождь международного пролетариата т. Ленин!» Долго не смолкающие аплодисменты).

Доклад т. Ленина.

Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении Республики. Первый раз мне приходится давать такой отчет при условии, что перед нами целый год, когда ни одного, по крайней мере, крупного нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей—к восстановлению хозяйства, разоренному войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы снова заложить фундамент социалистических порядков.

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей Республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось высказывать, а именно, что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все-же равновесие в международных отношениях создалось. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложились дела. Никто, наверное, не ожидал и не мог ожидать, что положение сложится так, как оно сложилось.

Мы представляли себе, (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся, как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный и, разрывая эту империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход для всех народов из этой преступнейшей бойни. И нам казалось тогда, и не могло казаться иначе, что эта прямая дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, которая продолжает угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если тем не менее мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую Республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос, как могло это получиться?

Можно без всякого преувеличения ответить: это получилось потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же, до известной степени, несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношении, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебных к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и самое слабое государство, к которому открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на нее натиска. Когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что, хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, чтобы именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся и рабочих и крестьянских и земледельческих масс во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно она была последним самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплен, а в пределах нашей Республики осуществлен, и что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямою должны признать),—как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Сочув-

ствие к нам и прямой решительный протест не только рабочих, враждебных взглядам большевиков, но и крестьянских масс, еще более нам враждебных в Западной Европе, это сочувствие и поддержка оказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения, что это нашествие, я не скажу, невозможно, — на этот счет надо быть очень осторожным и осмотрительным, — но оно все-таки затруднено для наших врагов в громадной степени. И этим в последнем счете объясняется то странное непонятное положение, которое мы видим теперь.

Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, то мы увидим, что они сгруппированы так, что в основном подтвердили наши предвидения, наши расчеты, что капитализм развивается и после войны, которую завершил сначала мир Брест-Литовский, а потом мир Версальский, — уже не знаю, который хуже, — что после этой войны, чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но в очень и очень больших размерах и для буржуазии стран-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в хозяйственном, и в военном отношении, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из этого кровавого клубка и тех противоречий — возьмите хотя бы противоречие бюджетное, — в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода.

Когда мы наблюдаем, что меняется голос представителей самой умеренной буржуазии, решительно и безусловно далекой от всякой мысли о социализме вообще, — я уже не говорю «об этом страшном большевизме», — когда даже такие люди, как знаменитый писатель Кейнс, меняют свой голос. Кейнс, книжка которого переведена на все языки, который сам участвовал в Версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, даже он впоследствии должен был бросить этот путь, — уйти от него, продолжая проклипать социализм. Повторяю, он не говорит и не хочет даже подумать о большевизме — он говорит капиталистическому миру: «То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному» и даже предлагает им нечто вроде того, чтобы аннулировать все долги.

Очень хорошо, господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру.

Только на-днях мы читали в газетах краткое сообщение о том, что один из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства, Ллойд-Джордж, как будто начинает предлагать такую же меру, и как ему на это Америка как будто желает ответить: извините, а мы свое хотим получить полностью. Тогда мы говорим себе: неказисты дела тех передовых, могущественнейших сильных держав, которые столько лет после войны об-

суждают такую простую меру. Это нам всего легче было сделать (а п л о д и с м е н т ы). Если в таком вопросе мы видим все растущую путаницу, мы говорим, несколько не забывая окружающей нас опасности, как мы не слабы в отношении экономическом и военном, по сравнению с любым из тех государств, которые все вместе выражают сплошь и рядом открытым образом ненависть к нам, что этой пропаганды они не боятся. Когда мы выражаем несколько иные взгляды относительно справедливости существования помещиков и капиталистов, тогда это им не нравится и эти взгляды об'являются, преступной пропагандой. Этого я никак не могу понять, ибо эта пропаганда ведется легально во всех неразделяющих наши экономические взгляды и воззрения государствах. Но пропаганда, что большевизм есть чудовищная, преступная, узурпаторская вещь—нет слова такого, чтобы выразить все это чудовище—эта пропаганда ведется открыто во всех этих странах. Недавно мне пришлось видеть Христензена, который выступил кандидатом на пост президента Соединенных Штатов, от имени тамошней рабоче-крестьянской партии. Но, т. т., не заблуждайтесь относительно этого названия. Оно совсем не похоже на то, что у нас в России называется рабоче-крестьянской партией. Там это чистейшая буржуазная партия, открыто и решительно враждебная всякому социализму, признанная совершенно приличной всеми буржуазными партиями. И этот, родом датчанин, а теперь американец, получающий до миллиона долларов (это—все-таки кое-что в Соединенных Штатах) на президентских выборах рассказывал мне, как он попробовал в Дании среди публики, «одетой, как я»—так сказал он, а он был хорошо одет, по буржуазному одет,—когда он попробовал сказать, что большевики не преступники, так «меня чуть не убили»—сказал он. Они сказали, что большевики, это чудовища, это узурпаторы. Как может притти в голову мысль говорить в приличном обществе об этих людях. Вот какова атмосфера пропаганды, которая нас окружает.

И тем не менее, мы видим, что известное равновесие создалось. Это—об'ективное, независящее от наших побед политической воззрение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистской войной, и мерим правильное, чем когда бы то ни было, другие державы, у которых при всех своих победах, всей силе, выхода у них, до сих пор не нашлось и не находится. Вот та сущность международного положения, которая об'ясняет то, что мы наблюдаем сейчас. Мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. На долго ли это—не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком—уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, урок, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это—быть на чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали тяжесть империалистической войны, как едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ, мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам на-

взаии представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов, мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осметрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой, мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные, пусть те немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят. (А п л о д и с м е н т ы).

Не было народного правительства в России, и кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждая, как политик, учитывая правильно или неправильно, он это признает,—что не было и не может быть правительства, которое пошло бы на такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям, как существовавшим внутри нашего государства, как и к тем, которые пришли к Российской Империи. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно сознавало, так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение Старой России, России царистской, России военных партий, что их отношение к народностям, населяющим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызвали законнейший протест негодования, возмущение угнетенных национальностей; нет и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, России царизма и России Керенского, правительство, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова—это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно беспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистические их поработщающих, пока они не делают мостика, чтобы нас удущить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. (А п л о д и с м е н т ы). Но есть факты, которые неопровержимо, бесспорно доказывают, что самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она не была, в России, победившей меньшевиков и эсеров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда преступности старой политики, старых правительств не ослабевает и что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской Империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями, остается твердым. Это мы доказали. И как бы не были сильны проклятия, которые сыпятся на нас со всех сторон, мы это докажем. Нам представляется, что в этом отношении мы прекрасно это доказали перед лицом собрания представителей рабочих и крестьян всей России. Перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы мы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир этать.

Но есть предел, дальше которого идти нельзя, мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу, мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. (А п л о д и с м е н т ы). Т.е., то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он не победим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как-раз какая-нибудь хитрость и должна быть. (А п л о д и с м е н т ы и с м е х). Когда представитель этого, в отношении экономическом и военном всемогущего старого мира, когда он, нам—это было уже давно—прислал одного из представителей американск. правительства Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир, для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, и хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо мы уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне, когда мы сказали это прямо и так же прямо, как бы мы сказали с таким же малым употреблением изысканного дипломатического тона, то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит, приехал на родину, его встретили с зашумением, заставили выйти в отставку и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу по принятому империалистическому обычаю за тайное сочувствие большевикам. (С м е х. А п л о д и с м е н т ы). А вышло то, что мы, предлагавши тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нам и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, все же они в памяти кое-кого наверное остались. (С м е х). И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление,—было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли от наших напоминаний. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем Съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, что это напоминание, как бы мы к нему не отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой ли дипломатической привычке, не заподозрели, безусловно не пройдет бесследно и хоть некоторую роль все-таки сыграет. Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально, в отношении экономическом и военном, мы безмерно слабы, а морально — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая это, как соотношение реальных сил всех классов, ко всем

государствам, мы сильнее всех. Это испытано на деле. И то, что это фактор сказывается даже в неизмеримо более спокойной обстановке, при более крепком и твердом вооружении, чем было до сих пор наше, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте на чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления мы не в праве допускать ни на секунду в отношении наших дорогих рабочих и крестьян и их завоеваний. (Аплодисменты).

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как начинают складываться экономические отношения у нас в западной Европе в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами прочные экономические отношения невозможны для нас. События очень наглядно показывают, что они невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при враждебном отношении к нам других держав продолжать существовать.

Да мыслима ли такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немислмым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно-богатой группой капиталистических держав, а это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружают колючей проволокой и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? «Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой».

Товарищи, много мы за эти 4 года видели угроз, и таких страшных угроз, что ни одной из них мы бояться не можем. Расчет блокады опыт показал, что неизвестно для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за этот первый год, когда я могу вам дать отчет, как за период хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского нашествия, так как нас не признавали, нас отвергали, сношения с нами об'являлись несуществующими.

Ну пускай они по суду буржуазному признаются несуществующими, но они все-таки существуют. Вот, что я считаю себя в праве, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 года.

Не знаю, роздан ли вам сегодня или будет роздан отчет НКВД 9-му Съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст и что его трудно дочитать до конца. Не может быть это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя бы немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него

взглянуть и перелистовать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительств, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического признания. Это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия усилилась, ибо опасность новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом. В 21-й год—первый год в деле торгового оборота с границей—мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано с вопросом отчасти транспорта—нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за-границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры. Все наши затруднения, самые невероятные, вся тяжесть, гвоздь наших трудностей в топливе и продовольствии, вся тяжесть в крестьянском хозяйстве, в обрушившемся на нас голоде и бедствиях. Мы знаем хорошо, что все это связано с вопросом о транспорте; об этом надо говорить и надо, чтобы все товарищи с мест знали и всем товарищам на местах еще и еще рассказали, что нам нужно напрочь всю нашу энергию, чтобы продовольственный и топливный кризис побороть. От этих причин продолжает страдать наш транспорт,—материальное орудие связей с границей. Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 21-й год мы по речным судам перевезли гораздо больше, чем за 20-й. Средний пробег в 21-м г. выразился в 1000 пудо-верст, а в 20-м г.—в 800 пудо-верст. Организационный прогресс несомненно есть. Надо сказать, что мы впервые начинаем получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало. У нас все-таки сотни цистерн заказано, и до 50-ти из них в 21-м г. уже пришло. Это самое маленькое начало. Мы оплачиваем его чрезвычайно дорого, непомерно дорого, но все же это значит, что крупная промышленность передовых стран оказывает помощь нам, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают печатать в своей прессе непрерывно о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или незаконным. И после долгих изысканий, оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что нас еще не признают, я не вправе скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения все же у нас развиваются. Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса,—а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают. И выходит так, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я говорил уже вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них не

было бы людей, которые умеют правильно рассчитывать; наоборот, у них их больше, чем у нас, а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели. Вот почему я хотел, в дополнение, сообщить вам несколько цифр, показывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если проследить все три года—18, 19 и 20-й—наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пуд., а в 21-м году 50 милл. пуд., т.-е. в три раза больше, чем за все три предыдущие года вместе взятые. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной милл. пуд., за один 21-й г.—11½ милл. пуд. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу—нищета. Вот что свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, испытавшие попытку дурить нас непосредственно, мы, слышавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, не будут всемерно допущены,—мы все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед.

Я приведу еще одну небольшую картинку, чтобы показать, как в течение 21 года мы шли вперед. В первую четверть 21 г. привоз был около 3 милл. пуд., во вторую четверть—8 милл. пуд., в третью—24 милл. пуд. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все же они постепенно увеличиваются. И мы видим, как они увеличиваются в 21 г., за который нам приходится отчитываться, который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия, и в результате всех войн и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки, теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о Вашингтонской конференции, когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств, или классов, это сила—общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступать на этот путь. Чем дальше они будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 год могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах. Я должен перейти теперь к нашему внутреннему экономическому положению. И здесь главный вопрос, на котором придется остановиться прежде всего,—это вопрос о нашей экономической политике. В том, чтобы к этой новой экономической

политике перейти, в том, чтобы сделать первые шаги на этом пути, научиться их делать, приспособить к этому наше законодательство, нашу администрацию,—в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год. Вы знаете из печати массу фактов, сообщений, которые показывают, как работа в этом отношении развивалась. Вы, конечно, не станете требовать от меня, чтобы я приводил здесь дополнительные факты или перечислял те или иные цифры. Необходимо лишь установить то основное, что нас всех больше всего объединяло, что является наиболее существенным с точки зрения самого существенного и самого коренного вопроса всей нашей революции и всех будущих социалистических революций (если взять их в мировом масштабе вообще). Самый коренной, самый существенный вопрос, это—отношение рабочего класса к крестьянству, это—союз рабочего класса с крестьянством; это—умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности не пришлось на этом пути испытать,—а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем,—только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов. Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми ресурсами, которые имеются налицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота.

Безработица является главнейшим бедствием передовых стран. Иного выхода из этого положения, как прочный союз рабочего класса, прошедшего тяжелую, но единственно солидную и серьезную школу, как фабрика, фабричная эксплуатация, фабричное объединение,—иного выхода нет. Мы видим этот союз политически, мы видим этот союз военный, мы испытали его в самые тяжелые годы нашей республики. Первый раз в 1921 г. переживаем мы этот союз экономически. Мы еще очень и очень плохо в этом отношении поставили дело. Надо это открыто сказать. Надо видеть этот недостаток, а не прикрашивать его, и все силы направить для его исправления и понять, что тут заложена основа нашей новой экономической политики. Для того, чтобы поставить отношения между рабочим классом и крестьянством правильно, можно себе представить только два пути: если крупная промышленность находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов и большим количеством продуктов, чем прежде, и установить, таким образом, правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями,—тогда крестьянство будет вполне удовлетворено; тогда крестьянство в своей массе, крестьянство беспартийное, признает, силой вещей, признает, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического. Если говорить о цветущей крупной, мощной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо. Если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышлен-

ность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 г.г. Тогда промышленность работала на войну и снабдила она человечество своими продуктами так полно, что у нас оказалось не меньше 10 милл. человек убитыми и не меньше 20 милл. искалеченными. Из среды людей, наиболее враждебных и чуждых всякому социализму, беспощадно враждебных малейшей социалистической идее, после этой войны даже в тех странах, которые вышли из нее победительницами, раздалось наибольшее количество голосов, которые определенно говорят, что даже если бы не было на свете дурных большевиков, то едва ли еще одну такую войну можно было бы допустить. Это говорят представители наиболее богатых стран. Вот на что работала эта богатая передовая крупная промышленность, Вот почему она служила для дела фабрикации искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами. Все же мы в праве сказать, что в мировом масштабе такая промышленность есть. На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отсталого крестьянства. Мы кладем это в основу своих расчетов. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, наблюдая это в повседневной жизни, что у нас осталось от нашей крупной промышленности, которая и без того была слабой. Например, в Донбассе, этой главной и основной базе крупной промышленности, было столько разрушений в гражданской войне и прошло столько империалистических правительств, сколько их видела Украина. Это не могло отразиться иначе, как тем, что от нашей крупной промышленности остались ничтожные остатки. Если прибавить к этому такое бедствие, как неурожай 1921 г., то станет понятно, что попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. Замена развертки продажем.— вот в чем суть нашей экономической политики, эта суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности, способной организовать так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием, под руководством и контролем рабочего государства,—никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики.

В эпоху, когда главное внимание и главные силы были отвлечены на задачи политические и военные, мы не могли действовать иначе, как с величайшей простотой, устремляясь вперед с авангардом, зная, что авангард этот поддержит. В области великих преобразований в политике, в области того величайшего дела, которое мы сделали в течение 3-х лет, поставив себя в войну против командующих держав мира, нам был обеспечен союз крестьян и рабочих простым порывом политическим и военным, потому что каждый крестьянин знал, чувствовал и осязал, что против него стоит вековой враг помещик, которому так или иначе помогают представители других партий. И потому этот союз был так прочен и непобедим. В области экономической

союз должен быть построен на других началах. Тут перемена сущности и формы союза. Если хоть кто-нибудь из коммунистической партии, из профсоюза или просто из людей, сочувствующих Советской власти, просмотрел эту необходимую перемену сущности союза и формы его, тем хуже для него. Такие просмотры в революции недопустимы. Необходимость изменения формы союза, вызвана тем, что союз политический и союз военный не мог быть продолжаем также просто и в области экономической, когда у нас крупной промышленности еще нет, когда она разорена войной, неслыханной ни в одном государстве. А ведь промышленность до сих пор не поднялась еще даже в государствах бесконечно более богатых чем наше, и от войны выигравших, а не потерявших. Перемена формы и сущности союза рабочих и крестьян оказалась необходимой. Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно экономический союз рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы победить врага, и мы имели право это сделать. Сделали мы это с успехом, потому, что мы врагов наших победили на том поприще, которое было тогда,—на поприще политическом и военном, но на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений. И тут нечего бояться это признать, а наоборот: только тогда мы научимся побеждать, когда мы будем не бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо. Нашими заслугами в первой области, в области политической и военной, мы имеем право гордиться. Они вошли в историю, как мировое завоевание, которое еще покажет себя во всех областях. Но в области экономической за тот год, за который мне приходится отдавать вам отчет, мы только стали на путь новой экономической политики. В этом отношении мы начинаем едва-едва только учиться, и тут делаем несравненно больше ошибок, смотря назад, увлекаясь прошлым опытом, который был великолепен, высок, величественен, который имел всемирное значение, но который не мог решить той задачи экономического характера, которая нам навязана сейчас, в условиях страны, разоренной в области крупной промышленности, в условиях, которые требуют от нас научиться прежде всего той экономической связи, которая—сейчас неизбежна и необходима. Эта связь есть торговля. Это для коммунистов весьма неприятное открытие. Очень может быть, что это открытие чрезвычайно неприятно, даже несомненно, что оно неприятно, но если мы будем руководиться соображениями приятности или неприятности, то мы упадем до уровня тех «почти что» специалистов, которых мы с вами достаточно видели в эпоху временного правительства Керенского. Едва ли «социалисты» этого рода пользуются еще каким-либо авторитетом в нашей Республике. А нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения и не бояться их, как бы они нам были неприятны. Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму, и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность, либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сей-

час нужного нам промышленного развития нет, то что же мы—откажемся? упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплуататора. И для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной—связь через хозяйство. Вот причина нашего отступления, вот почему мы должны были притти к государственному капитализму, к концессиям, к торговле. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции. На это мы должны смотреть особенно трезво, ибо отсюда вытекает в первую голову и больше всего то, что называется у нас нашей новой экономической политикой. Вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения, и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности. Я позволю себе привести теперь самые небольшие цифры, чтобы показать, что, как ни трудно нам это было, как ни много мы делали ошибок (мы делали их чрезвычайно много), все же дело идет вперед.

Товарищи, общих данных о развитии внутренней торговли у меня нет, и я думаю привести данные оборота только Центросоюза, данные за три месяца. И вот, за сентябрь оборот Центросоюза выражается в 1 милл. руб. золотом, за октябрь—3 милл., за ноябрь—6 милл. Цифры, опять-таки, если взять их как абсолютные цифры, мизерны, малы, это надо признавать прямо, потому что вреднее будет делать себе на этот счет иллюзии. Это—цифры нищенские, но в тех условиях разорения, в которых мы оказались, эти цифры говорят с несомненностью о том, что движение вперед есть, что зацепиться за их экономическую основу мы можем. Как ни многочисленны ошибки, которые мы делаем,—и профсоюзы, и коммунистическая партия, и управляющий аппарат,—мы все же убеждаемся в том, что мы можем избавиться от этих ошибок и постепенно избавляемся, что мы идем тем путем, который восстановит отношение между земледелием и промышленностью во что бы то ни стало. Мы должны и можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной. Мы должны добиться успехов, и мы начинаем их добиваться, но надо помнить, что здесь другой темп и другая обстановка работы, здесь труднее добиться победы. Здесь мы не можем так быстро достигнуть наших целей, как нам удавалось это в области политической войны. Тут мы не можем идти порывами и прыжками, и сроки здесь другие; они исчисляются десятками лет. Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей.

А дорога наша—верная, ибо это—дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны. По этой верной дороге мы начали

ити. Надо только детально взвешивать каждый малейший шаг, учитывать все свои ошибки, и тогда мы своего добьемся на этом пути.

Я должен был бы теперь, товарищи, несколько поговорить о главном нашем промысле—о сельском хозяйстве, но думаю, что, по этому вопросу вы выслушаете доклад гораздо более обстоятельный и полный, чем мог бы сделать я, так же как и относительно голода, который осветит вам т. Калинин. Прекрасно вам известно, товарищи, какой неслыханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году. Эти бедствия старой России неизбежно должны были перенестись и на нас, потому что единственный выход из этого может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, нищенской мелкой основе, а на основе новой, на основе крупной промышленности и электрофикации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства, от непрерывных голодовок, а для этой работы, как сразу видно, сроки, которыми мы измеряли наши политические и военные победы, не подходят. Мы все же, будучи окружены враждебными государствами, эту блокаду пробили; как ни скудна была помощь, мы все-таки кое-что получали. Вся она в итоге выражается в 2½ милл. пуд. Это все, что мы получили из-за границы, что заграничные государства милостиво могли дать голодной России. Мы могли собрать путем пожертвований около 600 тыс. золотых рублей. Это слишком ничтожная цифра, но из этой цифры мы видим, как корыстно отнеслась к нашему голоду европейская буржуазия. Вы все, вероятно, читали, как в начале при известиях о голоде пышно и торжественно заявляли влиятельные государственные люди, что пользоваться голодом, чтобы поднимать вопрос о старых долгах, было бы вещь дьявольской. Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм. Знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, старые долги взыскать на особенно тяжелых условиях попробовали. Мы не отказываемся платить и заявляем торжественно, что готовы об этом говорить деловым образом. Но чтобы дать себя закабалить по этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения,—вы все понимаете,—и на этот счет сомнений быть не может,—этого мы никогда ни в коем случае не допустим.

Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали, наверное, в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на помощь голодающим в России, вероятно на тех условиях, на каких помогает АРА, американская организация помощи голодающим. На днях получена от Красина телеграмма, что американское правительство предлагает формально гарантировать в течение 3-х месяцев получение нами продовольствия и семян на эти 20 милл. долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 милл. долларов (20 милл. золотых руб.) на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу. И, по видимому, можно сказать, что в течение первых 3-х мес. мы на сумму 30 милл. долларов, т. е. 60 милл. золотых руб., продовольствие и семена для голодающих обеспечим. Этого, конечно, мало, это ни в коем случае не покроет той ужасной бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это

все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает. И если нам уже удалось известного успеха добиться осенью в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще, то мы имеем надежду весной добиться еще большего успеха. Осенью приблизительно засеяно у нас было в голодающих губерниях 75% озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая—102%, в губерниях производящих—123%, в губерниях потребляющих—126%. Это, во всяком случае, показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, а помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали. При тех условиях, которые сложились, мы имеем право ожидать теперь без всякого преувеличения и не боясь впасть в ошибку, что мы при обсеменении ярового клина существенную помощь крестьянству окажем. Эта помощь ни в коем случае, повторяю, не будет полной. У нас ни в коем случае не хватит того, чтобы покрыть всю нужду. Это надо сказать ясно. И тем более надо напрягать силы, чтобы эту помощь расширить. Я по этому поводу должен сообщить итоговые цифры, касающиеся нашей продовольственной работы. Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе, беря все крестьянство, облегчение. Это не требует доказательств. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве. Старательному крестьянину при повышении производительных сил продналог открывал более широкую дорогу. Итог сбора продналога за отчетный год в общем таков, что мы должны сказать: надо изо всех сил напрячь наши усилия, чтобы не сорваться. Вот те общие, самые краткие итоги, которые я вам сообщу по последним данным, доставленным из Наркомпрода. Нам необходимо не меньше, чем 230 миллионов пуд. Из них 12 милл. пуд. голодающим, 37 милл. на семена и 15 милл. резервного фонда, а мы можем получить 103 милл. продналогом, 15 милл. помольным сбором, 12½ милл. от возврата семенной ссуды, 13½ милл. от товарообмена, 27 милл. с Украины и 38 милл. пуд. из-за границы (38 милл., если считать, что мы 30 милл. получим, учитывая ту операцию, о которой я вам только что говорил, и кроме того 8 милл. пуд. купим). Итог 215 милл. пуд. Все же, таким образом, дефицит и ни одного пуда в резерве. А сможем ли мы купить еще за границей, это—неизвестно. Наш продовольственный план рассчитан теперь в обрез, для того, чтобы наименьшую тяжесть возложить на крестьянство, пострадавшее от голода. Если мы считали в 1920 году на содержании государства 38 милл. человек, то теперь мы эту цифру сократили до 8 миллионов. Но отсюда вывод только один: продовольственный налог должен быть собран в размере 100%. т.-е. полностью, во что бы то ни стало. Мы несколько не забываем, что это составляет для крестьянства, пострадавшего так много, огромную тяжесть. Я превосходно знаю, что для товарищей на местах, которые всю продовольственную работу испытали на себе, лучше чем мне известно, что означает такая задача—собрать 100% продовольственного налога непременно теперь. Но я должен от имени правительства, как итог отчета наших работ за 1921 г., сказать вам: а эту задачу, товарищи, выполнить надо, на эту трудность пойти

надо, эту тяжесть побороть необходимо. Иначе не обеспечено самое сложное, самое элементарное в деле нашего транспорта и нашей промышленности; не обеспечен самый минимальный, абсолютно необходимый бюджет, без которого нельзя существовать в той обстановке, в которой находимся мы, окруженные врагами и при неустойчивом международном равновесии. Без громадных усилий из этого положения, в котором очутились мы, которых мучили войной империалистической и войной гражданской, которых травил правящие классы всех стран, выхода нет и быть не может, и поэтому надо совершенно отчетливо, не боясь горькой правды, сказать, и от имени Съезда подтвердить на местах всем работникам: товарищи, все существование Советской Республики, весь наш самый скромный план восстановления транспорта и промышленности расцятан на то, что мы общую продовольственную программу выполним. Поэтому продналог, собранный в 100%, является безусловной необходимостью.

Говоря о плане, я перейду к тому, какое практически положение получилось у нас с государственным планом. Я начну с топлива, которое является основой всей нашей промышленной работы. Вы уже, вероятно, получили сегодня или получите на-днях, материалы по работе нашего Госплана—государственной плановой комиссии. Вы получите отчет о Съезде электротехников, который дал серьезнейший и богатейший материал, проверенный лучшими техническими и научными силами России, и вместе с тем план, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности, требующим для выполнения не менее 10—15 лет. Я уже говорил, и не устану повторять, что сроки, с которыми мы должны считаться, в нашей практической работе теперь не те, какие мы видели в области работы политической и военной. Очень многие из руководящих работников коммунистической партии и профсоюзных это усвоили, а надо, чтобы это усвоили все. Между прочим в той брошюре тов. Крижановского, которая завтра вам будет роздана—«Отчет о деятельности Госплана»—вы увидите, как с точки зрения коллективной мысли инженеров и агрономов ставится вопрос о нашем государственном плане вообще. Вы увидите, как подходят к делу с точки зрения коллективного опыта инженеры и агрономы, рассчитывая, между прочим, до каких пределов мы можем отступать. Вы найдете в этой брошюре ответ на этот вопрос с точки зрения инженеров и агрономов, и тем более ценно то, что вы найдете в ней, как результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, расчет того, как им ставится вопрос транспорта и промышленности. Понятное дело, что я не могу излагать вам здесь содержание этой работы. Мне хотелось бы только совсем коротко остановиться на вопросе о том, как обстоит дело с планом топливным, ибо в этой области в начале отчетного 1921 года мы понесли самое жесткое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и привели транспорт к колоссальному кризису весной 1921 года, кризису, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы не верно рассчитали темп быстроты развития. Уже тогда сказалась ошибка, что опыт, нами усвоенный из периода политического и военного, мы перенесли на задачи хозяйственные, важнейшая

ошибка, коренная ошибка, которую мы до сих пор повторяем, товарищи, на каждом шагу. Сейчас у нас много ошибок, и нужно сказать, что если мы этих ошибок не осознаем и если мы во что бы то ни стало не добьемся того, чтобы эти ошибки исправить, у нас прочного хозяйственного улучшения быть не может. После испытанного нами урока мы топливный план на 2-ю половину 1921 г. ставим уже с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение здесь недопустимым и всемерно с ним борясь. Цифры к концу декабря, хотя еще неполные, которые мне были сообщены т. Смилгой, руководящим всеми нашими учреждениями по сбору топлива, показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, при чем дефицит, показывающий улучшение внутреннего строения нашего топливного бюджета—именно то, что техники называют его минерализацией, т.е. большой успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе может быть прочная постанровка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества. Вот как был рассчитан в начале второго полугодия 1921 года наш топливный план. Если перевести дрова, 2.700 пудов саженей на условные 7.000 калорийного топлива, как всегда мы это переводим и как это сделано на стр. 40-й брошюры Кржижановского, которая будет вам роздана, то мы рассчитываем получить 273 миллиона пудов. Теперь цифры показывают, что мы получили около 234 миллиона пудов. Здесь громадная нехватка, на которую я должен обратить ваше внимание. К дровяной работе наших топливных учреждений, мы, за отчетный год, относились очень внимательно. Но, именно, эта работа больше всего связана с состоянием крестьянского хозяйства. Именно, здесь на крестьянина и его лошадь ложится вся тяжесть. Здесь нехватка топлива, бескормица и т. д. очень отражаются на работе. Вот почему получается нехватка. Вот почему теперь, когда мы стоим в начале зимней топливной кампании, мне опять-таки приходится сказать: товарищи, привезите на места лозунг величайшего напряжения сил в этой области. В области нашего топливного бюджета, мы рассчитали в минимальных размерах лишь то, что абсолютно необходимо для поднятия промышленности, но в этих минимальных размерах это нужно во что бы то ни стало выполнить, как бы тяжелы не были условия.

Дальше. Угля мы рассчитывали получить 143 миллиона пудов, теперь мы получили 184 миллиона пудов, тут успех, прогресс минерализации нашего топлива, тут прогресс Донбасса и др. учреждений, где целый ряд товарищей работали очень самоотверженно и достигли практических результатов в улучшении крупной промышленности. Я пару цифр относительно Донбасса вам приведу, потому что это основа, крупный центр всей нашей промышленности. Нефти мы рассчитывали получить 80 миллионов, что дает в переводе на условное топливо 120 миллионов. С торфом рассчитывали на 4 миллиона (12 миллионов условного топлива) и получили 5. Тут недостаток есть. Правда, этот недостаток не так велик, может быть 3—4%, но во всяком случае это недостаток. Во всяком случае надо будет признать, что все это для крупной промышленности является прямой угрозой, что кое-что невыполнено будет из того минимума, который был назначен. Я этим примером, думаю, доказал вам, во-первых, что наши плановые учреждения рабо-

тали недаром и что приближение момента исполнения наших планов началось, а вместе с тем этот пример показал, что мы едва-едва начинаем подниматься, что в этом отношении тяжесть, трудность нашего хозяйственного положения, еще в высочайшей степени велика и что поэтому основным лозунгом, основным боевым кличем, основным призывом, с которым должен вести и закончить свою работу наш Съезд, с которым он должен раз'ехаться на места, является: нужно еще напряжение сил, как оно ни тяжело и в области работы промышленной и в области работы хозяйственной. Иного спасения для Республики, для удержания, сохранения, упрочения власти рабочих и крестьян нет, как напряжение труда в этом отношении. Что мы достигли немалых успехов, это в особенности показал, например, Донбасс, где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом такие товарищи, как т. Пятаков, в области крупной промышленности, как т. Рухимович, в области мелкой промышленности, которому в первый раз удалось поставить мелкую промышленность так, что она кое-что дала. В крупной промышленности выработка забойщика достигла довоенной нормы, чего раньше у нас не было. Вся производительность Донбасса, если мы возьмем 1921 год, исчислялась в 272 миллиона пудов. Она исчислялась в 272 милл., а в 1921 году исчисляется в 350 милл. Эта цифра очень и очень мала, по сравнению с той, которая была максимальной в довоенное время—1 миллиард 700 тыс. Но это все же кое-что. Это все же показывает, что серьезный шаг вперед делается. Это все же шаг вперед в деле восстановления крупной промышленности, а жалеть жертв, чтобы восстановить крупную промышленность, мы не можем.

Еще два слова о металлургии. В этом отношении наше положение особенно тяжело. Мы производим каких-нибудь, может быть, 6% того, что производили в довоенное время. Вот на какое разорение, на какую нищету империалистическая война и гражданская война опустили Россию! Но мы, конечно, поднимаемся. У нас создаются такие центры, как Югосталь, где работает тоже наиболее преданным образом тов. Леви. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 г. выплавляли 70 тыс. пуд. чугуна, в октябре—130 тыс., в ноябре—270 тыс., т.-е. почти вчетверо. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике; мы несколько не скрываем от себя, что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но мы все же можем доказать этими цифрами, что как ни был тяжел 1921 год, какие исключительные тяжести ни обрушивались на рабочий и крестьянский класс, все же мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что под'ем станет еще выше.

Я бы хотел сообщить еще некоторые данные об успехе электрофикации. К сожалению, крупного успеха мы пока не имеем. Я рассчитывал, что смогу поздравить 9-й Съезд открытием второго крупного электрического центра, построенного Советской властью: первый—Шатурка, а второй—новый центр—Каширская станция, которую мы как раз рассчитывали открыть в декабре. Она дала бы—и может дать—6.000 кило-ватт в первую очередь, что при тех 18-ти тысячах кило-ватт, которые мы имеем в Москве, было бы помощью существенной. Но тут целый ряд препятствий привел к тому,

что в декабре 1921 года мы этой станции открыть не можем, но она откроется в самый короткий срок, не больше, чем через несколько недель. Вообще вы, вероятно, обратили внимание на отчет, который на-днях был помещен в «Экономической Жизни» и подписан инженером Леви, одним из крупных работников 8-го Всероссийского Электротехнического Съезда и вообще одного из крупнейших наших работников. Из этого отчета я приведу вам только следующие краткие цифры: если сложить 1918 г 1919 г.г., то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в $3\frac{1}{2}$ тысячи кило-ватт. Если сложить 1920 и 1921 г.г., то открыто было 221 станция с мощностью в 12 тысяч кило-ватт. Если эти цифры сравнивать с Западной Европой, то, конечно, они покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при условиях ни в одной стране невиданных трудностей. Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне. Надо сказать прямо, что очень часто здесь было растаскивание. Но и в этом растаскивании есть некоторая польза. Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новейшей крупной промышленности. Они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется деревянной со своей примитивной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу. Сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет, но работа уже началась, сознание в крестьянской массе расширяется и отчасти, именно благодаря тому, что у нас мелкие станции растут быстрее, чем крупные. Но если в 1921 году мы опоздали с открытием одной крупной электрической станции, то в начале 1922 года их будет две: Раширская в Подмоскowie и Уткина Заводь под Питером. В этом отношении, во всяком случае, мы стоим на пути, по которому нам обеспечено движение вперед, если мы с прежним напряжением будем относиться к выполнению наших задач.

Два слова еще об одном успехе.—о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 году достигла 93 миллионов, в 21 году 139 милл.—единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были, и отчасти, остаются и сейчас, в том отношении, что эта работа, страшно тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Главторфе т.т. Раденко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 году работало всего 2 торфонасоса,—аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 году 20 аппаратов. Содружество с передовой Европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела. Практическое содружество с современным передовым государством, с Германией—достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, поверяюка, пущенными в 22 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень

много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда вытти из экономического кризиса в России, мы имеем большую возможность, чем какое бы то ни было другое государство.

Теперь в области нашей экономической политики мне хочется подчеркнуть еще одну сторону дела. При оценке нашей новой экономической политики недостаточно обращать внимание на то, что может быть особенно важно. Конечно, сущность новой экономполитики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность—в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем. Поднятие производительных сил во что бы то ни стало теперь уже началось, благодаря новой экономической политике. Есть еще одна сторона новой экономполитики—возможность учиться. Новая экономическая политика есть та форма, у которой учиться хозяйничанью мы начнем настоящим образом, а в этом отношении до сих пор мы работали из рук вон плохо. Конечно, коммунистическому руководителю, профсоюзному руководителю трудящихся масс трудно представить себе, что торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический под'ем. Если взять любого купца, торгующего под контролем государства и суда (суд у нас пролетарский и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах; недавно в Москве этот пример был и все вы хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями), то мы увидим, что все же этот купец, этот частный предприниматель за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, скажем, в приобретении сырья для промышленности так, как сплошь и рядом не сумеет сделать никакие коммунисты и профсоюзники. И вот тут-то значение новой экономической политики. Учитесь, это ученье очень серьезное, мы все его должны проделать. Это учение чрезвычайно свирепое. Оно не похоже на чтение лекции в школе и на сдавание тех или иных экзаменов. Это есть проблема в тяжелой, суровой экономической борьбе, поставленная в обстановку нищеты, в обстановку неслыханных тяжестей, трудностей, бесклубья, голода, холода, но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать. Здесь всякая попытка от этой задачи отмахнуться, всякая попытка закрыть глаза, что мы, мол, тут в стороне, будет самым преступным и самым опасным чванством, коммунистическим и профессиональным. Этим грешком мы, товарищи, все управляющие Советской Россией, очень страдаем, и надо это сознать с полной откровенностью, чтобы от этого недостатка избавиться. Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка. Здесь я приведу вам одну французскую поговорку, которая говорит, что обыкновенно у людей недостатки имеют связь с их достоинствами. Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжают больше чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще, это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии нашей революции, наших партий и наших профсоюзов, которые являются главнейшей

оперой партии, на всем аппарате, управляющем Советской Россией, и мы наблюдаем этот недостаток, который явился как бы продолжением наших достоинств. Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох. Какие бы мучения нам не пришлось еще выдерживать, у нас этого никто назад взять не может, и из империалистической войны, и из наших бедствий, мы вышли, только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это—достоинство непререкаемое, непреложное, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как раз, если его продолжить там, где не надо—становится самым опасным недостатком. Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма, на данной ступени сознания рабочих и крестьян. Они поняли все, что война империалистическая их душит, им нужен был подъем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда памятником того, что делает революция и что оно могло делать, помогали решить эти задачи. Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что также можно решить и хозяйственные задачи. Но в том-то и ошибка: когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить их вчерашним приемом. Не пытайтесь, не решите! И эту ошибочность нам надо сознать. Работники коммунистические и работники профсоюзские, которые сплошь и рядом от черной, тяжелой, многолетней хозяйственной работы, требующей выдержки, тяжелых испытаний, длительной работы, аккуратности и настойчивости, в качестве ли советских работников, в качестве ли вчерашних бойцов отошли от нее, отмахиваются, отговариваются воспоминаниями о том, что мы великое сделали вчера. Вы мне напоминаете, басню про гусей, которые кичились, что «Рим спасли», но которым на это крестьянин ответил Жворостиной. «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое». То, что в 1917—18—19—20 г.г. мы решили наши задачи политические и военные с тем героизмом, с тем успехом, который теперь всемерно завоеван, которым мы положили начало новой эпохи всемирной истории, этого не отвергает никто. Это принадлежит нам, и не у кого ни в партии, ни в профсоюзах нет попытки отнять это у нас, но перед советскими работниками и перед работниками профсоюзов, перед вами сейчас лежит задача другая. Сейчас вы окружены капиталистическими державами, которые вам не помогут, а помещают, сейчас вы работаете в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия. Либо научитесь работать иным темпом, считая работу 10-летиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, либо научитесь этому,—либо вас назовут по справедливости гусями. Любой профессионалист, политический работник, когда он говорит общую фразу, что, мол, вот мы, профсоюзы, мы коммунистическая партия управляем, — это хорошо: в области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делаем скверно. Надо это сознать и делать

лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да перестайте болтать (аплодисменты), а лучше ответьте мне на вопрос практически, и скажите (если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза): где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено — тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех, кого вы ставите на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел браться, а потом по недосугу ни одного не решить. У нас, в советских нравах бывает не так, чтобы хозяйство довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у того кушца, который 100 проц. прибыли возьмет и еще себе заберет, так, что, напишут прекрасную резолюцию о сырье и скажут, что мы, мол, представители коммунистической партии, профсоюза, пролетариат. Извините, пожалуйста. Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат? где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому что нет сырья?! А вы сумели его соорать? Нет. Напишите резолюцию, чтобы его соорали, — и сидите в лужу, и скажут — глупость и, стало быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим. На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе разве и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т.е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять, нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй влох. Давайте его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс — это я знаю превосходным образом, и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в этом дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука, не перестраивать, а наоборот, помочь тем многочисленным недостаткам, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий и на нее нужно

потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу. Прежде чем закончить, я еще позволю себе распространить этот урок, что недостатки являются иногда продолжением наших достоинств, это мы испытали на одном из наших учреждений, именно: на ВЧК. Т.т., вы, конечно, все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран, которые с этой российской эмиграцией живут. Еще бы!—это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас. У них, у капиталистов и помещиков, остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наши. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это достоинство нашей ВЧК. Мы всегда будем подчеркивать, когда мы услышим, в прямой или в отраженной форме, как часто слышим из-за границы вопли тех из русских представителей, которые на всех языках умеют употреблять слово ЧК и считать его образом, типом русского варварства.

Господа капиталисты, российские и иностранные, мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры, и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желаний преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинство человека может стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контр-революции будут таковы, как они были до сих пор—а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований—то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, согласно нашей

новой экономической политике, а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке наступления, в обстановку власть, понятно, что если бы мы тогда эту задачу поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но ее не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждений, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, какое правительство за отчетный год вынесло.

В заключение я должен сказать, товарищи, что та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решили,—соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз, даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения—решена нами теперь правильно, и никаких сомнений на этот счет быть не может. И эта задача не только русская, но и мировая (Бурные и долго не смолкающие аплодисменты).

Председатель объявляет заседание Съезда закрытым.

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 2.

24 Декабря 1921 года.

№ 2.

Заседание второе.

(У т р е н н е е).

Председатель. Слово для предложения предоставляется тов. Комарову.**Комаров.** Президиум предлагает принять следующее постановление по докладу тов. Ленина:

«Заслушав отчет Председателя Совета Народных Комиссаров от ВЦИК и СНК, 9-й Съезд Советов вполне одобряет деятельность Рабоче-Крестьянского Правительства за отчетный год, как в области внутренней, так и в области внешней политики».

Председатель. Имеются ли еще какие-либо предложения? Нет. Разрешите проголосовать. Кто за предложение, оглашенное тов. Комаровым? Кто против? Кто воздержался? Принимается единогласно. Переходим к обсуждению второго вопроса порядка дня—к докладу о помощи голодающим. Слово для доклада предоставляется тов. Калинин.**Калинин.** (Аплодисменты). Товарищи! Голод, охвативший в настоящий момент огромную часть Советской Республики, часть, которая отмечена темными знаками на карте старой царистской империи, для русского крестьянина не является случайным. Наоборот. Когда мы обращаемся к истории, а обыкновенно, в минуту невзгод и стихийных бедствий, мы забываем о тех бедствиях, которые были раньше, когда мы обращаемся к истории, далекой истории, то что же мы видим? Мы видим, что в 91—92 г.г. был крупнейший голод, который оставил большую память среди населения. В 1898 году снова был голод, затем он повторился в 1908 г. и снова в 1911 г. Я насчитал за 20 лет четыре голода. Эти 4 больших голода, голода, который охватывал по десяткам губерний население, которое за эти годы убывало в большем проценте, чем это происходит в нормальное время. Но, помимо этого, в целом ряде

годов, в промежутках были частичные голодовки. Мы можем найти в 1901 г. голод в уездах Тамбовской губ., в 1902 г. был голод, распространившийся в округах Сибири, в 1903 г. был голод в уездах Нижегородской губернии. Итак, если мы будем изучать голод в Советской Республике, то встретим, почти каждые 3 года, более или менее средний голод, каждые 5 лет, большой и каждые 10 лет исключительный по своей разрушительности бывает голод. И почти через год частичные голодовки той или другой местности Республики.

У нас нет данных, за время с 1914 года, но с этого времени ни климатические, ни экономические условия нашего крестьянства не изменились и в соответствии с этим, несомненно, с 1914 по 1921 г. частичные голодовки были. Главная и основная причина голода,—это засуха на юго-востоке России и вымочка в северных местностях России, затем нападение саранчи, движение сыпучих песков в южных губерниях, которые иногда засыпают целые волости, целые деревни и борьба с которыми стала предприниматься только в последние 30 лет. До этого со всеми этими бедствиями почти никакой борьбы не велось. Разумеется, все эти физические явления влияют на разрушение крестьянского хозяйства, сельского хозяйства вообще.

Несомненно, голод является специфической особенностью отсталых государств. В Западной Европе, уже 200 лет, как забыли о стихийных голодовках. Там бывает теперь голод на почве социальных отношений, там бывает голод рабочего класса на почве перепроизводства, но чтобы там был голод от стихийных причин, от неурожая, таких случаев, по крайней мере, за последние 200 лет там не наблюдалось. А, между прочим, до 1700 года включительно и Западная Европа периодически почти в 5 лет раз переживала отчаянные голодовки и там также вымирали целые области буквально голодной смертью. Но там это окончилось уже 200 лет тому назад, а ведь Россия, Российская Советская Республика, русское крестьянство, переживает это по сегодняшний день. Несомненно, голод в прошлом среди русского крестьянства имел глубокие социальные основы, ибо голод для господствующего класса помещиков,—он являлся одним из могучих, из лучших средств для нерабощения нашего крестьянства. На почве голода помещику легче было скручивать крестьян, легче было их закабалить, ибо в момент урожая помещик не мог получить за дешевую плату крестьянина, он не мог дать выгодную ссуду крестьянину, чтобы закабалить его на предстоящий год к себе в работу. В момент урожая промышленник не мог так дешево платить рабочему, ибо, когда бывал голод, когда целые тысячи голодных крестьян оставались без хлеба, то, с одной стороны, они шли в кабалу к помещику, а, с другой стороны, к фабриканту и заводчику. Поэтому, как бы старое правительство ни боролось с голодом, в сущности своей, в основе своей, оно было заинтересовано в этом голоде, и, когда вы начнете изучать документы по борьбе с голодом старого правительства, то всюду проходит красной нитью мысль: помогайте крестьянству, но не настолько, чтобы эта помощь реально сказалась на его материальном положении, не настолько, чтобы крестьянин мог встать в более или менее независимое отношение к помещику и капиталисту. Это красной чертой проходит по всем документам в царский период истории. Всюду и везде царизм и господствующие классы борются с голодом постольку, поскольку это защищает их от опасности непосредственного нападения на них крестьянства.

Что же касается голода 21 года, то он не явился неожиданностью для нас. Он явился как бы тем штурмом, тем нападением на Советскую Республику, которое готовилось целым рядом благоприятных обстоятельств. Выражался военным термином, штурм подготовлялся осадой для нападения на крестьянство и на русский рабочий класс. Мы наблюдаем за все годы, начиная с 1914 года, систематическое ухудшение сельского хозяйства, мы видим замену мужского труда женским в тех губерниях, где женский труд в земледельческом хозяйстве применялся сравнительно мало; в нашей черноземной полосе мы видим систематическое уменьшение количества как рабочего скота, так и инвентаря; наконец, и в самой деревне господствовало военное настроение. При военных настроениях, когда лучшая часть семьи была на фронте, несомненно, оставшаяся часть не работала с той энергией, не вкладывала столько любви в обработку земли, как это было раньше, когда ее здоровые члены не находились на фронте. Наконец, огромное расширение материальных средств, которое наблюдалось во всем мире, несомненно, не увеличивало стремления крестьянства к желанию восстановить свое хозяйство. Все это еще в империалистическую войну систематически подтачивало сельское хозяйство и подготавливало все сельское хозяйство к тому бедствию, которое мы переживаем. Наконец, наступила гражданская война. Если вы посмотрите сейчас на голодающие губернии, то вы увидите, что по всем этим губерниям прошли армии как белые, так и красные, в 1919 г., а в некоторых местах даже в 1920 году. Во многих местах из-за этого пропали целые рабочие сезоны. В соответствии с этим слабость крестьянского населения по отношению к случайным бедствиям, которые могли на него напасть—бедствиям, стихийным—вероятно увеличилась. Наконец, 20-й год служит уже прямым предвестником того, что бедствия и опасность становятся очень велики. В 20 г. в огромной части России и в особенности в той части, в которой в настоящий момент бедствие разразилось в огромной степени, был очень слабый урожай, которым была дана возможность крестьянству просуществовать только две недели, а в 5 или 4 губерниях был прямой голод: в Калужской, Тульской, Орловской, Царицынской. Так что 20 г. был прямым предостережением против голода. И первые весенние дни 1921 г. с величайшим вниманием учитывались правительством. Сводки, которые получало правительство от Наркомзема по данным метеорологических станций, вероятно, читались с неменьшим интересом, чем когда-то сводки, получаемые с гражданского фронта, ибо все великолепно понимали ту опасность, которая нависает над Советской Республикой. Но если с весны мы еще получали более или менее благоприятные известия об урожае и всходы были, если не хорошими, то во всяком случае средними, а не столь значительный процент всходов был очень плох, то каждые 2 следующие недели все больше и больше ухудшались виды на урожай. К июлю месяцу почти полностью выяснилось, что огромная часть Советской Республики, часть наиболее плодородная, губернии, которые всегда давали огромный избыток хлеба в промышленные губернии Республики, были охвачены голодом. И 21 июля была создана комиссия при ВЦИК по борьбе с голодом. Еще в момент организации этой комиссии правительство исчезало цифру голодающих в 10 миллионов человек.

По постановлению, изданному Президиумом ВЦИК, от 21 июля, с назначением персонального состава Центральной Комиссии по борьбе с голодом при

ВЦИК, число голодающих определяется в 10 миллионов человек. Но с начала борьбы с голодом опять-таки каждый месяц или каждые две недели, число голодающих все прибавлялось и прибавлялось и в настоящий момент количество голодающих считается не менее 22 миллионов человек. Это только официально признанное ЦКПомгола количество. А надо сказать, что для того, чтобы получить признание голодающим, уезду нужно пройти очень длинный путь, ибо прежде чем признать его голодающим, нужно согласиться, что его урожай не может прокормить местное население, что его урожай меньше 6 пудов на душу населения. Нужно пройти следующий путь: Центр. Статист. Управление, Плановая Комиссия, затем Наркомзем и затем, наконец, идет огромная борьба с Наркомпродом, который кровно заинтересован в каждом лишнем пуде, потому что признание каждого лишнего уезда голодающим—это значит, что приходят новые тысячи голодных людей и вместе с тем, новые расходы хлеба, которого и без того слишком мало. Таким образом, чтобы добиться признания голодающим, нужно пройти очень длинный искусы, и только после огромного напряжения, когда никакого выхода нет, когда видим, что действительно местными средствами никак нельзя побороть бедствие, только тогда этот уезд признается голодающим. И вот таких голодающих официально признано у нас в настоящий момент 22 миллиона человек. Несомненно, близкими к голодающим еще являются не менее 3-х миллионов, а я лично думаю около 5 милл. человек. Значит, бедствие охватило не меньше, как 27—28 милл. человек. Только эти цифры, только та краткая картина, которую я вам дал перед этим о нашем состоянии, противостоят тем голодным бедствиям, которые охватили эту массу. А слабости этого противостояния очевидны. Я уже показывал, насколько велика обширность бедствия, и насколько оно глубоко охватывает народные массы, и насколько разрушительно действует на весь хозяйственный организм не только местностей, охваченных голодом, но и на хозяйственный аппарат всего государства. Можно смело сказать, что голод является одним из основных факторов, тормозящих, приостанавливающих наш дальнейший поступательный ход в нашем экономическом развитии.

Наша первая и главная задача после того, как была организована Комиссия помощи голодающим, была—помочь голодающим крестьянам засеять свои озимые поля. Почему эта задача стала перед нами в самом начале слишком ясно. Местности, охваченные голодом, были еще не вполне изнурены и поэтому, конечно, местные органы стремились, как и все крестьянство, осенью как можно больше засеять озимых семян, ибо еще не распродана часть инвентаря и они сами имеют еще некоторый запас физических сил. И, товарищи, все органы Советской власти, как Наркомзем, Наркомпрод, так особенно Комиссия помощи голодающим, употребили все усилия, чтобы эту первую кампанию по борьбе с голодом провести более или менее удовлетворительно. И, товарищи, то задание, которое было поставлено при учете тех материальных сил, которые мы имеем,—а когда мы учитывали, то производили учет нашего транспорта и возможность собирания семян, ибо нужно было собирать в губерниях, которые никогда в истории не кормили—была выполнена. Мы двигали хлеб по тем направлениям, по каким никогда в русской истории хлеб не возился. В настоящем году мы стремились направить целых 12 милл. семенного хлеба из этих губерний. В этих губерниях хлеб поспевает сравнительно позже, чем в южных губерниях. Поэтому, с ок., который был дан и для правительства и для

органов, собирающих и отправляющих семена, был ограничен чрезвычайно. Он ограничился каким-нибудь месяцем. За этот месяц было собрано и отправлено в круглых цифрах,—12 милл. пудов. Это, разумеется, сравнительно небольшая цифра, но вы знаете состояние нашего транспорта и учитываете, с какой огромной территории слабых по урожайности местностей мы должны были собрать этот хлеб. Можно сказать, что мы с этой задачей справились. И справились мы с ней так только по той простой причине, что слишком горячо откликнулось само крестьянство при первом сборе этих семян. Здесь можно смело засвидетельствовать ударную работу почти всех органов Советской власти, не исключая и транспорта.

Следующей важнейшей очередной задачей, после озимой кампании, которая окончилась более или менее удовлетворительно, с которой мы полностью и даже с некоторым излишком справились, является подготовка яровой кампании. Если мы собрали для озимой кампании 12 милл. пудов, из которых 11 милл. посеяно, то по умеренному плану НКЗема нужно было бы в помощь голодающему крестьянству собрать 45 милл. пудов. После известных сокращений, НКЗем согласился на 33 милл. НКПрод, плановая комиссия и остальные органы, после всестороннего обсуждения и рассмотрения всех ресурсов государства, сократили эту норму до 25 милл. И теперь государственное задание помощи крестьянству яровыми семенами предположено в 25 милл. пудов. В настоящее время мы приступили уже к выполнению этой задачи. Это тоже одна из сложнейших задач, которая стоит, как перед органами центральной власти, так и в особенности перед органами местной власти. Начался сбор этих яровых семян, их очистка и хотя бы до известной степени частичная сортировка, ибо мы не гарантируем, что в тех местах, где в прошлом году была огромная засуха, она не повторится еще ряд лет. Поэтому для тех мест мы должны выбрать те семена, которые считаются более или менее сухостойными. Исходя из этого, вам вполне понятны будут те огромные фактические затруднения, которые в настоящее время стоят перед органами, снабжающими семенами наше голодающее население. Вам, вероятно, известно сравнительно слабое поступление продналога. И в соответствии со слабостью поступления продналога увеличиваются затруднения в снабжении семенами, которые испытывают органы власти.

Параллельно с подготовкой к засеву ярового клина, параллельно с подготовкой яровых семян, все время стоял вопрос и о прокормлении голодающего населения. В голодающих местах всего предназначено для государственного снабжения 24 милл. пудов. Это количество идет на фабрики и заводы, состоящие на государственном снабжении, на государственные учреждения, на детские приюты и на другие потребности государства. Разумеется, прежде эти 24 миллиона пудов доставались бы здесь на месте, а в настоящее время государство эти 24 миллиона пудов должно привезти извне, из других местностей, ибо в голодающих местах продналог не мог быть собран. Все голодающие губернии освобождены от государственных хлебных сборов. Если идут сборы в тех или других отдельных местах, где есть небольшой урожай, то эти сборы идут целиком на потребности местного населения. Государственное снабжение в слабой степени помогает голодающему населению, ибо кре-

к-стьянство только косвенно может получить непосредственные практические результаты от этих 24 милл. пудов. К-стьянство может получить лишь в том случае, если железнодорожники, или другие рабочие, получают привезенное извне продовольствие и не конкурируют с к-стьянами на местном рынке. Из этих 24 милл. пудов только очень незначительная часть перепадает к-стьянству. Затем мы увеличили детские пайки, которых в этих голодающих местах насчитывалось 100 тысяч, а теперь—1.600.000. Мы эту норму дополнили из других губерний. Мы уменьшили количество государственных пайков в Московской, Тверской и во всех тех губерниях, где урожай считается благополучным. Разумеется, ведомства вели против этого решительную борьбу, но разразившееся бедствие заставило нас не считаться с этими ведомствами и сравнительно большой процент материальных государственных средств в области питания бросать в голодающие места. Соответственно с этим мы увеличили количество детей, находящихся на государственном питании, и пайки увеличили с 110 до 160 тысяч. За это время было свезено до 4 милл. пудов картофеля и еще после С'езда губернских и областных комиссий Помгола, где мы приняли постановление, чтобы в настоящее время не останавливать сбора и доставки картофеля для голодающих местностей, и теперь, как сбор, так и привоз этого картофеля в голодающие местности продолжаются. Наконец, из государственных средств было отпущено 12 милл. пудов продовольствия на так называемое общественное питание и, главным образом, на питание к-стьянского населения.

Я не буду тут приводить количества пайков по всем месяцам. Я только приведу первую и последнюю цифру: в октябре на общественном питании было 500.000 человек, в том числе 70% детей и 25% взрослых, в июне продовольствия отпущено—2.250.000 пайков, из них для детей 65% и для взрослых — 35%. Вообще в летние месяцы увеличивается количество, необходимое для питания взрослых. Это очень естественно. Летние месяцы приходится считать рабочими месяцами, и в этот момент взрослое население нуждается в увеличении питания. Всего голодающего населения, которому мы отпускаем общественное питание, очень немного. Только 10% взрослого населения мы можем оказать помощь общественным питанием. Такое количество, само собой разумеется, слишком невелико. Вы видите $\frac{9}{10}$ населения, в особенности взрослого, остается без всякой помощи. Во всяком случае государство помогает им очень и очень немного. За этот промежуток времени, когда государство боролось с голодом, оно прибегало к усилению общественного питания, с одной стороны, и главным образом оно предпочитало те меры, которые предпринимались к засеву полей. Наконец, государство стремилось вывести часть населения из захваченных голодом местностей. Надо сказать, что само население, еще начиная с середины лета, уже почувствовало опасность голода и само проявило огромную инициативу в борьбе с этим голодом. Ни на одну из прежних голодовок голодающее население так сильно не реагировало, как на эту голодовку. Целые тысячи и сотни тысяч людей еще заблаговременно, затепо снимались со своих мест со скарбом, скотом, на лошадях, на водах, покрывали телеги покрывками и со всей своей семьей отправлялись, вероятно, в более длинное путешествие, чем путешествие евреев из Египта в

Палестину, ибо из Бузулукского уезда на Украину эти обозы тянулись целыми неделями и месяцами. Это уже показывает, насколько само население слабо надеялось, что сможет справиться местными средствами с этим голодом. И общее число переселившихся самостоятельно и тех, которые были перевезены государственными органами, я думаю, не меньше чем миллион с четвертью человек. Всего перевезено нами зарегистрированных 650.000 чел. до 1-го декабря. Несомненно перевезенных гораздо больше, ибо все-таки наша регистрация не охватывает всех полностью и огромное количество людей проскальзывает так. Если к этому прибавить самовольно уехавших, то сумма 1.200.000 чел. скорее будет преуменьшенной, чем преувеличенной. Разумеется, главная причина проявления столь большой инициативы населением, когда целые 500.000 человек — буквально переселение народов — могут переехать. Это то, что в наших деревнях появились красноармейцы, осмотревшие огромные пространства, которых не пугали эти пространства, которые собственными ногами исколесили всю Республику из конца в конец по тысяче верст, и поэтому они заражали голодающую деревню стремлением выйти из оброчей или из черты голода, и деревня, вероятно всего, под их воздействием подымалась. Разумеется, товарищи, как бы правительство ни напрягало свои усилия, по существу, наши ресурсы в высшей степени невелики, хотя, если мы оценим в золотой валюте ту помощь, которую дает правительство или которая выдана из государственных органов голодающим крестьянам, она в общем оценится с небольшим 100.000.000 рублей золотом. Конечно, это сравнительно очень и очень небольшая сумма, но если вы сравните эту сумму с тем бюджетом, на который в настоящий момент живет Советская Республика, то, вы, товарищи, сами поймете невероятную огромность, тяжесть этой суммы для государственных ресурсов. И в соответствии с этим существенно увеличить, как бы ни напрягалось государство, существенно увеличить эту помощь вряд ли можем. Главной задачей ЦК Помгол является не то, чтобы самой организовывать борьбу с голодом, а главным образом настраивать, подталкивать, наставлять каждый государственный орган, в особенности экономические Комиссариаты большую часть своих средств уделять голодающим местам. И в этом отношении ЦК Помгол проделана огромная работа. Я не буду здесь приводить цифры, но если мы посмотрим расходы наших Комиссариатов на голодающие места, предположим в августе, и если мы возьмем расходы этих Комиссариатов в ноябре, то эти расходы увеличились минимум раз в 50 по сравнению. Эти расходы из месяца в месяц увеличиваются и увеличиваются. Разумеется, товарищи, для того, чтобы Комиссариат заставить перестроить свой план, заставить известную часть своих ресурсов, уже завязших в той или другой благополучной области, вытащить, освободить из благополучных областей и передвинуть их в голодающие, потребуется огромная работа и в соответствии с этим Комиссариаты идут на это с большими трудностями, но идут. И большой нажим и их собственное сознание необходимости помощи голодающим заставляют их производить эту работу.

В соответствии с этим, как только мы учли, что одними государственными ресурсами мы не в силах справиться с огромным бедствием, которое

обрушилось на нас, мы обратились к помощи самого населения. Помощь населения выразилась в следующих суммах: до 10 декабря всего хлебных продуктов собрано 1.800.000 пудов, прочих продуктов 600.000 пудов и денег приблизительно 450.000 золотом. К 21 декабря всего поступило хлебных продуктов 2 милл. пудов и 600.000 пудов остальных продуктов. Разумеется, пока эти суммы незначительны, а если их взять по размерам голода, то они буквально мизерны. Но, товарищи, никогда и никто ни в одну голодовку, так называемые, русское общество не собирало такого количества, или, во всяком случае, не несло столько помощи, сколько уделили рабочие и крестьяне в настоящий момент. Самое ценное, что мы можем наблюдать в этой помощи, это систематическое увеличение этой помощи. Я прочту вам цифры этой помощи по месяцам и вы увидите, как хотя и не столь сильно, но систематически увеличивается эта помощь. С июля по сентябрь включительно, собрано 280.000 пуд. хлеба, в октябре, в одном октябре, 400.000 пудов, в ноябре около 600.000 пуд., декабрь около 800.000 пудов. Вы видите, товарищи, как из месяца в месяц повышается помощь, собираемая добровольно рабочими и крестьянами. С 200.000 пуд. июнь—сентябрь она поднялась до 800.000 пуд. в декабре. Если мы будем разбирать эти сборы по губерниям, то они характеризуются следующими местными особенностями. Есть губернии, которые в среднем собрали около 20.000 пуд.—это губернии северные, где аппарат сравнительно еще слаб. Типичной такой губернией может считаться Новгородская губерния. Следующие губернии, где сборы питательных продуктов простираются до 50.000 пуд. Типичной такой губернией является Орловская. Я прочту вам несколько цифр, которые будут характерны для таких губерний: ржи—28.000, овса—9.000, зерна смеси—1.000, ячменя, чечевицы и муки—40.000 и прочих продуктов наберется около 40—45.000 пудов. Работа этих губерний еще слаба. Хотя они и пишут, что повели широкую кампанию, что организовался аппарат, который призывает к пожертвованиям и пр. и пр., но все-таки в общем и целом можно сказать, что они слабо провели свою работу, что эту работу можно вдвое и втрое усилить. Если к крестьянскому населению подойти умело, если заставить все крестьянское население и собирать и отвозить голодающим, чтобы они сами собственными глазами видели муки голода, то почти не подлежит никакому сомнению, что эти сборы произвести возможно. У меня в руках находится удивительный по своей краткости отчет Курской губернии, которая не отличалась особенной лояльностью, она была лояльна по отношению к Советской власти столько же, сколько и все остальные губернии. Она не отличается особыми качествами советского аппарата. Это—средняя губерния во всех отношениях. И вот весь доклад ее говорит о том удивительном внимании, о той серьезности, с какой подошли местные работники к борьбе с голодом. Они пишут, что они использовали театры, концерты, митинги и производят учет сборов в пользу голодающих. Ими были устроены воскресники, субботники и т. д. Вся плата переводилась на деньги, на которые и покупались продукты. Не говоря уже о том, что при каждом поступлении продналога ими производилось известное отчисление в пользу голодающих, собранный в Курске Съезд Советов провел обложение на всех крестьян и кроме того там были крестьянские конференции, например, крестьянская конференция одного из уездов, которые обложили каждую душу по $\frac{1}{8}$ хлеба, начиная с

7 ноября вплоть до нового урожая. Нет ни одной губернии, где бы было проведено обложение по $\frac{1}{8}$ хлеба с души ежедневно с 7 ноября, т.-е. с начала борьбы. И результаты этой губернии, по сравнению с другими губерниями, и не только с губерниями, а даже с целыми республиками, весьма выгодно выделяются и должны быть примером для всех других. Достаточно привести вам следующее сообщение. По нарядам ЦК из Курской губернии вывезено не менее 200 вагонов, осталось около 300 вагонов; значит, одна Курская губерния, которая еще полностью не выполнила продналога, собрала 500 тыс. пуд. Я не беру при этом других сборов, которых проведено огромное количество. Я их не принимаю во внимание. Но одна сумма поступления основного сбора доказывает, что губерния могла собрать 500.000 пуд. и, несомненно, этот сбор еще не окончился, ибо регулярные поступления идут. И можно смело сказать, что они дойдут до одного миллиона пудов. Это в высшей степени существенная помощь и, мне кажется, нам следует эту губернию отметить, для того, чтобы пример Курской губернии служил заразительным для остальных губерний, участвующих в помощи голодающим.

Из независимых Советских республик я хотел здесь отметить одну самую маленькую, это—Белорусскую республику, которая по своей величине, вероятно, меньше многих наших губерний. Из того отчета, который здесь перед нами лежит, чувствуется, что наша комиссия глубоко связана с белорусскими массами и помощь, которая приносится белорусским народом нашим голодающим, выражается помимо тех продуктов, которые собраны нами, еще в большом количестве разных мелких вещей, показывающих, что к делу помощи привлечены кустари и прочее население. Я вижу в числе собранных вещей, например, ухваты, ложки, боронные зубья, ободья, гужи, шкворные заслонки и проч. Когда я просматриваю перечень этих предметов из Белорусской Республики, я вижу, что они развели широкую работу среди населения и не только помогали, но на почве голода связали теснейшими узами белорусское население с русским голодающим населением и тем самым на живой практике заложили фундамент истинного братства.

Помимо помощи, которая собиралась внутри советских республик, мы получили пожертвования и из-за границы. Все, оттуда полученное до 13-го декабря, выражалось в 2.380.000 пуд. Разумеется, здесь не все хлеб, здесь есть и такие продукты, как медикаменты, автомобили и проч., которые идут в пользу голодающих. Но когда я постарался выяснить более или менее точную цифру непосредственно хлебных продуктов, то получилось, что их было никак не меньше 1.600.000 пуд., а, может быть, и больше. Во всяком случае, из-за границы мы получили от рабочих, крестьян и прочих граждан, которые пришли на помощь голодающим России, свыше $1\frac{1}{2}$ милл. пуд., и по тем сведениям, которыми мы располагаем, около 4 милл. рублей золотом. Возможно, однако, что часть из этих 4 милл. уже вложена в те продукты питания, которое ввезено в Советскую Республику, ибо трудно подсчитать, какие израсходованы средства и какие нет. Вот, товарищи, та реальная помощь, которая дана нашему голодающему населению. Я привел основные и главные цифры и те важнейшие мероприятия, которые помогают голодающему населению; я не стремился рисовать отдельные ужасные картины го-

года. Я думаю, что каждый желающий представить себе эти картины, может взять описание наших голодовок, мастерски сделанное лучшими русскими художниками, как напр., Короленко и Толстой, с тем, однако, добавлением—как я уже сказал в самом начале, что настоящий голод гораздо больше отозвался на населении, чем голод 1891—1892 года. Голод настоящего года больше и по территории он больше и по своей разрушительности, ибо температура засухи настоящего года куда больше, чем в 1891 году. Та общая неурожайность, которую мы имеем в нынешнем году, несравненно выше, чем в 1891 г. и, наконец, само население куда менее стойко, чем оно было тогда. Наше хозяйство, особенно в этих местах, на юго-востоке России—почти всегда есть картежная игра. Я знал целый ряд хозяев, крупных помещиков Саратовской и Самарской губ., в особенности в их восточных уездах, и эти хозяева всегда имели про запас семена на два года на случай, если краду пойдут два неурожайных года. Если урожайный год, то хозяин, имея чрезвычайно дешевый киргизский труд, получает баснословные барыши, собирая с десятины по 100 пуд. Но на будущий год он может ничего не получить. В соответствии с этим крестьяне, привыкшие к опасностям, несомненно, прятали известную часть хлеба в запас. В настоящем году, разумеется, ни о каком запасе речи не могло быть. В этом отношении, с одной стороны, позаботился фронт, который приходил несколько раз по этим местам, затем 1920 год, который был неурожайным, и, наконец, 1921 г., который добил эти губернии до конца. Рисовать сейчас здесь картины тех мук голода, которые там испытываются—нет надобности. Я не сомневаюсь, что в этом деле есть много людей старой революционной гвардии, которая знает, что значит голод, которая при борьбе с царизмом иногда по целым неделям в виде протеста вела голодовки. Поэтому на этой стороне вопроса, на непосредственных муках голода, который переносит население там, я останавливаться не буду, а укажу только на то, что голод Поволжья является бедствием для всего нашего организма; он отражается на производительности Московских фабрик и учреждений. Мы понимаем, что до тех пор, пока Самарский и Саратовский мужик не будет накормлен, ни о каком существенном экономическом успехе, разумеется, не может быть и речи. Поэтому мы рассматриваем борьбу с голодом, как одно из звеньев всей нашей экономической программы. Это одно из препятствий, которое мешает дальнейшему развитию, дальнейшему преуспеянию всего нашего хозяйства. Разумеется, когда хотя бы одна часть организма разрушена, это сказывается на всем организме. В настоящее время огромная часть—и одна из лучших—нашего организма поражена, и естественно, что это должно чувствоваться на всем организме. Вот почему мы должны дать не только излишки для этого больного места, но отдать даже часть своей крови на его излечение. Я думаю, что напоминать об этом излишне. Слишком это понятно каждому из нас.

Товарищи, 4 месяца мы работаем по борьбе с голодом, трудно подвести еще итог этой работе, но только что оглашенные мною цифры показывают, что с каждым месяцем все большая и большая народная толща как рабочих, так и крестьянских масс начинает принимать участие в борьбе с голодом. Можно смело сказать, что рабочие массы организационно почти уже охвачены.

Можно смело сказать, что большая часть рабочего класса уже приступила к регулярной и постоянной помощи голодающим; помощь со стороны рабочего класса увеличивается и увеличивается систематично и организованно путем лучшего использования средств, собираемых рабочим классом, который сам испытывал муки голода, и идет организованно впереди всех остальных группировок населения. Наконец, я должен подчеркнуть, что еще одна социальная группа проявила огромную инициативу в деле помощи голодающим— это наша Красная Армия. Я здесь не буду останавливаться на работе Красной Армии. У меня имеется огромный отчет колоссальнейшей работы, которую выполнила наша Красная Армия в борьбе с голодом. Организация Красной Армии для борьбы с голодом возникла даже ранее соответствующих губернских организаций. Мы видели результаты работ Красной Армии в виде вагонов хлеба, отправляемых в голодающие местности. Я думаю, что в прениях представители Красной Армии обрисуют ту огромную работу, которую проделала наша Красная Армия.

Наконец, товарищи, наша главная и основная задача—охватить организационно наше крестьянство. Как бы эти группы населения, т.-е. рабочий класс и наша Красная Армия, систематически, изо дня в день не отрывали от своего не столь богатого пайка для помощи голодающим, все-таки их помощь будет слишком мала. Мы должны организационно охватить наше крестьянство, добиться того, чтобы оно пришло на помощь. Я думаю, что можно этого добиться не строгими государственными мерами принуждения, а нужно умело подойти к крестьянству и организационно его охватить. Товарищи, эта задача стоит перед местной властью, и результат ее работы будет показывать величину ее влияния на крестьянскую массу, на ее способность подойти к крестьянским массам. Если местная власть энергично подойдет к вопросу организации крестьянства, у него выявится желание помогать голодающим. Охватить эти крестьянские массы—это одна из труднейших задач. И если отдельные места не справятся с этой задачей, это будет характеризовать слабость и неумение местной власти подойти к крестьянскому населению. И если мы сумеем охватить организационно крестьянство,—а охватить его, несомненно, надо,—то мы на почве помощи голодающему населению свяжем крестьян Севера России с крестьянством Юга и Юго-Востока. От этого кругозор крестьянина, который раньше дальше своего прихода ничего не видел, расширится. Получая помощь из рук Новгородского крестьянина, чуваш расширяет свой кругозор до пределов всей Российской Советской Республики. Это—лучшее воспитание, какое только может быть дано Советской властью, это—лучшая прививка государственности для мелко-буржуазной среды, которая с большим трудом возвышается до понимания тех или иных государственных вопросов.

Итак, товарищи, все стремления работников по голоду после недавно происшедшего съезда представителей губернских комиссий помощи голодающим сводились к тому, чтобы сделать помощь постоянной. Еще Лев Толстой, когда он помогал, кажется, в 1908 году голодающим, в одном из писем писал: «Что меня беспокоит, так это—то, не напрасно ли я помогаю тому населению, которое я кормлю. Я кормлю сейчас несколько деревень, но у

меня не хватает материальных средств, чтобы их прокормить до июня, до нового урожая. Если я их буду кормить до апреля, то в апреле они помрут, и вся моя работа будет бесцельна и пропадет даром. Не все ли равно тому, кому предопределена самая тяжкая голодная смерть, помирать в марте или в апреле месяце. «И в соответствии с этим,—говорит он,—основная задача, когда вы беретесь прокормить население, когда вы берете его на свое иждивение, на свои плечи, заключается в том, что вы должны ее довести до конца». Это вопрос—самый коренной, самый основной, чтобы наша помощь была постоянной, чтобы она была регулярна и чтобы помощь голодающему населению мы могли дотянуть до нового урожая. Только тогда может иметь смысл вся та помощь, которую мы оказываем. Поэтому с'езд комиссий Помгола на этом вопросе особенно долго останавливался. Этот вопрос должен быть краеугольным, основным вопросом для всех работающих на местах. Помощь временная, хотя, быть может, с внешней стороны эффектная, будет иметь меньше значения, чем помощь не столь эффектная, но когда она идет постоянно, настойчиво и регулярно.

Я бы, товарищи, хотел отметить еще один момент—в помощи, получаемой нами из-за границы. Мы имеем из-за границы помощь от различных организаций. Помощь всех этих организаций характеризуется стремлением облегчить страдания голодающего человека. Иной характер носит лишь помощь Рабочего Комитета при Коминтерне, который выдвигает совершенно новые формы помощи и совершенно новое понимание этой помощи. Я читал сейчас план той практической работы, которую этот Комитет стремится проводить на местах. Что говорит этот материал? В Зальцмановском округе предполагается провести мелиоративные работы на те деньги, которые собираются, главным образом, германскими и другими рабочими. Их представители, приехавшие с хлебом и с целым рядом других подсобных материалов, этот хлеб не распределяют в голодных местах, не дают просто голодающим, а устривают целый ряд мелиоративных работ около Волги, как, напр., посадки ив и других деревьев. В этих местах, у Волги особенно, идет большая борьба с песками, которые засыпают огромные пространства. Как немцы, они стараются эти средства использовать для борьбы с теми бедствиями, которые обрушиваются на население. Чем характеризуется эта работа, в чем разница этой работы от всех остальных работ? Разница, товарищи, в том, что сознательная часть пролетариата, которая теперь собрала сумму большую, чем все остальные рабочие организации, она борьбу с голодом признает своей собственной работой. Она признает, что борьба с голодом, заключающаяся в одном только том, чтобы накормить население, это еще не работа; что основная работа заключается в том, что борьбу нужно довести до момента, когда голод перешел бы в область предания, нужно открыть коренную борьбу с голодом, и поэтому те средства, которые они получают, они употребляют на восстановление, если так можно выразиться, советского хозяйства. Хозяйство Советской Республики их кровно интересует, они его признают собственным хозяйством. Они, по существу говоря, приобщаются к организму Советской Республики. Мы не можем не ощущать мук голода, которые испытывает крестьянское население голодающих губерний, ибо мы являемся одним государственным организмом. Их муки экономически отзываются на нас. Товарищи, те приемы, те подходы, все те

виды помощи, которые применяет сейчас «Комитет рабочей помощи», характеризует, что эта помощь идет от наших братьев, от пролетариата, от той части пролетариата, которая целиком солидаризируется с нами, которая помощь голодающим считает помощью своей, которая восстановление хозяйства в Советской Республике считает своим делом, которая победы в Российской Республике считает своими. Я думаю, что этот, несомненно, непродуманный факт, а выдвинутый прямо самой жизнью, показывает, товарищи, насколько солидарность рабочего класса велика, и что самый факт существования Советской Республики выдвигает целый ряд новых форм этой практической солидарности, которая будет понятна не только рабочим, но и каждому крестьянину. Скажем, крестьянин Челябинской губернии, где будет работать рабочий Комитет при Коминтерне, крестьянин Казанской губернии, наконец, крестьянин коммуны немцев Поволжья, когда они собственными глазами увидят, что приехали «немцы» спасти их от голода и вместе с ними участвуют в организации по борьбе со стихийным бедствием, тогда, товарищи, лучшего способа солидарности, лучших форм проявления этой солидарности, нельзя и придумать. В заключение скажу несколько слов. Несомненно, в той работе, которая была произведена как центральной, так и местными комиссиями по борьбе с голодом, в этой работе было проделано огромное количество всевозможных частных ошибок. Я думаю, что Съезд укажет на эти ошибки. Но вместе с тем, указывая на целый ряд ошибок и дефектов, произведенных практическими деятелями и организациями по борьбе с голодом, я не сомневаюсь, что 9-й Съезд Советов окажет могучую поддержку организациям по борьбе с голодом и еще более могучую поддержку голодающему населению. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово по докладу т. Калинина предоставляется т. Сосновскому.

Сосновский. Товарищи, доклад т. Калинина напомнил нам те доклады на предыдущих Съездах Советов, которые касались положения наших фронтов и особенно в такой момент, когда на этих фронтах положение было угрожающим. Тогда Съезды Советов и другие ответственные собрания чувствовали, переживали вместе с докладчиком самую серьезную тревогу. И мне представляется, несмотря на то, что в первом вчерашнем заседании говорилось об отсутствии фронтов, что доклад т. Калинина должен был напомнить, что фронт имеется. И, товарищи, на этом фронте, в качестве наших противников, мы встречаем тех же самых, каких мы встречали перед Красной Армией. Но только они выступили в другом обличии. Тогда, когда они выступали против Красной Армии, на фронтах, вооруженные, тогда им не приходило в голову говорить, что они помогают русскому народу. Теперь те же самые противники выступают также против нас, наносят еще более тяжелые урны нашему трудовому населению, но они имеют при этом возможность называть себя спасителями и благодетелями. Тов. Калинин указывал здесь вам размеры помощи, которую мы получали извне и изнутри страны. Съезд должен был особенно внимательно вслушаться в эти факты и цифры и перенести их туда, на места. Недавно мы получили письмо из одной деревушки Симбирской губернии, из наиболее голодного района этой губернии, объявленной в числе голодающих, письмо, в котором деревенский корреспондент рассказывает, как протекают жуткие вечера и ночи в голодной деревне. Он рассказывает, как на огонек

единственной освещенной хаты приходит учитель со свежим номером газеты из столицы и как он вычитывает собравшимся крестьянам факты из области помощи голодающим. Как этот учитель читает, что вот рабочие такого-то завода из своего заработка отчислили столько-то, что они собрали из своих пайков такое-то количество пудов, что красноармеец, который знает, что он далеко не так хорошо обставлен, что он сам стоит на грани голода, что этот красноармеец от своего скудного пайка отрывает копейку, фунт, золотник и отправляет голодающим братьям. И этот корреспондент пишет, что эти заметки, эти маленькие скромные факты наполняют сердца голодающих крестьян надеждой и благодарностью к своим братьям, которые ближе всех познаются именно в пищете. Но когда рядом с этим фактом та же газета приносит сведения, что, скажем, в Москве торговцы Рогожского района собрали три пятиалтынных и несколько пудов капусты, тогда в сердцах этих крестьян загорается непримиримая ненависть, смертельная ненависть к тем, которые в такой момент, в такой жуткий для народа момент, оказались его врагами и нашли в себе наглость издеваться над ними, вместо того, чтобы уйти в сторону со своими тремя пятиалтынными.

Но если бы русский народ знал лучше, как другие торговцы сейчас торгуют его судьбой, его жизнью, если бы русские крестьяне знали бы всю правду о, так называемой, заграничной помощи голодающему крестьянству, то не хватило бы у них нервов, им не хватило бы слов, чтобы выразить свои подлинные чувства. Я бы хотел, чтобы Всероссийский Съезд Советов, насчитывающий до 2.000 делегатов со всех концов страны, развеял бы по всем уголкам эту правду о том, кто и как нам помогает, ибо, Россия, сейчас слаба, Россия сейчас изнурена, истощена, но не век она будет такой, и нужно, чтобы врезалось в сердце крестьянства, чтобы оно вспомнило на завтрашний день, кто и как отнесся к нему в эти жуткие ужасные дни великой нужды. (А плоды севента). Вот выдержка из руководящей газеты французской буржуазии, газеты «Тан» («Время»), которая пишет: «Финансовая помощь диктаторам Кремля ни в коем случае не облегчит громадной нужды русского народа и лишь усилит власть советов и еще более укрепит ярмо народов, которые хотелось бы спасти». Какие народы хотелось бы спасти, какие такие народы, — это графы Бобринские, князья Долгоруковы, купцы Рябушинские, которые попали под ярмо Советской власти и которых они хотели спасти. В этом французская буржуазия права, она помогает этим графам и князьям, когда затягивает петлю голода на шею русского народа. Затем, далее, сюда же относится всем вам известное, решение французской и международной буржуазии организовать комитет для посылки его в Россию, для обследования, действительно ли нуждается в помощи русский народ, и то (изумительно по наглости постановление), что во главе этих обследователей решено было послать гражданина Нуланса, самого отъявленного врага русского народа, являвшегося организатором белогвардейских заговоров и восстаний в самом начале существования Советской власти. Но когда, под давлением симпатии со стороны рабочего класса, когда под давлением начинающегося проявляться общественного мнения трудящихся, на этой позиции невозможно было остановиться, то господа, французские буржуа, в своем парламенте ассигновали 6 милл. франков на помощь голодающему крестьянству.

Но только вчера в наших газетах была напечатана телеграмма, в которой сообщалось, что наш т. Кашен, французский коммунист, пишет: «Оказывается, это только на бумаге, эти 6 милл. никому не переданы, никому не поручено ни закупать, ни отправлять, ни вывозить, что это является отпиской перед лицом французских рабочих и крестьян». Вот эта бумажная ассигновка в 6 милл. франков, которых мы не видели и русский крестьянин не видел. Мы знаем и другие факты подобного же рода. Я не буду говорить о многих из них. Но передо мной лежит один заграничный журнал не коммуниста, не социалиста, напротив, самого крайнего черносотенца, одного графа из воинствующих империалистов, и он разоблачает, что даже тогда, когда из его страны отправлялась миссия Красного Креста с медикаментами и т. п., то на самом деле они занимались у нас в России скупкой кожи, мехов, бриллиантов и вывозом их, при чем делали это до такой степени нагло, что, пишет этот граф, должна была вмешаться ЧК. Вот как оказывает часто буржуазия помощь голодающим.

Тов. Калинин оглашал цифры, в каких выражается эта помощь. Если я не ошибся, он упоминал 86 миллионов рублей золотом, включая и то, что ассигновано американским правительством. Но, товарищи, здесь имеются данные, которые позволяют оценить эту сумму. Еще несколько месяцев тому назад в английском парламенте депутат Веджвуд говорил, что если бы английское правительство ассигновало хотя бы половину тех сумм, которые она развела по ветру, оказывая помощь Деникину и Колчаку, то в России не было бы ни одного случая голодной смерти. Оказывается, все буржуазные правительства и организации ассигновали приблизительно 86 милл. золотых рублей, считая и такие ассигновки, как французская, которая лежит в кармане у французских буржуа. Но рядом с этим на содержание только оккупационной армии в Германии с ноября 1918 г., до апреля 1921 года израсходовано три миллиарда шестьсот тридцать девять миллионов марок золотом и из них на долю Франции приходится два миллиарда триста четыре миллиона. Это только на содержание оккупационной армии, которая находилась в неподвижном состоянии на германской территории. Сколько же было израсходовано на армии Деникина, Колчака, Врангеля и северного правительства, которые не стояли в неподвижном состоянии, а двигались, опустошая и разрушая страну? Американское правительство затрачивает сейчас, по моим сведениям, на содержание ребенка в учреждениях, которые они здесь содержат, около одного доллара в день. Но то же самое американское правительство на содержание одного солдата в белогвардейских армиях тратило 4½ доллара в день и эти доллары приносили смерть и опустошение русскому народу. Таких цифр можно было бы привести сколько угодно и все эти цифры говорят об одном. Когда нужно идти против русского народа, находятся неисчислимые миллиарды рублей. Когда нужно помогать, то с величайшим хладнокровием, с истинно дьявольским спокойствием они высчитывают, когда смерть будет гулять в России неограниченным властелином. И не мудрено ли, что не коммунист, не социалист, стоящий в стороне от политики, всемирный знаменитый ученый, путешественник Нансен, не мудрено, что он, вышедший из их рядов, не выдержал, столкнувшись с этим ужасающим, поистине сатанинским замыслом, умерить и быть хладнокровным свидетелем гибели десятков тысяч и миллионов

людей. Он, который видел северный полюс, видел вечные льды, был в атмосфере настоящих холодов, даже он не выдержал и, вернувшись с мест голода, на Брюссельской и др. конференциях заговорил языком самого пламенного агитатора и бросил в лицо этим расчетливым растовщикам именно то, что мы думали, и то, что сказали бы мы, если бы были на этих конференциях. (А п л о д и с м е н т ы). Все наше презрение, всю нашу ненависть к хищникам, издевающимся над несчастьем и страданием великого народа, выразил этот благородный человек, деятель и мыслитель, которого не забудет, конечно, никогда русский народ и в лучшие свои моменты. (А п л о д и с м е н т ы).

Товарищи, я не буду умножать фактов этого рода. Добавлю только еще два. В помощи участвуют также различные рабочие организации. Коммунистический Интернационал и примыкающие к нему организации еще молодые, состоящие из наиболее гонимых рабочих, из тех, которые подвергаются лишениям и безработице. Этот Коммунистический Интернационал собрал и доставил свыше 300 тыс. пуд. продовольствия. Амстердамский Интернационал профсоюзов, имеющий в числе своих членов громадные, по крайней мере на бумаге, миллионные массы членов, располагающих большими кассами, накопленными в мирные времена развития профсоюзов, он на словах ассигновал какую-то определенную сумму, из которой только сейчас, не торопясь, поступают первые пожертвования и сборы. Между тем, когда им нужно, они кричат рядом с буржуазией о своей мощи и о том, что они—испытанные, грациозные организации. Товарищи, все то тяжелое, неизмеримо трудное, что приходится переживать теперь русскому народу, все это мы должны неизменно помнить. И когда соберется ближайшая международная конференция, та, о которой вчера говорил т. Ленин, указывая мимоходом, что на этой конференции мы, со своей стороны, можем предъявить наши контр-претензии и контр-счета, одной из граф в наших счетах будет тяжелая претензия—отношение к России этих стран, в которых, как напр., в Америке и в Аргентине, не знают, куда деваться с хлебом, обращая его в топливо. Эти факты мы будем помнить долго при всех наших сношениях, при всяких наших сделках на будущее время. Я бы просил вас разнести во все уголки необъятной страны эти факты и довести их до сведения каждого русского крестьянина, особенно в голодающих губерниях.

Антонов-Овсенко. Товарищи, из самой сердцевины голодного Поволжья—из Самары—я принес к вам голос страданий сотен тысяч и миллионов людей. Но вместе с тем и прежде всего, исполняя волю, которая многократными собраниями этих граждан была выявлена, я приношу вам горячую сердечную благодарность за ту помощь, которую оказали вы, курыне, туляки, орловцы, рязанцы и многие другие, которые в прошлом году сами голодали и сейчас, может быть, из последнего оказывают эту помощь. Приношу благодарность Красной Армии, которая первая отозвалась на наше бедствие. Горючее вам всем спасибо, земная благодарность от имени изнемогающих людей.

Товарищи, с какой великой, ожившей надеждой, с какой радостью крестьяне Поволжья получили братской рукой протянутые им семена для обсеменения озимых полей. Истощенные, исхудалые, на своих истощенных лошаденках они совершали пахоту на своих полях. По нашей одной губернии за-

сеяно этими озимыми семенами 1.600 тыс. десятин и 80 тыс. десятин поднято на зыбь. В надежде на вас, они обсеменяли свои поля и поднимали эти земли. Но эта надежда гаснет, эта радость умирает, потому что помощь, оказываемая голодным, недостаточно велика перед огромностью бедствия. Миллионы людей голодают и это не простое слово о недоедании,—это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мерзлую землю, что они сходят с ума от постигнутого их бедствия. Тов. Калинин говорил вам о великом устремлении из голодных местностей. Это была безумная паника, охватившая сотни тысяч людей. По дорогам трупы отметили это шествие. Мало кто добрался до мест урожая, очень многие погибли в пути. По нашей одной Самарской губ. сейчас голодает больше 1 милл. 800 тыс. человек. Какая же им помощь оказывается сейчас? Оказывается помощь американцами, но она ничтожна, она ведется только для детей. Вот она, американская помощь, эта американская благотворительность, которая приносится со всемирной шумихой. Где миллионы людей умирают, она является лишь ничтожной каплей изнуренному от жажды населению. У нас сейчас до миллиона людей нуждается в помощи. Кормятся около 200.000 детей. Но и за эту помощь они взялись не сразу. Сколько торгов и переторжек было выдержано, сколько попыток было поставить вне контроля Советской власти. Сколько было попыток поставить эту помощь под непосредственное распоряжение хищников рабочего и крестьянского люда. А сейчас руководят этой помощью попы и далекие от населения люди, которые норовят прокормить только своих близких людей. И эта помощь, которая выражается, примерно, в одной тысяче питательных единиц, эта помощь треть того, что надо даже ребенку. Эта помощь падает редкими каплями в пересохшие уста. Всего по некоторым уездам мы видим, что каких-нибудь 9—10% нуждающихся кормятся, детей, правда, несколько больше, при той поддержке, которую оказывают трудящиеся всей России. Мы думаем, что к началу января мы в состоянии будем прокормить до половины голодных детей; при поддержке, которую мы ощущаем, мы в состоянии будем прокормить и до $\frac{1}{2}$ голодного взрослого населения. А все остальное население? Все остальное население должно будет умирать в ожидании той помощи, которая не приходит, о которой только раздаются пышные речи за границей. Кроме того, что дают рабочие из своего скудного заработка, ничего нет, а до весны, до новых хлебов остается 7 месяцев. В течение этого времени люди должны будут умирать.

Вот у нас в одном из самых благополучных уездов — Бугурусланском, который когда-то давал десятки тысяч милл пуд., в Бугурусланском уезде из 50 волостей сейчас не меньше 21 волости буквально вымирает. В волостях Матвеевской, Волоскинской, Юртовской 15 тыс. людей остаются без всякой помощи, не получая ее ни от нас, ни от АРА. 15 тыс. людей умирает постепенно с голода. Но Ставропольскому уезду всего населения около 120—180 тыс. и всего по нашим исчислениям не более 10% (я не ошибаюсь, я называю точную цифру) могут протянуть до нового урожая собственными средствами, а 90% уже голодает, ибо из 12 волостей мы имеем только 4 волости, которые расположены около Волги, которые смогли собрать хотя бы некоторое количество трав, и травой люди жили последние два месяца. Но и трава сейчас кончается. Скот, которого было порядочное число, сейчас на 45% сокра-

тился. Конечно, никаким образом нельзя будет дотянуть до весны, если не будет оказана соответствующая помощь. В Мелекесском уезде (богатый уезд, который когда то снабжал Красную Армию) на 50% уменьшился рабочий скот, все население сплошь голодает. По Самарскому уезду уменьшение примерно такое же. Когда мы подходим к количеству голодных смертей и заболеваний от голода, то мы видим, что с июля к октябрю было заболеваний от голода, лежало опухших людей—20.773, голодных смертей—3.214. Пусть в воображении всех встанут эти цифры. Пусть встанут эти цифры перед глазами проклятой буржуазии и будут стоять как напоминание, что когда-нибудь мы сведем с нею свои затаившиеся счета. По Красноярской волости за последние три месяца умерло от голода—в сентябре 80, в октябре 120, в ноябре 150. Медленно, но неуклонно растут эти цифры умирающих от голода. В декабре, конечно, цифра эта, выростая с каждым днем, превзойдет все вероятности.

Вот предо мной описание того, что великий благородный человек, приехавший в нашу губернию, Нансен, видел там. Его довезли недалеко от Самары в одну из волостей Дубовый-Омет. Там более 1.500 чел., опухших от голода. В селе Кольвань умерло голодной смертью 423 человека. В Дубовом-Омете умерло 145 человек за ноябрь месяц. Из 4.000 лошадей осталось 125. Когда Нансен там побывал и через переводчиков говорил с крестьянами, то женщины бросались ему в ноги, показывали своих истощенных детей и просили о помощи. И тогда заплакал этот человек, который не плакал перед лицом смертельных опасностей, который привык видеть смерть в глаза и не дрожать перед нею. Он содрогнулся, вернулся и не поехал дальше, потому что, вложив персты в самую язву, он получил на всю жизнь самое тяжелое испытание и унесет самое тяжелое воспоминание о том, как допущена была смерть крестьян-тружеников, которые своим потом поливали эту землю—землю своих отцов. В Бузулукском уезде 75% голодных, убыль скота—50%. 28 волостей из 56, голодают до крайних пределов. В Рамышниковской волости люди поедают трупы. Там опасно хоронить на глазах других людей; надо караул ставить, пока не разложатся трупы. Положение уезда с каждым днем ухудшается. Смертность детей еженедельно до 140 по уезду. В каждом селе от 5 до 10 детей умирает еженедельно. Получен протокол Усминского волисполкома: и там трупоедство. Умершего 11-летнего мальчика гражданка изрубила и положила в котел. Сведения о таком кошмаре получены из Андроповского района. Взрослое население, лишённое всякой помощи, доедает траву «Перекасти-поле» (это ядовитая трава, которая стоит 100 тыс. рублей пуд.).

Я пропускаю массу всяких подробностей, из которых каждая написана каплями крови крестьянской. Я только остановлюсь еще немного на двух уездах. В Пугачевском уезде насчитывалось в 1918 году более 170 тыс. лошадей, а теперь (к 11-му сентября)—41 тыс. лошадей. Раньше было 15.900 верблюдов, а теперь 2.400. Что останется до весны, когда будет трава, которой можно будет питаться? Что останется до новых хлебов? Вот цифры. Относительно голодных заболеваний мы имеем за первую половину года (ибо и 1920 год был недородный)—16.701 голодное заболевание и 1.852 смерти. А в сентябре месяце мы имеем новых заболеваний 10.923 и 4.251 голодная смерть. В октябре 11.963 голодных заболеваний и 4.382 смерти. И за все время мы

имеем 50.590 опухших от голода и 14.700 умерших. Это по 1-е ноября. Товарищи, на отдельных волостях я не останавливаюсь, они дышат тем же кошмаром. Есть сведения, как детей сносят в стени и оставляют там на смерть, как обезумевшие матери режут своих детей, чтобы они только не умирали на их глазах. Балаховский уезд дал рабочего скота из 22.000 на 1-е апреля, 11.000 на 1-е декабря. Смертей за первую половину ноября—175, за вторую—275; больных—6.081 чел. Эти районы, о которых я говорю, много дали Советской Республике, они дали хлеб, они отдали своих лучших сынов Красной Армии. Пугачевский уезд дал 3 полка, которые были гордостью нашей армии. Балаховский уезд насчитывает в одном Сулакском селе 5 начальников дивизий и 7 начальников бригад. Это славное Красное село, которое дало столько добровольцев в Красную Армию, вымирает.

Товарищи, сейчас я взываю к вам от этих местностей. Крестьянство этих местностей не высказывает ни одного укора Советской власти, оно ни на ногу не настроено против нее. С самым величайшим сознанием ответственности я заявляю, что на всех Съездах Советов, где раздавались крестьянские голоса, не было ни одного укора Советской власти. Несмотря на тяжелые условия, в которых крестьянству этих местностей приходится жить, они сознают, что наиболее благоприятными условиями для благосостояния крестьянского хозяйства являются те, которые созданы Октябрьской революцией: земля в руках крестьян, власть в руках рабочих и крестьян—вот эти условия. В одной Самарской губ., благодаря взятию земли у помещиков, площадь земли у крестьян увеличилась на 32%. Крестьяне не забудут завоеваний Октябрьской революции и последним изнемогающим голосом взывают к Советской Республике и пролетариату, который своими мозолистыми руками оказывает сильную помощь. Товарищи, спешите! Мы кричим проклятой буржуазии: твоя канюва помощь приходит слишком поздно, рассчитанно приходит поздно, чтобы прийти на смертный одр крестьян Поволжья.

Председатель Слово имеет представитель Новгородской губ.

Представитель Новгородской губернии. Товарищи! В своем докладе тов. Калинин отметил, что Новгородскую губернию можно упрекнуть за ее слабое участие в борьбе с голодом. Правда, мы работали слабо, но тем не менее те цифры, которые приведены, которые имеются в Центральной Комиссии помощи голодающим—имеются в нашей губернской комиссии в 2 раза большими. Мы все же равнялись на серединку. Тов. Калинин заявил, что мы собрали не свыше 20 вагонов. Мы официально заявляем, что первая отправка еще до объявления сбора помощи была в числе 20 вагонов в Сибирскую губ. и дополнительно было отправлено еще 6 вагонов, последняя отправка—10 вагонов. Правда, если мы технически отстали, то мы подтверждаем, что это еще не все то, что могла дать Новгородская губ. Тем не менее, если учесть ее территорию, то она и не может равняться по Курской г., ибо население Новгородской губ. насчитывает всего 900.000 жителей. Отсюда мы считаем, что все-таки не плетемся в хвосте, но, слыша вопиющие возгласы, мы постараемся усилить и напрячь наше внимание, чтобы не только не плестись в хвосте, не равняться даже на середину, а равняться по головным губерниям.

Председатель. Слово имеет тов. Ярославский.

Ярославский. Товарищи, Сибирская делегация уполномочила меня выступить здесь с сообщением о той помощи, которая оказывается Сибирью.

Товарищи, вы все в праве спросить нас, почему Сибирь, богатая, сытая Сибирь, оказала до сих пор такую маленькую помощь голодающим Поволжья. И мы знаем, что действительно эта помощь до сих пор оказана в недостаточной степени. Вы знаете, что Сибирь выделяет огромную долю продналога. Из 39 милл. пуд. продналога Сибирь по настоящий день собрала около 25 миллионов пуд. Это больше 60%, это две трети всего. Одна Алтайская губерния из 13½ милл. пуд. продналога выполнила к настоящему дню 11 милл. пуд. То же самое, больше 80% или около того, собрала в настоящее время Томская губерния. Но тем не менее, непосредственно в деле помощи голодающим мы до сих пор сделали сравнительно мало. Мы отправили не более 100 тыс. пудов, собранных на специальные нужды голодающих. Мы приняли переселенцев и беженцев около четверти миллиона. Мы приоткрыли и приняли пришедших к нам организованным порядком около 50 тыс. детей, но еще больше приняли мы идущих неорганизованным порядком. Каждый день с Омского вокзала идут 20—30—40 детей в детские учреждения, их подбирают, им находят приют. Каждый день в Барнауле приходят 30—40—50 детей. Я сам, когда был в Иркутске, видел, как пришли 15 детей с вокзала, подобранные маленькими товарищами, которые уже устроились. Но, я должен сказать, что все-таки эта помощь совершенно ничтожная по сравнению с тем, что мы могли бы оказать. В чем же причина? Товарищи, даже тот хлеб, который мы собрали, не может дойти по назначению, потому что Сибирские дороги разрушены и разрушены как раз теми, кто лицемерно сейчас проливает слезы о том, что они не могут нам сейчас оказать настоящей помощи. Товарищи, вы знаете, какое страшное наследство получили мы от Колчака, вы знаете, какое страшное наследство получили от господства английских, французских, американских и японских миссий, которые состояли при Колчаке в Казани и в Омске. Сейчас 8 милл. пуд. хлеба лежит в Алтайской губернии, и мы не можем его вывезти, а сыпаем в колоды, сделанные из прессованного сена. Нам не начем его вывезти, ибо Колчак разрушил железные дороги. 167 мостов было им разрушено и среди них самые громадные мосты через Тобол, Иртыш и Ишим. 66 водоснабженных, около 1.000 квадратных саженей станционных зданий было разрушено. И если сейчас мы не можем вывезти оттуда хлеба, кто виноват в этом? Мы ли виноваты, или те, кто разрушал в течение 2-х лет эти дороги?

Товарищи, если сейчас переселенцы, беженцы и их дети болеют, умирают и лежат в грязи, валяются на наших холодных вокзалах под открытым небом, если они сидят по целым неделям на дорогах в нетопленных теплушках, то виноваты как раз те капиталистические правительства, которые нас ограбили, которые отняли, разрушили у нас все, и теперь говорят, что мы виновники этого голода, что мы виноваты. Эти люди, которые у нас вывезли из Казани на 650 милл. руб. золота, которые это золото переправили в банки Икогамы, Шанхая, Нью-Йорка и Лондона, эти люди думают, что, оказывая нам ничтожную помощь, они совершают великое благодеяние. На самом деле они возвращают только ничтожную часть награбленного ими. Я приведу вам маленькую выдержку из отчета колчаковского министра финансов Бурыйкина о том, куда девалось то золото, которое они вывезли из Казани, и вы увидите, какое назначение получило это золото. 1.500 пуд.

было помещено в возмещение займа, который был сделан у японцев, оказывавших помощь Колчаку, конечно, не из-за его прекрасных генеральских эпюлет. Японцы знали, за что они оказывают помощь. 3.907 пуд. получил англо-американский синдикат за военные заказы. 150 пуд. золота было истрчено на приобретение винтовок, было выдано американским фирмам Ремингтона и др. 50 милл. руб. золота было истрчено только на пулеметы Колчака. На пулеметы Колчака было не жалко истратить 50 милл., а вот помочь крестьянам, помочь умирающим детям 50 милл. долларов жалко выбросить! Им кажется, что это невыгодная сделка, невыгодное помещение капитала. И даже теперь, после этой страшной разрухи (я говорю здесь, зная, что это должно быть известно всей стране, это должно быть известно трудящимся всего мира), я здесь говорю: если даже сейчас они нас оставили бы в покое, если бы сейчас они дали нам возможность действительно спокойно работать, мы и сейчас справились бы с этим бедствием, ибо Сибирь могла бы дать в несколько раз больше того, что она дает, и она должна будет дать.

Товарищи, когда наша соседняя Дальневосточная республика сейчас со всей энергией принялась за работу с тем, чтобы нам оказать помощь, она в первое же, самое короткое время, прислала 60.000 пуд. продовольствия, а в настоящее время еще 35.000 пуд. За самое короткое время она прислала около 100.000 пуд. продовольствия, она организует санитарные поезда и т. п. И характерно, что, когда не советская, а демократическая Дальневосточная республика, признавшая частную собственность и все гарантии ее для иностранцев, когда эта Дальневосточная республика нам начинает помогать, то на Вашингтонской конференции, где обсуждают вопрос о разоружении, где говорят столько хороших мирных речей, где говорят о том, что, дескать, интересы русского народа будут ограждены, будут защищены в достаточной степени, на Вашингтонской конференции японское правительство, конечно, с ведома и согласия американского, английского и французского и, может быть, при их прямом подстрекательстве, начало поход и захватило Приморье. В это же самое время, они отрывают все силы Дальневосточной республики и лишают ее возможности оказывать нам какую бы то ни было помощь. Когда был барон Унгерн, когда он резал все население, народной революционной Монголии, вплоть до детей, тогда и Лондон, и Токио, и Париж, и Вашингтон, и Нью-Йорк,—все они благодушно молчали. Это их не тревожило ни в какой степени. Но когда мы уничтожили этого барона Унгерна, уничтожили других бандитов, когда Чугучак, Кобдо, Шарасума—все были освобождены от этих бандитов, когда монгольский народ мог начать строить новую жизнь и первым делом его была помощь Советской республике, когда, наконец, на громадной границе, установились добрососедские отношения и наши крестьяне могли спокойно пахать на монгольской границе (а монголы пасти свои стада на нашей земле), в это время начинают беспокоиться о состоянии Монголии и замышляют снова создать по всей этой монгольской границе военный фронт.

Я говорю это вам, товарищи, это должны знать все страны, трудящиеся всего мира: наша страна невероятно страдает сейчас, и эти страдания являются результатом разбойничьей деятельности, которую в течение нескольких лет ведут капиталистические страны против рабочих и крестьян

России. Мы должны сказать, что наше хозяйство разрушено, наш транспорт разрушен, они разрушены; именно, благодаря этой разбойничьей деятельности, и 9-й Съезд Советов должен сказать сибирским крестьянам, сибирским железнодорожникам и углекопам, как бы ни были тяжелы условия их существования, они должны напрячь все усилия, чтобы, даже при этих трудных условиях, весь продналог был выполнен в самое короткое время, чтобы все препятствия были преодолены, чтобы помощь Поволжье получило своевременно и, чтобы весной (а весна не за горами), крестьянин мог полной пригоршней сеять свои поля. Товарищи, я предлагаю Съезду Советов принять следующую резолюцию:

Резолюция по вопросу о голоде.

Засуха 1921 года, уничтожившая урожай в огромном районе Советской Республики, вызвала в охваченных неурожаем местностях разрушительную стихию голода. Целые губернии и области оказались выбитыми из хозяйственной колеи, а некоторые местности очутились под угрозой полного заморания. Тяжелые раны, нанесенные народному хозяйству и благополучию населения Советской Республики трехлетними белогвардейскими нападениями и внешней блокадой, послужили причиной полной неподготовленности засухливого района к предупреждению бедствия теми или иными агрикультурными мерами, а тем более к непосредственной борьбе с его грозными последствиями. Условия для этой борьбы оказались тем более тяжелыми, что Советская Республика не могла рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь из-за рубежа, находясь в кольце враждебных капиталистических государств.

Созданные Советской властью, в самом начале разразившегося бедствия, комиссии помощи голодающим могли опереться в своей работе почти исключительно на те ресурсы, которые давались внутренними источниками разоренной и истощенной республики. На помощь этим комиссиям центральная Советская власть призвала весь государственный аппарат и трудящиеся массы. Целым рядом мер и в первую голову семенной помощью для озимых посевов Советская власть оказала первую существенную помощь пострадавшим районам, укрепив вместе с тем веру в хозяйственное возрождение голодающих территорий и ослабив панический поток беженцев из-за засухливой полосы.

9-й Всероссийский Съезд Советов, ознакомившись с деятельностью комиссий помощи голодающим и с размерами той помощи, которая оказана до сих пор трудящимися массами благополучных по урожаю губерний, постановляет:

1) Довести до сведения всех рабочих, крестьян и честных граждан и всех советских учреждений, что тяжкая угроза вымирания, нависшая над местностями, охваченными засухой, не исчезла, а усиливается с каждым днем по мере истощения последних запасов не только предметов питания, но даже суррогатов их в полосе голода.

2) Поручить Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету предпринять в ударном порядке шаги к всемерному расширению и углубле-

нию работы народных комиссариатов по участию их своим аппаратом и ресурсами в борьбе с голодом.

3) Твердо забронировать из фондов Народного Комиссариата Продовольствия, намеченные для питания населения голодающего района, 12 милл. пудов продовольствия и 25 милл. пуд. семян для яровых посевов в пострадавших от неурожая местностях.

4) Поручить Центральной Комиссии помощи голодающим, в качестве первоочередной задачи, напрячь все усилия к полному и безусловному проведению в жизнь всех мер, намеченных на Всероссийском Совецании Комиссий помощи голодающим в отношении установления постоянной помощи всех поголовно трудоспособных граждан, расширения фискальных мер помощи (путем процентных отчислений с торговых и товарообменных операций, натурализации штрафов, налогов на предметы роскоши и увеселения и т. п.), и в особенности, в деле усиления помощи детям, забота о которых должна быть на первом плане.

Съезд выражает свою горячую благодарность рабочим всех стран, пришедшим на помощь голодающим губерниям Советской России. Несмотря на безработицу и тяжелое экономическое положение, в которое рабочие ряда стран поставлены систематическим наступлением капитала, пролетариат Европы и Америки своими сборами все более щедро приходит на помощь голодающему населению Поволжья.

Съезд констатирует, что трудящееся население России особенно ценит братскую поддержку мозолистых рук европейских и американских рабочих. Съезд видит в этой поддержке выражение подлинной международной солидарности трудящихся.

Съезд констатирует, что буржуазные правительства и пользующиеся до сих пор их поддержкой русские контр-революционные группировки отнеслись к тяжелому бедствию голода, охватившему часть Советской России, прежде всего, как к удобному случаю для новой попытки свержения Советской власти и контр-революционного переворота в России. В то же время, однако, влиятельные группировки торгово-промышленного мира всех стран и под их давлением правительства этих стран, отчасти, усматривали в постигшем Россию голоде благоприятный случай для завоевания в ней для себя экономически-господствующего положения.

Съезд констатирует также, что буржуазные правительства стремились, при оказании помощи голодающим России, навязывать ей условия, равносильные нарушению ее суверенных прав и несовместимые с требованиями ее внешней безопасности. Ставя на первый план, в виду тяжелых страданий голодающего населения, возможность широкого привлечения помощи из-за границы для борьбы с тяжелым народным бедствием и приветствуя в то же время развитие экономических сношений с другими странами, Съезд одобряет как заключенные с иностранными группировками договоры (Ара, Хансен), так и отпор, данный советским правительством попыткам злоупотребления голодом для нанесения вреда основным интересам республики (Нуланс).

Съезд выражает благодарность Фр. Хансену, бескорыстно прилагающему старания к получению от других государств помощи для голодающих Поволжья. Американской Администрации Помощи, развившей эту помощь в на-

в более широких размерах, и всем странам, оказавшим помощь голодающим в какой-либо форме. Съезд поручает ВЦИК, СНК и Наркоминделу продолжать прилагать все усилия для привлечения из-за границы помощи голодающим, соглашаясь при этом на уступки, совместимые с суверенными правами республики, ее внешней безопасностью и основными потребностями ее народного хозяйства».

Семашко. Товарищи, говоря о голоде и о борьбе с ним, мы должны прежде всего говорить о тех страшных спутниках, которые всегда сопровождали и будут сопровождать всякие голодовки. Эти спутники—болезни и смерть. Вы слышали здесь речь т. Овсенко, который делился с вами своими непосредственными наблюдениями из жизни и доказал, что если неурожай есть бедствие социально-экономическое, поражающее нашу промышленно-хозяйственную жизнь, то голод есть страдание социально-санитарное, поражающее прежде всего человека, его жизнь и здоровье. Если вы посмотрите на статистику развития болезней и заболеваний в любой пораженной голодом губернии, вы в точности увидите все те цифры и все те отношения, о которых говорил т. Овсенко относительно Самарской губернии. Вымирание и голодная смерть есть следствие развития эпидемий и заразных болезней. Но хуже всего то, что это вымирание и это развитие болезней и эпидемий поражает голодающее население не только в месте его голодовки, не только в родных губерниях, оно поражает также население, передвигающееся,—а это продвижение происходит теперь в массовом размере, полустихийно, в поисках лучшей жизни. Сейчас мы присутствуем с вами перед картиной, которая памятна нам еще по печальной памяти 1919 года. Тогда точно так же зараженные колчаковские войска разносили заразу по всей России и действительно разносили ее. Точно так же и теперь зараженное голодающее население лавиной разносит заразу по линии ж. д. И те из вас, которые вспоминают все ужасы, которые мы пережили в 1919 году, все ужасные последствия для всей нашей жизни, для всей Советской России,—те вместе с нами должны содрогнуться перед этими ужасами и сейчас же принять все меры против повторения этих ужасов. Мы сейчас на крупнейших станциях жел. дорог снимаем десятками трупы ежедневно и прежде всего трупы детей. Даже больше: мы сейчас уже наблюдаем, как эта зараза начинает подтачивать нашу силу, нашу опору, нашу Красную Армию. Сейчас среди эшелонов, движущихся по жел.-дорожных путям, 50% больных падает на товарищей красноармейцев. Грозное явление, развитие эпидемий по линиям жел. дорог—это явление чрезвычайно опасное; это гораздо хуже распространения эпидемий в каких-либо отдельных местах. Там мы можем ее остановить или локализовать, но здесь, когда она лавиной устремилась по всем линиям жел. дорог, мы с вами стоим перед самой серьезной опасностью заражения всей страны и повторения повального мора 1919 года.

Товарищи, вы сегодня в газетах можете прочесть постановление Совнаркома относительно мер борьбы с этой надвинувшейся опасностью. В этом постановлении вы увидите, какие практические мероприятия предлагаются Совнаркомом. Но я должен вам заявить категорически, что никогда мы не были и не будем в состоянии справиться с этими болезнями и со смертностью на-

селения, если мы только ведомственным путем подойдем к решению задачи. Здесь, как и прежде, когда мы с вами боролись в 1919 году, должна быть помощь и содействие всего населения. И я прошу вас перед лицом этой страшной опасности направлять все усилия и бросить все силы на борьбу немедленно туда, где грозит опасность. В каждом городе необходимо создать комиссии, на каждом заводе и на каждой фабрике нужно привлечь к делу комиссию по охране труда, в каждой красноармейской части надо создать особую комиссию. Когда мы все вместе объединимся и оцепимся против этой опасности, только тогда мы эту опасность действительно отразим, ибо для развития эпидемий очагов и причин у нас сейчас гораздо больше, чем в 1919 году. Голодающее население это— тот пороховой склад, который от малой искры готов взорваться и вылиться в грозный пожар эпидемии. Организованностью, выдержкой, массовым действием мы победили на всех фронтах. Организованностью, выдержкой, массовым действием мы победим и на этом фронте борьбы с эпидемиями за здоровье и жизнь голодающего населения.

Председатель. Слово предоставляется т. Нестерову.

Нестеров. Товарищи, мне приходится выступать, как представителю одного из уездов Симбирской губернии, которая, как вы видите здесь на карте, окрашена в черный цвет, цвет голодающей губернии. Здесь т. Антонов-Овсеенко рассказывал вам те ужасные случаи, которые имеют место в голодающих районах. Надо сказать, что такие же случаи имеются во всех уголках и нашей Симбирской губернии. Алатырский уезд, от имени которого я здесь выступаю, является уездом в смысле урожая наилучшим, и этот уезд в настоящее время имеет массу жертв среди крестьянского населения. Я уже не говорю о детях: и среди детей и среди взрослых жертвы эти достигают больших размеров. До сего времени крестьянство имело возможность питаться всевозможными суррогатами, но теперь и этого нет, и этот суррогат сейчас подходит к концу. Сейчас лебеда и жолуди, которые можно было достать осенью, кончаются и на рынке расцениваются до 350 тыс. руб. за пуд. Это доказывает как велик спрос на эти сурогаты. Беда в том, что и этих суррогатов мы скоро не будем иметь. Вот то положение, которое мы наблюдаем сейчас в Симбирской губернии. В последнее время нам доставляют целыми пачками сведения из сел и волостей, в которых говорится, что необходима самая срочная помощь, ибо если ее не будет, то будут вымирать целые селения.

Товарищи, мне поручено передать приветствие и большое спасибо представителям Новгородской, Псковской, Рязанской и полуголодной Пензенской губерний, которые нас снабжали озимыми семенами осенью текущего года. Благодаря поддержке крестьян этих губерний, нам удалось засеять до 90% озимого клина. Вместе с тем мы хотим здесь обратить внимание на то, чтобы к весне не опоздать с выдачей крестьянству яровых семян. ЦКпомгол и ВЦИК сделали уже распределение яровых семян по голодающим губерниям, но надо обратить внимание на то, чтобы губернские исполкомы, уисполкомы и волисполкомы, до сел включительно, сейчас уже начали распределять эти семена, ибо надо приложить все усилия к тому, чтобы распределение семян не запоздало. Нам надо сейчас, самым срочным порядком, направляя все усилия, передвигать семена в голодающие губернии, ибо времени у нас осталось всего

2½ месяца. Когда наступит распутица, мы лишены будем возможности своевременно распределять поступающие из центра семена по отдельным крестьянским хозяйствам и мы не сможем получить тех результатов, которые мы должны получить. Есть огромнейшая разница между осенью и весной, потому что осенью крестьяне имели свои семена и бросали их в землю, а яровых семян у крестьянства нет. Кроме того, я хочу обратить серьезное внимание на помощь, которую мы получаем от американской администрации. Мы очень благодарны, что нам американская администрация помогает, но есть маленькие недостатки в этой помощи. В договоре, который заключен и который применяется на местах американской администрацией помощи, значится пункт, что все дети должны получать паек из общественной столовой. У нас есть дети до 7-ми лет, которые не имеют обуви и одежды и не могут приходить в эти общественные столовые. Мы говорили, чтобы детям выдавали паек на дом. Приходили отец и мать ребенка и просили об этом, но американская администрация помощи на местах на это предложение не соглашалась. Нам необходимо этот вопрос поставить в центре. Дети, вынужденные ходить в общественные столовые разутые и раздетые, в зимние морозы заболевают. Мы имеем большие заболевания на почве простуды.

Я коснусь еще вопроса о семенах. Здесь, кроме той помощи, которую мы имеем по плану, надо предоставить право широкой закупки кооперативным объединениям на местах.

В заключение я скажу: только при полной поддержке всех товарищей, которые работают в наших урожайных губерниях Советской Федерации, мы можем спасти голодающее крестьянство Поволжья, в том числе и Симбирской губернии, и вместе с тем сохранить то крестьянское хозяйство, которое необходимо в будущем для существования нашей Советской Федерации.

Калинин. Поступил целый ряд предложений о прекращении прений. У нас остается час и использовать его на другой доклад вряд ли мы сможем. С другой стороны вопрос о голоде один из самых серьезнейших. На очереди стоят ораторы из голодающих местностей и от Красной Армии, которые хотят обязательно высказаться. Выслушать их необходимо.

Голос с места. Предлагаю дать записавшимся высказаться и список ораторов закрыть.

Калинин. Есть предложение закрыть список ораторов.

Голос с места. Я высказываюсь против прекращения прений. У нас остался всего один час времени, а здесь никто еще по докладу Михаила Ивановича не выступал. Здесь освещалось представителями с мест положение, но против доклада не выступали. Мало сказать, что на местах сделано, а нужно сказать, что надо сделать. Я поэтому против прекращения прений и предлагаю говорить до конца заседания.

Голос с места. Товарищи, я думаю, что те доводы, которые выдвинул товарищ за продолжение прений, не имеют серьезного значения. Массовые предложения о прекращении прений говорят не о том, что мы не поняли серьезности положения, а о том, что каждый из нас, работник с мест, достаточно продумал этот вопрос. Нужно сказать, что все, что можно было сделать, сделано на местах, и работу эту мы будем продолжать. Те ужасы, которые здесь

мы услышали, конечно, усилят нажим на местах. Я думаю, что продолжение прений будет носить характер митингования, а мы собрались не для митингования, а на деловой серьезный Съезд. Я думаю, что этот час мы используем для следующего доклада, ибо в регламенте значится, что для доклада дается 45 мин.

Председатель. Я голосую. Кто за прекращение прений? Большинство. Кто против? Меньше. Прения прекращаются.

Я решаю просить собрание, в виде исключения, остановиться на работе Красной Армии и дать представителю Красной Армии сделать хотя бы краткое сообщение. Возражений нет? Слово имеет т. Данилов.

Данилов. Товарищи, позвольте в кратких словах познакомить вас с тем, что и как делала Красная Армия в области помощи голодающим Поволжья. В июле при первых известиях о бедствии, поразившем Поволжье, в Красной Армии началось движение за помощь голодающему Поволжью. В течение июля и августа месяца эта работа Красной Армии носила характер местного почина—неорганизованной, нецентрализованной работы, не связанной каким-либо общим единообразным планом и указаниями из центра. В начале сентября, именно 4 сентября, была организована центральная комиссия помощи голодающим при Реввоенсовете Республики. С этого момента была создана более или менее единообразная постоянная организация внутри Красной Армии для помощи голодающим. Были образованы окружные губернские и дивизионные комиссии и созданы небольшие ячейки во всех воинских частях, военных учреждениях и заведениях для помощи голодающим. Все эти ячейки были связаны с общегражданскими учреждениями, и Центральная Комиссия помощи голодающим при ВЦИК те пожертвования, которые собирались Красной Армией, рассматривала, как свой резервный фонд, который можно было в тяжелый момент направлять в наиболее нуждающиеся места голодающих районов.

Спрашивается: что же дала Красная Армия в области помощи голодающим? Несмотря на тяжелые материальные условия, в которых находилась и, как вам хорошо известно, находится Красная Армия, эта голодающая зачастую и плохо одетая и разутая Красная Армия прежде всего откликнулась своими денежными, продовольственными и материальными отчислениями. Тут были продукты, как для помощи голодающим районам, так и для содержания детских домов, для детей, вывезенных из района голодающего Поволжья. Кроме того, внутри Красной Армии произведена Политуправлением Реввоенсовета Республики крупная политическая агитационная работа, которая постепенно все более и более выходит из рядов Красной Армии и переносится в деревню. Затем, уже осенью в голодающих военных округах при Уральском и Поволжском были организованы летучие отряды для сельско-хозяйственной помощи семьям красноармейцев. Была попытка организовать массовый вывоз переселенцев в Туркестан, но эта попытка, несмотря на все усилия, особенно крупных результатов не дала по целому ряду условий, независимых от военного ведомства. Точно так же главное управление военноучебных заведений поставило себе целью оказание помощи голодающим. Кроме помощи в голодающих местах, Красная Армия, военные части и военные учебные заведения организуют целый ряд детских домов, в которых принимают эвакуированных из Поволжья детей. Наконец, в Красной Армии организуются митинги, лекции,

спектакли и концерты, и весь сбор с них направляется на помощь голодающим Поволжья. Систематически проводятся субботники, на которых оказывается помощь по заготовке одежды, обуви, топлива и т. д. Сейчас в кратких цифрах я оглашу сведения о том, что сделано Красной Армией по оказанию помощи голодающим. Я должен предупредить, что те цифры, которые я оглашу, не являются показателем готовности Красной Армии помогать голодающим, ибо тут приходится учитывать те чрезвычайно тяжелые материальные условия, в которых до сих пор находится Красная Армия.

Вот данные, которые имеются у нас к 1-му ноября.

Московский военный округ дал 644 миллиона деньгами, свыше 6.600 пуд. хлеба, более 4.000 пуд. прочих продовольственных продуктов, 32 тыс. пуд. с лишним древесного сена и т. д.

Северо-Кавказский военный округ дал более 537 миллионов деньгами и разными ценными вещами, 18 тыс. пуд. хлеба и пр.

Приволжский военный округ дал более 130 миллионов деньгами, более 5.000 пуд. хлеба, свыше 15.000 пуд. разных других продовольственных продуктов и более 24.000 пуд. разного фуража.

Петроградский военный округ дал 445 миллионов деньгами и больше 10.000 пуд. разными продовольственными продуктами.

Орловский военный округ дал более 447 миллионов деньгами, 5 с лишним фунтов серебра, 1 фунт с лишним золотых вещей, около 7 тыс. пуд. хлеба и около 2.000 пуд. продовольственными продуктами.

Западный фронт дал более 300 миллионов деньгами и 17.000 пуд. продовольственными продуктами.

Туркестан—149 миллионов деньгами, 12 тысяч пудов хлеба и 261 голову скота.

Особая Кавказская армия—273 миллиона деньгами и 7 тысяч пуд. хлеба.

Украина и Крым дали 588 миллионов деньгами, 65 тысяч с лишним пуд. хлеба и свыше 16.000 пуд. фуража.

Сибирь—более 230 миллионов деньгами, сверх того отдельно серебра и золота, более 11.000 пуд. хлеба и кроме того, много других различных продуктов: консервов, мяса и пр.

В общей сложности по нашим, далеко не полным данным, на 1-е сентября, Красная армия дала более 4 миллиардов рублей деньгами и свыше 370 тысяч пуд. продовольственных продуктов. При этом тот учет, который мы произвели и производим, является далеко неполным. Значительная часть того, что в самой Красной армии в течение, главным образом, июля, августа и первой половины сентября, нами не учтены, и не могли быть по известной уже вам причине учтены, и те данные, которые я сообщаю. Они, рисуя, с одной стороны, картину чрезвычайной отзывчивости Рабоче-крестьянской Красной армии, в то же время говорят: несмотря на эту отзывчивость, в тех чрезвычайно тяжелых материальных условиях, в которых Красная армия находится, она не могла своими пожертвованиями оказать крупной и серьезной помощи голодающим.

Здесь я еще считаю необходимым отметить, что, если на всех наших военных фронтах в рядах нашей Красной армии одними из первых были наши красные курсанты командных курсов, то и в деле помощи голодающим первыми

сткликнулись эти красные курсанты, как наиболее сознательная часть рабочих и крестьян, находящихся в рядах Красной армии (А п л о д и с м е н т ы). Кроме того, я должен сказать, что Красная армия содержит в настоящее время более 48 детских приютов, в которых находится слишком 800 человек детей. Эти приюты обслуживаются в продовольственном отношении и по остальным видам снабжения Красной армией.

Товарищи, на этом мы, конечно, не могли остановиться. 30-го ноября было совещание представителей военных комитетов помощи голодающим, которое постановило превратить помощь Красной армии в помощь регулярную, имея в виду, что помощь наша будет значительной не в силу размера тех отчислений, которые делают красноармейцы, а потому, что эти отчисления явятся систематическими и регулярными. В этом отношении нужно отметить, что во многих местах приходилось уже сдерживать порыв красноармейцев, потому что крупными продовольственными отчислениями мы могли бы расшатать ту Красную армию, которая, как вам хорошо известно, может нам пригодиться в ближайшем будущем. В настоящее время военные организации помощи голодающим поставили задачу проведения совместно со всеми гражданскими организациями крупной агитационной кампании в деревне. Мы ставим здесь следующее задание: красноармейцы будут писать письма на свою родину в более или менее благополучные губернии, обращая внимание своих родных и знакомых на необходимость всей крестьянской массе помочь голодающему Поволжью. Точно так же политический аппарат Красной армии, наиболее сознательные красноармейцы и курсанты, по этому плану должны быть на известное время выделены и брошены для проведения агитационной кампании в деревню, для того, чтобы раскатать многомиллионную крестьянскую массу.

Т.т., снова повторяю: помощь Красной армии голодающим в тех тяжелых условиях, в которых находится Красная армия, не может быть крупной, но то, что сделано, показывает следующее. Наша Красная армия есть плоть от плоти и кость от кости рабочей и крестьянской массы и всегда в первых рядах откажется на помощь тому Поволжью, которое сейчас находится в неслыханно тяжелых условиях. (А п л о д и с м е н т ы).

Председательствующий т. Воршилов. Заключительное слово имеет т. Калинин.

Калинин. Товарищи, мне почти нечего сказать. В заключение, я отвечу только на некоторые записки. Меня спрашивают, можно ли часть продовольствия расходовать на местах. Последнее собрание Комиссии Помгола разрешило 10% всего сбора как денежных, так и продовольственных средств расходовать на местные нужды по борьбе с голодом, т.е. на беженцев и т. д., а остальные 90% расходовать нельзя. Орловская губерния поправляет меня, что в настоящий момент их сбор измеряется не 50.000, а 119.000 пуд.

Наконец, спрашивают, что делается за границей? Т.т., вчера в своем докладе т. Ленин приводил примеры, что мы делаем за границей в области закупки хлеба. Во всяком случае, в настоящий момент закупка хлеба происходит, но, ведь, надо поставить вопрос так: если мы закупаем хлеб, то нужно иметь средства, на что закупать. В настоящее время заграничный рынок для нас ограничен теми средствами, которыми мы располагаем.

Т.т., по самому докладу никто почти не высказался. Исходя из этого, в общем и целом, линия, которая взята была центральной и местными комис-

ниями по борьбе с голодом, очевидно, Съездом признается более или менее правильной. В своем докладе я совершенно избегал персонально отмечать тех или других работников, выделившихся по борьбе с голодом.

В своем заключительном слове я, т.т., считаю нравственным долгом и обязанностью здесь перед Съездом выделить одну фигуру, одного бойца, который выдвинулся персонально в борьбе с голодом в Российской Советской Республике. Этим бойцом, товарищи, является шведский гражданин Хансен, (Аплодисменты). Т.т., о работе гражданина Хансена вам сделал уже доклад т. Сосновский. Я думаю, она известна вам и по тем известиям, которые очень часто проскальзывали в нашей печати. Я думаю, что я выражу пожелание всего Съезда, если 9-й Съезд Советов разрешит Президиуму письменным образом засвидетельствовать признательность Съезда гражданину Хансену за ту бескорыстную работу, которую выполнил гражданин Хансен в пользу наших голодающих. (Аплодисменты).

Разрешите, товарищи, от имени 9-го Съезда одному из крупных бойцов за наших голодающих выразить эту признательность. (Голоса: «Просим». Аплодисменты).

Председательствующий т. Ворошилов. В Президиум поступила по обсуждаемому вопросу пока одна резолюция от коммунистической фракции. Резолюция эта была здесь уже прочитана т. Ярославским. Других резолюций нет.

Возгласы: Было послано письменное заявление по поводу голодающих от делегатов Новгородской губ.: мы предлагаем завтрашний наек всех делегатов отчислить в пользу голодающих.

Председательствующий т. Ворошилов. Это предложение может быть рассматриваемо, как дополнительное.

Ставлю на голосование основную внесенную резолюцию. Кто за нее? Кто против? Нет таковых. Принимается единогласно.

Поступило предложение от Новгородских делегатов завтрашний наек всех делегатов с решающими и совещательными голосами отчислить в пользу голодающих. Есть ли возражения? Нет. Принимается.

Голос с места. Позвольте мне внести два предложения. 1-ое — речь т. т. Антонова и Сосновского обязательно огласить в волостях и селах, в особенности в украинских губерниях. 2-ое — персонально снабдить сельских и волостных продработников этими речами.

Председатель. Я предлагаю, чтобы все дополнения к докладу были внесены в Президиум. Прошу Съезд поручить Президиуму все дополнения пересмотреть и, если они не противоречат резолюции, включить их в резолюцию, а сейчас их не рассматривать. Нет возражений?

Объявляю заседание закрытым.

Заседание третье.

(Вечернее).

Председатель. Объявляю заседание Съезда открытым. Приступаем к 3-му пункту порядка дня. Слово для доклада имеет т. Каменев.

Каменев. Товарищи, передо мной стоит задача изложить перед вами первые предварительные итоги нашей новой экономической политики. Нет никакого сомнения, что это вопрос для нас центральный, ибо вопрос об итогах новой экономической политики, есть вопрос о том, правильно ли сделала Советская власть, что она перешла к этой политике и должна ли она продолжать идти по этой новой, выбранной ею дороге.

Когда мы употребляем термин «новая экономическая политика», мы этим хотим противопоставить ее той политике в области хозяйства, которую мы были принуждены вести в ближайшие годы после октябрьской революции в 1918—19 и 20 гг. В этом смысле термин «новая экономическая политика», пожалуй, уместен для того, чтобы противопоставить самые методы нашего хозяйства тому, как мы принуждены были вести хозяйство в прошлом году. Но если расширить это слово «новая» и спросить себя: есть ли для Советской власти, для рабоче-крестьянского государства что-либо неожиданное, чего мы не ожидали, что-нибудь принципиально новое по сравнению с той экономической политикой, которую мы ведем уже теперь несколько месяцев, то на этот вопрос нужно сказать: нет ничего неожиданного, ничего принципиально нового, ничего, что мы, вдруг, весной 1921 г. выдумали бы, нет по той простой причине, что наша, так называемая, новая экономическая политика, есть политика построения коммунистического хозяйства в стране, где большинство населения принадлежит к крестьянству, которое хозяйничает не по коллективно-общественному типу, а на частных пачалах. Неужели же мы, когда в октябре 1917 г. сделали революцию, не знали, что громаднейшая часть, больше 80% населения в России, сидит на земле, живет от земледелия и что она не прошла той социалистической выучки, которая дается крупной промышленностью, промышленной индустрией. Конечно, это мы знали, и мы знали тогда, в первый день пролетарской революции, что строить коммунизм в России и закладывать хотя бы первый камень для общепланового, общегосударственного социалистического, впоследствии коммунистического хозяйства в России, в стране крестьянской, надо иначе, чем это мог бы делать пролетариат в Англии или Америке. Мы знали, что центр постройки нашего дома будет все время регулироваться взаимоотношениями между рабочими и крестьянами, при чем в этой стране, где громадная доля народного производства находится именно в руках крестьянского хозяйства.

Следовательно, взаимоотношения между рабочими и крестьянами в процессе установления хозяйственных форм нового государства должны были всегда определять нашу экономическую политику. И если экономическая политика в России до 25 октября 1918 г. определялась интересами землевладельцев и капиталистических советвенников и взаимной борьбой между земель-

ными собственниками и собственниками индустриальными, то наша экономическая политика с момента, после 25 октября, должна определяться взаимоотношениями между крестьянством и пролетариатом. Если же мы это признавали и если мы отдавали себе отчет в том, что строить социалистическое хозяйство в России пролетариат может, только считаясь с громадным весом нашего крестьянского хозяйства, то скажите, почему же только на третий год этим вопросам хозяйства, и, именно, хозяйства в таком виде, Советская власть стала уделять такое внимание? Почему же нельзя было начать с того, что мы называем новой экономической политикой, на следующий же день после того, как рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки? Если вы, товарищи, перелистуете протоколы заседаний ВЦИК, познакомитесь с выступлениями, с программными речами наших представителей, в первый же период, когда оказалось, что трудовая Россия не будет принуждена с оружием в руках отстаивать свое существование, если вы обратите внимание на наши планы в период времени после заключения Брестского мира и до первого широкого контр-революционного движения, до чехословацкого восстания, т.-е., иначе говоря, если вы обратите внимание на планы рабоче-крестьянского правительства весной 1918 года, то вы увидите, что все те соображения, которые теперь диктуются нам нашей, так называемой, новой экономической политикой, были указаны уже тогда. Уже тогда было осознано, что построение хозяйства в России должно идти на основании известных соглашений между крестьянством и рабочими. И можно сказать, что если бы нашими врагами нам была бы дана возможность тогда же приступить к тому плану осуществления хозяйства, который был тогда выработан, то мы ушли бы далеко от того положения, в котором мы находимся сейчас. И уже тогда мы приступили бы к тем самым методам хозяйствования, которое мы теперь проводим в жизнь.

Помешало этому комбинированное нападение на нас всей русской буржуазии. Три года мы не хозяйничали и наши соображения о хозяйстве, о городской и сельской промышленности отступали на задний план перед интересами войны и победы. Приступая к какому бы то ни было хозяйственному вопросу, будь то вопрос о транспорте, о промышленности, о хлебе или о налоге, мы тогда рассуждали и должны были рассуждать не с точки зрения экономических взаимоотношений между крестьянством и рабочим классом, а с точки зрения того, чтобы сделать все для достижения скорейшей победы. Поэтому мы не могли тогда развернуть все экономические предпосылки, которые мы имеем возможность развернуть сейчас, после того, как последняя вооруженная армия контр-революции была прогнана с нашей земли. Поэтому то, что мы сейчас осуществляем, отнюдь, не есть какая-нибудь новая для коммунистов политика, неведомо откуда взявшаяся и придуманная только в 1921 году. Нет, это та политика, которую мы проводили бы для установления правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, если бы с самого начала мы не были принуждены превратить всю Россию в укрепленный лагерь, в вооруженную крепость и разрешать вопросы хозяйства с точки зрения фронта, а не с точки зрения правильных хозяйственных расчетов. У нас был тогда единственный расчет—победить врага, а теперь, когда мы его победили, этот расчет должен превратиться в другой. Нужно рас-

читать, как скорее поднять наше хозяйство из той глубокой ямы, в которую оно ввергнуто 7-ю годами непрерывной войны. В таком же положении мы вышли из этого периода после 7 лет неслыханных боев. В первую же минуту, когда Советская власть смогла сказать себе, что у нее на шею сейчас нет врагов, нет враждебной армии, она должна была осмотреться, что еще осталось у нее среди развалин боя. Когда мы этот приблизительный подсчет сделали, мы должны были вместе с вами констатировать величайшую разруху.

Я приведу несколько цифр, которые по-моему необходимо знать каждому сознательному рабочему и крестьянину. Точно так же, как можно сказать, что никуда не годится командир роты, который не знает, сколько у него в роте солдат и сколько у них винтовок, как никуда не годится управляющий фабрикой, который не знает, сколько у него рабочих и сколько у него топлива для фабрики, точно так же никуда не годится тот коммунист или советский работник, который в данный момент не знает, сколько Россия производит хлеба, сколько у нее угля, сколько рабочих она содержит и сколько у нее денег. Раньше эти цифры были великой тайной, которая была доступна только ученым и образованным людям и чиновникам. Теперь же никто из трудящихся не может обойтись без этих цифр, потому что политика и экономика перестали быть привилегией кучки людей, будто бы специально наученных этому делу; и политика, и экономика теперь стали делом миллионов людей, ибо без этих миллионов нельзя провести никакой политики и никакой экономической политики. Эти цифры, прежде всего, касаются вопросов о нашем сельском хозяйстве. Россия до войны производила ежегодно 4 миллиарда 300 милл. пудов хлеба. В прошлом году Россия на той же территории, в пределах тех же границ имела только 2 миллиарда 200 милл. пуд. хлеба. Если вы, товарищи, сопоставите эти две цифры, если вы отдадите себе отчет, что значит, что за несколько лет трудящиеся России потеряли почти 50% собираемого в год урожая, что вместо того, чтобы иметь и распоряжаться четырьмя миллиардами 300 милл. пуд. хлеба, мы имеем только 2 миллиарда 200 милл., то естественно, вы признаете за этим фактом колоссальнейшее и определяющее значение. Вся наша политика должна была определяться тем фактом, что Россия стала почти в два раза беднее хлебом, и строить коммунизм, строить трудовую Республику, когда у вас 4 миллиарда или когда у вас только 2 миллиарда хлеба,—это очень и очень большая разница: другие методы, другой подход, другие надежды и сроки связываются с постройкой, когда 4 миллиарда или когда 2 миллиарда находятся в распоряжении трудового народа.

Мы потеряли почти половину хлебного производства. Почему же это случилось? 1920 год был неурожайным и мы потеряли из-за этого 500 милл. пудов. А остальные 1 миллиард 200 милл., на чем мы их потеряли? С неурожаем справиться никто не может. Это требует длительной научной работы, это стихийное бедствие. Политика тут более или менее не при чем. Возьмем из тех двух миллиардов, которые мы не добрали 900 милл. Их мы можем отнести на стихийное бедствие. А остальное почему не собрано? Потому что крестьянство не засеяло всей той земли, которая засеивалась до войны. В 1916 году, на 3-й год после начала войны, Россия имела засеянными 81 милл. десятин. В 1920 г. было засеяно 61 милл. дес.—на 20 миллионов недосев! $\frac{1}{4}$ всей культурной площади, когда-либо обрабатывавшейся на территории

России, оказалась незасеянной, не благодаря неурожаю, не благодаря тому, что она пришла в негодность. И эта $\frac{1}{4}$ давала как раз тот миллиард пудов хлеба, который мы не добрали. Теперь, если вы посмотрите, что делала Россия с тем хлебом, который она собирала до войны, то вы увидите, что из пределов крестьянского хозяйства больше миллиарда пуд. хлеба уходило на рынок, за границу уходило 600 милл. пудов и 400 милл. пудов хлеба и зерна крестьянство отдавало на прокормление промышленности, городов и армии. Если подсчитать, что крестьянское хозяйство высылало за границу и что оно посылало в города, то мы получим как раз тот миллиард пудов, который мы с вами добрали. Это значит, что крестьянство перешло к потребительскому хозяйству, что оно перестало сеять для города, для вывоза, что оно ответило на ужасы, на разорение, на неустойчивость сокращением посева в такой норме, лишь бы прокормиться самому. Могли ли мы при таких условиях продолжать продуктивно, быстро ту великую работу, которая легла на нас, могли ли развивать промышленность, транспорт, хозяйство, науку, культуру, школы, если крестьянство сеяло всего столько, сколько оно могло само потребить. Нет. Если бы этот процесс продолжался, если бы крестьянство не перешло от потребительского хозяйства к производственному, если мы не нашли бы какого-нибудь пути, чтобы подтолкнуть крестьянство на производство больше хлеба, чем оно само потребляет, мы должны были бы поставить крест над тем делом, которое мы начали.

Как делала буржуазия, как делало дворянство, как делал царизм? Он заставлял крестьянство производить на рынок, на город, на заграничную границу громадными податями, громадными налогами. Этим он побуждал трудовые крестьянские массы. Перед нами этот путь закрыт. Мы этой дорогой идти не можем. Нам нужен какой-то другой подход, чтобы пробудить в крестьянстве желание засеять больше земли и таким образом увеличивать общее трудовое богатство России. Мы смотрим, совершенно ясно отдавая себе в этом отчет, что эта политика крестьянства в массе была в значительной степени ответом на продрозверстку, продрозверстку, которая говорила: мы тебе, тов. крестьянин, оставляем столько, сколько нужно тебе, чтобы прокормиться, а остальное мы возьмем в общегосударственный котел. Эта политика вызвала в крестьянине асестественное желание поменьше давать в общегосударственный котел и сеять лишь столько, сколько ему самому нужно.

Но могли ли мы обойтись без продрозверстки, могли ли мы вести трехлетнюю борьбу против помещиков и буржуазии, не требуя жертв от крестьянства, той жертвы, которая для него была наиболее тяжелой, жертвы хлебом. Другого выхода у нас не было, и если теперь исторически посмотреть на нашу прошлую политику в деревне, то мы должны будем сказать, что то, что крестьяне дали армии, железной дороге, рабочим и городам в виде продрозверстки, это было оплатой за ту помощь, которую рабочие и города оказали крестьянам, помогши им отобрать у буржуазии землю. Жертва и оплата были тяжелы—это верно, но разве дешево кто-нибудь надеялся взять у помещиков землю? Разве не требовал тот самый факт, что многомиллионное крестьянство приобрело многомиллионную земельную собственность у помещиков, расходов и жертв и со стороны крестьянства? Эти жертвы оно и дало в виде хлеба, который внесен в продрозверстку.

Если наша победа действительно укрепилась в наших руках, если мы не дали вместе с крестьянами помещикам отобрать обратно свои земли, то только потому, что внесением в продразверстку хлеба, крестьянство содержало эти 3 года Красную армию и жел. дор. Но как только война кончилась, мы должны были, естественно, спросить себя: доколе же мы будем требовать от крестьянина такого количества хлеба, которое явно ведет к разорению крестьянского хозяйства и на которое крестьянство отвечает сокращением запашки на четверть всех земель. Рабочий класс должен был сложить с крестьянства ту тяжесть, которая легла на него, благодаря гражданской войне, и вот это сложение тяжести и выразилось в продналоге. Продналог говорит: крестьянин, ты должен поддержать государство в определенной доле, но все, что ты произведешь сверх того, остается в твоём полном распоряжении, ты этому полный хозяин. И если у крестьянина раньше не было интереса расширять запашку, улучшать обработку земли, потому что все равно всякий излишек шел в общий котел, то теперь, с переходом к продналогу, у крестьянина имеется большой интерес к увеличению этой запашки. На первых порах эта перемена не могла, конечно, ясно сказаться. Перемена эта произошла только в конце зимы 1921 г., и поэтому, на увеличении весенней запашки сказалась сравнительно мало, но уже в осеннем засеве она сказалась весьма и весьма серьезно, и эта перемена, как мы теперь ясно видим, оправдана политически и экономически. Оправдана политически тем, что в крестьянство внесено политическое успокоение, что крестьянство вновь получило доверие к рабочему классу, что крестьянство поняло, что Советская власть делает все, что допускается общим и мировым положением пролетарской Республики. Она оправдывается и экономически потому, что все те данные, которые у нас имеются, свидетельствуют, что расширение засевов происходит. Несмотря на короткий срок, именно в связи с этой новой политикой, мы получаем сообщения о росте засевов, о том, что количество их увеличивается, о том, что всюду и везде, в общем и целом, в 1922 г. мы получим площадь большую, чем мы получили в этом году. Если же мы примем во внимание, что целый ряд губерний охвачен неурожаем, и что неурожаем всегда неизбежно сопровождается сокращением площади посева, то мы поймем, что если бы мы во-время не перешли от продразверстки к продналогу, наше положение было бы в десятки раз хуже, чем оно сейчас. Только благодаря этой перемене, мы устояли против такого бича, как голод и неурожай в этом году. Только благодаря этой политике мы добились того, что сокращение площади засева остановилось и начался обратный процесс—увеличения роста. Начиная с самого дня объявления войны, с 1-го августа 1914 года, площадь засева в России валится прямо вниз. Теперь только с весны этого года, намечается первый перелом. Свалившаяся вниз площадь засева начинает понемногу выравниваться. Весь вопрос рабочего и крестьянского класса в России находится в зависимости от того, как скоро будет подниматься наше сельское хозяйство, как успешно мы будем добиваться, чтобы хозяева давали вместо 2 миллиардов зерна—4 миллиарда. Вся Россия при царизме и помещиках производила 4 миллиарда пуд. зерна, из которых громадная часть вывозилась за границу. Чтобы сделали мы, какую цветущую промышленность развернули бы мы в России, каким уроком были бы мы для всех народов, если бы это количество зерна было бы не в руках помещиков, не в руках царского правительства, не в руках буржуазии, а в руках самих рабочих и крестьян! Вот первая задача, которая стоит

перед нами, и без решения которой совершенно невозможно строить дальше коммунизм. Наша задача состоит в том, чтобы продолжать в этой области нашу политику. Если мы дошли до того, что крестьянство пошло на увеличение засева, если запашка пошла вперед вместо того, чтобы валиться, мы должны принять новые меры, чтобы возбудить самостоятельность хозяина, поощрить деятельность крестьянина, увеличивающего вспашку, обработку земли, и благодаря этому увеличивающему общее количество народного богатства Советской Республики. Мы должны обдумать внимательно, как мы можем пойти навстречу крестьянству, как мы можем упростить взнос и сбор всех натуральных налогов. Мы должны поставить крестьянское хозяйство в такие условия, чтобы оно могло свободно развиваться и дальше,—и среди этих условий одним из первых является внедрение в крестьянское сознание уверенности, что его землепользование устойчиво. Мы национализировали землю, мы объявили, что земля принадлежит всему народу, а, следовательно, принадлежит организованному в свои органы государству. Это есть наше завоевание, которое не может быть никогда и ни при каких условиях отдано или сдано. Земля есть достояние народное, землей управляет только сам народ через созданное им государство, и никто не в праве продавать, закладывать землю, а, следовательно помогать богачу, помогать буржуазии собирать землю в одни руки и потом при помощи этой земли душить бедняка. Этого мы не позволим. Но крестьянину, который работает на земле, данной ему в пользование государством, мы должны обеспечить такие формы землепользования, чтобы он мог рассчитывать ведение своего хозяйства на несколько лет. Мы должны ему обеспечить и большее. Мы должны обеспечить свободу избрания форм землепользования: будет ли то община, будет ли то хутор, будут ли то отруба. Свобода выбора формы землепользования у крестьянина должна быть оставлена, потому что только сама крестьянская масса может выбрать, может наметить те формы землепользования, при которых разрешатся основные задачи увеличения количества хлеба, которым может располагать Трудовая Советская Республика. В следующих докладах вы сможете обсудить подробно все те вопросы, которые вытекают из того, что я только наметил. Я только хотел указать на то, что вопрос о понижении русского урожая в два раза есть основной вопрос нашего экономического строительства и вами должны быть приняты все меры, которые способны увеличить количество зерна, которым располагает Советская Республика.

Теперь обратимся к вопросу о промышленности. Если крестьянское хозяйство понизило свою производительность за годы войны в два раза, то с промышленностью дело обстояло еще хуже. Она упала со времени войны по меньшей мере в 5 раз. Таким образом, мы стали беднее продуктами промышленности на 80%. Это, товарищи, есть две основных цифры, которые должны заставить всю рабоче-крестьянскую Россию задуматься над тем, как хозяйствовать дальше, принимая во внимание, что мы стали в два раза беднее хлебом и в 5 раз беднее промышленными продуктами. Я приведу вам некоторые цифры для того, чтобы каждый товарищ, здесь присутствующий, запомнил эти цифры и передал на места, указывая на то, как бедна стала рабоче-крестьянская республика и как настоятельно необходимо, чтобы каждый заинтересованный в том, чтобы в мире была страна, где нет капитали-

стов и цет помещиков, обдумал и испробовал все методы, учился бы сам и учил других, искал бы все возможности и пути для того, чтобы выйти из этого трудного положения. В 1913 году, в последний довоенный год, мы добывали 564 милл. пуд. нефти, в 1920 г. мы добывали только 233 милл., т.-е. только 42%. В том же 1913 году мы добывали всякого рода руды— 638 милл. пудов, в 1920 г. мы собрали только 10 милл. пудов, т.-е. только полтора процента того, что добывалось в довоенное время. В 1913 г. выплавлялось чугуна 250 милл. пуд., в 1920 г. выплавлено было чугуна 6 милл. пуд., т.-е. два с половиной процента, в 1913 г. делалось ежегодно в России плугов 167 тыс., в 1920 г. только 88 тыс. шт., т.-е. около 13%. Если мы возьмем производство бумажной пряжи, то мы увидим, что в 1913 г. было сделано 16 милл. пуд., в 1920 г. 825 тыс. Эти цифры показывают прямо, в какую глубокую нищету свалилась наша промышленность. Ясно, что при этом соотношение между городом и деревней тоже изменилось очень сильно. Деревня стала в два раза беднее в смысле производства хлеба, а город стал в пять раз беднее в смысле производства фабрично-заводских изделий. Нам необходимо было,—и эта необходимость остается и теперь, во что бы то ни стало, восстановить старые взаимоотношения между городом и деревней. Мы должны понять, что никогда сельское хозяйство не увеличит своего производства, если крестьянину не будет ясно, что хлеб, который он производит сверх своего потребления, он сможет обменять на то, что ему нужно. Но если взять то, что рабочий может предложить крестьянину при нынешних мизерных цифрах производства, то нужно сказать, что мы не можем предложить крестьянину ни ситца, ни железа, ни керосина, ни нужного количества соли, что заставило бы крестьянина быстро и энергично поднимать производство земли для того, чтобы произвести те продукты, которые ему необходимо обменять на продукты города. Поэтому, политика правительства должна была свестись к тому, чтобы в области промышленности принять все меры к усилению общего количества продуктов в стране.

Как этого достигнуть и с чем мы тут столкнулись? После того, как кончилась война, мы стали присматриваться к нашей промышленности и увидели, что на плечах нашего государства, в руках Советской власти оказалось бесконечное количество самых разнообразных предприятий, начиная от самых крупных до самых мелких, управлять которыми при наличных силах у нас не было никакой возможности. Масса предприятий оказалась в руках рабочего государства не потому, чтобы рабочее государство по заранее обдуманному плану решило взять эти предприятия себе и руководить ими централизованно из одного центра. Отнюдь нет! А потому, что в эпоху обостренной гражданской войны буржуазия бросала эти предприятия, буржуазия, в виде протеста против нашей власти, не желала исполнять законов рабочего правительства. Поэтому, у нашего рабочего государства в руках оказалось бесконечное количество нужных и не нужных нам предприятий. Когда мы соразмерили все это с тем количеством хлеба, денег, топлива и сырья, которое у нас было и которое мы должны были распределить среди всех этих предприятий, мы должны были сказать себе, что так хозяйствовать дальше нельзя. Если мы будем терять хлеб, деньги, топливо и сырье на всех предприятиях, которые в эпоху обостренной гражданской войны, оставила бур-

жуазия, то нам не для одного из них не хватит ни топлива, ни сырья, ни денег, ни продовольствия. Мы должны были решить, что лучше взять в свои руки меньшее количество предприятий, но обеспечить им правильную и нормальную работу без перерыва и без лихорадки, без перебоев и без неуверенности в завтрашнем дне, чем вести десятки и сотни тысяч предприятий, когда ни одно из них не уверено, хватит ли ему на завтра или на две недели топлива. Это значило, что мы должны разгрузить Советское государство от ряда предприятий, которые мы сейчас не можем держать на своих плечах; и больше того—при осмотре некоторых хозяйств, мы увидели, что обладая громадным количеством мелких предприятий, не связанных экономически, не подготовленных снизу к тому, чтобы приступить к ведению хозяйства, мы должны были всех их накрыть одной большой шапкой, и эта шапка была—громадный бюрократический аппарат, который на почве этих отдельных распыленных предприятий пытался ими сверху руководить.

Бюрократизм явился результатом этой распыленности нашего производства внизу и его несвязанности, его органической и технической нецелесообразности наверху. Вы знаете, что не было ни одного Съезда Советов, как не было ни одного широкого собрания, на котором вопрос о бюрократизме советского аппарата не был бы самым больным вопросом. Но мы теперь отдаем себе отчет в том, что этот бюрократизм не есть результат злой воли тех или иных чиновников, но что он есть естественный результат громаднейшего количества предприятий, отделов и отраслей, которые государство получило в наследство от буржуазии и которыми оно пыталось управлять. Какой же тут должен был быть путь? Путь был один: разгрузка нашего советского аппарата. Эта разгрузка ставила перед нами вопрос о том, на чьи же плечи мы можем свалить, кому мы можем отдать те предприятия, которые не экономно, не рационально и не умно было бы держать на плечах рабоче-крестьянского государства. Мы ответили на этот вопрос весной этого года. Мы отдадим эти предприятия рабочему обществу, кооперативу и т. д., но мы будем отдавать эти предприятия и частному лицу, если оно возьмется вести их, не требуя с нас ни одного полена казенных дров, ни одного пуда казенного сырья, ни одной копейки казенных денег, ни одного фунта казенного хлеба. Были ли мы правы? И были ли правы те, которые говорят, что этим решением о сдаче в аренду для разгрузки государства отдельных предприятий мы вступили на буржуазный путь? Конечно, ничего подобного. Тут есть основная разница, которую не хотят замечать только те, кому выгодно сеять недоразумения среди рабочих. Завод, который принадлежал раньше какому-нибудь фабриканту, теперь стал нашим. Мы распоряжаемся им сами по своему желанию, сдаем или не сдаем в аренду на таких условиях, на которых арендатор может этот завод пустить. Мы требуем от него отчета в том, как он не использовал данный завод. То, что было собственностью частного лица, теперь стало собственностью государства. Оттого, что мы решили этой своей собственностью воспользоваться так или иначе, от этого не меняются основные завоевания революции, т.-е., что мы уже эту собственность буржуазии взяли в руки объединенных трудящихся масс и теперь трудящиеся этой собственностью распоряжаются. Так что все разговоры о том, будто сдача в аренду представляет капитуляцию перед буржуазией, совершенно лишне пустяки.

Суть дела в том, что мы вполне уясняем себе необходимость допустить гораздо больше свободы частного почина, чем это предполагали мы раньше. Почему?—Да потому, что то количество хлеба, топлива и сырья, которое мы с вами имеем, не может быть распределено нами среди всех предприятий, которые должны быть пущены в ход. Решившись на продналог, решившись снять с крестьянства громаднейшую часть тяжести, которая на нем лежала, мы тем самым сказали,—что у нас будет меньше запасов. А раз так, то на государственном снабжении мы сможем содержать меньшее количество фабрик, заводов и других предприятий. Мы должны рассчитать это количество очень точно прежде чем отдать на сторону под нашим контролем и на основе наших условий все то, для чего достать топливо и продовольствия мы не можем. Это относится прежде всего к мелкой и средней промышленности. Мы так бедны, что каждая лишняя пара сапог, каждый лишний аршин ситца, каждая лишняя подкова, каждый лишний обработанный кусок железа для нас имеет громаднейшую важность. И та промышленность, которая может добиться результатов, не требуя для себя больших запасов топлива и громадного подвоза хлеба, скорее может стать на ноги, чем промышленность крупная. Вот почему первая ступень к увеличению общего количества продуктов—это всесторонняя поддержка частной инициативы и создание таких условий, при которых кустарная мелкая и средняя промышленность могла бы широко развиваться.

Сейчас мы все свои ресурсы сосредоточили на наших основных ударных пунктах, на нашей крупной промышленности, которая должна стать нашим пролетарским центром и, опираясь на которую, мы должны воссоздать тот пролетариат, который вследствие многолетней разрухи и голодухи все более и более распылялся. Укрепить эту основную пролетарскую базу и восстановить тот закаленный и дисциплинированный пролетариат, который, выйдя с Путиловского и других заводов, сделал нашу революцию,—такова наша основная задача. Но для этого нам надо умененько и остороженько подсчитать все запасы и так их распределить, чтобы эти предприятия не напоминали больше лихорадочного больного, у которого то высокая температура, то она стремительно падает.

Если мы захотим уяснить себе, сколько мы, как государство, уступили крестьянам по продналогу, мы должны познакомиться со следующей маленькой таблицей. Из каждых 100 пудов чистого сбора в 1920 г. назначено было по продразверстке, по производящим губерниям, 42 пуда. Сдано было в прошлую кампанию не 42 пуда, а 33, а по продналогу за 1921 год мы уже с крестьян просили не 42 пуда, а с самого начала установили 19 пуд. Если взять губернии юго-востока, то по продразверстке, по плану, мы должны были получить 66 пуд. сбора, а сдано было фактически в прошлую кампанию по юго-востоку с каждых 100 пудов урожая 28 пудов, а по продналогу назначено только 16 пудов. По Сибири в прошлом году было сдано по продразверстке 24 пуда, а в этом году по продналогу—16 пуд.

В общем и целом, принимая во внимание размеры урожая в текущем году, продналог 1921 г. легче продразверстки прошлого года слишком в $2\frac{1}{2}$ раза, т.-е. у крестьян в $2\frac{1}{2}$ раза меньше нами изъято хлеба в этом году, чем в предыдущем. Вы видите, товарищи, что наш переход от продраз-

верстки к продналогу не был бумажной реформой или попыткой успокоить крестьян какими-нибудь словесными приемами, а это была вещь совершенно реальная, которая облегчила крестьянам положение в $2\frac{1}{2}$ раза, как говорят совершенно объективно счетчики, но которая, товарищи, вместе с тем уменьшила тот запас хлеба, который мы в распоряжении государства имеем. Если мы к этому прибавим, что трудовая и гужевая повинность понижена последним постановлением до 6 дней в год, то вы увидите, что в самых центральных пунктах—не промышленных, а соприкасающихся с крестьянством, в области продовольствия и топлива—наши запасы, которые мы можем получить из крестьянского хозяйства, чрезвычайно ограничены.

Для того, чтобы наша промышленность держалась, для того, чтобы транспорт развивался, для того, чтобы голодающих хотя бы немного прокормить, для этого нам нужно не менее 400 милл. пуд. зерна в год. Мы определили продналог весной этого года в 240 милл., но после того, как выяснился неурожай, этот продналог был понижен, и мы теперь, вероятно, по продналогу можем получить не больше 150 милл. пуд. Таково, товарищи, наше положение. 400 милл. пуд. нам нужно, а 150 милл. мы можем получить. Как быть дальше? Тут два пути. Или же мы с вами решим, что необходим новый нажим на крестьянство и что мы при помощи этого нового нажима попытаемся извлечь из него то, без чего город, железная дорога и промышленность умрут, или же есть какой-нибудь другой путь.

Ясно, что путь нажима, путь нового раскола между рабочим и крестьянином нам заказан, о нем можно только теоретически мыслить, но на этот путь нам нельзя стать и на него не может и никогда не станет Советская власть. Она не может стать на этот путь потому, что это значило бы рубить тот сук, на котором держится вся наша рабоче-крестьянская республика. Мы не можем извлечь из крестьянства большого количества хлеба, потому что с этим связано было бы дальнейшее разорение сельского хозяйства, а мы с вами только что говорили о том, что без его восстановления дальнейших путей перед трудовым населением нет. Следовательно, если на этот путь нельзя стать, то каковы же другие пути, где они? — Только в развитии товарообмена между промышленностью и деревней, только в том, чтобы всеми мерами увеличивать количество производимых в городах продуктов и, пуская эти продукты в деревню, приобретать на них недостающие городу продукты сельского хозяйства. Как широко можем мы поставить этот товарообмен? Судя по некоторым предварительным исчислениям, в деревне после уплаты продналога, несмотря на голод, остается, как некоторый хлебный фонд, до 150 милл. пудов свободного хлеба. Если, товарищи, мы опять на минуточку оглянемся и вернемся к прошлому, то мы узнаем, что на торговом рынке, на товарном рынке в России, до войны почти 2 миллиарда пуд. хлеба обращалось на рынке. Теперь, конечно, этой цифры нам не достичь, но все-таки крестьянство обладает некоторым запасом хлеба, который мог бы быть им пущен в оборот. И теперь вопрос заключается в том, кто этот хлеб возьмет—рабочий ли класс, организованный как целое, мешочник ли или спекулянт, который продаст этот хлеб тому же рабочему или тому же советскому служащему, но продаст с той прибылью, которую они заплатят ему? Как же осуществить нам, по

возможности непосредственный, обмен между рабочими и крестьянами, как сделать так, чтобы между рабочими и крестьянами не втирались посредники, которые будут греть руки от того или другого? Это — ближайшая задача, которая стоит перед нами, как перед руководителями Советской власти, которые должны научиться так реализовать, так поместить то небольшое количество запасов, всякого рода необходимых предметов, продуктов и товаров, чтобы получить наибольшую возможность восстановления промышленности.

Что касается положения промышленности в 1921 г., то я не буду подробно останавливаться на цифрах, потому что доклад т. Богданова, который следует за моим, должен будет подробно указать на эти цифры. Я остановлюсь только на основном вопросе, на тех цифрах, которые определяют дальнейшее процветание или прозябание промышленности, — на вопросе о топливоснабжении. По тому, как обстоит дело с топливом, можно судить обо всем круге развития промышленности, и здесь, анализируя эти цифры и данные, мы увидим попутно результаты новой экономич. политики. Я попрошу поэтому немножечко внимания к тому ряду цифр, которые я сейчас оглашу. Прежде всего, как у нас идет дело с дровами и как в области дровяных заготовок сказалась наша новая экономическая политика? Вот справка. В 1920 году было заготовлено 10.326.000 куб. саж. дров. Это количество, которое может почти сполна удовлетворить потребности транспорта, промышленности и городского населения. В первые 8 месяцев 1921 г. заготовка дров сильно понизилась и достигла 3.946.000 кубов против 6.055.000 — в 1920 г., т.-е. понижение на 34,8%. Казалось бы, что при таком положении нам грозит явная дровяная катастрофа. При понижении заготовки на 34% катастрофа бесспорно неминуема. Однако, посмотрим, как обстоит дело в смысле вывоза дров из леса и доставки их потребителям. В этом отношении текущий год можно считать более или менее благополучным. В 1920 году вывезено с мест заготовки 7.600.000 куб., из них в первые 8 месяцев — 5.269.000 куб., в 1921 году за те же месяцы вывезено — 5.736.000 куб., т.-е. на 9% больше. Отправка дров по железной дороге за первые месяцы текущего года достигла 883 вагонов против 848 вагонов за то же время 1920 года. Прибытие сылавных дров увеличилось в 1921 г. против 1920 г. на 15%. Таким образом, несмотря на то, что мы истощаем те дровяные запасы, которые у нас имеются в лесах, несмотря на растущее сокращение этих запасов, мы все-таки более или менее удачно с дровяным вопросом справляемся и в этом году. Что касается угля, торфа и нефти, то здесь мы должны сказать, что в области торфа мы побили рекорд, в области нефти мы держимся сейчас на таком положении, которое не внушает никаких радужных перспектив, но которое дало нам возможность в этом году завоз нефти увеличить по сравнению с прошлым годом и обеспечить промышленность нефтью больше, чем в прошлом году. Что касается угля, то после громадного кризиса, который мы пережили весной, мы начинаем с летних месяцев и с осени понемножку идти вперед. Тов. Богданов укажет вам, какие поразительные результаты достигнуты в этом отношении, и как Донецкий Бассейн, на наших глазах начинает расправлять свои члены, начинает дышать полной грудью. Он приведет вам, вероятно, цифры увеличения производительности забойщика, которые покажут вам, что в смысле увеличения

производительности в ноябре этого года, забойщик достиг почти довоенных норм. Во всех остальных отраслях промышленности середина этого года была ударом, от которого, казалось бы, вся экономическая постройка Советской власти могла крахнуть. Лето этого года было месяцами страшного продовольственного и топливного кризиса, почти полной остановки промышленности, которая в конце прошлого года начала было подниматься и крахнула весной этого года. Это совпало с первыми известиями о громаднейшем неурожае, и, надо сказать, что только солидарностью и выдержкой трудящиеся массы в эти тяжелые месяцы удержали в своих руках политическую и экономическую власть, и новая экономическая политика указала тот выход, по которому, направив свою энергию, мы смогли более или менее не справиться, а начать справляться с тем бедствием, которое на нас обрушилось. Сокращение количества рабочих и предприятий, находящихся на государственном снабжении,— вот результаты этих тяжелых месяцев. Мы рассчитали, сколько у нас имеется необходимых продуктов, и решили, что мы не имеем права пустить ни одной фабрики, ни одного завода, которые не будут заранее обеспечены продовольствием, топливом и денежными знаками, и когда мы стали сосчитывать количество и того, и другого, и третьего, то оказалось, что действительно в план государственного снабжения может быть введено не более 3—4 миллионов рабочих и служащих. Это количество по сравнению с тем, которое мы имели раньше, чрезвычайно мало, и оно требует с нашей стороны чрезвычайно жестких мер. Мы не можем считать до сих пор этот процесс законченным. Наоборот, мы должны употреблять все силы к тому, чтобы сокращать расходы государства.

Этим самым, товарищи, мы подходим к последнему из основных вопросов нашей новой экономической политики. Первый вопрос—сельское хозяйство, второй вопрос — промышленность, третий вопрос — финансы. Раньше, чем остановиться на вопросе о финансах, я хотел бы остановиться еще на одном вопросе, связанном с промышленностью. Это на вопросе об ее организации. Мало сказать, что перед нами стоит задача повысить государственную промышленность (ибо иначе у нас не будет связи с крестьянством, отсутствие связи с крестьянством обозначает глубочайший надлом в самом фундаменте Советской власти), мало сказать, что мы должны государственную промышленность сузить до минимальных пределов, оставив в руках государства только то, что мы действительно можем взять на себя, надо еще уметь организовать эту промышленность. Что мы великие организаторы баррикадных боев, прекрасные организаторы войн с буржуазией, это всем известно, но что мы очень слабые организаторы промышленности и производства, на это незачем закрывать глаза. Мы в продолжение 3 лет бьемся над различными формами организации промышленности. Мы знаем, что не можем сейчас тратить ни одного часа, и каждый потерянный час на вопросы организационные, есть прямой удар по нашему народному хозяйству и тем самым по Советской власти. Но вместе с тем, мы должны твердо вырешить форму организации крупной промышленности. Если мы требуем от каждого мелкого хозяина, чтобы у него был относительно его лавочки или мастерской, какой-нибудь расчет, какое-нибудь предвидение, то

тем более мы обязаны это требовать от себя, тем более, обязан это сделать пролетариат, имеющий в своих руках грандиозные богатства, тем более он должен хозяйничать по определенному плану, чтобы он знал, сколько у него топлива, станков, сколько из этих станков хороших и плохих, сколько из них можно и должно пустить в ход, сколько они могут выработать и сколько из этого выработанного и каким образом можно реализовать. Необходимость плана становится тем яснее, чем уже круг тех предприятий, которые мы оставили в своих руках. Пока мы держали в своих руках почти все предприятия, создать план для этого хозяйничания было чрезвычайно трудно. Это была задача неразрешимая, потому что мы хотели обслужить слишком многое. Теперь, когда мы понемногу начинаем, наконец, развязываться с предприятиями средними и мелкими, которые только загромождали наш государственный бюджет и наш внутренний план, когда мы оставляем у себя только то, что имеет действительно государственно ценность, что политически необходимо, и представляет в наших руках основные позиции не только в экономическом, но и в политическом бою, тогда было бы преступно всякое отсутствие планов, тогда было бы преступно всякое нерасчетливое движение и поэтому, мы в праве требовать от наших хозяйственных органов, чтобы они действительно осуществили в области промышленности тот учет и план, который требуется от них, как от хозяйственников. Если раньше мы могли прощать это, потому что мы сами их дергали, например, когда приближалась та или другая враждебная армия, мы говорили—бросайте всякие расчеты и планы, а действуйте так, чтобы дать как можно больше снарядов, патронов, фуража и т. д., то теперь мы не будем так действовать. Теперь мы потребуем расчета. Раньше, чем привлечь на фабрику, или на завод рабочих и т. д., изволь составить точный, обобщенный, не с потолка взятymi цифрами, а согласованный с реальными ресурсами план. Это не значит, что мы понимаем план в таком смысле, что наша государственная промышленность должна замыкаться в своей собственной среде. Нет, план по развитию и по ведению нашей промышленности, должен сочетаться с умением этой промышленности непосредственно стать в связь с нашим крестьянским хозяйством. Между той промышленностью, которая находится в руках пролетариата, которую мы отвоевали в октябрьские дни, и между крестьянским хозяйством, которое находится на той земле, которую мы вместе отвоевали от помещиков, должен быть прямой провод, который бы заставил всю эту машину вертеться вместе с промышленностью. Без крестьянства не будет промышленности, без промышленности мы существовать не сможем. И только, когда мы устроим широкий канал, который будет связывать пролетариат и деревню, нашу социализированную промышленность и пока еще ведущееся на частных началах крестьянское хозяйство, только тогда мы сможем выйти из этой хозяйственной низины, из глубокой разлуки, в которую мы были ввергнуты.

Один из этих проводов—это наша денежная система. И вот почему последний вопрос нашей экономической политики—есть вопрос о нашем денежном аппарате, о наших финансах. Вы знаете все, какое странное происшествие произошло несколько месяцев тому назад. Вы все, вероятно, отмечали за последние месяцы, как кризисы продовольственные и всякие другие, которые были

в прошлом и позапрошлых годах, как они мало-по-малу перед лицом каждого советского работника принимали форму денежного кризиса, как недостаток денег становился препятствием к развитию экономики, как вопрос о денежной форме заработной платы, о денежной расплате с крестьянами занимал все больше и больше места. И нам, которым казалось, что деньги идут к концу, что скоро денег нам не понадобится, нам пришлось увидеть, что мелко-буржуазная обстановка, в которой мы осуществляем пролетарское государство, начинает все больше и больше предъявлять государству требования именно в денежной форме. И это естественно. Создав благодаря продналогу рынок, дав возможность торговать хлебом, мы создали обстановку, которая все время будет меняться. Рынок не есть явление логическое, которое можно схватить в сегодняшнем его состоянии. Это явление, развивающееся и порождающее все новые и новые явления. И наша политика может быть спасительна только в том случае, если, зная законы развития этого рынка, пролетариат и рабоче-крестьянское государство, которое на этом рынке является самым мощным фактором, благодаря тем средствам производства, которые сосредоточены в его руках, этим рынком овладеет, его завоюет и если мы на этом рынке будем диктовать законы, а не нам будут диктовать законы. Кто может нам диктовать законы? Тот, кто более ловко будет распоряжаться своими продуктами. Наши силы, наша потенциальная возможность грандиозна. Ведь все естественные богатства России, вся руда, все недры земли, вся нефть, все леса—не принадлежат частным лицам; это принадлежит нам, всему организованному трудовому народу. Мы обладаем грандиозными богатствами. И если бы мы умело использовали эти богатства, мы бы могли на рынке видеть не только жалких мешечников, купчишек и маленьких капиталистиков, которые есть у нас, но мы могли бы показаться на русском крестьянском рынке и с иностранными товарами. Итак, товарищи, я говорю, вступивши на этот путь рынка, мы должны отдать себе отчет и в его опасностях и в возможностях нашей победы. В чем опасность? В том, что создав возможность обращения на рынке хлеба, мы создали капиталистические отношения. Было бы легкомысленно с нашей стороны отрицать существование первой завязи капиталистических отношений с того момента, с которого мы решили допустить свободу торговли. Чтобы бороться с этой опасностью, надо, во-первых, дать себе отчет в ней, а во-вторых, надо посмотреть, какие средства борьбы у нас есть. Эти средства борьбы могут быть только экономическими, и никаких других методов развязать эти капиталистические завязи—нет. Но экономических сил для того, чтобы преодолеть эти капиталистические ростки, у нас много, потому что смысл Октябрьской революции заключался в том, что мы взяли в свои руки все накопленные богатства, до того момента сосредоточенные в руках частных лиц, акционерных компаний и капиталистических кланов. Все эти богатства—в наших руках. Если бы этими богатствами мы могли распоряжаться целиком, то для нас не были бы опасны никакие капиталистические завязи. Беда наша в том, что, владея десятками металлургических фабрик, мы не можем, фактически, изготовить необходимое количество продуктов, что, имея возможность залить Россию керосином, мы сейчас вырабатываем его очень не много; что, обладая текстильной промышленностью, которая могла бы одеть всех крестьян и научить их не ходить к спекулянту, а идти к рабочему государству со своими потребностями, мы, однакоже, производим тканей чрезвычайно мало.

Нам нужно построить свою политику так, чтобы получить передышку, чтобы иметь возможность увеличить это производство, а для этого нужно умело распорядиться теми небольшими запасами, которые у нас есть. И вот здесь вопрос финансовый приобретает громадное значение. Для наших расчетов с крестьянством и с пролетариатом, мы на рынке должны иметь инструмент, который был бы точен и ясен и ясно и точно отражал бы то, что происходит на этом поле битвы. Этим инструментом могут быть только деньги, ценность которых тверда. Эта твердая валюта—золото, потому что при помощи тех цветных бумажек, которые мы с вами печатаем, прощупать ничего нельзя. Они сами теряют все время ценность и служат правильным инструментом обращения ни в коем случае не могут. Ни один расчет, построенный на этих бумажных деньгах, не может быть положен в основу какого-либо хозяйственного плана, и поэтому уже при построении нашего государственного бюджета мы должны были перейти к перечислению на золото расходы наши. Это значит, что мы должны были считать не на бумажки, которые падают, а на золото, которое выражает реальное соотношение цен. Мало того, мы должны были потребовать от тех лиц, которые нам должны, которые у нас берут и должны платить, чтобы они свои расчеты с нами вели на золото, а из этого следует то, что они будут требовать от своих контрагентов, чтобы те тоже вели расчеты на золото. Переход на золотую валюту есть процесс абсолютно неизбежный, и для оздоровления рынка необходимость его очевидна. К сожалению, переход этот может быть результатом длительного периода. Первым шагом к этому должно быть сокращение выпуска бумажных денег. Это вещь жестокая, потому что она заставляет каждый Наркомат в отдельности, каждый местный Совет, принять меры к оздоровлению хозяйства. Но без этого оздоровления всего народного хозяйства существовать невозможно и дальнейшая нагрузка нас цветными бумажками, все более и более падающими в цене, может привести к катастрофическим результатам. Поэтому, перевод на золото, сокращение плана эмиссии, плана выпуска денежных бумажек, как первый шаг к сокращению государственного бюджета, это должно во что бы то ни стало научить нас жить в разоренной и нищей стране. Мы без всякого преувеличения можем сказать, что мы самое дешевое правительство, которое существует где-либо в мире, что крестьянство, держа Советскую власть, тратит в десятки раз меньше, чем оно тратило и чем оно должно было бы тратить на содержание любой другой власти. Но мы должны идти в этом направлении и дальше и сокращать государственные расходы до минимума, ни перед чем на этом пути не останавливаясь. Мало этого, мы должны перейти к системе платности для того, чтобы направить тот поток денег, который до сих пор вливался только в страну, чтобы он от страны шел в государственную кассу, т.е. тем самым в кассу промышленных предприятий, в кассу нашего агрономического института и всякого рода учреждений, направленных на разработку промышленных районов и промышленного хозяйства. Система платности и система налогов должна стать одним из основных методов укрепления государственного бюджета. Только при этих условиях мы сможем правильно поставить разрешение этого вопроса. Я возвращусь к тому, с чего я начал, а именно, с установления правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. И то, и другое должно быть поднято, и то, и другое упало очень глубоко, и то, и другое поднимать будет чрезвычайно трудно. Не думайте, что новая экономическая

политика отличается от старой тем, что при ней, как будто бы легче будет жить. Да, она хранит в себе эту видимость: крестьянам легче стало от продналога, рабочим стало легче от перехода на те новые формы тарифа и заработной платы, которые непосредственно связаны с этой новой экономической политикой,—но эта новая экономическая политика требует великих жертв. Она требует от крестьян бесплатного авансирования городов, от рабочих—бесплатной отдачи части своего труда, бесплатной работы на государство, потому что той заработной платы, которую государство сейчас может дать рабочему классу, конечно, недостаточно. Мы не лицемеры, и скрывать этого не будем. Да, она недостаточна, и мы знаем, что рабочие сейчас часть своего труда кладут бесплатно на то, чтобы поднять Советскую Республику из той глубокой разрухи, в которую она брошена. Новая экономическая политика, не есть легкая экономическая политика. Она сопряжена с большими трудностями, она гораздо более противоречива, чем та политика, которую мы вели раньше, но она есть единственная политика, которая за это время себя оправдала, единственная политика, которая выведет нас на новую дорожку.

Мы можем сказать в заключение следующее. Если положение так трудно, если те цифры, которые я вам приводил, не наполняют наши сердца радостью, то это потому, я думаю, что радоваться мы будем тогда, когда цифры будут свидетельствовать, что количество чугуна, нефти, соли, керосина и хлеба достигло, по крайней мере, довоенного уровня, а до тех пор мы можем только констатировать маленький слабый подъем; мы знаем, что этот подъем держится на ниточке, мы знаем, что приостановка продналога, или приостановка вывозки дров из леса могут сразу уничтожить этот наметившийся подъем, если мы знаем все это, мы можем сказать, что радоваться нечему. Так вот в этот момент наши враги стараются нам подсказать мысль: «если вы на пятом году констатируете, что вы еще не выбрались из тяжелого хозяйственного положения, то, может быть, следует вам откровенно и до конца договорить свою мысль и подвести итог в том смысле, что рабочий класс и крестьяне вообще поднять Россию из этой разрухи не могут». Но я предлагаю на этот вопрос ответить не горячим воззванием к прошлому, а спокойным и внимательным отношением и вопросом: кто же поднимет Россию, кто же ее может поднять вообще? Могут ли ее поднять капиталисты и дворяне-помещики? Дешевле ли они создадут правительство, легче ли будут их налоги, отнесутся ли они к России и ее богатствам так, как следует, или мы можем судить об их отношениях на опыте их отношений к голодающим, который показал, что Россия не только для русских, но и для мировой буржуазии желанная колония, на которую скалят зубы все мировые акулы. И если бы в один прекрасный день рабочие и крестьяне сказали: вывести Россию из этого тяжелого положения без помощи капиталистов мы не можем, то это означало бы, что Россия через несколько часов после пришествия капиталистов была бы превращена в каторжную тюрьму. А если мы с вами не видим выхода из нынешнего положения в том, чтобы призвать опытных организаторов трестов, опытных обладателей капиталами, если мы не думаем, что они выведут нас из нашего тяжелого положения, тем паче нет основания рассчитывать, чтобы нас вывели люди, вроде с.-р. и меньшевиков. Эти люди знают только один рецепт: без буржуазии, без дружбы и сотрудничества с нею нельзя ничего сделать.

Мы, т. т., взяли на себя трудную задачу. Мы шли одним путем, принуждены взять теперь другой путь. Но одно непререкаемо: кроме нас некому поднять Россию, кроме нас некому взять в руки все хозяйство, чтобы вести за собой Россию. Если мы в этом твердо убедимся, то мы в средствах не разойдемся: сохранить политическую власть рабочих и крестьян любыми средствами, а в области экономической добиться повышения производства—вот что перед нами стоит. Пока власть в руках рабочих и крестьян—есть еще надежда, есть еще уверенность, что экономическими реформами мы добьемся экономического процветания России. Если же власть будет уронена, то придет, как шакал, мировой капитализм, который разорит Россию. Поэтому новая экономическая политика должна быть нами продлена. На cure новой экономической политики, возможен медленный, но уверенный и постепенный подъем и крестьянского хозяйства и промышленности. На этой дороге надо приносить еще жертвы. Жертвы эти будут тяжелы; жертвы со стороны рабочих и со стороны крестьян, но мы абсолютно уверены, что на почве новой экономической политики мы, действительно, построим союз рабочих и крестьян, а на почве этого союза организовать и укрепить рабочее пролетарское государство необходимо. Тогда-то мы и докажем, что рабочие и крестьяне России могли не только на полях сражения сражаться с буржуазией, но что они умеют хозяйничать не хуже буржуазии и что они смогут построить Россию без панов, без помещиков, без фабрикантов во имя трудового народа. (Б у р н ы е а п л о д и с е м е н т ы).

Председатель (Ворошилов). Госаринци. поступило предложение, не сткывая прений по докладу т. Каменева заслушать доклад т. Богданова, Возражений нет? Слово имеет т. Богданов.

Доклад Т. Богданова.

Т. т., вопросы новой экономической политики упираются в основной вопрос о создании крупной промышленности, и хотя здесь и т. Ленин, и т. Каменев давали целый ряд цифр и характеристик о состоянии промышленности, но, все-таки, я полагаю, что 9-й Съезд Советов, вступая в новую эпоху строительства Республики, должен знать полную картину состояния промышленности, и поэтому позвольте мне изложить более подробно, с цифровыми данными то, что было сделано до сих пор. Мы имеем теперь крайний упадок в нашей промышленности, при чем в 1920 г. мы имели лучшее положение, чем в 1919 г., а в 1921 г. немного лучше, чем в 1920, и надеемся, что в 1922 г. положение будет еще несколько лучше. Но эта градация, эта разница в положении между отдельными годами незначительна, и для того, чтобы уяснить себе, что наши надежды на восстановление промышленности базируются не на этих маленьких улучшениях из года в год, а на более глубоких причинах, необходимо просмотреть наши основные отрасли промышленности и подойти к ним с более близким анализом. Начну с тех основных отраслей, на которые еще прошлый Съезд Советов обратил особое внимание:—на нашу тяжелую индустрию и, в первую очередь, на нашу топливную промышленность. Здесь прежде всего приходится говорить об угле. Наш Донбасе за 1921 год дал большее количество угля, чем он дал в 1920 году. Вместо 275 милл. пуд. за 1920 год мы имеем 325 милл. в государственных шахтах, да плюс еще миллионов 25 на шахтах

мелких, крестьянских. Но Донбасс пережил за этот год тяжелое потрясение, и тот подъем, который мы имели в конце 1920 года и который продолжался первые три месяца 1921 года, при уровне выработки от 30 до 33 миллионов пудов в месяц,—этот подъем с марта месяца начинает катастрофически падать и доходить до 9 миллионов пудов в июле месяце, и только после июля, благодаря тем мерам, которые на основании новой экономической политики были приняты, в Донбассе начинается снова подъем и мы подходим постепенно через август и сентябрь к новому подъему, который доводит выработку опять до 33 милл. пудов, т.-е. к выработке 3-х первых месяцев. В ноябре выработка переходит эту норму и доходит до 45 миллионов пудов, а в декабре доходит до 50-ти миллионов. Здесь особенно важно отметить, что во второй половине 1921 года мы за последние три месяца—октябрь, ноябрь, декабрь,—получили 40 процентов всей годовой добычи. Это вам показывает, что все усилия в Донбассе сконцентрированы были в последние месяцы и результат этих сконцентрированных усилий и дал соответствующую цифру. Эта цифра показательна, не только количественно, но и качественно. Она показывает, что Донбасс становится на здоровую почву. Если в январе месяце мы имели расход на собственные потребности шахт в 60 процентов, а в феврале в 48 процентов, то начиная с октября месяца, мы имеем уже собственную потребность, значительно упавшую, не превышающую 22 процентов в ноябре месяце. Таким образом мы выиграли не только в абсолютной добыче, но мы выиграли в чистой отдаче.

Чем вызвана эта отдача? Она вызвана концентрацией. Из тысячи ста (1.100) шахт, государство оставило за собой, только 288, т.-е. 26 процентов и на этих 26 проц. шахт оно сосредоточило выработку 88 процентов всей добычи. Оставшиеся 800 шахт пойдут либо в аренду, либо будут закрыты, и если мы в прошлом году по уравнительному методу поддерживали все Донбасс целиком, тратили десятки тысяч пудов продовольствия и материалов, то теперь мы, произведя концентрацию, получили выигрыши не только количественный, но и качественный. В марте месяце мы имели добычу в 33 милл. пудов при 17 с половиной тысячах забойщиков. Эту же добычу мы имели в октябре, но количество забойщиков было теперь 11 с половиной тыс. Уменьшение в полтора раза числа рабочих и, конечно, соответственно с этим повышение производительности, которое, подымаясь с июля месяца из месяца в месяц давало цифры с 800 до 1.100, 2.000, 3.000 и, наконец, до 3.400 пудов на забойщика в ноябре месяце. Эта цифра отстает только на 120 пудов от довоенной нормы забойщика. Вы видите, какое здоровое начало заложено в Донбассе.

Когда мы проанализируем эти цифры, мы сможем сказать, что Донбасс стоит на твердой почве и сорвать его будет не так-то легко. Если теперь перейти к другим областям каменноугольной промышленности, то здесь придется отметить только одно, что эти области (Подмосковный бассейн, Урал, Сибирь) в смысле своей добычи находятся в том же положении, в каком они были в 1920 году. Здесь успехов нет, отчасти потому, что продовольственный кризис 1921 года весной сорвал работу и в этих районах. Но если мы опять-таки посмотрим выработку последних трех месяцев (октябрь—декабрь), то и здесь мы увидим, что на эти три месяца, падает не четверть выработки, а больше—30—35 проц. Это показывает, что собственно и здесь интенсивность

труда повысилась, работа оживилась. И нужно отметить, что эти районы, которые имели для нас громадное значение при малой добыче Донбасса, момент, когда Донбассом владел Деникин, теперь, по мере роста Донбасса, естественно, не имеет большого значения, ограничиваясь только местным значением. Все наши усилия должны быть направлены в Донбасс, ибо там выработка будет и наиболее дешевая и наиболее рационально поставленная.

Если теперь от каменного угля перейти к другому минеральному топливу, не менее важному для нас, чем каменный уголь,—нефти, то здесь мы видим картину несколько иную, чем по Донбассу. Здесь картина не так резко выражена, но в общем почти та же. Мы имеем добычу нефти в 1921 году несколько большую, чем в 1920, но не на много. Мы в этой области имеем 244 милл. пуд.—в 1921 году против 239 милл.—в 1920 году. Если мы присмотримся к этим цифрам, то увидим, что в Баку наблюдается понижение добычи, а в Грозном увеличение. В Баку против 157 милл. добычи в 1920 году мы имеем 156—в 1921 году, в Грозном вместо 53 милл. в 1920 году, мы имеем—80 милл.—в 1921 году. Итак, в Грозном эта добыча превысила довоенную выработку, которая не превышала 73 миллионов. Что это нам говорит? Я должен сказать, что близкое рассмотрение цифр по Баку за последние месяцы, поскольку оно может быть нами проанализировано указывает, что и здесь катастрофического положения усматривать нельзя. Продовольственный кризис отразился и на Баку. Постепенно с первой четверти этого года выработка здесь начинает понижаться, но за самые последние месяцы, когда Баку получило продовольствие, когда были изменены тарифные ставки, произведена реорганизация, когда из-за границы был туда доставлен ряд недостающих там материалов, когда новая экономическая политика приложила там свою руку, мы замечаем резкий подъем и мы имеем в сентябре—11.700 тыс.; в октябре—12.600 тыс.; в ноябре—13.700 тыс., в декабре мы ожидаем 15.200 тыс. Вы видите определенный и резкий подъем. Надо сказать, что этот подъем здоровый, потому что он основан не на фонтанной нефти, а на увеличении нормальной добычи тартами и компрессорами и увеличения количества скважин, что опасность обводнения в некоторых районах Баку стоит перед нами. Борьба с этим обводнением может вестись путем увеличения числа скважин и усиления бурения. Эта работа из месяца в месяц усиливается. Если мы имели в июле мес. 715 работающих скважин, то на 10 декабря мы имеем — точная цифра, — 1060 скважин, т.-е. за 4 месяца мы количество скважин увеличили в полтора раза. Бурение также увеличивается из месяца в месяц, примерно на 50—100 саж. Что касается рабочей силы, то Баку страдало от недостатка рабочих, но в последнее время постепенное оздоровление района, улучшение положения рабочих начинает привлекать туда рабочие руки и количество рабочих увеличилось там на несколько тысяч. Баку ожило и товарищи, которые видели его в июле и приехали теперь, говорят, что картина разительная. Постепенное оживление района налицо.

Если в Грозном добыча увеличилась против прошлого года, то здесь вопрос продовольственный обострил положение и хотя число скважи увеличилось и в Грозном, но, все-таки, там сейчас заминка из-за продовольствия,

ибо за три месяца (сентябрь, октябрь и ноябрь) Грозному не было додано 32% необходимого ему продовольствия и, естественно, что эта недодача должна была отразиться на его работе. Сейчас принятыми мерами недостаток продуктов ликвидируется. Продовольствие туда брошено и тот подъем, который приостановился было в Грозном, за последние месяцы может быть восстановлен. И здесь мы также имеем все основания ждать дальнейшего развития добычи. Я не буду говорить о торфе, потому что о нем здесь говорили достаточно, и скажу только, что то достижение, которое мы в этой области имеем, применение способа добычи — это достижение ценно для нас, главным образом, потому, что удешевляет производство, примерно, на 40%, т.-е. почти вдвое, и уменьшает количество рабочих, занятых в этом процессе, тоже, примерно, в такой же цифре. Поскольку торф вообще имеет значение местного топлива в общем балансе Республики, его приходится учитывать осторожно. И тот успех, который мы имеем в этой области, конечно, решающего влияния на наше топливоснабжение иметь не может.

Перейдем теперь к дровяному топливу. Это топливо стало для нас основным за годы революции. Это топливо, крайне неудобное для транспортирования, загружало наш транспорт, принося нам массу хлопот. Это топливо трудно по своей организации и при его добыче мы должны были усиленно напрягать наш центральный аппарат. И в этом году, в 1921, это топливо продолжало все-таки играть очень значительную роль в нашем балансе. Но значение его уменьшается. Мы имеем в 1921 году заготовку за операционный год до 1-го июля—11.500.000 куб. саж. и вывозку—10.200.000 куб. саж. В общем выполнение составляет около 70% программы. Но здесь против прошлого года мы снизились во вторую половину года весьма значительно. И если мы заготовили в прошлом году за второе полугодие за зимние месяцы около 5 милл. кубов, то в этом году мы заготовили только 2.602.000, а вывезли 1.772.000. Как видите, цифра сильно упала. Наши надежды заключаются в том, чтобы при помощи тех усилий, которые будут сейчас нами приняты, использовать оставшиеся 4 месяца и подвести топливо из леса. И поскольку гужевой налог крайне незначителен и трудовая повинность отменена, местные органы должны принять все меры к организации вывозки дров из леса. Средства на это сейчас отпущены, и только усилия и энергия всех работников на местах позволят нам выйти из тяжелого положения. А положение это тяжелое, ибо наши дороги в этом году будут еще в значительной мере жить на дровяном топливе, а мы имеем запасы, которые исчисляются не месяцами, а в нашем центральном районе—неделями, а то и днями. И хотя сейчас по зимнему пути подвоз усилился и проведение нами топливников дало 115% выработки, полностью оправдало себя и помогло улучшить положение дел на жел. дороге, но нам нужно затратить еще много сил, чтобы дровяное снабжение обеспечить на весь 1922 год. Что касается сплава, то сплав закончен нами совершенно благополучно—мы имеем невыгруженными из воды и затопленными 15%, а 84% леса, сброшенного в воду, нами получен и сейчас реализуется. Это нужно назвать хорошим достижением. Если охарактеризовать общее состояние топлива, то нужно отметить следующее: в нашем топливном балансе начинает замечаться здоровое

улучшение. Это здоровое улучшение замечается в том, что мы постепенно усиливаем значение нашего минерального топлива в общем балансе и уменьшаем значение дров, т.-е. переходим к удобному для сжигания топливу. Каждый пуд каменного угля и нефти увеличивает и улучшает коэффициент использования самого топлива, а поскольку это топливо высоко-сортное, постольку оно улучшает и положение нашей промышленности, позволяя экономить на количестве этого топлива, а, в конечном счете, на затрате для страны и всех других ресурсов. Если в 1920 г. мы имели дров в размере 48% нашего баланса, то в 1921 г. мы имеем их уже в количестве 38% нашего баланса—уменьшение на 10%, и мы не далеки уже от цифры 24% дров, роль которой они играли в 1916 г. Мы идем к оздоровлению. Что касается того количества топлива, которое получила промышленность, то здесь нужно указать, что громадное количество нашего топлива идет, главным образом, железным дорогам и водному транспорту, а на промышленность мы имели в 1921 г. не более 30½% всего топлива, которое мы поставили на колеса и взяли из сплава. Каковы же перспективы на 1922 год? Здесь перспективы эти построены крайне осторожно. Мы не делаем никаких оптимистических выводов, как это было предложено на прошлом 8-м Съезде, когда мы преувеличили наши ресурсы и не имели того учета, который мы имеем сейчас. Наш топливный план на 1922 год построен с превышением против исполненного плана на 1921 год в 1½ раза. Если в калориях мы имели топливо 1.120.000.000 пуд. в 1921 году, то на 1922 год мы рассчитываем на 1.650.000.000 пуд. (увеличение в 1½ раза), при чем на промышленность мы надеемся дать количественно топлива примерно в 2½—3 раза больше, чем мы дали в 1921 г. Но тут важно еще отметить, что количество топлива дровяного, которое получит наша промышленность, будет зависеть исключительно от ее самостоятельности, ибо мы отказались от снабжения государственными органами целого ряда фабрик и заводов, уменьшив ровно вдвое наш предварительный топливный план, снизив его с 10.000.000 кубов до 5.000.000, и теперь мы предоставляем нашим главным управлениям и трестам самим заготавливать дровяное топливо. И поскольку мы перешли на хозяйственные формы управления, от самих трестов и наших предприятий будет зависеть наилучшим, наиболее экономным, способом поставить свои разработки и тем получить большее количество дровяного топлива.

Если перейти к отрасли промышленности, не менее важной для нас, чем топливо—металлургии, то тут мы находимся в положении худшем, чем с топливом. Мы имеем добычу чугуна по отношению к довоенному времени всего 2,6%; и, конечно, с таким количеством мы не можем ни в какой мере управляться. И если мы, кроме того, возьмем и сравним по годам эти небольшие количества, то мы в 1921 г., имея 7½ милл. пуд. чугуна, увеличили против 1920 г. нашу добычу только на 1.200.000 пуд., выработав в 1920 г. 6 милл. 300 тыс. пуд. И вот эта цифра—7½ милл. пуд. чугуна составляет 2,10% довоенной добычи. Конечно, с этим количеством мы не можем строить нашу промышленность, ее нужно поднимать так же, как мы поднимаем топливо. Какие же у нас виды и какие перспективы по увеличению добычи чугуна? Здесь опять-таки мы имеем два главных района: Урал и юг, и юг, опять-таки, является тем районом, от которого нам должно притти спасение,

как по углю, так и по металлу. Вся основная добыча до войны шла с юга. Все-таки, будучи отрезанными от юга Деникиным, мы вынуждены были обращать внимание на Урал и наш центральный район, живя эти два предыдущих года, главным образом, за счет старых запасов и добычи с Урала. Но Урал на 1922—1923 г.г. потеряет для нас то значение, которое он имел в эти годы, потому что тяжелые продовольственные условия в значительной мере подорвали лесные заготовки. И оттого, что Уральские домы работают на древесном угле, зависит тот подрыв, который может быть исправлен только усилением этих заготовок, а это, в свою очередь, может быть сделано только в 1922 году, так как половина нынешней зимы уже прошла, и на Урале мы много сделать не сможем; поэтому только зима 1922—1923 г.г. позволит нам улучшить положение на Урале. Таким образом, нам опять-таки придется смотреть на юг—в Донбасс. Здесь наши более крупные металлургические заводы и коксовые печи; и для того, чтобы приступить к улучшению добычи и увеличению ее, мы объединили наши 3 крупнейших завода, в так называемый, трест «Югосталь», и этот трест несколько месяцев уже начал работать. И, опять-таки, те принципы нашей экономической политики, которые мы приложили здесь, дали уже свои результаты. Этот трест дал уже за 3 месяца, из месяца в месяц, повышение добычи угля в шахтах, а также и переработку его в кокс, а также и увеличение добычи чугуна. Цифры добычи приводил т. Ленин, и я их повторять не буду, но должен сказать, что производственная программа по «Югостали» намечена в 10 милл. пуд. чугуна на 1922 г. Это больше половины того чугуна, который мы надеемся получить в 1922 г. За эти годы мы на юге тщетно старались добиться того, чтобы у нас работали хоть две домы. Работала, однако, всего одна. И вот вновь образованный трест, собрав уголь и подобрав кокс, пустил уже две домы. Таким образом, в течение 1922 года мы должны получить до 10 милл. пуд. чугуна, пустив все домы. Но и это программное количество чугуна на 1922 год для нас недостаточно. Те 19 милл. пуд., которые мы на 1922 г. наметили, заткнут нам только основные необходимые дыры. Развивать же на этом базисе сильным темпом нашу металлообрабатывающую промышленность в 1922 г. не придется. Чтобы вам показать, как медленно придется нам восстанавливать нашу промышленность, я укажу на программу, намеченную для развития добычи чугуна на юге на 3 года. Она составлена в таких цифрах. На 1922 г. мы надеемся добыть 19 милл. пуд., на 1923 г.—28 милл. пуд., на 1924 г.—42 милл. пуд. Мы только через два года надеемся увеличить нашу производительность до 21% довоенного времени. Здесь нужны огромные усилия, и только таким путем мы поднимем нашу металлургию. Если говорить о металлообрабатывающей промышленности в целом, то она в общем так тесно связана с металлургией, что общая картина будет та же. Отмечу только 2—3 момента. Нам особенно надо развивать сельско-хозяйственную промышленность, и восстановление крестьянского хозяйства нам нужно так же, как и восстановление промышленности. Если до войны мы производили сельско-хозяйственных машин и орудий на 50 милл. золотом, то в 1920 г. мы изготовляли их всего на 2,8 милл., т.-е. 6%. И в 1922 г. в качестве программы из-за недостатка металла намечено только на 8½ милл. т.-е. 17% довоенного производства. Во всяком случае, мы увеличиваем

нашу сельско-хозяйственную промышленность больше, чем целый ряд других отраслей.

Другой важной отраслью промышленности является производство на транспорт. И тут наши транспортные заводы, входящие, главным образом, в управление Гомзы, улучшают свою работу. Они в конце 1920 г., за последние месяцы его, после жесточайшего продовольственного кризиса, стали выполнять производственную программу более, чем на 100%. Благодаря этому нам удалось сократить количество больных паровозов. В связи с продовольственным кризисом летом 1921 г., производительность их снова пала и только с сентября месяца мы опять видим улучшение; оно идет совершенно регулярно, из месяца в месяц. Но до выработки декабря 1920 г. эти заводы еще не дошли, и это показывает всю тяжесть пережитого ими кризиса. Здесь придется применить все пружины новой экономической политики, чтобы эти заводы были поставлены в наилучшие хозяйственные условия, чтобы им было дано достаточно оборотного фонда, чтобы всю новую продукцию для государства они могли увеличить до потребных размеров. Несколько лучше дело в промышленности медной, которая нам нужна в 2-х отношениях: для электрификации, для выделки кабеля и для военной промышленности, которая должна получать патронную латунь.

Здесь мы имеем достаточно много запасов, до 12 милл. пуд. меди в разных сортах, и так как наша потребность в 1921 г. оказалась около 2 милл. пуд., а производственная программа на 1922 г. потребует до 8 милл. пуд., то мы имеем, значит, запаса на 2 года. Но так как ни один металлообрабатывающий завод у нас не работает, то мы стоим перед необходимостью теперь уже подумать о восстановлении нашей медедобывающей промышленности, и нами в ближайшем будущем пускается первый наш завод на Урале. С открытием этого завода мы получим в 1922 г. до 100.000 пуд. собственной меди, а параллельно мы должны подготовить для пуска другие наши меднорудодобывающие заводы. Наша металлургическая промышленность и по черным, и по цветным металлам базируется на руде, и вы знаете, что Республика обладает богатейшими залежами наилучшей руды в Криворожском бассейне, марганцевой руды около Азовского моря, руды на Урале и т. д. Мы имеем богатейшие залежи, но в настоящий момент эти залежи не разрабатываются почти совершенно, и мы имеем, вместо 550 милл. пуд. добычи железной руды в 1913 году, $9\frac{1}{2}$ милл. в 1920 г. и 13 милл. пуд. в 1921 г., т.-е., это такие цифры, о которых говорить не стоит, ибо они равняются нулю по сравнению с довоенной добычей. Поэтому нам необходимо приложить сейчас громадные усилия заблаговременно, ибо у нас имеются запасы на поверхности до 200 милл. пуд., которых хватит нам только на ближайший 1922 г. для нашей металлургической программы, и которые дадут возможность часть этой руды, как оборотный фонд, пустить в продажу за границу, ибо это хорошая руда и имеются предложения ее купить и тем увеличить наш фонд. Нам нужно сейчас же приступить к восстановлению Криворожского бассейна и других месторождений, ибо для восстановления их потребуются не месяцы, а минимум год, чтобы привести их в порядок и приступить к работе. Эта задача, которая должна быть поставлена перед хозяйственными органами в области рудодобывающей промышленности.

В области золотой и платиновой промышленности мы стоим также на нуле, в настоящий момент. Тем, что нами сейчас сделано, созданием двух трестов, которым дана полная возможность поставить дело, восстановить его, наши виды на 1922 г. значительно уже улучшены, и мы надеемся, что, создав эти тресты, и передав им некоторый оборотный капитал для постановки их на хозяйственные ноги, мы в 1922 г. получим уже известный металлический фонд драгоценных металлов.

Из горной промышленности совершенно другую картину, в лучшую сторону, представляет одна область, именно, соляная промышленность. Здесь мы имеем громадный успех, который показывает, что там, где мы прилагаем наши усилия с применением опять-таки новых методов, мы получаем хорошие результаты. Мы имеем в 1920 году добычу соли в 37 милл. пуд., а в 1921 г. 65 милл. пуд., и поскольку наша потребность определена 65-ю милл. пуд., мы исполнили полностью наш наряд, и дальнейшая добыча тормозится не отсутствием возможности усилить эту добычу, а, главным образом, отсутствием транспорта, вывозных средств. Добытая соль, если не вывозится, опять слеживается, окаменевает, и потом приходится как бы снова ее разрабатывать. Добыча соли сосредоточена, главным образом, в Баскунчаке, на Баскунчакских озерах, в Перми, на Урале и на юге Черного моря. Эта отрасль, которая сейчас дает возможность нам создать нашу валюту; поскольку соль монопольный продукт, она заменит нам в наших оборотах наши денежные ценности.

Два слова надо сказать об электротехнической промышленности. Поскольку электрофикация является для нас необходимым моментом для восстановления нашей промышленности, нам нужно указать, что на эту электротехническую промышленность мы должны обратить наше величайшее внимание. За годы революции эта промышленность стояла и только теперь, за последние месяцы, она начинает несколько оживать. Эти симптомы оживления дают нам возможность считать, что те задачи, которые стоят перед электрофикацией, в 1922 г. смогут быть выполнены нашей промышленностью.

Мое время истекает, и поэтому я остановлюсь только на текстильной промышленности, как основной промышленности широкого потребления, которая играет громадную роль в общем балансе товарооборота нашей страны. Здесь нужно прежде всего констатировать, что то количество хлопчато-бумажных тканей, ситца, которого больше всего идет в ход, за эти годы достигало не больше 6½ милл. ар., т.-е. опять-таки совершенно ничтожной величины. С другой стороны, в этой отрасли промышленности, более чем в какой-либо другой, понизилась производительность труда за последние годы. Мы имеем огромное количество фабрик, прекрасно оборудованных, которые имели нагрузку от 8 до 15%, и, конечно, при такой нагрузке производительность была минимальна. Нужно в общем сказать, что производительность упала, примерно, в 5 раз, и использование отдельных станков, ткацких и прядильных, уменьшилось в два раза. Поэтому в этой области нужны особые меры. Хлопчато-бумажная промышленность должна быть сконцентрирована так же жестко, как сконцентрированы шахты в Донбассе, и из всех средних и крупных объединений, которые сейчас стоят на очереди, придется сделать громадный отбор и оставить только то, что вполне жизненно и смо-

жет оправдать себя. Те объединения, которые созданы за последние месяцы в центральном районе, дадут нагрузку своих фабрик до 30%, но это мало, и придется эту нагрузку добавить еще больше, чтобы получить должные результаты. Нужно отметить, что и в этой отрасли там, где мы проводим новые принципы экономической политики, проведение их уже дало свои результаты, и производительность наших хлопчатобумажных фабрик за последние месяцы увеличивается. Мы имеем в октябре 15 милл. арш. тканей, в ноябре 24 милл. арш., выработанных в центральном районе, и в декабре получим от 22 до 34 милл. арш. тканей. Точно так же и в льняной промышленности, в которой мы создали наш первый трест, работа идет уже 4—5 месяцев и постепенно эти фабрики начинают работать с нагрузкой около 55%. Производительность постепенно повышается. Для примера можно привести одну из наиболее крупных фабрик—Костромскую мануфактуру, где за те же периоды произведено 1 миллион в квадратных аршинах тканей, тогда как в 1920 г. выделывалось на ней только 270 тыс. аршин, т.-е. в 4 раза меньше. Если не касаться подробно остальных отраслей промышленности, то можно указать, что химическая промышленность находится в лучших условиях, чем металлургическая и текстильная, ибо в ней производительность не так упала и выработка держится на довольно высоком уровне, относительно, конечно, и те потребности, которые страна предъявляет к химической потребности, удовлетворяются в достаточной мере, и только в одной области, в отношении выделки искусственного удобрения, столь необходимого для нашего сельского хозяйства, имеется сильное снижение. Раньше мы выработывали до 3 милл. пуд. суперфосфата и ввозили несколько десятков милл. пуд. из-за границы. Теперь мы не имеем почти ничего, ибо производительность исчисляется всего в 300.000 пуд. Но в этой области работаем уже два года над изысканием новых залежей и развитием производства. Нами открыты залежи фосфорита в Вятской губернии, более мощные, чем заграничные фосфориты. Далее, построен новый суперфосфатный завод около Нижнего-Новгорода и строится другой в северной части Волги; затем проектируется еще 3 завода. Мы надеемся в этой области промышленности поставить сеть самостоятельных суперфосфатных заводов, работающих на собственном сырье—фосфорите, чтобы иметь возможность дать для нашего сельского хозяйства собственные удобрительные туки, не будучи зависимыми, в этом отношении, от заграницы.

Если в отраслях промышленности, бегло рассмотренных здесь, мы имеем тяжелое положение и намечающееся улучшение лишь за последние месяцы, то этим в значительной степени, или даже исключительно, мы обязаны тому, что производительность труда на наших заводах повышается гигантскими шагами. Мы имели в конце 1920 года на наших заводах по всем отраслям промышленности в среднем 22% прогульных дней. Начиная с января месяца 1921 г. мы постепенно, вместе с развитием продовольственного кризиса, дошли в июле почти до полной остановки целого ряда отраслей промышленности. Прогулы рабочих дошли до 59% в июле и до 45%—в августе, потому что большинство наших фабрик и заводов стояло. С момента оживления нашей промышленности в сентябре этот процент очень быстро уменьшается и мы доходим теперь в тех отраслях промышленности, где работа оживляется—в Донбассе, Баку, в наших льняных трестах, на Югостали—до норм,

не превосходящей много максимальной нормы в 15%. Это совершенно ясно говорит о повышении производительности труда и показывает, что возрождение нашей промышленности подвигается и строится на здоровом и прочном фундаменте. В отношении обеспечения рабочих, мы вынуждены были из-за недостатка продовольствия уменьшить количество рабочих, находящихся на государственном снабжении. И если в марте 1921 г. мы имели в виду снабжать 1 милл. 770 тысяч рабочих, занятых в промышленности, то теперь на январь мы имеем около 1 милл. 50 тысяч рабочих, состоящих на государственном снабжении. Но зато это государственное снабжение выполняется теперь более аккуратно. Заводы, находящиеся на коллективном снабжении,—а их у нас 94, с количеством рабочих в 370 тысяч—снабжаются совершенно аккуратно, за исключением отдельных случаев, когда доставка продовольствия запаздывает. При этом надо отметить, что на государственное снабжение у нас включены в первую очередь основные отрасли промышленности,—так, например, наша угольная и нефтяная промышленность включена в 100% на государственное снабжение, металлическая—97%. Из этого вы видите, что дающийся нам государственный продовольственный фонд используется наилучшим образом и идет в те отрасли промышленности, которые являются для нас основными. Но так как общее количество рабочих у нас не миллион сто тысяч, а больше (мы, примерно, считаем 2 миллиона 50 тысяч человек, занятых в промышленности), то около 900.000 рабочих—заняты в предприятиях, не находящихся на государственном снабжении, и здесь только новые методы работы и переход на хозяйственные начала, а следовательно, возможность самоснабжения наших предприятий позволят содержать этих рабочих.

Председатель. Время оратора истекло. Т. Богданов просит еще 15 минут. (Голоса: про с им). Возражений нет? Докладчик имеет еще 15 минут.

Богданов. Для того, чтобы выполнить ту производственную программу, которая поставлена нашей промышленности на 1922 год—а эта программа составлена крайне осторожно, и поскольку топливо увеличивается в общей своей сложности на 50%, промышленность увеличивается в $2\frac{1}{2}$ раза—нам нужны средства. Стоимость нашей продукции—900 милл. в довоенных золотых рублях. Это составляет, примерно, около одной трети или одной четверти выработки довоенного времени. Но для того, чтобы выработать на эти 900 милл. р., мы должны иметь оборотные фонды, и этих оборотных фондов у нас не хватает. Мы должны эти фонды получить. Получить можно путем привлечения средств извне, скажем, путем займов, или, с другой стороны, путем усиления нашего товарооборота внутри страны. И наши усилия прежде всего должны быть направлены именно в сторону извлечения из самой страны тех ресурсов и средств, которые должны ускорять товароборот; обращая скорее наши товары, мы тем самым быстрее снабжаем наши фабрики и получаем возможность увеличивать их производительность, и поскольку производительность увеличивается в 4—5 раз, мы получаем быстрое накопление прибавочных товаров, увеличиваем наши фонды, и за счет этих фондов восстанавливаем нашу промышленность. Это—основная задача, которую приходится решать нашей промышленности. Для того, чтобы правильнее решить ее, необходимо применение всех тех методов, которые облегчают ведение торговли. Эти методы выявляются

и в торговых отделах, и в товарных биржах, которые должны быть в наших руках. Пропуская через них товарооборот, мы его держим под нашим контролем. Являясь самыми крупными капиталистами на нашем рынке, держа в своих руках все крупное производство и все товары, мы влияем таким путем на рынок. Для того, чтобы крупную государственную промышленность наилучшим образом поставить, нужны соответствующие организационные формы. Эти организационные формы строятся. 8-й Съезд Советов своей резолюцией утвердил их в таком виде, что мы делим нашу промышленность на две части. Промышленность, которая постановлением 8-го Съезда передана в управление мест, — а таких предприятий мы передали за этот год около 2.100, — вся целиком должна остаться в управлении Губсовнархозов и работать, пользуясь местными ресурсами и средствами, кроме тех крупных предприятий, которые находятся на местах и потребуют государственного фонда. Та промышленность, которая находится в нашем управлении, по постановлению 8-го Съезда, как имеющая исключительно государственное значение, оставлена за нами — это топливное дело, металлургия, рудное дело и некоторые другие. Эта промышленность нами трестируется, т. е. создается ряд крупных объединений предприятий, которые хозяйственно дополняют друг друга, в которых наилучшим образом используют все ресурсы — топливные, сырьевые и другие. И эти крупные предприятия — тресты, которые у нас созданы и которых на декабрь месяц насчитывается 15 во всех отраслях промышленности, позволят государству держать в своих руках основные источники восстановления хозяйства. В первую очередь, это будет сырье, топливо и металл, который нужен для всей промышленности в целом. И, конечно, государство, его центральные органы должны заведывать этими средствами и распределять их. Государство имеет в своих руках крупную промышленность, и тем самым окончательно разрешается вопрос о взаимоотношениях наших центров и мест. Поскольку вся промышленность, которая передана местам, остается в их руках, а та, которая передана центру, остается за ним, — вопрос сводится к установлению договорных отношений между предприятиями, входящими в центральные тресты и местными совнархозами. Отношения эти должны складываться на началах оказания взаимных услуг, на началах договорных сделок со взаимным обеспечением друг друга, на основе использования крупной государственной промышленности местных ресурсов, при чем государственная промышленность будет отдавать местам часть своей продукции. Таким образом, приступая к новому этапу строительства нашей хозяйственной жизни, мы должны вступать в этот период тесной связи центра и мест. Наша хозяйственная организация должна быть едина и должна быть тверда, ибо перед нами стоит целый ряд рифов, целый ряд опасностей, которые нам приходится преодолевать, и если мы в этот период будем возобновлять трения между центральными и местными органами — и если мы не сумеем по-хозяйски — ибо государство, в лице руководящих органов, в лице крестьянства и пролетариата, стоящего во главе, является единым хозяином — если мы не сумеем внутри себя влиять, допуская распри, то это отразится на нашей хозяйственной деятельности, и в результате мы будем биты, а этого допустить мы не можем. Поэтому, заканчивая свой затянувшийся доклад, я хотел бы выразить глубокую уверенность, что те постановления, которые вынесутся на Съезде и вами будут подвергнуты критике и обсуждению, помогут окончательно ликвидировать вопрос о центре

и местах и установить здоровые взаимоотношения на хозяйственных началах, и подобно тому, как 8-й Съезд положил здоровое начало децентрализации в управлении и избавил центр от целого ряда ненужных и паросших на него органов управлений, так 9-ый Съезд окончательно подведет все итоги, и в дальнейшем мы сможем работать на новых здоровых началах, и мы будем в центре организовывать нашу промышленность, которая осталась в наших руках.

Председатель. Слово имеет тов. Лихачев.

Лихачев. Я хочу обратить ваше внимание на одну мысль, брошенную вчера т. Лениным. Он с ужасом говорил о том, что у нас есть застарелая привычка, выработанная во время революции: садить и пересаживать, организовываться и переорганизовываться, и что мы все время тратим на то, чтобы организоваться; работу надлежащим образом нам некогда вести. Мы знаем, что эта привычка у нас имеется сверху до низу. Если нельзя переорганизовываться, то мы переезжаем из одного помещения в другое, если нельзя переехать, то мы столы переставляем, и это наша общая советская слабость. Я хочу это замечание применить к практике и политике наших хозяйственных органов.

Всем известно, что против трестов Губсовнархозы и Губисполкомы не возражают, когда дело касается крупной промышленности. Но все-таки, нам кажется, здесь нужно быть осторожными. Если нет необходимости переорганизовываться, то нужно подождать. Придет, может быть, время когда мы построим величайшую организацию, охватывающую промышленность по отраслям с одного конца Республики до другого. При современных путях сообщения, при современных экономических условиях это трудно, но в настоящий момент ВСНХ это не учитывает. То и дело возникают тресты, часто нецелесообразные, без ведома или при явном протесте со стороны мест. Я иллюстрирую мою мысль несколькими примерами. У нас, здесь, в Москве, уже довольно давно, около 2 месяцев, работает объединение «Жирность». В настоящее время мы видим результаты его работы. Объединение становится на ноги и уже дает прибыль. Вдруг мы узнаем, что должна отдельно организоваться мыловаренная промышленность, что вызывает протест всех трестов, в том числе и протест Казани, где есть мыловаренный завод. Я убежден, что мыловаренный завод в Казани находится в состоянии лучшем, чем он был раньше. Однако, оказалось необходимым разрушить начавшееся организовываться дело, создать громаднейший аппарат и с ним оперировать. Я слышал один чрезвычайно яркий пример осведомленности о состоянии нашей промышленности и нашего хозяйства; мы еще недостаточно знаем об этом, даже в пределах губернии и. само собой разумеется, еще менее знаем об этом даже в высших органах. На партийной конференции рассказывали случай, как крымчане искали хозяина крупнейшего завода. Они ездили и искали его везде. Приехали в Москву и тут не нашли. И теперь т. Ефремову, делегату Съезда, поручено розыскать хозяина этого предприятия. Если мы так хорошо знаем нашу промышленность, если у нас такие пути сообщения и такое снабжение, то ясно, что громадный аппарат нужно строить только в крайнем случае. И мы не возражаем против того, чтобы его строить, но только осторожно. Орлы мысли со своих высот, конечно, видят великолепно, но нам с низов надо посмотреть на все подробности механизма, учесть их и тогда наше хозяйство будет иметь для нас огромное значение. Конечно, можно обвинять нас, само-

стейных, в стремлении, но опыт нашей гражданской войны показал, что мы единодушно ставили перед собой определенные задачи и ради них умели жертвовать местными интересами в пользу интересов всей Республики. Сейчас все понимают, что единственный выход из положения—это восстановление крупной промышленности. Можно представить достаточно доказательств, если нужно организовать тот или иной трест. 8-й С'езд Советов так и постановил, но тут же возник вопрос о том, чтобы отбирать предприятия обратно. Я был на комиссии ВЦИК и там говорили, что может быть 9-й С'езд посмотрит на это дело иначе. Я боюсь, чтобы подобного отношения не было и дальше. Мы должны, по крайней мере, один—два года иметь определенный план. Поэтому я призываю к большехозяйственной консервативности. Не всегда новшества хороши. Нужно урезать наши главки. Возьмем Жирокость. Там уже ведется некоторая работа, но большой переполох был вызван тем, что снова будет перестройка. Был с'езд директоров, на котором присутствовало больше 200 чел. Все они меня спрашивали и говорили, что надо строить так, чтобы в один-полгода не перестраивался намеченный план. Укрепляя план, мы можем восстановить промышленность, но сразу взять широкий масштаб нельзя. Необходимо, поэтому, дать больше инициативы местам, и больше внимания. При протесте мест трест организовать нельзя. Но если есть данные для его организации, то места убедить можно. Местные организации поймут, что самое важное, чтобы предприятие работало, а не то, где оно находится. Не время сейчас драться: нужен один, но твердый хозяин. В текстильной промышленности были два хозяина Главтекстиль и ВСНХ, но скоро не будет там ни одного. Два хозяина—скверно, и мы скорее согласились бы, чтобы был кто-нибудь один, но твердый хозяин.

Председатель. Слово имеет тов. Секацкий.

Секацкий. Товарищи, мы приехали со всей России, и каждый из нас думает, как бы улучшить положение нашего народа, улучшить его хозяйство. Наконец-то мы дождались этой возможности—поднимать нашу экономику. Тут опоминать обо всем—в том числе и о плугах, и о боронах. И действительно самое главное у нас сейчас в экономике сельское хозяйство и земля для работника. Земля у нас есть. Не даром мы столько воевали за нее. Теперь у нас ее никто не возьмет,—и мы можем на ней строить всю нашу экономику. Мы же будем просить Президиум и всех наших вождей крепко держать завоеванную нами Рабоче-Крестьянскую власть и вести всю нашу экономику (Бурные аплодисменты).

Председатель. Слово имеет т. Карташев.

Карташев. Товарищи, доклад т. Каменева чрезвычайно был интересен: в нем отчетливо развивались все мысли, которые мы заслушали вчера от главы нашего правительства — Владимира Ильича. Затем их еще сильнее развил т. Богданов, при чем все возрождение нашего хозяйства, в особенности в докладе т. Богданова и в докладе т. Каменева, сводятся к двум основным вещам: к возрождению в первую очередь сельского хозяйства и затем к возрождению крупной промышленности. Однако, ни т. Каменев, ни т. Богданов не затронули еще одной из довольно существенных отраслей нашего хозяйства, я имею в виду коммунальное хозяйство. Товарищи, как ни странно, но

если мы сейчас посмотрим на развитие нашей промышленности, на те результаты, которые принесла новая экономическая политика, т. е. на рост производительности труда, и зададим себе вопрос, что еще необходимо для того, чтобы эта производительность труда не падала, то увидим, что, с одной стороны, нам нужно продовольствие, а с другой—необходимо обслуживание производителей. В заслушанных нами докладах это последнее абсолютно упущено.

Что же, товарищи, внесла новая экономическая политика в коммунальное хозяйство? Как вам известно, она пока кроме двух декретов, изданных Совнаркомом, абсолютно ничего не принесла. Один декрет говорит о том, что мы отменяем бесплатность и устанавливаем оплату услуг, оказываемых коммунальным хозяйством, и другой декрет—об изменении жилищной политики. Товарищи, разрешают ли эти два декрета и все наше законодательство коммунальный вопрос, вопрос обслуживания, главным образом, городского пролетариата. Я думаю, что они недостаточны, и здесь необходимо было бы в основном докладе или в специальном содокладе сказать, что же намечается в связи с новой экономической политикой в этой части нашего хозяйства.

Если мы сейчас посмотрим на проведение новой экономической политики и применение указанных декретов, если мы посмотрим, напр., на декрет о жилищной политике, то он как будто сводится к тому, чтобы дать большую возможность применения частной инициативы. Товарищи, применить частную инициативу, что значит затратить известный капитал на домостроение, это значит—применить частную инициативу в деле ремонта и восстановления жилищ, главным образом, городских жилищ. Когда мы посмотрим на развитие нашей, так-называемой, мелкой промышленности, которая в первую очередь должна обслуживать коммунальные хозяйства, то мы увидим, в каком направлении она идет. Мы считали, что если будут развязаны руки мелких владельцев, то они начнут сразу производить те материалы, которые, главным образом, необходимы для восстановления городского хозяйства. На поверку же выходит, что частная инициатива больше всего занята не производством кирпичей, а производством кукол, пуговиц и всякого рода никому ненужного хлама. Поэтому, товарищи, перед нами стоит один из довольно основных вопросов, чтобы наш ВСНХ—а если он не справится, то Совет коммунального хозяйства—поскольку нет сейчас проявления частной инициативы в этой области, наметил сейчас целый ряд практических мероприятий для увеличения строительных ресурсов. Если мы, товарищи, на ближайшие два—три года не примем каких бы то ни было мер, то острейший жилищный кризис неизбежен.

У нас сейчас ощущается этот кризис частично, а тогда мы будем иметь его во всей широте. Товарищи, если вы посмотрите дальше на наше законодательство по части коммунального хозяйства, то, я думаю, вы согласитесь, что оно также недостаточно. Почему? Почему, наоборот, в области промышленности новая экономическая политика широко разворачивается? Потому что ВСНХ, со всеми его хозяйственными органами, выделен в самостоятельную экономическую единицу. У него имеются свои кредиты, и он распоряжается в центре и на местах, как самостоятельная экономическая единица. Если же мы посмотрим на наше коммунальное хозяйство, то предприятия его—напо-

выми являются водопровод, бани и проч.—будучи исключены из государственного снабжения, как деньгами, так и всем прочим, попадают в местный бюджет. И вот, попадая в местный бюджет, они сливаются уже со всеми видами местных потребностей, сливаются со школой, театром и пр. вещами. Я, товарищи, полагаю, что 9-й Съезд должен будет сказать здесь свое слово. Коммунальное хозяйство на местах является исключительно местным. Нужно его, в местных пределах, выделить в самостоятельную единицу, отделив от других нужд, как содержание административного и пр. аппаратов. Таким образом, если мы это постановление вынесем, коммунальные отделы смогут вести свою работу. Дальше, перед нами стоит еще вопрос. В основном докладе о новой экономической политике не был освещен следующий вопрос. При проведении новой экономической политики мы дали возможность развиваться всему хозяйству, мы проводим новую экономическую политику всерьез и надолго. Но сказано, что не навсегда. А в коммунальном хозяйстве это так или не так? Тут как будто бы иначе. По-моему, нам, Съезду, нужно вынести такого рода постановление: местные органы, местные исполкомы, в лице коммунальных отделов, должны всеми мерами устранять спекулянтов. Если мы посмотрим, в особенности в деле домостроения, при проведении новой экономической политики, при сдаче домов в аренду, что сейчас творится, то мы видим, что, как только спекулянт возьмет дом, он сразу предъявляет такие требования, при которых рабочие абсолютно не могут жить в этом доме и должны быть в тех 30%, которые предоставляются коммунальным отделам. Конечно, на ближайшее время придется привлекать частную инициативу, но каждый коммунальный отдел должен поставить своей задачей, чтобы при применении новой экономической политики все его мероприятия были направлены к тому, чтобы по возможности сосредоточить в своих руках все ведение городского хозяйства. Если на ближайшее время, товарищи, это невозможно, то по крайней мере в программе каждого коммунального отдела это должно стоять.

Еще один вопрос. Каждый коммунальный отдел при проведении новой экономической политики должен будет иногда поступаться экономической политикой, когда дело будет касаться рабочих. Он должен будет следить за тем, чтобы интересы рабочих по части снабжения их жильем были соблюдены. Еще один вопрос, на который я хочу обратить внимание,—это, чтобы при проведении новой экономической политики в коммунальном хозяйстве мы все наше внимание обратили на то, чтобы в благоустроенный вид были приведены не центральные, а, главным образом, и в первую очередь, рабочие кварталы.

Председатель. Слово имеет т. Каганович.

Каганович. Товарищи, я полагаю, что вряд ли найдется хоть один делегат, который возражал бы против основных положений новой экономической политики, которые были изложены в общем докладе т. Каменева и затем были довольно ярко иллюстрированы цифровыми данными председателем Высшего Совета Народного Хозяйства тов. Богдановым. Но здесь нам надо остановиться на одном серьезном вопросе, который несомненно будет иметь решающее значение в деле практического проведения новой экономической политики—в вопросе о формах организации управления нашей промышлен-

постью, ибо в связи с этим стоит установление нормальных взаимоотношений между местами и центром. Этот вопрос, товарищи, не искусственно выдвигается. Этот вопрос на местах несомненно назрел. Какова форма организации нашей промышленности в настоящее время? Несомненно, что одной из наиболее приемлемых форм организации государственной крупной промышленности является организация трестов. В этом отношении т. Богданов совершенно прав. Но, т. Ленин нам вчера ярко развил одно положение, — если достоинство продолжается больше, чем надо, не тогда и не там, где надо, если тресты организуются не по принципу исключительно производственному, не исходя из интересов промышленности, не исходя из признаков однородности предприятия, взаимной их хозяйственной связи, а если они организуются механически, и увлекаются тем, что пересаживаются с одного места на другое, начинают увлекаться перестраиванием, — это достоинство превращается в недостаток, который является бедствием. Ведь, товарищи, в чем беда, которую мы сейчас определенно наблюдаем. Тов. Богданов может быть выявлял своим личным настроением и своим личным мнением стремление установить добрососедские отношения с местами совершенно искренно, но тов. Богданов, вероятно, знает, что его организация — главки и пр., подчиненные непосредственно ему, вовсе не во всем и не всегда проводят то, что, быть может, он искренно желал бы. Факт, что нашими главками организуются тресты, не по принципу хозяйственному и не по принципу производственному, а просто из желания изъять определенную отрасль промышленности такой-то губерний, где не ладятся отношения между местным исполкомом и центром и, там тогда промышленность объявляется трестированной. Мы знаем, как организуется ряд трестов, совершенно не имеющих никакого хозяйственного смысла, когда промышленность вырывается из-под всякого влияния и подчинения местам. Можно было бы привести целый ряд примеров, но нет времени, чтобы иллюстрировать их фактами. Достаточно указать на Украину. Пример такой. Организован мукомольный трест, мельницы разбросаны по ряду губерний и никакого производственного основания организовать здесь этот мукомольный трест нет. А он организуется, и все мельницы изымются из-под всякого ведения, из-под всякого влияния местных исполкомов. Такие факты мы имеем в целом ряде губерний. Здесь надо определенно установить, что трест вещь хорошая, но организовывать их надо осторожно, не увлекаясь перестраиванием, а подходя к вопросу внимательно, не механически, не по чиновничьи, как это очень часто делается, а принимая во внимание производственную сторону. Мы должны, товарищи, определенно установить, что те предприятия, которые установлены 8-м Съездом Советов, как предприятия первой группы, подчиненные непосредственно ВСНХ, могут и сейчас трестироваться. Те же предприятия, которые по постановлению 8-го Съезда Советов подчинены местному совету народного хозяйства, могут быть изъаты из ведения местных исполкомов и Совнархозов только лишь с особого постановления президиума ВЦИК. Тресты сами по себе в вопросах взаимоотношения с местами должны разделяться на несколько групп. Если мы возьмем трест Донбасса, то, разумеется, претендовать, чтобы Донбасский исполком имел контролирующее и регулирующее значение по отношению к нему было бы смешно. Но тресты, имеющие губернское значение, тресты,

которые, не представляют из себя такую громаду, как Донбасский трест, могут находиться вполне без ущерба и вреда для государства под контролем местных исполкомов. Надо сейчас еще раз подтвердить, что и новая экономическая политика не изменила того положения, что в лице местных советов рабочих депутатов, в лице местных исполкомов мы имеем не старые местные самоуправления, а полновластные органы,—и местное самоуправление, и вместе с тем имеем агента центральной власти. Это, товарищи, забывать ни в коем случае нельзя. Если мы на этом сойдемся и установим, что местные исполкомы являются все-таки и местным самоуправлением, и агентурой центральной власти, тогда контроль примерно над каким-нибудь Богородским кожевенным трестом, который имеется в Нижегородской губернии, может вполне находиться под контролем местного Исполнительного Комитета. Разумеется, т. т., нужно установить управление, регулирование и т. д. Хозяином является, несомненно, центр, поскольку вопрос идет о промышленности государственного значения, поскольку она трестирована, но контроль, наблюдение, отчетность, должны находиться в ведении местного Исполнительного Комитета. Затем, т. т., еще один вопрос в связи с новой экономической политикой, это вопрос о бюджете. Бюджет, товарищи, нам необходим. Это совершенно бесспорно, доказывать или опаривать это, было бы нелепо. Но вопрос в том, как мы будем проводить этот бюджет. Ведь сейчас, до сих пор мы жили совершенно без всякого бюджета. Положение было, несомненно, критическое в отношении финансов. Банки были ликвидированы, местный Исполком полностью распоряжался всеми суммами. Поскольку мы переходим на твердый бюджет, несомненно, известное урезывание есть. В каком направлении это пойдет? Нельзя так сразу легко и окончательно урезать инициативу мест установлением твердого и жесткого бюджета, как любят выражаться. Если Наркомздрав, Наркомпрод и другие Наркоматы, сидя в Москве, устанавливают, что для Нижегородской, Воронежской, Тамбовской и др. губерний, например, по Наркомздраву понадобится столько-то денег и местному Исполкому не предоставляется никакого права распорядиться на случай острой необходимости, передвинуть из одной сметы в другую, этим самым урезывается инициатива мест, ибо, что значит инициатива без материальных средств. (А п л о д и с м е н т ы). Говорить об инициативе без денег, которые сейчас играют главную роль в нашей жизни, это значит заниматься пустой болтовней, а не деловой работой. (А п л.). Т. т., нам нужно здесь установить вполне определенно: бюджет нам необходим, но разработку его надо производить не только здесь в канцеляриях, но при ближайшем и непосредственном участии мест, которые самым наглядным образом видят и чувствуют свои нужды. Надо бюджетные комиссии образовать на местах при каждом Исполкоме. Кроме того, надо предоставить местным Исполкомам право в случае острой необходимости передвигать, хотя бы заимобразно, расходы из одной статьи и сметы в другую. Я думаю, что практически Съезд должен этот вопрос разработать, ибо с вопросом бюджета и с вопросами трестирования места столкнутся самым резким образом, а надо определенно сказать: столкновение центра и мест будет губительно для успешного проведения новой экономической политики. Тут не только теоретически и не только на словах надо говорить об инициативе мест, но нужно дать такие организационные формы, которые бы позволили этой инициативе мест проявляться.

Председатель. Слово имеет т. Смилга.

Смилга. Товарищи, в это зале довольно много говорили о цифрах и в особенности в привилегированном положении очутилась топливная промышленность, которой здесь было уделено максимум внимания. Это избавляет меня от необходимости повторять перед вами еще раз эти цифры. Я хотел бы остановить ваше внимание на нескольких моментах, которые здесь еще не освещались. Общий тон всех ораторов был тот, что, правда, положение наше в высшей степени тяжелое, но все-таки, если мы посмотрим, как следует, то везде в последние полгода мы замечаем некоторое улучшение. Совершенно верно. Но, к сожалению, товарищи, это осеннее улучшение у нас обыкновенно сопровождалось весенним падением. На эту сторону ни кто из ораторов своего внимания не обращал, а между тем, мы должны не только подводить итоги уже содеянному дню, но хотя бы в основных чертах всмотреться в наш завтрашний день. И прошлой осенью мы констатировали кое-какие успехи на основных участках нашей промышленности. Это не помешало, однако, нам весной пережить глубочайший кризис, который летом принял катастрофический характер. Если мы всмотримся в причины этого прошлогоднего кризиса, то можно без лишних обиняков установить, что основной его причиной был недостаток продовольствия. И вот нам следовало бы обратить внимание на эту сторону топливной промышленности, которая по праву сейчас идет в первом ряду. Во время закончившейся конференции и настоящего Съезда мне приходилось в ответственной комиссии подсчитать продовольственные ресурсы в наших основных районах минерального топлива. И что же? Донецкий Бассейн, тот, о котором здесь было сказано так много хорошего, продовольствием не обеспечен. У него продовольствия максимум на один месяц, и то не полностью. В Подмосковном бассейне хлеба еще нет, а запасы его не образованы. Грозный до последнего времени голодает. Если припомним, что мы переживаем только первые месяцы после сбора продналога, то такое положение нужно считать в высшей степени серьезным, ибо если в основных районах у нас сейчас не образованы запасы, то мы их по всей видимости не образуем и весной, так как тогда это будет значительно труднее сделать. А если мы этого не сумеем сделать, то наш весенний успех, наша восходящая линия послужит только для большей высоты падения весной, и катастрофы снова нам не избежать. Поэтому в той резолюции, которая будет вынесена по докладу т. т. Каменева и Богданова, эта сторона вопроса, т. е. сосредоточение, концентрация наших продовольственных ресурсов, именно на основных отраслях нашего народного хозяйства в первую очередь должна быть отмечена. Из того, что у нас имеется, мы должны дать в первую очередь армии, во вторую очередь топливу, в третью очередь транспорту, в четвертую очередь металлургии, а остальным то, что останется. Только при таком решении вопроса у нас есть возможность сманеврировать в весенние и летние тяжелые дни. На эту сторону я обращаю внимание всех делегатов, всех работников Губисполкомов, Губсоветов и Промбюро.

Теперь второе. У товарищей-делегатов с мест, в связи с образованием трестов, возникает сомнение, не есть ли это образование—рестраврирование в новом виде старого главкизма. Нет ли в этих трестах отрывки старого из-

житого периода? В самом деле: что такое был старый главкизм? Это была чрезмерная вертикализация в деле организации государственной промышленности и чрезмерная государственная опека ее. Центр взял на себя функции управления и свел роль мест на положение безжизненных и бездушных исполнителей. Если мы посмотрим на содержание новых трестов, то увидим, что здесь нет этих признаков, что вся суть новой экономической политики в корне уничтожает всякую возможность главкизма. В той или другой резолюции, та или иная фраза может быть неудачной, могут быть различные толкования, но по сути дела самая экономическая основа сейчас из под главкизма выбита. Управление целиком передается местам. За центром остается плац регулирования и государственного снабжения. Трестируются предприятия, исходя не только из производственного признака. Сейчас принимается во внимание целый ряд других признаков, и чем дальше мы пойдем по пути развития мировых отношений и товарных рынков, тем сильнее основные моменты потребления и сбыта будут играть все большую и большую роль при самой организации нашей промышленности. Я не усматриваю сейчас главкистской опасности, но зато я вижу чрезвычайную опасность, которая действительно существует для возрождающейся нашей промышленности—это опасность чиновничества. В этом отношении нет разницы между центром и местами, и наши центральные канцелярии ничуть не хуже канцелярий местных. И если мы крупную промышленность и промышленность губернского масштаба подчиним руководству чиновничьего аппарата, из этого ничего хорошего не выйдет. Мы ставим ставку на инициативу мест, и, главным образом, на предприятия. А за советскими учреждениями остается, главным образом, контроль.

Товарищи, раньше при наличии рынка производство не могло существовать отдельно от обмена и от торговли, и впредь существовать не будет. И чем более по-чиновничьи мы будем проделывать переход на новые рельсы, тем сильнее затормозим процесс. Самые же решительные действия приведут только к хорошим результатам. Я хочу обратить внимание еще вот на что. В деле восстановления промышленности мы опираемся сейчас на нашу валюту. Совершенно ясно, что до тех пор, пока на местах работникам мы не дадим твердую расчетную единицу,—говорить о выгодности государственных предприятий не приходится. Денежная реформа требует разрешения, и она может быть разрешена на основании уже до известной степени развившихся торговых отношений. Поэтому все то, что задерживает внутри и вне государственной промышленности развитие оборота, все это является отрицательным. А все те операции, которые сейчас на местах создают оборот, являются положительными. Без значительного оборота никакая денежная реформа в России немислима. Поэтому переход к внутри-государственному расчету между предприятиями необходим и является исторически-прогрессивным явлением.

Теперь вопрос о плане. Некоторые товарищи полагают, что новая экономическая политика нарушает наше плановое хозяйство. Это—ошибка. Несомненно, мы все стоим за план, и я полагаю, что при наличии в наших руках громадной доли промышленности, всего транспорта и т. д.—объективных

возможностей для планового хозяйства сколько угодно. Разница только та, что до сих пор мы распределяли, теперь же нам придется план строить на законах рынка.

Здесь, в центре, нет настроения отказа от планового хозяйства, а только изменение содержания самой работы, переход к более общим контурам, отказ от мелочной опеки и от, так называемого, жесткого плана. Вот сущность той реформы, которую мы предполагаем проделать. Я полагаю, что для центра и для мест этот новый смягченный план будет более соответствовать нашим ресурсам, а вместе с тем интересам мест и местной инициативы.

Председатель. Слово имеет т. Пискарев.

Пискарев. Товарищи, наша промышленность страдала не только от тех общих объективных условий, которые переживает наша Республика, но наша промышленность страдала и страдает от тех ненормальных явлений, от тех ошибок, которые складывались в процессе самой организации нашего хозяйства. Те принципы, которые устанавливались неоднократно на Съезде Советов, на профессиональных и хозяйственных Съездах, эти принципы были вполне правильны, но когда их начинали проводить в жизнь, то они настолько искажались, настолько болезненно проводились, что эта болезненность, остро отзывалась на ходе организации этой промышленности. Товарищи, посмотрим насколько это явление отражалось на разных отраслях нашего хозяйства. Если мы здесь осветим, как создавалось и начала организовываться электрическая промышленность, после того, как 8 Всероссийский Съезд поставил вопрос об электрофикации России и о поднятии электрической промышленности, то мы увидим, что в первую голову для организации этого дела начали везде и всюду, как в центре, так и на местах, создаваться аппараты с громоздкими штатами. Но когда был провозглашен лозунг электрофикации России, то, по-видимому, не учли того положения, что при наших хозяйственных условиях, при том наличии материальных ресурсов, которые имеет Республика, провести и осуществить принципы и идеи, положенные в основу 8-м Съездом Советов об электрофикации России, в сколько-нибудь широком масштабе невозможно. И вот тут, товарищи, была самая коренная ошибка. Создавались органы, которые начали принимать предприятия в то время, когда аппарат не был еще приспособлен для осуществления намеченных задач. И, товарищи, мы видим ясную картину, когда на местах, в уездах, губерниях, под видом электрофикации, под этим великим лозунгом начался захват вновь созданными органами—электроотделами, электрических станций, при чем захват необоснованный в смысле возможности реального проведения в жизнь всех намеченных задач. И создание нового аппарата, который еще не успел окрепнуть, привело к тому, что процесс разрушения электрических станций начал идти усиленным темпом, и этот процесс разрушения объяснялся именно тем, что неорганизованный, слабый аппарат не имел у себя других побочных предприятий в смысле поддержания электрических станций и в корне разрушал это дело.

Второе болезненное явление, которое мы переживали в процессе промышленности, это то, что мы начали национализировать нашу промышленность, при чем в государственное объединение попадали маловажные предприятия, второстепенные, не имеющие особенной ценности для государства. Они вхо-

дили в план снабжения, но в продолжение нескольких лет эти предприятия ничего реального не дали, а в это время государственного снабжения осталось много металлургических и текстильных предприятий. Так, крупные предприятия, в особенности в Серпухове, оказались не взятыми на государственное снабжение, а мелкие предприятия попали на государственное снабжение и план национализации этих предприятий не был как следует продуман. В результате мы получили такое огромное количество национализированных предприятий, с которыми мы не справились. Теперь мы переходим на новый курс, на новые начала и мы должны учесть те болезненные явления, те ошибки, которые мы проделали в течение 4-х лет нашего существования. Мы теперь на Съезде должны констатировать и указать, чтобы эти, по существу не принципиальные ошибки, не отражались так болезненно, как они отражались в течение 4-х лет. Теперь, товарищи, еще один важный момент. Сейчас происходит передача предприятий, которые снимаются с государственного снабжения, которые передаются в аренду артелям, кооперативам, частным лицам и т. д. Товарищи, и в этом отношении должен быть сугубо проведен определенно намеченный план, чтобы при сдаче этих предприятий не сдавались такие, которые действительно имеют колоссальную важность и ценность для государства. Наша промышленность умирала: то в продовольственный, то в топливный, то в транспортный кризис и, товарищи, если мы взглянем еще на те условия, на ту обстановку, в которой работают рабочие, то ясно, почему эти условия так остро отражаются и на ходе работы самой промышленности. Я понимаю, что условия данного момента, не дают возможности 9-му Съезду поставить вопрос во всей широте, поставить вопрос о нашем другом — коммунистическом хозяйстве, в котором мы также наблюдаем болезненные явления. Но этот вопрос назрел, его необходимо будет поставить на ближайшем Съезде. Этот вопрос тесно связан с промышленным хозяйством. Он должен разрешаться в равной плоскости с государственной крупной промышленностью. Городское хозяйство должно во всех отношениях являться равным фронтом в области восстановления всего хозяйства.

Председатель. Согласно регламента объявляю заседание закрытым.

МД 19
С-9

Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

761030 / 3

~~В 143 55~~

IX

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 3.

25 Декабря 1921 года.

№ 3.

Заседание четвертое.

(Утреннее).

Председатель. Объявляю заседание открытым. Слово имеет т. Галактионов.

Галактионов. Товарищи, возвращаясь к основному докладу, сделанному т. Каменевым, мне хотелось бы остановить ваше внимание, что у нас в процессе революции политика и экономика бесспорно идут ухом в ухо. Но при этом практическая часть всегда отстает. И вот, если посмотреть сделанный доклад и ту работу, которая предельвается на практике, то бросается в глаза несоответствие практических мероприятий с основными положениями. Отчасти это иначе и быть не может. Но поскольку мы хотим достигнуть максимума результатов в нашей экономической политике, постольку надо подгонять отставшую практическую часть.

Сейчас мы толкуем о том, чтобы восстановить крупную промышленность, при чем у нас особые методы подхода. Старый главизм отошел в вечность. Теперь мы полагаем, что удобнее всего вести крупную промышленность, трестируя ее, но мы забываем одно обстоятельство, что мы подходим к этому трестированию опять-таки начиная сверху, что ни в коем случае, по-моему, не соответствует основным моментам нашей экономической политики. Совершенно внезапно вы получаете распоряжение организовать какое-нибудь областное или краевое управление, скажем, по заготовке топлива, а единиц на местах не имеется, не имеется и самого производства. Надо сказать, что все организации, которые себя зарекомендовали, построены на основе низовых ячеек—сначала производство, а потом объединение, при чем, если вы возьмете основные главки и посмотрите территорию тех трестов и тех об-

длений, которые в них включены, то увидите, что тенденция захвата в довольно сильной степени опять-таки имеется, а имеющиеся у нас силы и средства отнюдь не соответствуют этой тенденции. Отсюда совершенно понятно, что нам нужно, проводя новую экономическую политику в области крупной промышленности, трестируя ее, заняться сначала организацией производства на местах, а когда оно разрастется, тогда только и трестировать. Я совершенно согласен с теми товарищами, которые, полемизируя с докладчиками, указывали, что тенденция главкизма слишком широко захватывает наших руководителей.

Если мы посмотрим другую область—организационную, то существующие в этой области основные положения приемлемы, но надо еще доказать, что на деле вы что-то изменяете. У нас принято понимать дело так: если мы с государственного снабжения рабочих сняли, если мы организовали трест—значит, на этом можно успокоиться: они, мол, изыщут средства, расходуют материальные ресурсы не те, которые расходуются государством, и это дает возможность нам как-будто бы произвести больше. Это в корне не верно, потому что основным производителем тех продуктов, которые расходуются трестами, является тот же основной—сельско-хозяйствующий элемент. Те же перевозки дров, то же продовольствие, которые берет у крестьянства. Мы трестируем, но при этом не отдаем себе отчета, на какие деньги. Это нас не интересует. Так относиться нельзя, нельзя потому, что если переплачивает трест, это все равно ложится опять на потребителя, а потребитель—это тот же гражданин. Поскольку вопрос идет о сближении крестьянства с пролетариатом, надо задать еще один вопрос: полностью ли мы использовали все те основные моменты, которые выдвинуты были в нашей новой экономической политике. Надо сказать, некоторые моменты мы не использовали, а пока это не сделано, нельзя шагать дальше. То, что использовано до сих пор, старо. Обратите внимание на следующее обстоятельство: вовлечен ли полностью частный капитал, согласно основному лозунгу нашей новой экономической политики? Смею утверждать—нет. Это можно подтвердить фактами. Сколько у нас Совпархозами, хотя бы на местах, или в том же Красном Питере, сдано в аренду предприятий? Если вы посмотрите их отчеты, они буквально никого не удовлетворяют. Это значит, что частный капитал вовлекается чрезвычайно медленно. В аренду не берут. Почему не берут? Вероятно, потому, что мы поставили такие условия, на основании которых капитал в данной стадии его развития, в большей степени мелкий капитал, вовлечен быть не может, ему это не выгодно. Мы знаем, что этот хищнический мелкий капитал стремится, конечно, к максимуму извлечения прибыли для себя, но это, тем не менее, не может служить препятствием к тому, чтобы идти на уступки этому мелкому капиталу, если мы хотим, чтобы наша промышленность, которую мы решили сдать в аренду, не стояла с забитыми окнами. В достаточной ли мере мы организуем вовлечение капитала в наши банки? Опять-таки нет, потому что еще фактически ни один банк своих операций не развернул, а мы уже хотим шагнуть дальше, установив определенные твердые формы в нашем бюджете. Всякая форма бюджета тогда только может выдержать критику, если у нас есть соответствующим образом возможность производить те или другие обо-

роты. Этих оборотов сейчас никто не производит. И, мало того, в тех рамках экономической политики, которые здесь нам доложены, государственный банк не может удовлетворить необходимых финансовых операций и не выполнил основной задачи—вовлечения капитала в оборот хозяйственной политики. Только когда мы откроем частные банки, если в этих частных банках мы обеспечим себе максимум вкладов, будем главным и основным вкладчиком, который будет регулировать товарооборот и денежные обороты, все эти вопросы в тех рамках, которые сейчас предложены, будут осуществлены. Тогда только мы скажем, что те основные лозунги, которые нами брошены, осуществлены полностью и наши мероприятия в области сближения мелкого производителя, с одной стороны, крестьянина—с другой, с нашей крупной промышленностью пойдет надлежащим темпом. (Аплодисменты).

Позерн. Товарищи, здесь я выступаю, главным образом, по поводу того предложения, которое сделано было вчера т. Смиргой, который сказал, что наши государственные фонды, главным образом, наши хлебные фонды ограничены и в первую голову нужно снабжать Красную Армию, транспорт и металлургию, а все остальное в конце. Товарищи, я считаю такую точку зрения ошибочной и опасной и тем более потому, что она была высказана здесь членом Президиума ВСНХ. В чем дело? Дело в том, что хлеб, на не достаток которого указывал т. Смирга и который является основой всего,—этот хлеб мы должны достать во что бы то ни стало. Как достать? Конечно, не одним продналогом. Его нужно достать еще сверх продналога. Но не с голыми руками должны мы пойти в деревню, а с предметами массового потребления крестьян: без этого излишки хлеба, до которых мы не можем добраться путем продналога, без этого получены быть не могут. И даже, в случае исполнения полностью продналога, дефицит в продовольствии нами покрыт не будет. А чтобы этого не было, необходимо пустить в ход те отрасли промышленности, которые работают на массового потребителя для того, чтобы эти отрасли промышленности добывали нам хлеб. Они должны быть поставлены на первое место при распределении государственных, хлебных и других фондов.

Как работник текстильной промышленности я хочу сказать, что при помощи ситца, ластика, трико и ниток, мы достанем хлеб из тех источников, откуда иначе не возьмем его никогда. Эти фонды должны быть представлены, чтобы достать хлеб с мест. Эти отрасли промышленности, работающие на массового потребителя, создадут тот товарообмен, тот хозяйственный оборот, который нам нужно вызвать к жизни и без которого вся новая экономическая политика остается мертвой буквой. Чем может быть вызван товарообмен? Продуктами, необходимыми для крестьян. Чтобы крестьянин как следует взялся пахать землю, для этого нужно ему сейчас же дать возможность реализовать свои излишки на осязательные ценности, а не на советские бумажки, и прежде всего на то, в чем он нуждается в своем хозяйстве. Чтобы закончить и провести правильно нашу экономику в деревне, нам нужно предметы крестьянского потребления приблизить к нему, в деревню. И мы здесь, на Съезде, должны авторитетно это подчеркнуть. Я говорю не только о текстильной промышленности, которую я знаю и нуждами которой болею, но вообще о крупной промышленности. Такие отрасли промышленности связы-

вают интересы всей страны и в этом все заинтересованы одинаково, не только наш центр, не только Иваново, но и Туркестан, Киргизская республика, Украина и Кавказ. Что значит развитие текстильной промышленности? Это значит, что если будет развито хлопководство, оно составит будущее Туркестана. Если будет развита шерстяная промышленность,—это развитие промышленной жизни для Киргизия. Что значит льняная промышленность? Это значит производство льна и пеньки по всей центральной России. И вот, мы сейчас говорим, что имеем перед собой грозное явление. Мы сейчас имеем возможность, благодаря отличному урожаю хлопка в Туркестане, собрать 4 милл. пуд. Мы закупили только один миллион, а на 3 милл. пуд. у нас нет денег, и вместо нужных 500 миллиардов нам отпущено только 10 миллиардов и мы этот хлопок купить не в состоянии. Можем ли мы купить шерсть? Свободно теперь можно было бы заготовить не менее полутора миллиона пудов шерсти, но мы этого сделать не можем, потому что на это сейчас не отпускаются средства.

А с льном и пенькой какое положение? Получен лен, который во время разверстки прятался по закромам. Он привозится сейчас на базары Ивановской, Псковской, Владимирской и Тверской губ. И говорят: вы дразните нас. Это богатство, огромное богатство, его и надо бы сейчас скупить, организовать заготовку этого сырья; часть его немедленно вывезти за границу, где цена на лен и пеньку быстро идет вверх и превышает сейчас чуть ли не в тысячу раз нашу внутреннюю советскую цену. Это есть для нас вопрос поднятия хозяйственного оборота в России, и эта практическая задача, которая определяет нашу хозяйственную политику на ближайший день. И тут, товарищи, вопрос об этих фондах и средствах для такой промышленности, как текстильная, вопрос торговый, практически совершенно неотложный. Мы говорим себе: если этого не сможем сделать, если мы не сумеем лен закупить, половину дать на фабрики и половину вывезти за границу (и здесь нужно обернуть капитал всего в каких-нибудь 5—6 месяцев, чтобы провести этот оборот за границей), если мы здесь будем вынуждены пускать иностранный капитал в это дело, то мы упустим регулирование рынка из своих рук.

Товарищи, я остановлюсь еще на одном: для того, чтобы развернуть все отрасли промышленности, средств у нас нет, государство на это фондов не имеет, но все же мы должны во что бы то ни стало изыскать эти фонды. Я ставлю сейчас вопрос конкретно: имеется ли возможность поднять целый ряд отраслей промышленности, используя те оборотные средства, которые могут быть сейчас же извлечены далее при наших условиях? Я ставлю этот вопрос в широкой форме, в той форме, что если крестьянство при продразверстке, по крылатому выражению т. Ленина, оказывали нам кредит для борьбы с иностранным капиталом, то это была одна форма кредита; теперь практически должна быть другая форма кредита,—форма сотрудничества широких масс населения—крестьянства с рабочим классом—для борьбы за восстановление промышленности. Мы здесь должны найти способ извлечения этих оборотных средств из массы населения. Будут они даны или нет? Если мы хозяйственно ставим наши промышленные предприятия, то поднятия государственных предприятий скорее можно достигнуть при условии кредито-

пия промышленности из средств самого населения, чем даже при посредстве государственного банка. Это есть тот очередной вопрос, с которым мы сталкиваемся. И мы говорим: есть целый ряд отраслей промышленности, промышленности массового потребления для крестьянского хозяйства, как, напр., текстильная промышленность. И если бы она могла извлечь оборотные средства из деревни, а там такие средства имеются, то она сумела бы заготовить себе топливо, местное топливо, произвести заготовку сырья и, таким образом, преодолеть те главнейшие препятствия, которые стоят на ее пути. К этому вопросу необходимо практически подойти и установить новые формы сотрудничества крестьянского населения и рабочих, путем организации на местах кредитования, в счет средств, имеющихся в самом населении. Это есть то, что необходимо отметить. И это я вношу, как предложение к докладу т. Каменева.

Председатель. Слово имеет т. Лугинец.

Лугинец. Товарищи, организуя крупную промышленность, нам не нужно забывать, что все время у нас мелкая промышленность была в загоне. Наши Губсовнархозы, которые не знакомы были с новой экономической политикой, хотели на большие проценты ввести разработку торфа, сделать разработку кирпичного производства в таких %, как 40—50. И они в 1921 году ровно ничего не сделали. Что значит разработать кирпич и торф и на этот кирпич и торф выменять у кулака хлеб, который спрятан в подполье? На это, разумеется, не обратили внимание и урезали инициативу мест. Дальше, товарищи, посмотрите, как в настоящее время работают Экономовещания. Они мертвы. Мы повесили на них замок. Что они делали? Они взяли мельницы, самые выгодные, взяли кино, театры, сделали договор с артелями, своего капитала не вкладывая в производство. Что значит взять мельницы, которые оборудованы, которые в ходу? Тут была только погоня за наживой. Дальше, возьмем железные дороги. Смотрите, как они функционируют. Если в мирное время мы перевозили кого-нибудь, то брали за определенное расстояние 10 руб. золотом. В настоящее время мы за то же расстояние берем 150.000 руб. обесценившимися бумажками. Можем ли мы на эти бумажки купить хоть пуд хлеба? А на те 10 руб., мы могли купить 10 пуд. хлеба.

Почему центр это не усмотрит и не обратит на это самого серьезного внимания. Дальше, возьмите заготовку топлива. Как у нас до настоящего времени велась эта заготовка? Одну и ту же работу делают несколько организаций: тут и Железном, и Главспичка, и Лесномы и т. д., все между собой ведут конкуренцию и каждый желает получить больше. Одну и ту же работу делают 4—5 организаций. Это значит держать известный штат лишних дармоедов. Тут нужен, т. т., единый твердый заготовительный план, нельзя иметь параллельно 10 организаций. Возьмем, т. т., наш продналог. Он бесспорно необходим. Но посмотрите, что получается на деле. Представители из Чернигова знают, что Новгород-Северский уезд, где можно выполнить в 3 раза больше, поставлен в 4-й разряд, а Новозыбковский уезд поставлен в 6-й разряд, и нам, работникам на местах, чрезвычайно трудно в таких условиях работать. Поэтому-то на местах и получаются нежелательные результаты работы. Тут должен быть единый гарантированный для государства продналог.

Т.т., надо установить такой порядок, что центр устанавливает продналог для губерний, а губернии для уездов, потому что места в курсе дела и знают, где сколько можно взять, и тогда работа по продналогу будет успешнее. Теперь возьмите, товарищи, трудужнобинность. В бюллетене говорится, что во изменение новой экономической политики надо к городскому населению подходить осторожно и только в крайнем случае брать его на трудовую повинность. Крестьяне нас спрашивают: почему вы не берете городское население? Мы говорим: это—велеиие закона. Я уже три раза мобилизовал шахтеров и не уверен, что в четвертый раз мне эта мобилизация удастся, ибо у нас нет продовольствия. На-днях я может быть получу опять телеграмму: мобилизовать их в четвертый раз, а не мобилизуешь—под суд. Это неправильно. Надо сначала обеспечить рабочих продовольствием, а потом проводить мобилизации.

Председатель. Слово имеет тов. Турков. (Шум. Голоса с мест: прекратить прения). Когда т. Турков кончит, тогда мы проголосуем предложение о прекращении прений.

Турков. Т.т., немножко внимания. Я приехал слишком издалека и слишком долго ждал, чтобы сказать свое слово. Я представитель Нижегородской губ., одного из самых глухих ее уголков. (Шум и смех). Не смейтесь, товарищи, не смейтесь. Я принес голос тех крестьян, которые там стонут от работ, стонут, неудовлетворенные тем, что они уже заработали, а вы не хотите слышать. (Просим). Я хочу сказать о том, что для нашей промышленности, как было сказано, топливо—хлеб. Это сказал т. Ленин. Оказывается, этот основной хлеб—дрова, которые заготавлиются крестьянами. Это лежит всецело на них. Они производят их заготовку, производили целое лето эту заготовку и в то же время по сей день они не получили ни одной копейки денег за эту работу. Производится эта заготовка исключительно только одними предписаниями от Исполкома. Это свое начальство. Затем от уполномоченных, особополномоченных Ортчека, Губчека и т. д. Я здесь имею полученных почти в один месяц 16 предписаний от различных лиц, которые имеют право давать приказания, которые кончаются все угрозами Сельсовету ревтрибуналом, нарездом. Это в то время, когда этот же самый Сельсовет выполнил то, что на него было возложено. Цены на заготовку были объявлены, а уплаты никакой.

При таком способе заготовки вся наша промышленность не будет иметь топлива, потому что крестьянин, отправляясь на работу, идет и только проводит время, а не работает. Представьте сами положение этого председателя, который должен заставлять этих людей работать. Каждый имеет право, законнейшее право, ему возражать, отказываться. Крестьянин едет возить эти дрова, везет два полена дров на санях в то время, как он мог бы везти одну двенадцатую куба. Т.т., нужно обратить на это серьезнейшее внимание, нужно расплатиться с гражданами. Я хотел (Шум. Крики: к делу.) сказать, что если это не будет сделано, то не будет промышленности (Крики: Долой! Шум). ВСНХ, к которому относится промышленность, имеет свой бюджет. Куда же ушли деньги, если не расплачиваются с этими гражданами? (Голоса: довольно, просим. Голос: прекратить прения). Товарищи, я закачиваю, потому что чувствую, что крестьян здесь очень немного (Голоса: просим.) Кто не заинтересован в этом и не желает слушать, пусть не слушает, а меня сбить с толку легко: я первый раз в жизни говорю перед такой аудиторией.

Председатель. Товарищи, внесено предложение о прекращении прений.

Голос с места. Товарищи, я против закрытия прений. Мы слышали о крупной промышленности, но те мысли, которые высказывались, были лишь теоретической обработкой вопроса, о применении же на месте нам никто ничего не сказал: ни докладчик, ни представители с мест. О мелкой промышленности абсолютно ни слова не сказано. У нас мелкая промышленность брошена, ее не берет частный предприниматель и Совнархозы не в состоянии ее вести за отсутствием средств. Какой выход видит ВСНХ из этого положения? Надо указать, что делается в этой области. Для этого нужно выслушать практику мест и потом выпустить постановление.

Голос с места. Я за прекращение прений. Только что говоривший оратор путается, ибо в нашу задачу не входит детализация вопроса. Заслушав общие положения, дайте их прием, а остальное сделает инструкция.

Председатель. Позвольте проголосовать. Кто за прекращение прений? Большинство. Прения прекращаются. Заключительное слово имеет т. Богданов.

Богданов. Товарищи, я прежде всего воспользуюсь своим заключительным словом, чтобы пополнить мой доклад, в виду запросов в целом ряде записок о том, что мною было упущено. Прежде всего спрашивали, каково положение с концессиями и арендой мелкой промышленности. Я должен сообщить, что в области концессионного дела мы не продвинулись с прошлого года почти совершенно. Мы имеем сейчас только одну концессию на Урале на известковые прииски, и притом, на очень небольшую часть их. Эта концессия не затрагивает работы нашего азбестового треста. Затем мы имеем соглашение с американскими рабочими. Мы отдаем им на полуарендных началах часть Кузнецкого каменноугольного бассейна и Надеждинский завод на Урале. Тут мы имеем дело с объединением передовых рабочих Америки, которые, в количестве до 5.000 человек, должны быть переправлены к нам и которые своим умением, знанием и энергией должны помочь нам восстановить добычу в Кузнецком бассейне. Кроме того, идут разговоры о целом ряде концессий. Мы имеем десятки различных предложений, но или эти предложения нам не подходящи, или они находятся еще в процессе обсуждения. Само собой разумеется, что каждый концессионер стремится получить максимум выгоды для себя. Мы же смотрим на концессии с той точки зрения, что они должны помочь нам восстановить хозяйство в тех областях, где мы сами это сделать не можем. Сейчас имеется одна крупная концессия в Курской губернии, где по изысканиям ученых, на большой глубине должны лежать громадные залежи магнитных руд. Постановка громадного дела для нас сейчас не под силу и мы сдаем его на концессию. Переговоры по этому поводу закончены с германским капиталом. Но параллельно там ведутся научные изыскания и поскольку мы увидим, что они дают нам практические результаты, мы сможем в будущем поставить и нашу собственную разработку. Вот все, что сделано в области концессий. Я должен сказать, что такая медлительность в области концессий объясняется целым рядом причин, и в первую очередь осторожностью, с которой иностранные промышленники подходят к нам. Но в условиях новой экономической политики они пойдут к нам несколько смелее, и тут придется твердо стоять на страже интересов Республики и выбирать из предложений только те, которые нам интересны, и помогут восстановлению нашей промышленности.

В области аренды промышленности работа была проделана громадная, но, к сожалению, мы не имеем исчерпывающих цифр от Губсовнархозов, которые в смысле отчетности крайне страдают. На 1 декабря сведения имеются о 5.000 сданных в аренду предприятий. Из них половина—маленькие мельницы, а остальные предприятия довольно равномерно распределяются по всем отраслям промышленности; но, все-таки, в первую очередь, идет сдача в аренду предприятий пищевой промышленности. В аренду сдаются исключительно мелкие предприятия, в редких случаях средние. Крупных не сдано в аренду ни одного предприятия.

Кто является арендатором? В большинстве случаев, примерно, на две трети, это—частные предприниматели; кооперативы составляют меньшинство, не больше 30%. Это является результатом того, что наше кооперативное движение не окрепло и частная инициатива идет быстрее и опережает кооперацию. Среди частных арендаторов значительная часть, может быть около половины, бывшие владельцы. В этом отношении политика Губсовнархозов вполне правильна. Владелец бывшего своего мелкого предприятия, беря его в аренду, отнесется к нему как к своей собственности, и потому старается его поддержать и извлечь из него максимум. Когда спекулянты брали в аренду предприятия,—они старались сейчас же все растащить, распродать весь тот материал, который им давался при сдаче в аренду, вплоть до оборудования, и нам приходилось аннулировать целый ряд арендных договоров, которые составлялись не достаточно осторожно. Вообще, т.е., я должен сказать, что вначале к производству подбирался спекулятивный элемент. Ряд договоров был составлен неправильно, и нам пришлось их аннулировать. Но этот период уже прошел и сдача в аренду вошла в нормальное русло. Форсировать эту задачу не нужно, но ее надо поддерживать в той мере, в какой ведение соответствующих предприятий на хозяйственных началах нам не под силу. Мы должны их сдавать в аренду, чтобы предприятия не встали и чтобы этим быстрее обеспечить товарный рынок крестьянству.

Что касается кустарной промышленности, то значение ее чрезвычайно велико в наших условиях. Сейчас, по некоторым данным проф. Рыбникова, общая производительность нашей кустарной промышленности составляет две трети производительности крупной промышленности. Из этого вы видите, какое значение при кризисе нашей крупной промышленности имеет мелкая промышленность. Вот почему политика Советской власти, в особенности, в условиях после-военного периода, направлена на то, чтобы всемерно поддерживать и развивать кустарную промышленность. Дав ей возможность работать, мы сможем бросить на рынок громадное количество предметов крестьянского обихода и сельскохозяйственных орудий и это сразу оздоровит рынок, поставив крестьянина в нормальные условия хозяйствования, когда он получает на рынке то, что ему нужно. Этим всецело оправдываются те меры, которые приняты для поддержания кустарной промышленности. Но, конечно, товарищи, и аренда, и мелкая кустарная промышленность поднять народного хозяйства не смогут. Поэтому, крупная промышленность продолжает оставаться нашей основной базой.

Я должен ответить на один вопрос. В одной из записок было сказано: почему вы опять даете нам розовые цифры и розовые обещания? Я нарочно

прочел внимательно свою стенограмму, не было ли там ошибок, и должен сказать, что если я указывал, что руду мы не добываем, что добыча чугуна равняется 3% довоенной нормы, то это не розовые цифры. Эти цифры, наоборот, говорят о тяжелом положении, в котором находится наша промышленность, и если я говорю, что есть надежда на восстановление, и что последние 3—4 месяца, под влиянием новой экономической политики, дают оживление, то это констатирование факта, который дает нам возможность надеяться на лучшее будущее. Но это будущее будет лучше только тогда, когда мы твердо и неуклонно будем проводить все меры для того, чтобы поддержать нашу крупную промышленность и в первую очередь нужно позаботиться о продналоге и полном сборе хлеба.

Если мы на будущий год дадим промышленности топлива в полтора раза больше, чем в этом году, то это увеличение в полтора раза настолько невелико, что мы все-таки дадим производительность, которая нас далеко не удовлетворит, а только начнет понемногу удовлетворять. Здесь, как вы видите, нет розовых красок, а есть только констатирование тяжелой действительности, тяжелого положения нашей промышленности, из которого мы видим исход, и, видя этот исход, мы призываем вас к усиленной и энергичной работе по укреплению нашей новой промышленности. Для ее укрепления не нужно забывать, что поставить эту промышленность в нормальные условия работы можно только, проводя последовательно ряд мер в области развития товарооборота и укрепления организационных форм.

Тут один из товарищей указывал, что трестирование промышленности идет слишком безалаберно, без плана, что наши главки, так сказать, делают наше дело неумело.

Я должен сказать, что поскольку местная промышленность остается у Губсовнархозов, то они, конечно, первые решат, как кому лучше снабдить свои предприятия. В области центральной крупной промышленности в настоящий момент у нас создано 15 трестов, не считая каменноугольную и нефтяную промышленность, которая остается целиком за государством, и несколько трестов (8—10), созданных в текстильной промышленности на следующих началах: предприятия остаются у Губсовнархозов в одной части, а в другой части, в области снабжения и регулирования товарооборота, эти предприятия находятся за центром. Это, товарищи, немного, это очень осторожная политика при трестировании, когда мы за 4 месяца создали только полтора десятка трестов и, конечно, при создании этих трестов там, где мы сталкивались с Совнархозами, где оказывалось для того, чтобы создать мощное законченное хозяйственное объединение—трест, нам приходилось брать какое-либо подсобное предприятие из губернии. Этот вопрос ставился на совместное обсуждение с Совнархозами. Я констатирую, что в тех 2—3 случаях, как в текстильной промышленности, крахмало-паточной промышленности, мы должны были договариваться с Совнархозами. Мы договорились и в одном случае пришли к смешанной форме управления, в другом, как, например, в полиграфическом деле, которое отказалось от центрального треста, передали его Московскому Совнархозу. В области крахмало-паточной промышленности те губернии, которые отказались войти в трест, мы выделили: с ними

будут заключены договорные отношения на предмет доставки сырого крахмала и картофеля.

Мы идем очень осторожно и если отдельные главки, слишком быстро желая получить результаты, обращаются непосредственно в Совнархозы, в виду чего, создается впечатление, что у нас каждый главк имеет сам право трестировать, я заявляю, что ни один трест не может быть создан, не пройдя через Президиум ВСНХ. Когда эти проекты доходят до нас, то многие, как неправильные, необдуманные, отменяются. Надо только подчеркнуть, что без трестов, без рационально организованной крупной промышленности, мы ее твердо поставить на ноги не сможем. В этом отношении наш Съезд должен это подтвердить в своей резолюции. Я подчеркиваю еще раз, что места имеют в своем распоряжении всю местную промышленность. Если надо изъять какое-нибудь предприятие, это должно быть сделано по соглашению. Если соглашения нет, то, товарищ, выступавший здесь, совершенно правильно указывает, что вопрос ~~может~~ решаться только Президиумом ВЦИК, тем органом, который передавал предприятия на места. Здесь разногласий нет. Что касается области снабжения трестов, то здесь один товарищ указывал, что необходимо достать средства, что у нас их не хватает. Я указывал, что наш бюджет только на государственные средства, нам приходится разбивать наши предприятия на те, которые остаются на госснабжение, и на те, которые с этого снабжения снимаются и должны жить за счет местных ресурсов, исключительно своим умением обернуться.

Здесь некоторые ораторы заявляли, что места должны получать значительную долю в бюджете, должны получать значительные средства из центра. Я хочу напомнить, что наша задача укрепить крупную промышленность, потому что тогда улучшится транспорт, а улучшатся средства сообщения—поднимется и все хозяйство страны. Если же мы сейчас при бедности наших средств будем их распылять по всем отраслям промышленности, по всем совнархозам, то не останется и кулака для того, чтобы поднять основную промышленность. Этого, товарищи, вы не должны забывать. Ваши желания и требования получить из центра побольше—естественны и законны, ибо каждый из вас в своей губернии, видя, в каком она находится тяжелом положении, обращается к центру, но, товарищи, вы не должны забывать, что и у нас в центре сейчас средств чрезвычайно мало для того, чтобы поднять всю Республику, для того, чтобы во всей Республике начать восстановление хозяйственной жизни. Мы должны бросить все наши средства в основной пункт—для поддержания нашей крупной промышленности. И если вы это себе ясно представите, если вы в этом отношении дадите должный ответ, то я думаю, что тогда многие из вас не будут сетовать, если они, вместо потребных сумм, получат меньшее количество. Нам нечего надеяться на иностранный заем, что когда-то он еще будет; для нас сейчас выгоднее пустить на рынок те товары, которые лежат на наших складах, как можно выгоднее их реализовать, даже если они предназначены для ударной государственной потребности. Мы вернем тогда сторицей эти пущенные в оборот фонды, и, получив сторицей обратно товары, пополним и взятый фонд и получим излишки для дальнейшего развития промышленности. Все это требует учета, сколько можно взять, сколько

пустить на рынок. Здесь учет и соответствующий хозяйственный план нам необходимы. Но в рамках этого плана мы должны иметь право полной свободы маневрирования. Эту свободу маневрирования мы должны иметь, ибо в той борьбе, которую мы ведем на экономическом фронте, которую будем вести в течение ряда лет, мы должны сейчас подковать себя в самом начале наилучшим образом, и эта подковка будет заключаться в том, чтобы мы как можно больше собрали ресурсов для нашей основной промышленности, ибо если мы сдвинем с места топливо, металлургию, то дальше мы уже покатымся по рельсам легко, ибо от этих основных отраслей промышленности, в конце концов, все зависит.

Некоторые товарищи выступали с указанием, что мы не заботимся о целом ряде отраслей хозяйства, говорилось о плохом положении электростанций, коммунального хозяйства и т. д. Я должен сказать, что по вопросу об электрофикации вы будете иметь специальный доклад, и потому я не коснулся этого вопроса. Коммунальное хозяйство не входит в круг ведения ВСНХ, и вам здесь, поэтому, я ничего не могу сказать. Я только хотел подчеркнуть положение наших электрических станций. Здесь товарищ указывал на то, что они находятся в разрушенном состоянии. Да, наши городские электрические станции наполовину в полуразрушенном состоянии, около половины машин требуют капитального ремонта. Но, товарищи, эти станции были раньше у городских хозяйств. И для того, чтобы привести все эти станции в порядок и включить их в нормальный план электрофикации, они должны быть сконцентрированы в определенном едином органе. Вы получите декрет об электрофикации, где предусматриваются права мест открывать, эксплуатировать и т. д. свои станции. Я думаю, принятием этого декрета мы сделаем второй шаг в области электрофикации и перейдем на практическую реальную почву постепенного выполнения и проведения этого плана в жизнь.

Товарищи, я постарался сейчас ответить на вопросы, которые мне были заданы. Что касается прений, то я констатирую, что в области практических вопросов мы не получили никаких возражений против работы, которая нами ведется, и против методов, которые мы предлагаем. И отсутствие разногласий является подтверждением положений, которые я выдвинул в конце своего доклада. Повидимому, мы окончательно приходим к полному единству и общему пониманию новых начал экономической политики. У нас стоит на очереди разрешение целого ряда практических вопросов, в чисто деловом порядке. В основном же мы, повидимому, все согласны. И это будет наилучшим залогом того, что то тяжелое положение, в котором находится основная наша крупная промышленность, будет нами изжито, и, разехавшись с этого Съезда, вы на местах, а мы в центре, будем иметь уверенность, что при содействии мест и при общем контакте и взаимном понимании мы выполним наши задачи. (А п л о д и с м е н т ы).

Калинин. Для заключительной речи слово имеет т. Каменев.

Каменев. Товарищи, т. Богданов ответил на целый ряд конкретных вопросов, связанных с проведением в жизнь нашей новой экономической политики. Мне хотелось бы раньше, чем я перейду к некоторым замечаниям, которые здесь были высказаны, обратить ваше внимание на то значение, которое имеют развернувшиеся здесь прения. Нет никакого сомнения, что этот про-

мадный Съезд, который, по правильному выражению одного из крестьянских ораторов, есть Съезд всея Руси, подтвердил, что никаких разногласий относительно необходимости, правильности и своевременности новой экономической политики у нас нет. Это имеет тем более важное значение, что новая экономическая политика,—и этого нельзя забывать,—есть сложный маневр, когда вместо той прямой фронтальной атаки, которую мы вели в продолжение трех лет и которую мы закончили победоносно, мы подошли к таким позициям, которые нельзя взять путем фронтальной атаки, потому что это—позиции мелкобуржуазной стихии. Эти позиции можно взять лишь длительной позиционной и маневренной войной. И мы должны помнить, что всякий обходящий может быть обойденным. Путь наш теперь гораздо сложнее. Поэтому, этот маневр может быть проделан победоносно только в том случае, если основное ядро нашей рабоче-крестьянской трудовой армии, борющейся на хозяйственном фронте, сохранит полное единство взглядов, дисциплинированность и способность к быстрому и гибкому маневрированию. Это, мне кажется, доказано этим Съездом самым блестящим образом, и этим самым разбита одна из надежд наших врагов, ибо они всегда говорили, что Советская власть держится только гражданской войной, только боями, мобилизациями, непосредственной вооруженной борьбой. Они предрекали нам гибель в тот момент, когда прямая вооруженная борьба сменится борьбой на внутреннем хозяйственном фронте. Они полагали, что мы, переменяв обстановку, останемся при старых методах. И главный удар, который мы нанесли им, это тот быстрый и гибкий поворот, который мы проделали и которым доказали, что мы не последуем их вражеским советам и будем в новой обстановке действовать теми методами, которые были необходимы.

Среди записок, которые мне были поданы, к некоторому удивлению, я должен сказать, основная масса их касается вопроса об аренде. Тов. Богданов рассказал вам подробно о том, как мы представляем себе эту аренду и ее практические результаты. Не знаю, приводил ли он вам, например, такую характерную цифру, что в Москве, где новая политика проводится особенно энергично, количество арендованных предприятий и занятых в них рабочих достигает только 2% общего количества предприятий и рабочих, оставшихся в руках государства и его местных органов. Только 5.000 рабочих работают на предприятиях, сданных в аренду. Но меня здесь интересует не этот конкретный вопрос, а то, что сказывается в том, что товарищи с мест прислали такую массу записок по вопросу об аренде. В этом сказывается подлинная и чрезвычайно ценная тревога за то, не ведет ли эта аренда и все другие методы нашей новой экономической политики к возрождению новой буржуазии, не ведут ли они к уступкам сначала экономических, а потом, быть может, и политических позиций. Эта тревога, говорю я, совершенно законна, и надо приветствовать то, что есть эта тревога в сердцах рабочих и крестьян, которые не хотят, чтобы пролитая 25-го октября 1917 года кровь пошла даром и послужила только удобрением для всходов новых буржуазных порядков. Но одно дело, товарищи, законная тревога, а другое—хладнокровный расчет, хладнокровное представление о ходе того боя, который мы ведем. Не надо представлять себе новую экономическую политику, как наступление всеобщего благодушия, как некоторое примирение всех противоречивых элементов. Нет,

надо отдать себе отчет, что в форме новой экономической политики продолжается борьба за основы коммунистического хозяйства, что в новой форме идет конкуренция между частно-капиталистическими формами хозяйствования и между социализированными формами. И здесь, испытывая, как перед каждым боем, естественную тревогу, мы не должны поддаваться только психологии, а должны рассчитывать шансы и уяснить себе, можем мы победить или не сможем в этой новой форме борьбы. Что на почве новой экономической политики создаются завязи новых капиталистических отношений, это верно. Однако, если взять даже этот маленький вопрос об аренде, то, сравнительно, со всем общим ходом дела, этот вопрос второстепенный, или даже третьестепенный. Та революция, которая происходит в деревне, в смысле реформы землепользования, гораздо больше предопределяет экономические и политические основы нашей Советской Республики, чем та или другая форма аренды.

Если, товарищи, кто-либо из нас сдаст в аренду предпринимателю старому или новому предприятие, которое мы с вами, т.-е. государство или его местные органы, могли бы доходно вести сами, то тот, кто это сделает, будет несомненным преступником против интересов рабоче-крестьянской власти. Но тот, кто не сдаст в аренду этого предприятия и сам не сможет его вести, не сможет заготовить для него топлива, не сможет заготовить для него сырье, не сможет найти для него организатора, который поставил бы это предприятие на хозяйственные начала и получил бы из этого предприятия некоторый добавок продуктов и товаров к тому маленькому запасу, который имеется у рабоче-крестьянской власти, кто проявит нехозяйственность или нераспорядительность, или кто из-за старых предрассудков, из-за старых воспоминаний скажет: пусть лучше данное предприятие стоит, станки гниют, портятся и ржавеют, но я в аренду этого предприятия не дам, тот тоже преступник против интересов пролетариата и крестьянства.

Нет никакого сомнения, что здесь нужно проявить точность, тактичность, гибкость. Надо уметь сдать в аренду так, чтобы прибыль этого предприятия шла не только в карман предпринимателю, но чтобы увеличивалось общее богатство страны, чтобы увеличивались общие запасы рабоче-крестьянской власти; надо уметь следить за тем, чтобы арендатор соблюдал законы рабоче-крестьянского правительства. Надо уметь тащить его в суд, как мы здесь потащили в Москве в суд тех предпринимателей, которые начали нарушать наши законы о труде. Надо уметь приспособить работу профсоюзов к этим новым условиям. Нужно поставить вопрос о защите рабочих, работающих на арендованных предприятиях, так как он должен быть поставлен в такой стране, где рабочие сами пишут законы, и где они не являются рабами. Но соблюдая все эти условия, защищая интересы рабочего государства и интересы рабочего класса, мы должны отдать себе отчет в том, что привлечение частной инициативы, частного капитала к увеличению производительных сил, к увеличению оборота, необходимо и неизбежно.

Тут перед нами встает и другой вопрос, вопрос не о том, можно ли нам выбраться из той обстановки, которая сложилась, без привлечения мелкого спекулянтского, мешочнического и растовщического капитала, который сейчас празднует свое возрождение, в виде кафе-шантанов, кондитерских, широчных и т. д., а можем ли мы обойтись без привлечения крупного капитала, который

можно найти только за границей. На этот вопрос тоже нужно дать ясный и точный ответ и вы знаете, что Советская власть сделала целый ряд шагов, направленных, именно, к тому, чтобы заставить иностранный капитал поработать рядом с нами, на возрождение экономики Советской Республики. Вы знаете, что во всем мировом масштабе вопрос поставлен так, что возрождение Европы из той кроваво-грязной канавы, куда ее кинула империалистическая война, невозможно без восстановления хозяйства России, что без 130 миллионов людей, которые объединены под флагом Советской России, без использования естественных богатств той $\frac{1}{6}$ части земли, территория которой представляет территорию Советской Республики, что выключив все это из своих хозяйственных расчетов, даже европейская буржуазия стоит на краю пропасти и не видит никакого выхода. И поэтому вопрос об установлении экономических связей между нами и Европой и Америкой, есть вопрос обоюдный. Мы не скрываем того, что для восстановления нашей крупной промышленности нам нужна европейская техника, нам нужна помощь европейскими материалами и нам нужно привлечение европейского иностранного капитала. Но мы знаем, что и мы в том виде, в каком они нас ненавидят, в виде этой плебейской Республики, которая здесь вот заседает в лице своих представителей, мы нужны этим европейским капиталистам, хотя в продолжение 4-х лет они и пытались, с одной стороны, нас задушить, а с другой стороны, показать, что они справятся без нас. И поэтому вопрос о привлечении капитала в Россию есть обоюдно острый вопрос, в котором мы не являемся людьми, которые просят милостыни. Мы готовы вступить в деловые сношения и создать все условия для того, чтобы эти деловые сношения были поставлены сразу на правильную погу в деловых переговорах и договорах со всеми теми государствами, которые понимают, что возрождение Советской Республики и возрождение ее, именно, под руководством рабоче-крестьянской власти, а не какой-нибудь другой, дело настоятельно необходимое. И раз мы во имя этого пошли на декларацию о признании долгов, то, товарищи, мы должны отдать себе отчет, что проблема сотрудничества в деле экономического возрождения с иностранным капиталом требует новых методов, новых подходов, новой гибкости и иного умения, чем то, что требовалось от нас с 25-го октября 1917 г. и до того момента, когда мы столкнули Врангеля в Черное море. Этот вопрос требует от нас, повторяю, сознания того, что методы нашей работы могут и должны быть изменены и требуют точной отдачи себе отчета в том, что становясь на этот путь мы не капитулируем, а продолжаем свою работу по достижению намеченных целей, но новыми путями.

Но какие же у нас гарантии,— вот центр вопроса,— где же у нас гарантии, что нас не зашьет, не захлестнет эта новая обстановка, которая характеризуется возрождением торговли, свободой частного почина, появлением арендных предприятий, появлением иностранных концессий, иностранных займов? Гарантии, товарищи, у нас в том, что мы держим в своих руках основные экономические позиции, не говоря уже даже о том, что мы держим в своих руках основную политическую позицию. О политике чутьчку ниже, а теперь об экономике. Правда ли, что основные экономические позиции остаются в наших руках?

Да. Наша основная пролетарская крепость заключается вот в чем. Мы держим в своих руках всю землю потому, что принцип национализации земли неизбывлем, и может быть сломлен только вместе с нами, при помощи какой-нибудь новой интервенции. Это первая крепость, при которой рабоче-крестьянское государство занимает ту позицию, при которой оно является твердой и неизбывлемой. Вторая крепость—это национализация всей крупной промышленности. Когда мы говорим: национализация крупной промышленности—это значит сосредоточение в руках объединенных организованных рабочих и крестьян всех средств производства, которые созданы предшествующим трудом целых поколений и которые до последнего времени находились в руках частных лиц и употреблялись в их интересах. Если оценить ту громадную силу, которая, благодаря национализации промышленности, сосредоточена в наших руках, если бы кто-нибудь произвел расчет и переложил бы силы машин, станков и двигателей, которые, благодаря этой национализации, сосредоточены теперь в руках рабоче-крестьянского государства, на цифры, то мы только тогда поняли бы, какая громадная сила находится в наших руках и как, сравнительно с этой силой, с тем, напр., фактом, что владельцем всей нефти, всех руд, всего металла, всего чугуна, всей стали в России является государство, которое распоряжается всеми этими предприятиями, и как по сравнению с этой силой слаба всякая другая сила. Тогда вы поймете, что во имя интересов широких масс, а не во имя конкуренции с тем или другим предприятием, государство сосредоточило эту громадную силу в своих руках. Вы поймете, как жалки, как мизерны, сравнительно с этим, все материалы и все средства, те суммы и те ценности, которые могут быть мобилизованы против нас капиталистом или спекулянт, который теперь получит возможность несколько шире развить свою деятельность. Мы его, на его же рынке можем и должны побить, если мы сумеем правильно распорядиться теми громадными средствами, которые у нас есть и которые дают нам до сих пор еще слишком мало своих продуктов.

Третья наша крепость—это национализация транспорта. Обладание государством, сосредоточение им в своих руках всех средств сообщения, которые позволяют нам регулировать все движение, а, следовательно, и весь товарооборот, при помощи которого мы можем диктовать не только направление тех или других грузов, но можем диктовать фактически и цены этих грузов. Нужно только научиться этот громаднейший аппарат транспорта, который перестал быть орудием частной политики, нужно научиться им пользоваться и его использовать в целях той же борьбы против частно-капиталистических завязей, которую мы должны продолжать новыми методами, на новой арене.

И, наконец, последняя крепость—крепость внешней торговли, которая остается национализированной. Мы продолжаем держать руку на той двери, которая ведет от нас к торговому и денежному рынку других стран. Эта дверь, несомненно, та самая, через которую должны будут завязаться отношения между хозяйственным организмом России и хозяйственным организмом Европы. Эту дверь сначала заколотили гвоздями, сделанными из пушечных снарядов, наши враги и сказали, что эта дверь никогда не будет открыта. Клемансо заявил, что около этой двери он настроят баррикады из откопечной проволоки, чтобы не пропустил в Европу большевистскую заразу. Мы хладнокровны и терпеливы в нашей борьбе, ибо мы взяли власть не для того, чтобы поиграть

ею несколько недель, несколько месяцев, или несколько лет, а взяли власть затем, чтобы добиться тех конечных результатов, которые перед нами вырисовываются, и мы знаем, что эта борьба есть величайшая битва, которая когда-либо была в мире. Мы видели, как к этой двери сначала протянул колючую проволоку г. Клемансо, как потом к этой двери подошел Ллойд-Джордж и стал подбирать свои ключики, как, наконец, эта дверь между нами и хозяйственным рынком Европы и Америки стала приотворяться и как теперь у этой двери толпятся представители всех буржуазных государств, зорко выглядывая наши естественные богатства и стараясь протиснуться в нее. У этой двери, которая недавно еще казалась заволоченной и обставленной пушками, происходит теперь некоторая давка. Вопрос заключается в том, распахнем ли мы эту дверь окончательно, или мы, оставаясь хозяевами положения в своем районе, будем продолжать держать руку государственной власти на рукоятке этой двери и ее приотворять только тогда, когда это будет диктоваться интересами восстановления нашего хозяйства? Я думаю, что именно последняя политика, политика продолжения укрепления и удержания принципа национализации торговли, при облегчении связей для непосредственного экспорта и импорта, именно сохранение этого принципа национализации нашей торговли есть наша четвертая пролетарская крепость, при помощи которой мы удерживаем, как выразился один из товарищей, и совершенно правильно, мы удерживаем наши высоты в той острой экономической борьбе, которая завязывается вокруг этого вопроса.

Пойдет ли дальше развитие России по капиталистическому типу, в смысле хозяйства, или по типу социалистическому? Если мы к этим экономическим командующим высотам, к этим экономическим укреплениям добавим еще основное и важнейшее — сохранение политической власти и общего аппарата государственного управления в руках рабочих и крестьян, то мы поймем, что мы имеем все шансы на то, чтобы направить экономическое развитие и весь процесс восстановления хозяйства, весь процесс выплзания России из той нищеты, грязи и разоренности, в которую она ввергнута империалистическими капиталистами, по правильному руслу и удержать его в наших собственных руках. В тех вопросах, которые при обсуждении этого положения возникают, есть много деталей и частных, которые потребуют дальнейшего рассмотрения и делового обсуждения. К таким вопросам относится вопрос о центре и местах. И здесь я вполне присоединяюсь к тому, что говорил т. Коганович. Против возрождения главизма в форме трестов, мы должны поставить решительный барьер и сказать, что этого мы не позволим. Другим частным вопросом является вопрос о реализации, о продаже на voluntary рынок продуктов государственной промышленности, о так называемом «разбазаривании». Этот вопрос, который должен быть решаем с двух точек зрения: с одной стороны, с точки зрения установления связи между нашей промышленностью и крестьянским рынком. Восстановить нашу промышленность без крестьянского рынка, отгородившись от него стеной, не давая на крестьянский рынок ничего — невозможно, — это утопия, сказка, фантазия, которая может нас разрезать, если мы пойдем по этому пути. Но эта опасность нам не угрожает. Мы должны поставить нашу промышленность так, чтобы крестьяне видели в государственной промышленности источник своего снабжения, чтобы они привыкли получать от рабочих, от национализированной промышленности то,

что им необходимо, а не идти искать где-то у частных спекулянтов, на вольном рынке, или, может быть, даже у заграничных комми-воажеров. С другой стороны, мы должны помнить, что наша промышленность имеет определенные государственные задания, что нам надо содержать армию, что нам нужно поддерживать транспорт и что поэтому выработка государственных предприятий должна идти в первую очередь на удовлетворение государственных потребностей, что поэтому тот процент, который может быть вытасен на рынок из предприятий государственного снабжения, должен поддерживать связь с крестьянским рынком, с деревней, для получения всего того, что нужно для самого государства. Тут предоставляется большой простор инициативе мест. Выдумать здесь, в Москве, в центре, установить точную пропорцию, точный размер мы, товарищи, не можем. И если вы будете наеяться на то, что здесь в центре сидят люди, которые вам укажут, как хозяйствовать, как соразмерять пропорции, сколько продать, сколько удержать, по какой цене продать, когда сдать в аренду, когда нет, если вы надеетесь получить отсюда эти указания, вы глубоко ошибетесь. Мы от вас, снизу, должны получить опыт соблюдения пропорции, хозяйственного умения идти новыми путями, умения приспособиться к обстановке. Мы даем отсюда и намечаем только общий путь, общую дорогу, и нам кажется, что эта дорога наша правильно намечена. Она заключается в маневрах с сохранением в своих руках командующих высот, и мы уверены, что эта дорога ведет к победе, но надо по всем закоулкам соразмерить свои силы. Эта задача может быть проведена только на местах, местной инициативой, местной гибкостью, изучением местных условий, обобщением местного опыта. И вот, если у вас на местах найдутся организации, найдутся товарищи из профсоюзных и коммунистических, и беспартийных, которые поймут, как надо хозяйничать на местах, чтобы общими силами поднять Россию из нищеты и грязи, тогда совместно с центром, который может, на основании всего опыта и хода мировой пролетарской революции, дать общие перспективы, — эти задачи соединенными силами мы разрешим. Мы восстановим сельскохозяйственную промышленность, связь между деревней и городом установим, и тогда создадим незыблемый блок, на котором может держаться Советская власть, вплоть до того момента (а этот момент уже недалек), когда придут оттуда, из других капиталистических стран, наши действительные резервы, резервы миллионов пролетариев, миллионов угнетенных, которые сейчас смотрят на то, как русский рабочий, как русский крестьянин выбирается из того голода, холода, нищеты и разорения, в которых он сидит и для которого каждый лишний пуд хлеба, каждый лишний пуд добытого нами угля, каждая лишняя десятина запаханной нами земли есть доказательство того, что русский рабочий может не только драться с буржуазией, но может заменить буржуазию в деле хозяйственного возрождения страны, в деле построения нового хозяйственного трудового общества. (Аплодисменты).

Председатель. Слово для предложения имеет т. Рудзутак.

Рудзутак. Товарищи, Президиум Съезда предлагает избрать комиссию для рассмотрения резолюции по докладом т.т. Каменева и Богданова в следующем составе: т.т. Каменев, Богданов, Рудзутак, Чубарь (Украина), Смилга, Богуславский (Москва), Каганович (Москва), Лихачев (Москва), Иванов (Питер), Сулимов (Урал), Чуцкаев (Сибирь), Серебровский (Азербейджан), Ногин (Туркестан), Бубнов (юго-вост.), Мельничанский, Позерн, Пятаков (Украина).

Голоса. Позерна.

Рудзутак. Президиум не возражает против включения т. Позерна.

Голоса. Т.т. Осинского, Сосновского, Вещинского.

Председатель. Позвольте проголосовать предложенный список. Кто за предложенный список? Кто против? Таковых нет. Список утвержден. Слово для предложения имеет т. Рудзутак.

Рудзутак. Вместе с этим Президиум предлагает сейчас создать и другую комиссию для предварительного рассмотрения резолюции по Советскому строительству по докладу тов. Сапронова. Комиссия предлагается в следующем составе: т.т. Калинин, Сапронов, Курский, Томский, Смирнов, Равич, Макейковский, Богуславский, Каганович, Мещеряков, Новоселов, Голосилов, Скрипник, Чуцкаев, Бубнов, Белобородов, Андреев, Ларин, Петрушкин.

Председатель. Разрешите проголосовать. Кто за оглашенный список? Кто против? Трое. (Голос: вопрос поставлен неправильно). Товарищи, поздно.

Председатель. Слово имеет т. Каменев.

Каменев. Мы избрали комиссию для рассмотрения резолюции по моему докладу, но нужно прежде всего сдать в эту комиссию какой-нибудь проект резолюции для рассмотрения. Я предлагаю от имени коммунистической фракции Съезда в основу работ комиссии принять ту резолюцию по общему экономическому вопросу, которая была принята закончившейся недавно конференцией РКП. (Пр о с и м — а п л о д и с е м е н т ы).

Председатель. Нет желающих высказаться по предложению т. Каменева?

Голоса. Нет.

Председатель. Товарищи, резолюция была напечатана во вчерашнем номере «Экономической Жизни». Стоит ли ее зачитывать? Нет. Кто за принятие в основу этой резолюции. (Г о л о с о в а н и е. П р и н я т о).

Председатель. Слово для предложения имеет тов. Сосновский.

Сосновский. К только что принятому списку комиссии по докладу т. Сапронова, я предлагаю включить тов. Ларина, работавшего по пересмотру Советского аппарата.

Председатель. Нет возражений. Принимается. Разрешите сделать перерыв для раздачи резолюции по докладу тов. Осинского. Объявляю перерыв на 5 минут.

Председатель. Объявляю заседание продолжающимся. Приступаем к обсуждению пятого пункта порядка дня о восстановлении сельского хозяйства и, в частности, пострадавших от голода местностей. Слово для доклада имеет тов. Осинский.

Осинский. Т.т. Ленин и Каменев, оценивая состояние нашего сельского хозяйства и перспективы дальнейшего его развития, приходили к благоприятным заключениям и подводили общие итоги с плюсом, с перевесом положительных тенденций в нашем сельском хозяйстве. В частности т. Каменев, указывал на то, что площадь ярового клина будущего года оказывается увеличенной против площади нынешнего года. Я подхожу к вопросу совершенно с другой стороны и сразу должен поставить его резко в другую сторону. Я вопрос ставлю следующим образом. Перед нами стоит вопрос, как предотвратить явно надвигающуюся катастрофу сельского хозяйства, несмотря на то,

что обнаруживается уже и прогрессивное поступательное движение в нашем сельском хозяйстве. Если мы вемотримся в цифры (я не собираюсь утомлять товарищей подведением общих итогов), то мы должны признать, что, несмотря на появление признаков улучшения, упадок у нас все-таки продолжается и есть большие основания говорить о том, что упадок этот может не остановиться, если мы не примем самых героических мер. Т.т. Ленин и Каменев говорили здесь также о том, что мы плохо пока еще управляем хозяйством и в этом я с ними глубочайше согласен. Признаком того, что мы не научились управлять не только на пизах, но в значительной степени и в наших центрах можно считать и то, что мы до сих пор не научились понимать некоторых азбучных хозяйственных истин. Такова, например, истина о том, что сельское хозяйство в России, которым занимается $\frac{3}{4}$ населения, является в России особенно, да и во всех странах мира, основой народного хозяйства страны, и что для под'ема промышленности во всякой стране необходим под'ем сельского хозяйства. Если сельское хозяйство разваливается, то нельзя быть уверенным в развитии промышленности. Мы не поняли еще одной истины, что хозяйство у нас продолжает оставаться в упадке. Упадок этот идет дальше, и в результате (это основное положение, которое мы должны запомнить очень отчетливо), у нас сейчас находится в гораздо более скверном и разваленном состоянии, чем промышленность. На это мы должны обратить главное внимание, если мы хотим поднять все народное хозяйство страны. Ибо, если мы будем заниматься вопросами промышленного развития в первую очередь, а в это время у нас будет идти по нисходящей спирали вниз сельское хозяйство, то и промышленность ваша потерпит крах и мы из этого краха не выберемся. Я это докажу цифрами. Но первое положение, которое я должен выставить, это то, что сельское хозяйство требует к себе сейчас величайшего внимания. Оно требует героических мероприятий. Оно требует, если переводить на звонкую монету, не только внимания, но и материальных средств для того, чтобы его поднять.

Позвольте мне представить вам несколько цифр. Я начну с тех прогрессивных тенденций, которые в нашем сельском хозяйстве обнаруживаются. Частью они уже намечены в докладах т.т. Ленина и Каменева. Прежде всего, если посмотрим, что у нас делается с яровым клином настоящей весной после того, как мы заменили продовольственную разверстку продналогом, то, как результат этого, яровой клин 1921 г. составлял три четверти ярового клина 1920 г., т.е. мы имеем понижение на 25% против прошлого года. Это весьма неутешительные результаты, но в них есть и некоторый прогресс: в потребляющих губерниях, несмотря на общий упадок, мы имеем весной прирост в 10%, в некоторых производящих губерниях сохранение равновесия, а в Рязанской даже прогрессе на 8%. Это, товарищи, безусловно, проявление улучшения, ибо до 1921 года, начиная с 1916 года, непрерывно во всех районах посевная площадь и ярового и озимого клина падала. Не было ни одного года, когда бы этот процент повышался, и только нынешней весной процент падения остановился и в потребляющих губерниях, и в производящей Рязанской, и вообще по всей России. Но в результате колоссального упадка, в результате неурожая в общем получилось громадное понижение—на 25%.

Когда мы переходим к озимому клину, засеянному в 1921 г. осенью, то, как сообщил т. Ленин, вы видите по потребляющим губерниям прирост на 26%, в производящих урожайных—23%, в малоурожайных—22% и по голодающим губерниям озимый клин 1921 г. сократился на одну четверть против осеннего засева 1920 года. Это произошло, как результат героических усилий не только всех советских работников, но и самого крестьянства, которое при страшном голоде вкладывало последние семена в землю. Только в результате этого героизма, несмотря на катастрофический урожай в голодающих губерниях, мы имеем здесь 72,3% озимого клина предшествующего года. Но общий итог все же на 5% ниже прошлого года.

Если идти дальше, то из улучшения и мер принятых к этому улучшению, мы можем заметить, что вспашкой раннего пара охвачена одна треть яровых, вспашкой на зябь охвачено 43—44% будущего ярового клина. Некоторые прогрессивные тенденции, таким образом, имеются, но посмотрим, что предстоит нам дальше. Можем ли мы на этом успокоиться, и дает ли это нам право надеяться на невозможность катастрофы.

Нет, у нас к тому нет никаких оснований, и вот почему. На голодающие губернии Поволжья отпущено на обсеменение 25 милл. пуд. зерна на яровые, а потребность по расчету Госплана составляет 33 милл. пуд., а по наркомземскому подсчету 45 милл. Если мы возьмем расчет Госплана, то мы по нему увидим, что предполагается дать семян на потребляющие голодающие губернии только на три четверти их потребности. Что это реально означает? Это означает следующее: яровой клин в этих губерниях в 1920 году составлял две трети ярового клина в 1916 г., а в 1921 г., нынешней весной, в этих губерниях он составлял против ярового клина 1920 года опять-таки две трети. Это значит, что в 1921 году в Поволжских губерниях средний яровой клин составлял $\frac{2}{3}$ ярового клина 1920 года. Таким образом, мы будем иметь в 1922 году при таком снабжении семенами в Поволжских губерниях треть площади посева 1919 года, когда уже было понижение. Эти губернии в будущем году будут губерниями потребляющими, даже при урожае выше среднего. Они не покроют полностью своих потребностей. При урожае выше среднего им надо ввозить,—вывозить оттуда уж ничего нельзя будет. Что это означает в будущем, в смысле сбора натурального палого, оказания (что является самым важным) семенной помощи для других губерний, которые могут оказаться не урожайными? Это означает, что из Поволжья, которое составляет одну треть всей посевной площади в России, за исключением Украины и Туркестана, нельзя ничего дать, ни в смысле продпалого, ни даже в смысле семенного материала, в другие места.

Что касается перспективы на урожай в будущем году, пока сказать об этом, конечно, ничего нельзя. Урожай определяется не только осенью, но он определяется в сильной степени и условиями весенней погоды. Что же касается условий погоды, которые у нас в России были этой осенью, то надо сказать, что они были неблагоприятные. Это определенно установлено. Я остановлюсь только на одной стороне осенней погоды, на вопросе об осенних осадках. В этом отношении пока данные расходятся. По одним данным выходит, что по всей России нынче, в среднем, количество осадков ниже нормы, по другим данным, по данным Московской обсерватории выходит, что коли-

чество выпавших осадков приблизительно близко к нормальному количеству. Но не в этом суть дела. Все дело в том, что распределение осадков у нас в нынешнюю осень целиком переместилось. Получилась картина такая, что большее количество осадков имеется на севере, северо-востоке и юго-востоке России. Что же касается центральной части,—губерний Курской, Тамбовской и т. д., по направлению к Украине, то там имеется недостаточное количество осадков и положение здесь близко к катастрофическому. Я вам оглашу краткие цифры, которые укажут вам на положение дела: например, в Орловской губернии, в губернии, которая подверглась в прошлом году жестокой засухе, за три осенних месяца имелось на 73% больше нормального количества осадков, в Саратовской губернии на 13%, в Царицыне на 35%, в Екатерибурге на 52% (в полтора раза больше нормы). Вот как обстоит дело на юго-востоке. Точно так же на севере. Теперь Курская губерния получила 51% нормальных осадков, половину того, что надо, Харьковская 57%, Киевская 69%; из этого вы видите каков недобор дождей до нормы. Что касается некоторых центральных районов, то, например, в Смоленской губ. выпало до двух третей необходимого количества осадков. В Москве 81%, в Петрограде 80%. Из этого вытекает то, что мы будем иметь ясную картину нашего сельского хозяйства, спускающегося вниз по спирали. Я должен отметить по поводу неурожайных губерний, что даже помимо того, что мы семена туда недодадим, если мы даже эти семена дадим полностью, то будут ли эти семена брошены в землю, это большой вопрос.

Если там скот вымирает, и его поедают, то спрашивается, что у нас будет с посевной площадью в неурожайных губерниях будущей весной? Это—важный вопрос, и здесь нужны героические усилия. Нельзя легко относиться к вопросам сельского хозяйства. Сельское хозяйство становится такой работой, которую надо поддерживать изо всех сил, всеми средствами. иначе оно погибнет. Мы его можем спасти, если, начиная с этого Съезда, коренным образом изменим отношение к этому делу. А переменить отношение очень не мешает. Тов. Брагин в своей статье, напечатанной в «Правде», цитирует остроумную передовицу из газеты Наркомзема: «Засуха и голод не на словах, а на деле очень мало изменили положение. Даже наоборот: мы имеем колоссальное сокращение материальной базы НКЗ—сметы 1922 года. И это в то время, когда отсутствие средств в текущем году на каждом шагу тормозило работу Наркомзема. Немцы это называют: «Алле симпатиец, абер кайн пфениг» (все и всяческие симпатии, но ни гроша)». Я должен перед всем Съездом сказать, что это совершенно правильная характеристика положения: «все—симпатии, но—ни гроша». И это сказывается не только в вопросе о бюджете, это сказывается во всем отношении к делу по всей периферии. В вопросе о бюджете это сказывается в том, что при грядущей перспективе страшного недорода в будущем году необходимо развить борьбу с засухой путем простейших мероприятий, на организацию которых нужны деньги. А что представляет бюджет Наркомзема? Он составляет 8% государственных средств, 27 милл. золотом, и стоит он на шестом месте. Впереди стоят: ВСНХ, Военный Комиссариат, Наркомпуть, Наркомпрод, Наркомпрос и, затем, уже Наркомзем. Вы, все работники с мест, знаете, что народное образование у нас—самая слабенькая отрасль работы, всегда имеющая наимень-

шее количество средств. А земледелец стоит за Наробразом. И это в тот момент, когда самым ударным порядком надо развить нашу работу. Это и называется: все симпатии, но ни одного гроша. И затем, если вы пойдете на места, вы наблюдаете такую картину. С страшным напряжением и упорством Наркомзем при представлении протоземельного бюджета получает ограниченное количество пайков, которых совершенно недостаточно. В этом вопросе он также урезан, как и в вопросе денежном. На местах, где-нибудь в край-совете юго-востока, пайки для Наркомзема спокойно перебрасываются на другие нужды. Это явление—повальное и лучше всего характеризует общее отношение, которое существует у нас к вопросам сельского хозяйства: все симпатии и никаких материальных средств. А ведь без них работать нельзя, без них все разговоры—совершенно впустую и являются одним лицемерием. На этом Съезде всему этому должен быть положен предел.

Прежде всего мы должны усвоить основную азбучную истину, что сельское хозяйство находится накануне краха, который можно предотвратить лишь самыми героическими мерами. Мы должны поставить его на равную ногу с промышленными предприятиями. Мы должны двинуть на работу в сельском хозяйстве людей и, прежде всего, дать средства, потому что на одних людях не уедешь. Нужны семена и для этого в первую голову требуются деньги. Вот, товарищи, это то первое и основное, с чего я должен был начать свой доклад. А теперь позвольте мне, так как я привык к деловому изложению предмета, перейти в дальнейшем к розданной уже вам резолюции и мотивировать ее, так как она представляет собою краткую сводку тех положений, которые я предлагаю принять на настоящем Съезде.

Я начну с первого пункта, который в этой резолюции намечен, т.-е. с земельного вопроса. Земельный вопрос, товарищи, перед нами выдвинулся во всю ширь и со всей остротой, но совершенно в другой плоскости, чем он выдвигался в России в 1917 и 1918 г.г. Тогда вопрос о земле был вопросом о завоевании земли и о том, чтобы количественно увеличить крестьянское землепользование. Теперь вопрос стал совершенно в другую плоскость. Теперь дело идет о качественном подходе к этому вопросу, о том, чтобы крестьянин усвоил и правильно использовал ту землю, которую он взял у помещика. А он взял ее почти всю. 90 слишком % земли, которая может быть вспахана в России, находится у крестьянства. В совхозах осталось очень немного, лишь несколько процентов. Спрашивается—правильно ли крестьянин сейчас пользуется своей землей? Нет. И этот вопрос встал перед крестьянством, лишь только мы объявили новую экономическую политику, и как только она действительно пробудила хозяйственное течение в крестьянстве. А что это произошло—в этом нет сомнения. Только неурожай оставил без результатов крестьянское хозяйство, несмотря на колоссальные усилия, произведенные им. Крестьяне наши везде и всюду употребляют сейчас колоссальнейшие усилия для того, чтобы выяснить свое отношение к земле и к соседям своим по владению землей, чтобы прекратить ту неразбериху, которую революция, надо это признать, не сократила, а, может быть, увеличила, ибо наши переделы в 1918 и 1919 г.г. не установили правильного землеустройства. На последнее у нас и сил не хватило, и поэтому мы имеем до сих пор колоссальную чересполосицу,

мелкополосицу, постоянные переделы и полную неустойчивость земельных отношений. С этим нам надо прежде всего покончить, если мы хотим восстановить наше хозяйство. Восстановлено же сельское хозяйство может быть только тогда, когда крестьянин знает, где его участок земли, если этот участок земли удобен и близко к нему расположен, если он знает, что он будет им пользоваться достаточно продолжительный срок и поэтому сможет вложить в землю соответствующие удобрения, произвести мелнорацию и т. д. Поэтому первый вопрос, который у нас возникает,—это вопрос об упорядочении землепользования и о том, какую форму землепользования мы признаем. У нас преобладающей формой землепользования является землепользование общинное. Имеются сторонники землепользования индивидуального, отрубного и хуторского. Вопрос о землепользовании занимал всегда все русские правительства. При этом министерство земледелия обычно считало, что надо поддерживать общину, а министерство Столыпина насаждало отруба и хутора. Спрашивается: каково наше основное отношение к вопросу о землепользовании,—к вопросу об общинах, отрубках и хуторах? Наше отношение к этому вопросу должно быть нейтральное. Мы знаем отлично, что отруба и хутора не составляют той формы землепользования, при которой дается полная возможность развития крестьянского мелкобуржуазного хозяйства. Максимальный подъем последнего возможен лишь на основании широкого развития сельско-хозяйственной кооперации. Деление же на отруба и хутора, хотя и повышает хозяйственный почин тех элементов, которые там находятся, но повышает только на несколько лет, затем создается уже застой, потому что кооперирование затрудняется этими формами. Индивидуальное землепользование, которое составляет для нас наиболее совершенную форму землепользования, является формой земельных кооперативных товариществ, которые образуют естественную под основу кооперированного крестьянского хозяйства, а только кооперированное крестьянское хозяйство и может действительно прочно подняться. Вот это и является для нас руководящим нашим началом. Мы должны экономическими мерами поощрения содействовать тому, чтобы развивалась эта форма товарищеского владения, товарищеского землепользования. Но можем ли мы к чему-нибудь принудить крестьянство в этом отношении? Можем ли мы защитить общину? Мы общины защитить не можем. Мелкополосица, которая в ней царит, запутанность отношений, которая в ней есть, принудительность севооборота, которая в ней присутствует, создают такое положение, при котором нынешняя община является фактором, безусловно тормозящим развитие сельского хозяйства. Переделать общину на новые начала до некоторой степени возможно. Случай этот можно наблюдать в Московской губернии, где при общинном землепользовании, еще старом, был произведен процесс травосеяния. Но этот процесс—очень трудный, между тем крестьянство рвется к подъему своего хозяйства и будет рвать эти барьеры общины. Поэтому мы не можем взять общину под свою защиту и должны держать нейтралитет государственной власти. Мы должны предоставить выбор форм землепользования самому крестьянству: как оно по своим бытовым условиям найдет правильным, так и устроит свое зе-

млепользование. Поэтому п. 1-й моей резолюции гласит, что мы подтверждаем 7-ю ст. одного из первых декретов Советской власти о земле, которая гласит, что каждое земельное общество в праве выбрать себе любую форму землепользования, — общинную или отрубную или хуторскую, — какую угодно. Это постановление затем было в последующих законах затушевано. В законе о социализации земли этого пункта нет. В законе о социалистическом землеустройстве сказано только отрицательно, что, дескать, предпочитать из форм землепользования нужно форму землепользования коллективную, а на все формы индивидуального землепользования нужно смотреть, как на отживающие, преходящие. Поэтому в нашем основном законе создалось противоречие. Мы должны ясно сказать, что всякое крестьянское общество в праве выбрать себе любую форму землепользования, по собственному усмотрению. Как будет держаться государство в этом вопросе? Оно будет держаться следующим образом: во-первых, оно при производстве этих переделов и переизбрании форм землепользования, не будет допускать резких столкновений между членами общества. Во-вторых, оно будет мировым посредником, который будет по справедливости и по целесообразности, в судебном порядке, как это сказано во втором пункте, рассматривать земельные дела, с участием присяжных заседателей из других деревень, и будет решать, кто здесь прав и кто не прав, но не будет производить никакого давления на выбор форм землепользования. Свобода выбора форм землепользования подразумевает, однако, не только то, что государство не производит давления на каждое отдельное общество. Оно подразумевает еще и то, что отдельная группа общества может избрать себе форму землепользования, ибо если бы мы этого не обеспечили, мы бы никакой свободы не предоставили. Если бы мы предоставили решение вопроса большинству общины, тогда элементы отсталые могли бы переголосовать решение вопроса, а мы должны констатировать, что далеко не кулацкие элементы, а, наоборот, передовые элементы деревни сейчас стремятся выйти из общества. Поэтому, дабы данный коллектив был огражден, чтобы была ограждена свобода каждого члена общины, каждой группы, мы должны постановить следующее: что во время общих переделов, который установлен через 9-летний срок, в этот момент, каждый из членов общины, или каждая группа членов может выделиться из общины. Мы даем право самоопределения и свободного выделения. Каждый член общины может избрать любую форму землепользования во время этих переделов, а в промежутках между переделами общины известное меньшинство общины, ограниченное, однако, определенной цифрой, например, одной пятой (мы эту цифру твердо не указываем, а предоставляем ее установить Центральному Исполнительному Комитету), это меньшинство общины может выделиться и избрать другую форму землепользования.

Но вопрос ограничивается не только этим. Вопрос еще сводится к тому, чтобы создать устойчивое землепользование, и это вопрос не менее важный. Что нужно для этого сделать? Во-первых, Съезду надо вынести окончательное постановление, что переделы не допускаются раньше, как в течение трехкратного чередования севооборота. На 9 лет всякий крестьянин может спокойно пользоваться своей землей. Это уже вводилось постановлением Совнар-

кома, но исполняется весьма слабо, и Съезду надо это подтвердить. Надо вынести постановление Всероссийского Съезда Советов, и к этому добавить, что, если произошел выбор формы землепользования и, если, допустим, одна пятая заявила, что она выделяется, последнее допускается после нормального срока севооборота, в течение которого уже не происходит переделов. Если, предположим, произошло выделение, то после этого крестьянин должен ждать 9 лет, потому, что мы не можем допустить переделы каждый год. Но не только этим создается устойчивость крестьянского землепользования. Дело в том, что нужно еще подумать вот о каком вопросе. Наше крестьянство не имеет никаких правовых гарантий в своем пользовании землей. В законе очень неопределенно и глухо говорится о том, по какому случаю можно выделяться, сдавать землю и по какому случаю земля может отбираться у крестьянина. Этот вопрос необходимо урегулировать. До сих пор бывало постоянно следующее. Если мы выделяем коллектив, мы даем ему свободу в отношении землепользования. Выделение коллектива не приносит никакой беды, но крестьянин не уверен в том, что он этим участком будет владеть, что его не будут перекраивать. Этот вопрос до сих пор ясно и определенно поставлен не был. Поэтому надо в законодательном порядке установить, во-первых, точно случаи, когда землепользователь может потерять свою землю по причинам, которые должны быть определены законодательным порядком и число которых должно быть всемерно ограничено, чтобы крестьянин не пользовался землей на птичьих правах. Вот это право надо превратить в устойчивое право, и, во-вторых, надо установить опять-таки определенные случаи, точный порядок того, как могут изменяться размеры и границы каждого отдельного участка. Вот все эти вещи необходимо совершенно строго установить, чтобы придать наибольшую устойчивость крестьянскому землепользованию. Нужно, однако, подчеркнуть, что землепользование остается целиком и полностью землепользованием, оно ни в какой мере не превращается в землевладение. Об этом мы заявляем несколько раз в имеющемся у вас на руках проекте резолюции, подтверждая, что национализация земли, право государственной собственности земли остается неизблемым. Никакая ни продажа, ни покупка, ни закладывание происходить не могут. И перед нами встает еще один только вопрос: а должны ли мы разрешать аренду земли? Аренду земли крестьянина крестьянину. Вопрос крайне интересный, ибо он тесно соприкасается с вопросом о государственной собственности земли. Если мы представим себе такое положение, что один крестьянин другому, на очень долгий срок, скажем, на 6-ть лет, сдает в аренду свою землю, что это означает? Это означает вот что. Тот, кто, сдает свою землю, пользуется этой землей или не пользуется? Он пользуется, но совершенно с другой стороны для своего социального обеспечения. Он сам занимается, очевидно, чем то другим, а землей пользуется для того, чтобы из нее доход получить, быть или собственником, или, как говорится, рантье. А тот, кто обрабатывает землю в дополнение к своему наделу? Да, если он соберет таких наделов, скажем, 50, то в кого он превращается? Он превращается в помещика, самого настоящего. Мы можем это допустить? Не можем допустить. Но должны ли мы запретить вообще всякую аренду? Не можем этого сделать, потому что все наше сельское хозяйство, вся наша

политика, и старая и новая, является ориентацией на середняка, и мы должны считаться с тем, что является бытовой потребностью трудового среднего крестьянского сельского хозяйства. Вызывает ли потребность этого крестьянского хозяйства краткосрочную аренду? Вызывает. Вызывает она в каком случае? Когда имеется в деревне, например, вдова, у которой муж умер, а дети еще не подросли. Можем ли мы ее скинуть с земли? Не можем, это совершенно бессмысленно. Через 4—5 лет она великолепно обработает эту землю. В этот момент чем она занимается? Сдает в аренду. Можем ли мы ей это запретить? Не можем. Должны ли мы допустить эту аренду? Должны допустить. Например: семья красноармейца. Ушел красноармеец в армию, остается земля без рабочей силы, хозяйство, как говорится, временно ослабленное. Должны ли мы запрещать аренду ее? Не должны запрещать. Происходит ли это арендование сейчас? Конечно, происходит. Зачем же мы будем закрывать глаза на этот факт, вызываемый потребностью крестьянского трудового хозяйства? Если бы это вызывалось потребностью буржуазного сельского хозяйства, тогда мы бы поставили вопрос в другой плоскости. Будем ли мы поэтому ставить препоны трудовой аренде? Нет. Если бы поставили препоны, мы пришли бы к тому, что этот арендатор слабого хозяйства эксплуатировал бы гораздо больше того, который сдает в аренду, потому что арендовали бы тайком из под полы и этим бы вызывалось большее разорение этих маломощных хозяйств. Поэтому аренду запретить мы не можем. Но что мы можем сделать? Мы должны законодательными мерами ограничить всякую возможность эксплуатации одного хозяина другим и не допустить никакого отступления от принципа национализации земли. Так сказано в проекте резолюции. А как конкретно расшифровывается то постановление, которое должен будет издать ВЦИК? Это расшифровывается так: во-первых, надо, чтобы земля сдавалась в аренду на срок, скажем, не больше 6-ти лет. От передела до передела 9 лет и в эти 9 лет будьте добры сами обработать хотя бы одну треть своей земли. 6 лет вашу землю может арендовать кто-нибудь другой. Это не значит, что договоры должны заключаться на 6 лет. Нет, вероятно, мы разрешим только ежегодную аренду для того, чтобы ничем не связать того, кто сдает в аренду, но в общем земля его может гулять в аренде не больше 6-ти лет. Во-вторых никто не имеет права сосредоточить в своих руках больше определенного количества чужой наделной земли в аренде. Мы так ограничиваем здесь: никто не может сдавать в аренду земли столько, сколько он сам не может обработать. Такое ограничение наиболее целесообразно. Никто не может арендовать земли больше половины того, что у него есть, т.-е. нельзя увеличить своего надела больше чем в полтора раза. Условия аренды должны быть подвергнуты строгому контролю.

В таком же духе мы должны рассмотреть вопрос о наемном труде в крестьянском хозяйстве, так как, несмотря на постановления и законы о труде, крестьянское хозяйство наемный труд применяет, потому что таковы его бытовые потребности. Та же самая вдова, если не сдает свой участок в аренду, вынуждена нанимать посторонних людей во время сбора урожая и, вообще, во время усиленных работ. На юге-востоке и юге, ведется интенсивное хозяйство и, где крестьяне имеют большие наделы, они принимают для обработки

земли и для того, чтобы в известные периоды справиться с урожаем. Следовательно, надо определенно поставить этот вопрос и допустить пользование наемным трудом там, где оно вызывается бытовыми потребностями. То же самое сказано в п. 5. Пункт 6-й обязывает ВЦИК издать об этом конкретное постановление. В Наркомземе проект уже сейчас разработан, остается утверждение его ВЦИК. В пункте 7-м дается задание по пересмотру всех законов о земле. Необходимо привести их в ясность, согласовать с новой экономической политикой и, наконец, создать из них систему закона, которая была бы доступна каждому земледельцу. Наши законы о земле написаны тарабарским языком; это такие циркуляры, которые не только не разбирает простой крестьянин, но и человек с высшим образованием часто в них ничего не понимает. Поэтому необходимо все их перевести на простой русский язык и издать в виде кодекса законов о земле. Вот те предложения, которые делаются мною по вопросу о землепользовании.

Теперь другой раздел моих предложений. Он относится к основным мероприятиям в области сельского хозяйства, меры эти такие. Прежде всего — деньги и средства. Не симпатии, а деньги, так как для того, чтобы поднять сельское хозяйство нужны прежде всего средства. Что нужно в сельском хозяйстве? Ему прежде всего нужен долгосрочный кредит. Мы сейчас уже имеем государственный банк, который кредитует пока товарные отношения. Кредиты эти краткосрочны. Необходимо создать в государственном банке долгосрочные кредиты, при помощи которых нужно кредитовать крестьянское хозяйство. Этот кредит может распределяться дальше вниз, как через соответствующие кооперативные организации, так и через государственные органы, а может быть даже через какие-нибудь специальные органы. (Напр., на Украине через Комнезаможи). Таким порядком должны распределяться эти кредиты. При этом должны быть созданы два государственных фонда: один для поддержки маломощного крестьянского хозяйства, а другой фонд для сельско-хозяйственной мелиорации. Что касается фонда на поддержку маломощного хозяйства, то тут мы соприкасаемся с важнейшим вопросом. Я стою на той точке зрения, что в значительной мере весь вопрос выигрыша советской работы в деревне состоит в том, что мы должны организовать там маломощное крестьянство, малоимущие крестьянские низы, не бедноту в старом смысле слова, потому что ее сейчас нет (в некоторой части беднота представляет собой такой элемент, который имеет уже пролетарские навыки, сидит в коллективах и т. д.), но очень большое и все возрастающее количество крестьян, которое является крайне бывалым и подвижным элементом. Это наши красноармейцы, это бывшие военнопленные, у которых хозяйство сильно расстроено. Вот эти маломощные крестьяне при новой экономической политике будут безусловно активно искать выхода из трудного положения. С этим надо считаться также открыто как с общей опасностью, которая грозит нашему хозяйству в смысле неурожая. С распространением торгового капитала, да еще с присоединением кулаков, сидящих в деревне, которые теперь начинают действовать, опасность становится вполне ясной. И вот все эти хозяйства, плюс хозяйства красноармейцев, находятся сейчас в подорванном положении, что приводит их к мыслям такого рода, что они воевали, воевали и в конце-то-концов завоевали

себе разорение и угнетение. Этого допустить никак нельзя, ибо эти хозяева — бывшие красноармейцы, представляют, как раз, тот элемент, который может вступить в контакт с рабочими на основе новой экономической политики. Их нужно организовать путем кооперативных организаций и поддержать не только симпатиями, а денежной поддержкой. Специальный фонд должен быть выделен на поддержку маломощного крестьянского хозяйства. Таким образом, они и будут спаяны с другими рабочими и будет укреплена власть рабочих и крестьян и диктатура пролетариата. Другой фонд, который необходим для восстановления сельского хозяйства, это фонд сельско-хозяйственной мелиорации. Для того, чтобы производить коренные земельные улучшения, недостаточно местных средств самих крестьян. Эта часть работы по обводнению и по осушению может проводиться в мелком виде самими крестьянами. Но более сложные работы местного масштаба могут производиться только при поддержке государства. Для этого необходим фонд сельско-хозяйственной мелиорации, если мы хотим поднять сельское хозяйство. Но ясно, что наших фондов на это может не хватить. Они будут по необходимости малы. Поэтому в резолюции говорится: «В целях возможного увеличения средств, обращаемых на восстановление сельского хозяйства и, принимая во внимание недостаток их внутри страны, Совету Народных Комиссаров поручается обратить особое внимание на привлечение таковых из-за границы в форме займов или концессий, для расширения ввоза в страну машин, орудий, семян, искусственных удобрений и широкого распространения механизации и электрофикации сельского хозяйства». Если здесь о последних двух вещах говорили серьезно, то ясно, что это может тогда наступить, когда у нас будет поднята промышленность, а для этого надо организовать сельское хозяйство, или путем притока средств извне, путем займов или концессий. Эти займы и концессии особенно нужны нашему сельскому хозяйству для того, чтобы увеличить приток тех материальных средств, которые будут входить в сельское хозяйство и его поднимать. Дальше следует пункт, в котором говорится, что помимо средств для того, чтобы поднять сельское хозяйство, нужны знания. Нужно знать, как приложить эти средства, и десятый пункт обязует ВЦИК, Совнарком и все органы Советской власти развить: во-первых, опытное дело, как основу всякой агрикультурной работы; только в наших опытных станциях мы выковываем те знания, которые дальше преподаются в учебных заведениях, и которые ученые агрономы распространяют в крестьянской массе. Мы должны укрепить опытное дело. Второй рычаг, — это сельско-хозяйственное образование, которое находится в таком положении, что когда было отпущено на все техническое образование 150.000 пайков, то на сельско-хозяйственное образование было отпущено сперва 10.000 пайков, а потом, после длительного протеста Наркомзема, в руках которого не находится сельское образование, было отпущено 15.000 пайков. Вот то отношение к сельско-хозяйственному образованию, которое мы наблюдаем. Это отношение должно кончиться. На сельско-хозяйственное образование, во всех его ступенях, надо обратить основательнейшее внимание.

В-третьих, надо обратить основательное внимание на постановку агрономической организации. Для этого надо иметь и деньги, и средства. Для иллю-

страции приведу такой пример: После земельного съезда я у себя в приемной встречаю человека, в рваном зипуне и в лаптях, который подошел ко мне и говорит: «Товарищ, я у вас хочу попросить, нельзя ли сапоги раздобыть». Этот человек оказался агрономом. Агроном, в лаптях, без сапог, в совершенно рваном зипуне явление, конечно, непормальное. И этот агроном должен ходить по полям и крестьянам что-то показывать. При таком положении никакой агрономической организации быть не может. Мы должны поставить агрономическую организацию в более или менее нормальные условия, в смысле отпуска денег, прозодежды. Совершенно ясно, что иначе никакого под'ема сельского хозяйства не может быть. Далее следующий пункт говорит, что необходимо принять все меры к тому, чтобы развить семенное и племенное дело, семенные и племенные государственные и кооперативные рассадники. Они важны потому, что являются для крестьянского хозяйства тем, чем на заводах являются инструментальные мастерские, которые вырабатывают инструменты для всего завода. Племенные и семенные рассадники вырабатывают усовершенствованный инструментальный материал для производства всего крестьянского хозяйства, и они могут быть введены только кооперативными и государственными хозяйствами. Это дело должно быть отлично поставлено, и оно не может быть поставлено в небольшом хозяйстве, оно должно вестись только мощными государственными хозяйствами. Это дело необходимо должны поставить советские хозяйства. Если мы распространим улучшенные семена, которые дают улучшенный урожай, семена более засухоустойчивые, которые могут устоять против заморозков, то этим мы сократим малоурожайность и дадим возможность устоять крестьянским хозяйствам. Этот вопрос, крайне важный и на него необходимо обратить самое серьезное внимание.

Следующий пункт гласит еще об одном вопросе, который является у нас совершенно забытым. Это вопрос об отраслях промышленности, которые обслуживают сельское хозяйство. Я говорю о производстве сельско-хозяйственных машин и орудий и минерального удобрения. Созданные для этого центры—Главсельмаш и Главтул работают в высшей степени слабо. Необходимо, поэтому, их работу усилить, заставить ВСНХ представить план производства сельско-хозяйственных машин и план тех мероприятий, которыми он предполагает поднять эти отрасли промышленности. Об этом необходимо будет сделать доклад ВЦИК'у и, таким образом, добиться того, чтобы это дело было двинуто вперед, ибо наше машиностроение находится в полнейшем загоне. Оно могло бы сделать гораздо больше, если бы были к тому сильные побудительные причины. Точно также у нас валяется в земле огромное количество минерального удобрения, которое весьма легко поднять из земли. И в этом отношении мало что делается для того, чтобы выявить, где они находятся и поэтому ВСНХ поручается произвести соответствующую разведку.

Затем, далее говорится о способах поднятия сельского хозяйства, о поощрении особых хозяйств, переходящих к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства, хозяйств, которые вводят травосеяние, льноводство, промышленное огородничество и т. д.

Затем, в следующем пункте говорится о том, что необходимо заняться пересмотром нашей налоговой системы и поручается ВЦИК до начала весенних полевых работ, собрать накопившийся по этому вопросу опыт и произвести пересмотр существующего законодательства в сторону его упрощения, объединения, сокращения числа мелких налогов и повинностей, возможного облегчения для крестьянства лежащих на нем государственных повинностей и упорядочения их взимания. ВЦИК рассматривает соответствующие проекты, представляемые ведомствами, которые эти налоговые повинности накладывают и ВЦИК согласовывает эти проекты с Народным Комиссариатом Земледелия.

Особым пунктом поставлен вопрос о содействии развитию сельско-хозяйственной кооперации. Я уже говорил, что сельско-хозяйственная кооперация есть основной рычаг, поднимающий крестьянское хозяйство. Но при этом, конечно, эта сельско-хозяйственная кооперация должна быть правильно поставлена, а правильная постановка ее заключается в том, чтобы ее широко развить и в то же время сделать советской. Но это должно быть сделано не путем административного давления и нажима. Таким способом добиться ничего нельзя. Таким способом можно только сорвать работу. Необходимо, чтобы сельско-хозяйственная кооперация не только имела верхушки, к стати сказать, находящиеся пока в очень неудовлетворительном состоянии в смысле социального состава, но необходимо, чтобы она опиралась на широкие деревенские ячейки, чтобы в этих ячейках сидели не кулаки, а элементы, которые действительно могли бы сельско-хозяйственную кооперацию направить в сторону поднятия трудового крестьянского хозяйства, особенно маломощного. Здесь необходимо, организовать кооперативные курсы, подготовить инструкторов, рядовых работников по сельско-хозяйственной кооперации в деревенских ячейках, преимущественно из среды старательных маломощных хозяев, потому что они и явятся тем элементом, который поведет кооперацию не по кулацкому руслу. Это составляет нашу важнейшую задачу, ибо надо понять, что без сельско-хозяйственной кооперации крестьянское хозяйство не подымется. Обойти ее нельзя, забыть о ней невозможно. Если же она разовьется помимо нас, захваченная кулаками, враждебными Советской власти элементами, то от нее будет только огромный вред. Это является ударной задачей для всех нас и на это дело все вы должны обратить самое серьезное внимание. Здесь мы должны добиться того, а этого можно добиться, чтобы эта кооперация находилась в руках таких социальных элементов, которые делали бы ее опорой власти трудящихся. Затем имеется еще один пункт (один из последних),—это о сельско-хозяйственной кампании 1922 г. Эта программа, выраженная Всероссийским Земельным Съездом, утверждена Госпланом и будет проводиться весной 1922 года. Мы усложняем задачу сельско-хозяйственной кампании, мы вводим целый ряд мероприятий, которые должны сейчас же пройти в жизнь для того, чтобы крестьянское хозяйство могло бы бороться с засухой. На этой основе мы строим нашу программу перво-очередных работ. В этой программе большое место занимают такие вещи, как массовая пропаганда расширения посева трав и засухоустойчивых растений. В более южных районах должна быть расширена площадь посева кукурузы, а более централь-

ных районах—проса. Эти засухоустойчивые растения мы должны самым широким образом распространить. Крестьянство само пойдет навстречу этому мероприятию в этот неурожайно-засушливый год. Мы должны распространить эти культуры, которые, между прочим, повышают урожайность других культур и помогают бороться с засухой. В Америке, после того, как там начали сеять кукурузу, в юго-восточных штатах повысилась урожайность пшеницы.

Затем мы должны заяться созданием мелкой крестьянской мелиорации, созданием мелких мелиоративных товариществ. Мы должны обратить внимание на производство семян. В этом отношении в некоторых местах достигнуты большие результаты. На Всероссийской сельскохозяйственной выставке, которую мы организуем в будущем году осенью, будут показаны достигнутые в этой области результаты. На областной выставке в Москве обнаружилось, что в Московской губернии семенное и огородное дело поставлено таким образом, что площадь посева под огородные семена обеспечивает всю потребность Московской губернии. Лучшие семена мы берем из наших Совхозов. Надо сказать, что за это время огородные растения выродились. Мы будем получать семена в улучшенном виде и снабжат ими все население. Нужно так поставить это дело, чтобы можно было один раз в 10 лет заменить прежние семена лучшими семенами. В этом направлении нужно развивать наше семеноводство, хотя бы примитивными способами.

Теперь о кампании ранней вспашки. Эту кампанию мы должны сейчас особенно расширить и стараться ее усовершенствовать, ибо одно то, что мы имеем одну четверть озимых, рано вспаханных, значит, что они будут засухе сопротивляться и в два-три раза больше, чем раньше, и урожай там будет выше на 50½%, может быть, и на 70 процентов.

Мы должны также обратить внимание на простейшие меры к поднятию нашего животноводства. Мы намечаем меры борьбы с разными болезнями скота, с различными эпизоотиями, которые уносят у нас очень много скота. Мы имеем данные, что на юге России более половины всех лошадей заражены сапом. Мы стоим перед самой грозной опасностью гибели всего нашего конского состава, начиная с юга, если мы не примем самых энергичных мер к прекращению этого бедствия. Посмотрим, что делается теперь со скотом. Огромное количество лошадей страдает от чесотки и ясно, что лошадь, страдающая чахоткой, не может работать так, как работает здоровая. С этими болезнями и с этой чесоткой, которые являются последствием общей разрухи и голода, нам надо справиться, для того, чтобы сохранить наш рабочий скот. Мы должны также добиться и того, чтобы заготовить достаточно корма и в случае, если у нас в следующем году будет засуха и неурожай, то мы должны расширить заготовку древесного корма. В этом году кое-где такие заготовки уже производились и кое-какие результаты были уже достигнуты. В будущем году мы добьемся еще большего.

Наша сельскохозяйственная кампания 1922 года должна, вместе с тем, быть и кампанией по землеустройству. Я должен здесь, товарищи, сказать, что одними реформами и свободой землепользования мы ничего не добьемся. Выбрать форму землепользования можно, но развернуть затем землю на полосы и участки крестьянин, без помощи человека понимающего, не сможет. Поэтому

нам нужно устроить в будущем году специальные курсы по подготовке людей для проведения земельной развертки. Если мы этой поддержки крестьянам не окажем, если мы не дадим им технической помощи в этом отношении, то получится кавардак, который затормозит все сельское хозяйство. Поэтому нам нужно предпринять целый землеустроительный поход на деревню. Об устройстве соответственных курсов уже даны распоряжения на места. Необходимо устроить так, чтобы в каждой волости сидел человек, хорошо понимающий, как землю надо разделить, и это может сделать всякий техник, даже не межевой профессии. Надо приспособить этих людей, хотя бы к черчению плана. Это вполне возможно, нужно в этом смысле провести большую мобилизацию сил и нужно во что бы то ни стало расширить землеустроительные работы. Вот все предположения, которые касаются вопроса о восстановлении сельского хозяйства вообще.

Теперь о постановке сельского хозяйства в голодающих губерниях. Здесь у меня имеется несколько пунктов, на которых я остановлюсь. Первый после меня докладчик осветит вопрос о постановке сельского хозяйства в губерниях, пострадавших от неурожая. Я считаю необходимым, прежде всего, иметь нормальный план и программу восстановления сельского хозяйства, чтобы нам знать что и как нужно сделать, чтобы не только восстановить, а в порядке восстановления улучшить сельское хозяйство. Какие на это нужно затратить средства? Средства нужно затратить на это колоссальные. Нужно иметь программу в несколько очередей, на 1-ю, на 2-ю, на 3-ю очереди. И соответственно этому иметь смету, которую можно покрыть, с одной стороны, из средств, которые будет давать наше собственное государство, а, с другой стороны, совершенно ясно, что необходимо привлечь средства из-за границы. Во второй статье дается указание Совнаркому на то, что главное основание, на котором может реально произойти восстановление Поволжья — это привлечение иностранных средств. Третий пункт касается вопроса о семенах для Поволжья. Здесь является аксиомой, что без всяких промедлений, Наркомпрод должен вынуть из внутренних ресурсов и доставить голодающим губерниям 25 милл. пуд., которые обещаны, но которые не перевозятся и которые давно пора перевозить. 9-й Всероссийский Съезд Совтов должен сказать, что их нужно перевозить сейчас же, что они полностью должны быть доставлены. Кроме того, Совнарком обязывается добавить к этой сумме и другие источники из-за граничного ввоза, из тех 30 милл. пуд., которые будут получены из Америки, т.-е. такое количество семян, чтобы не произошло уменьшения озимого клина, но если возможно, чтобы была и вспахана вся земля. В одной из губерний, когда крестьянам сказали, что весной семена будут выдаваться только тем, у которых будет вспахана земля на зябь, они вспахали еще на большую площадь посева. На эту-то площадь им нужно дать семян больше, чем в 1921 г. Если недосев был в озимом клину, одна четверть озимого клина, нужно постараться взять из этих заграничных средств, напр.: 10 милл. пуд., с большим количеством кукурузы и бросить в Поволжье. Нужно добиться того, чтобы у нас движение шло не по нисходящей спирали, а или вращалось на одном месте, или был бы возможный подъем. Это можно сделать только в том случае, если мы эту основную меру декретируем и твердо фиксируем. Этого мало. Громадное значение имеет то, чтобы использовать правильно семена,

чтобы они были брошены в землю. В целом ряде губерний сделать это будет очень трудно, но справиться все-таки возможно. Придется справляться с этим самыми героическими мерами. Напр., тем, чтобы организовать широчайшую трудовую помощь. В эту осеннюю кампанию у нас для центральной России стоял на очереди пункт: организовать трудовую взаимопомощь за плату, взаимобразно и т. д. Это производилось и воспринималось крестьянством не очень охотно, но на добровольных началах крестьяне между собой устраивали. В Поволжье эта мера приобретает большое значение, вследствие убыли скота и рабочих рук. Необходимо развить широко эту трудовую взаимопомощь, чтобы наилучшим образом использовать семена. Тогда можно быть уверенным, что, доходя даже до общественной запашки, можно будет землю правильно обработать. Я не останавливаюсь на дальнейших конкретных мероприятиях.

В заключение я хочу сказать пару слов на ту же тему, с которой я начал. Вы видите, перед нами стоят по-истине колоссальные задачи. Задачи эти мы можем разрешить. Но разрешим их мы только в том случае, если здесь, торжественно и окончательно, постановим; что на этом вопросе будет сосредоточено реальное внимание государства и не на словах, а на деле. Только тогда мы эту задачу разрешим. Если мы эту задачу разрешим только на словах, а не на деле, то в таком случае у нас не будет ни правильного сельскохозяйственного строительства, ни правильного хозяйственного строительства вообще. Тогда все разговоры о хозяйственном подеме явятся пустым звуком, ибо только на основе сельского хозяйства расцветет наша рабоче-крестьянская Республика, расцветет наша промышленность и приведет к величайшей политической мощи.

Председатель. Слово для содоклада имеет т. Тулайков.

Тулайков. Как специалист-агроном, по поручению Народного Комиссариата Земледелия и Госплана, и, как представитель одной из пораженных урожаем губерний—Саратовской, я выступаю с докладом по вопросу о восстановлении сельского хозяйства на юго-востоке. Я ограничиваю свою тему юго-востоком, подразумевая под юго-востоком не тот официальный юго-восток, о котором мы пишем в газетах, а то Поволжье, главным образом которое последнее время служило основой вывоза и снабжения центральных губерний пшеницей. В пределах этого юго-востока, как установлено теперь государственной общеплановой комиссией, мы считаем в старых границах Самарскую, Саратовскую, Уральскую, Астраханскую губернии, часть области Войска Донского и часть Ставропольской губ. Общая площадь этого края равняется приблизительно 131 миллионам десятин. Эта площадь в настоящее время используется только в очень незначительной степени. Только приблизительно 10% этой площади занято под пашню, а если мы возьмем площадь посева 1921 г., то она оказывается меньше 10%, всего только лишь около 10 милл. десятин в этой огромной площади плодородных земель занято под пашню.

Так как мне придется говорить с вами, как агроному, то позвольте мне остановиться на следующих вопросах. Прежде, чем организовывать какое-нибудь хозяйство, как таковое, необходимо знать те условия, в которых это хозяйство находится в настоящее время, а так как в первую очередь нам, агрономам, приходится считаться с природными условиями, то позвольте мне в двух словах остановиться на этих природных условиях, ибо они дают нам

те перспективы, которые вообще рисуются агрономам в этой области. Основным богатством и основным злом, если позволите так выразиться, этого края является его климат. Вы все слышали, вы все знаете, о так называемых, засухах, вы знаете, что эти засухи время от времени посещают Россию, но для нас, жителей юго-востока (я местный работник), эти засухи являются постоянным явлением. Перечисляя здесь голодовки, которые указал нам т. Калинин, мы можем сказать, что это только часть тех ужасов, которые имеются вообще перед глазами юго-восточного хозяина. Климат юго-востока отличается совершенной своеобразностью. Он таит в себе богатые возможности, большое количество тепла и дает возможность разводить одну из самых лучших в мире пшениц. Если я скажу вам, что в благоприятные годы, в среднем, за целый ряд лет только Самарская и Саратовская губернии доставляли на внутренний и внешний рынок 124 милл. пуд. пшеницы и ржи, вы можете себе представить, каковы богатства этого края, если только правильно его эксплуатировать. Но в этом климате есть целый ряд особенностей, которые в высокой степени могут быть или благоприятны или неблагоприятны вот в чем. Часто мы там имеем такое ничтожное количество осадков, при котором сельский хозяин Америки, Соединенных Штатов не всегда рискует хозяйствовать без орошения. Мы, русские, работаем в этих условиях и, если получаем скудный урожай, то нужно помнить, что другой, может быть, никогда при таких условиях и не работал бы. Однако, я повторяю, что в этом климате есть много благоприятных черт, за которые мы ему признательны. Большое количество солнца, света, дает возможность выращивать целый ряд драгоценных растений.

Если перейдем к другому фактору полеводства — к почве, то и о почве можно сказать много лестного. На большом пространстве этого края мы имеем прекрасный тучный чернозем, с которого мы имеем возможность получить очень большой урожай. Я не скрываю и того, что на местах, ближе к Урало-Каспийской пустыне, где тянутся солончаки, мы имеем большие площади, которые еще не достаточно возделаны. Наряду с этими естественными особенностями края нам нельзя не учитывать при организации хозяйственной обработки особенностей экономического порядка. Прежде всего постараюсь отметить, что край этот является краем сравнительно молодым по с.-х. культуре. Ей всего каких-нибудь 50 лет и то далеко не во всем этом крае. Если вы присмотритесь к населению этого края, который для нас представляет исключительный интерес с точки зрения его эксплуатации, то увидите, что оно чрезвычайно редко. В западных уездах Саратовской губернии и северных уездах Самарской губернии мы имеем населения 42—43 человека на квадратную версту, между тем, как в Прикаспийской пустыне имеется 3—4 человека на кв. версту. Если взять в среднем, то там окажется 10 чел. на кв. версту.

Это одно показывает в значительной степени все те трудности, которые станут перед нами, когда мы вздумаем там правильно организовать хозяйство. Если мы присмотримся ближе к этому краю и установим все его особенности, то увидим, что население его все-таки сосредоточено не на огромных площадях, а главным образом по водным артериям, по рекам, и что население этих мест иногда достаточно густо. Интересно отметить, что вместе с малым

количеством населения мы имеем очень большие поселки. Для нас, саратовцев, самарцев не удивительны села в 10—12 и больше тысяч жителей, села, которые в настоящее время переходят в города, которые имеют огромное количество жителей. Но расстояние между этими поселками довольно значительное. Вот в кратких чертах те естественные и экономические особенности этого края, которые нам в настоящее время диктуют до известной степени определенные условия в вопросе о его возрождении. Позвольте мне теперь охарактеризовать его состояние довоенное и его современное состояние в смысле сельского хозяйства, ибо от этого последнего мы будем исходить в дальнейшем при обсуждении вопроса о восстановлении хозяйства этого края.

Прежде всего надо сказать, что хозяйство в этом крае велось главным образом сельскохозяйственное. Индустриального хозяйства здесь почти не было. Если мы будем рассматривать сельскохозяйственное хозяйство этого края, то в самых грубых чертах мы могли бы наметить две части: одна часть сельскохозяйственная, другая, ближе к востоку, часть животноводческая, где до сих пор ведется дикое животноводство. И вот эти две основных группировки хозяйства — сельскохозяйственное и скотоводческое, определяют все будущее этого края. Вообще сельскохозяйственное хозяйство в крае организовано было в высокой степени примитивно. Организация заключалась в том, что там высевались, главным образом, яровые и зерновые хлеба. Если взять некоторые уезды самарской г., то можно видеть, что там до 70% всей посевной площади высевалось яровой пшеницы, а до 90% всей площади высевалось вообще зерновыми хлебами. Если вы представите себе случайности нашего климата, тогда ясно поймете, почему эта губерния подвергалась всем ужасам неурожая. Вся удача посева яровых зависит от возможности запасти влагу осенью, зависит от времени посева и от благоприятных сочетаний погоды в мае месяце. Если эти условия не будут благоприятны, то хозяйство Поволжья терпит полный крах, урожая не будет и неминуемо наступают бедствие. Таков был неурожай 1920 года, неурожай 1921 года, знаменитые голодовки 1891 и 1911 г.г. В эти именно годы сельскохозяйственное хозяйство не получило никаких дождей в мае месяце. Благоприятное сочетание климатических условий, заставляло местное население расширять культурную земельную площадь, благо для этого были почти неограниченные возможности. И если только благоприятное сочетание климатических условий создавало удачные посевы, это действовало заразительно. На следующий год посевы увеличивались и т. д. И, наконец, огромные площади посева подвергались полному неурожаю. Вы видели здесь карты, там были закрашены черной краской места, урожай в которых доходил до 5 нуд. с десятины. Все эти особенности объясняются не только нашим климатом, но и нашей культурой, зерновых, которая не приспособлена к местным климатическим условиям. Происходит это, вероятнее всего потому, что до сих пор население еще не стало надлежащим образом эксплуатировать свою землю.

Если теперь обратиться к тому состоянию, которое в настоящее время мы в этом крае наблюдаем, то прибавить многое к тем мрачным картинам, которые рисовались т. т. Калинин и другими вчера, когда мы говорили о голоде, — не приходится. Прежде всего, позвольте отметить, что то огромное количество посевов, которое до сих пор было на юго-востоке, катастрофически падает. Уже в прошлом году мы имели, приблизительно, всего только 48%

посевной площади наших обыкновенных засевов. По плану этого года, предложенному нам к выполнению, сокращенного, приблизительно на $\frac{3}{4}$, мы будем иметь еще меньше посевов,—каких-нибудь 38—40% всей площади посева 1916 года.

Говорить о состоянии животноводства в нашем крае приходится с большой горечью. Официальные статистические данные Саратовского Губэкономсовета, которые мы имеем о состоянии нашего животноводства, до сих пор самые розовые. То, что происходит в последние дни и недели у нас, есть прямой признак катастрофы сельского хозяйства в ближайшие годы. Поголовное вымирание скота от недостатка кормов, поголовное его вырезание для того, чтобы поддержать жизнь хозяев, поголовный падеж молодняка и яловость коров, все это положение приводит нас к тому, что у нас, повидимому, в самое ближайшее время не будет рабочего скота. Представители Трудовой Коммуны немцев Поволжья говорят, что если количество скота с начала года до августа уменьшилось, приблизительно, на 50%, то с августа месяца по 1 декабря по произведенной у них выборочной переписи, оказалось, что из оставшегося на 1 августа скота погибло одновременно около 60%. Есть огромные села, в которых нет ни одной лошади и остаются каких-нибудь 4 верблюда для населения около 1.500 человек. Наши хозяйства, которые обладали всегда огромным количеством рабочего скота, теперь, по статистическим данным Саратовского Экономсовета, имеют 0,04 головы на один рабочий двор. Что мы будем иметь к весне,—я не знаю. Вопрос о том, чтобы это количество скота было восстановлено, для нас является вопросом основным. Прежде чем перейти к вопросу о том, каким путем с агрономической точки зрения мы мыслим себе возможность восстановления хозяйства на юго-востоке, я должен определенно сказать, что нам прежде всего надо остановиться на вопросе, как мы сможем задержать происходящее до сих пор, разрушение этого хозяйства. Если мы не сможем остановить разрушение этого хозяйства, если мы не примем в этом отношении безусловных героических мер, то Поволжье, как хозяйство, не быть, и Поволжье, как хозяйство, перестанет быть поставщиком для центральной России, а будет ее нахлебником долгие годы. Не имея возможности нас умолять цифровыми данными, я позволю себе привести самое краткое количество примеров. Нам в Саратовской губернии удалось в этом году при огромном напряжении населения засеять около 800.000 десятин озимого хлеба. По плану, который был выработан Саратовским Посевкомом, под засев ярового клина нам дали 700.000 дес., при урезке же ярового клина нам пришлось три четверти этого количества. Семян нам дали на 600.000 дес., и таким образом в будущем году мы будем иметь 1.400.000 дес., если все эти семена будут доставлены во-время и если мы сумеем все засеять, за что мы определенно ручаемся. Если бы вы посмотрели, что из себя представляет вся Саратовская губ., то вы увидели бы, что там $3\frac{1}{2}$ милл. душ, и, как говорят статистики Центрального Статистического Управления, потребность их выражается в 80 милл. пуд. Чтобы хозяйство могло восстановиться, считая по 22 пуда на душу населения, на пропитание скота и на обсеменение, нам нужно получить урожай в 56 пуд. с десятины. Позвольте мне сказать как агроному, что такого урожая ждать при настоящем положении вещей мы не можем, ибо это явилось бы утопией. Там урожай средний колеблется от 35 до 40 пуд., и мы можем сказать, что если мы получим средний урожай на нашу губернию хотя бы в

40 пуд. с десятины, то мы будем иметь приблизительно около 24 мил. пуд. нехватки продуктов для нашего хозяйства, и таким образом и в будущем году мы явимся нахлебниками центральных губерний. Нахлебником явится не только Саратовская губ., но и все Поволжье, если не приложить героических усилий для увеличения посевной площади. Это—вопрос жизни и смерти для Поволжья. Нужно приложить все усилия, чтобы наши законодательные органы ВЦИК и Совнарком приняли все необходимые меры, ибо только тогда Поволжье можно будет восстановить и сделать его опять богатейшей житницей. Представьте себе, что если в 1922 г. мы задержим падение цифры посевной площади и добычи хлеба, то и тогда только с 23 года можем рассчитывать вывести Поволжье из того положения, в котором оно находится. Но есть ли хоть какие-нибудь перспективы того, чтобы верить в возрождение хозяйственного благополучия этого края? Есть ли основание государственной власти затрачивать средства и силы, чтобы получить что-нибудь от Поволжья? Нередко приходится слышать, что Поволжье называется краем без будущего. Я позволю себе, как опытный агроном, представить вам ряд фактически подтвержденных данных опытных станций, которые далеко опережают во всех отношениях привычную фантазию. На востоке у нас работают опытные станции. Пока их опыты производятся только в отношении земледелия. Их работа приводит нас к определенному заключению, совершенно незыблемому. И я могу засвидетельствовать с полным сознанием ответственности за слова, которые я здесь говорю, что в наших руках есть целый ряд средств поднять состояние земледелия на Поволжье по крайней мере в три раза. Мы имеем в этом отношении определенные предложения. Если бы они проникли в толщу крестьянского населения, то ни о какой голодовке и ни о какой помощи Поволжью не могло бы быть и речи. Мы могли бы использовать все благоприятные климатические условия Поволжья и, по возможности, отразить все неблагоприятные условия. Может быть, вы меня спросите—в чем же они заключаются? Они не так сложны. Они, может быть, были трудны в те времена, когда не мы были хозяевами земли. Позвольте мне попытаться их набросать. Так называемый пропашный клин является—с точки зрения агрономов не только опытников, но и всех специалистов-теоретиков—неизбежной принадлежностью каждого культурного хозяйства, и мы имеем целый ряд растений, которые дают возможность получить устойчивое состояние, и сравнительно высокий урожай. Распределение наших осадков, отчего зависит весь яровой посев, в высшей степени капризно. Чем больше мы будем иметь растения, стоящие на-корню, тем больше уверенности, что они получат известную долю осадков, которые будут выпадать. Пропашные растения и отличаются этой особенностью. На них получается определенное количество осадков, что почти всегда гарантирует высокий урожай. В эти исключительно неурожайные годы—1920—1921, пропашные растения имели все же, сравнительно, высокий урожай. В области культуры яровых злаков, мы имеем ряд приемов, которые, по данным опытных учреждений, поднимают средний урожай яровых хлебов на юго-востоке не меньше чем до 65 пуд. на десятину. Средний урожай яровых в Самарской, Саратовской и в Северной части Ставропольской губернии равняется, приблизительно, 34—35 пуд. на десятину. Мы добились в опытных учреждениях такого урожая озимых хлебов, который является совершенно недостижимым пока в крестьянском хозяйстве. Он, по крайней мере, в три

раза выше. Урожай в 100 пуд. считается, приблизительно, средним в опытных учреждениях на юго-востоке, крестьянское же поле дает 38 пуд. по Самарской и 40 по Саратовской на десятину. Затем мы имеем колоссальный успех культуры озимых хлебов. Я не могу здесь долго останавливаться на всех деталях этого вопроса, я только хочу сказать, что для нас этот вопрос решен. Вся трудность в том, каким путем довести это до самого населения. Я работал прежде в Самарской, теперь работаю в Саратовской губернии. Нам было в высшей степени трудно, когда мы прежде были под гнетом определенной экономической политики. Вся она складывалась совершенно определенно так, что Поволжье должно было доставлять зерновые продукты, которые шли, главным образом, на вывоз из нашего края. И дифференциальный тариф, который был все время, и низкая цена на продукты животноводства и многое другое,—все сводилось к тому, что нас заставляли выбрасывать продукты зернового характера. Эти продукты выбрасывались на внешний, частью же—на внутренний рынок. Когда мы пытались организовать наше хозяйство на новых началах, когда мы предлагали населению такие культуры, которые были далеки от вывоза (пропашные растения, озимая рожь и т. д.), мы наткнулись на невыгодность этих культур, что диктовалось той экономической политикой, которая существовала. Теперь нам приходится считаться с тем положением, что мы уже попали в новую обстановку. Прежде всего позвольте вам сказать, что, повидимому, в настоящее время вся мировая конъюнктура складывается таким образом, что, может быть, Европа обойдется на некоторое время, по крайней мере—без нашего хлеба, ибо до сих пор она все же без нашего хлеба обходилась. И, следовательно, когда мы будем приходить на мировой рынок с хлебом, нам нужно будет побеждать наших конкурентов или дешевизной этого хлеба, или его высоким качеством. Высокое качество нашего хлеба для нас привычно, но пока мировой рынок не привык ценить высокого качества нашего хлеба, мы должны идти с более дешевым хлебом, что разорительно для нашего хозяйства. Поэтому мы должны пойти не по зерновому направлению; природные особенности заставляют направить наше хозяйство в область животноводства. Громадные земельные площади, покрытые прекрасными местными травами, дают нам возможность широко развить животноводство. Природные особенности климата заставляют направлять наше хозяйство на такие продукты, которые потребляются на месте, и, будучи потреблены на месте животными, могут быть переработаны в более ценные и дорогие продукты животноводства. И если мировой рынок обошелся пока без нашего хлеба, то мировая конъюнктура складывается так, что продуктов животноводства, наоборот, необходимо мало. Мы видим огромное вздорожание на всем мировом рынке продуктов животноводства (мяса, кожи, сала, жира и т. д.) и всех изделий из них. Таким образом, вся конъюнктура мирового хозяйства толкает нас на необходимость направить все внимание на вопросы животноводства. И все земледельческое хозяйство в конечном идеале для нас, агрономов, рисуется направленным для удовлетворения запросов животноводства. Это не значит что мы отказываемся от возделывания ценнейших растений и пшеницы. Пшеница надолго будет наиболее драгоценным нашим богатством и ее мы будем направлять в центральную Россию, а затем, может быть, и вывезить за границу. Для того, чтобы земледельческое хозяйство могло быть устойчиво, нам необходимо будет построить его рациональнее. И в этом рациональном построении

будущего хозяйства юго-востока мы видим широкое распространение культурных растений, которые своим разнообразием гарантируют успех и страхуют хозяина от неурожая. Если в прошлом хозяин застраховывал себя расширением площади посева, что давало ему возможность сохранить урожай прошлого года на два года вперед, на случай неурожая, то теперь это нужно поставить по другому принципу. Принцип этот заключается в естественном страховании. Для того, чтобы организовать наше хозяйство, я не могу не упомянуть о тех необходимых предпосылках этой организации, которые должны быть поставлены в первую очередь. Организация всякого хозяйства требует прежде всего организации основных средств производства: земли, труда и капитала. Начну с земли. В первую очередь при организации нашего хозяйства мы должны выделить вопрос о землеустройстве. Тов. Осинский останавливался на этом вопросе в достаточной степени подробно, и я не буду повторять его доводов. В этом отношении позвольте мне заявить, что без установления твердых юридических норм на землепользование, без установления твердых определенных устойчивых границ землепользования мы не можем мыслить никакого прогресса в нашем хозяйстве. Я должен определенно заявить, что основной целью землеустройства должно быть приближение земли к хозяйствующему субъекту, т.-е. земля должна быть построена таким образом (для меня, как для агронома, безразлично, будет ли то община или хутор, я не политик), чтобы земля была приближена к хозяину и дала бы ему возможность затрачивать минимальное количество средств и сил. Это должно быть поставлено в первую очередь.

На-ряду с землеустройством я не могу пройти мимо организации мелиорации. В области мелиорации придется сделать чрезвычайно много. Юго-восток в этом отношении представляет из себя огромные возможности и огромные перспективы. Прежде всего необходимо считаться с тем, что мы имеем здесь сравнительно незначительное количество осадков и поэтому всякие снегозадерживающие и водозадерживающие приемы должны быть приняты в первую очередь во внимание. Вопрос правильного орошения, лиманного орошения, вопрос об устройстве плотин, водоснабжения и т. д. должен быть поставлен в первую очередь и все эти вопросы являются для нас в высшей степени необходимыми. Никакое землеустройство не мыслится без водоснабжения населения и всякие расселения, которые наблюдаются в степи, мы должны начать с устройства примитивных колодцев, водоснабжения и т. д. Таким образом, вопрос мелиорации является для нас безусловно необходимым вопросом.

На-ряду с этим вопрос о мелиорации, я не могу не указать на целый ряд важных для сельского хозяйства вопросов, которые в будущем могут иметь огромное значение, на отрасль, которая в настоящее время сравнительно слабо развита, это садоводство, огородничество и бахчевство. Они могут иметь огромное значение. На юго-востоке эти отрасли сельского хозяйства могут быть прекрасно развиты, потому что там достаточно и тени, и солнца. В будущем этот вопрос должен быть поставлен во главу всей сельско-хозяйственной работы.

За краткостью времени я буду проходить мимо этих деталей, а остановлюсь только в самых общих чертах на организации труда. Я отметил уже

редкость населения, и это подчеркивает для нас, агрономов-организаторов, трудность вопроса правильной организации сельского хозяйства. Ничтожное население этого края все время будет привлекаться на работу в усиленной степени и прошлое нам показывает, что нам пришлось иметь всегда огромное количество пришлого населения для работы в этом крае и, может быть, это не есть случайность, а необходимость на время тяжелых летних работ по уборке урожая и, может быть, и в будущем к этому труду придется прибегать. Только тогда мы в состоянии будем увеличить площадь засева и сбор хлеба, если мы сможем во-время снабдить Поволжье рабочими руками. И, может быть, применение этих рабочих рук явится тем колоссальным сдвигом, который необходим для развития сельско-хозяйственной промышленности. Кроме того, наличие горючего материала позволила бы там использовать сельско-хозяйственные машины, тракторы, электро-паути и вообще заняться усиленным проведением электрификации.

Но это такие вопросы, о которых мне сейчас не придется здесь долго говорить. Нам нужно считаться с той наличием инвентаря, которая в настоящее время имеется. Если мы можем говорить, что инвентаря у нас сейчас достаточно, то это только потому, что посевная площадь сократилась катастрофически. Вопрос об инвентаре, о сельско-хозяйственных машинах и орудиях на юго-востоке должен быть поставлен в первую очередь и организаторы сельского хозяйства должны помнить, что юго-восток был всегда громадным рынком для сбыта сельско-хозяйственных орудий. Недостаток рабочих рук покрывался большим количеством инвентаря в сельском хозяйстве. Но если бы мы остались в этом же самом положении, если бы и дальше также стали вывозить от себя только сырье, в виде зерновых продуктов, то наше хозяйство далеко не ушло бы. Здесь придется говорить о том, что вопросы технической переработки сельско-хозяйственных продуктов должны быть поставлены в порядок дня. На местах должны быть развиты технические сельско-хозяйственные промысла — винокурение, виноделие, крахмально-паточное производство, свекло-сахарное, маслостойное и т. д. И мы должны вывозить только продукты переработки. Вся техническая переработка, весь рынок, все отбросы этой переработки — жмыхи, отруби и т. д. — должны у нас оставаться. Мы должны использовать их для нашего сельского хозяйства, ибо только тогда мы сможем всю эту систему организации построить во всей полноте. И когда мы будем говорить о переработке сельско-хозяйственных продуктов, мы не можем забывать, что пути сообщения, наш транспорт на юго-востоке недостаточен для того, чтобы перевезти все, что мы в будущем станем получать. Дело в том, что недостаток подъездных путей и прочие несовершенства нашего транспорта уже в настоящее время накладывают определенный отпечаток. Государству, организующему хозяйство на юго-востоке, придется обдумать целый ряд мероприятий, которые должны быть поставлены во главу угла — холодильники, бойни, элеваторы и т. д. Вместе с тем хозяину юго-востока остается громадное количество времени благодаря тому, что очень быстро проходит наш растительный период и вся зима остается сравнительно мало занятой. Если мы широко разбиваем культуру растений, и увеличиваем трудоемкость летом, то нам придется зимой считаться с тем, чтобы как-нибудь суметь занять население. Поэтому вопросы переработки сырья, кожи, шерсти и т. д. должны

быть поставлены на очередь. И об этом нужно подумать, так как эти вопросы являются для нас в высокой степени важными. Наше хозяйство можно организовать хорошо только тогда, когда мы внедримся в это хозяйство с наличием агрономических знаний. Постановка этого вопроса об организации агрономического воздействия на население и о вовлечении его в агрономическую работу — открывает нам широкие перспективы для этого края. Это должно быть поставлено во главу угла работы Советской власти. В этом крае, учитывая небольшое количество агрономов, способы и возможности их работы должны быть разработаны достаточно подробно и полно, чтобы мы имели возможность все те достижения, которые будут получены, продвинуть в население. Это есть залог нашего будущего успеха. Без этого мы ничего не можем сделать. Мне не приходится останавливаться на кооперировании населения.

Я позволю себе закончить свой доклад одним небольшим полуфантастическим предположением о том, что было бы с этим краем, если бы мы могли достигнуть в настоящее время того, чтобы вся та площадь, которая в довоенное время обрабатывалась в этом крае, была возделана по тем указаниям, которые делаются агрономами в данном районе. Тогда увеличенная втроекратную величина валового сбора могла бы быть получена с этого края.

Другими словами, мы смогли бы не только застраховать себя от возможных неурожаев, мы не только могли бы оставить запасы, если бы это требовалось, но мы могли бы снабжать еще Центральную Россию огромным количеством продуктов, которые составляли бы около 500—600 миллионов пудов зерна и зерновых продуктов. Но это пока только предположение. Мы можем от этого края ожидать многого только тогда, когда мы сможем восстановить его хозяйство. Если нам удастся поддержать это хозяйство, если удастся дать ему толчок к развитию, то те природные возможности, которые рисуются нам специалистам, они далеко превосходят довоенную производительность этого края, который недаром назывался житницей России, смогут сделать этот край действительно житницей России на долгое время. На это Съезду Советов следует обратить свое особое внимание. Эти усилия не пропадут даром. Будьте покойны, что Поволжье себя оправдает; оно перестанет быть должником Центральной России, оно станет ее поставщиком и житницей, если вы поможете ему восстановить его собственное хозяйство. (А п л о д и с м е н т ы).

Председатель. Товарищи, по регламенту мы должны закрыть заседание. Заседание вечернее назначается по регламенту в 6 час.

Объявляю заседание закрытым.

Заседание пятое.

(Вечернее).

Председательствует т. Калинин.

Председатель. Объявляю заседание открытым. Открываются прения по земельному вопросу. Слово имеет т. Буденый. (Аплодисменты, крики: ура!).

Буденый. Товарищи, я хочу коснуться самого главного в земельном вопросе, ибо само собой разумеется, что наша страна, главным образом, и построена на земледелии. Если мы допустим к развалу наше сельское хозяйство, то, само собой разумеется, что потом нам будет трудно выбраться из этого положения. Я только хотел сказать, что в резолюции не указан еще один метод облегчения, главным образом, беднейшего крестьянства. А беднейшие теперь в большинстве своем красноармейцы, которые только в 1921 г. принялись за свою прямую работу. И вот на эти мелкие хозяйства я и хотел указать. Например, теперь продналог распространяется буквально на всех хозяев, почти на каждого, и, следовательно, вот этому мелкому крестьянину, который имеет, живого инвентаря, примерно,—пару волов, нужно выполнить мясной налог. Другого же скота у него нет, нет и ресурсов, чтобы заменить этот налог и тем спасти своего рабочего вола. Тогда применяли такую систему: сводили нескольких таких хозяев, пять-шесть, и они должны были выполнить этот мясной продналог. Тут мы видим, что из этих 5-ти хозяев один (они тянут жребий) уплатил, а другие остаются в долгу и выплачивают ему чем угодно.

Но тут выходит, что мы одного из этих мелких хозяев выводим из строя. Оно как будто незаметно, но на местах это ощущается в острой форме. Помимо того, у нас теперь живой инвентарь и без всего этого выбывает из строя. Но мы еще дополняем, усиливаем это несчастье тем, что выбываем из колена мелкого хозяина. Если бы мы только рассуждали, а не делали, то это было бы похоже на то, что видя паровоз, неимеющий топлива, еле-еледвигающийся, мы для того, чтобы его облегчить, сняли одно колесо и сказали, что теперь он обегчен, и должен двигаться скорее. Такая же история с этим мелким хозяином. Поэтому я хочу предложить Съезду, чтобы дополнить резолюцию пунктом, в котором говорилось бы, чтобы снять мясной налог с тех хозяев, которые имеют не больше одной пары волов. Этим самым мы закрепим этих мелких хозяев, и они смогут, обрабатывая свои поля, приносить пользу государству. Помимо этого перед нами стоит, как главнейший и коренной вопрос,—это обсеменение возможно большей земельной площади в 1922 году, и во что бы то ни стало (об этом уже достаточно говорили) удержать сельское хозяйство, чтобы оно дальше не разрушалось в тех местах, где оно подвергалось голоду и недороду.

Теперь разрешите в двух словах коснуться военного вопроса, той опасности, о которой мы слышим. Я заявляю, что если на нас нападет враг внезапно, мы готовы к бою каждую минуту. Если понадобится, наша первая

конная армия готова и может выступить по первому зову через 24 часа. (Аплодисменты).

Председатель. Слово имеет тов. Чижов.

Чижов (Тверская губерния). Уважаемый 9-й Съезд Советов, я почти то же могу сказать, что сказал т. Буденый, и поэтому не буду вас очень затруднять и перейду к докладу т. Осинского. Он много насулил крестьянам, но на самом то деле не приходит того, что сказано. Я бы приветствовал, если бы в первую очередь позаботились о том, чтоб у нас рязанские плуги работали Рязань, ярославские бороны работал Ярославль, и потому не надо было бы за ними за границу ехать. Я бы посоветовал нашим уважаемым передовым вождям позаботиться о крестьянах, ведь не даром крестьянство считается опорой всего хозяйства. Если бы много парабрано было бы золота, все же без хлеба и золото не при чем. Теперь скажу о продналоге, по моему, он только волокита для государства. Если позволите, я оглашу 14 предметов, которые каждый домохозяин должен дать (голоса: просим): рожь, овес, сено, картофель, мясо, масло коровье, яйца, шерсть, овчина, куры, лен, семя, солома рязаная и яровая. Все эти предметы нужно в разные уголки свезти. Здесь вижу для крестьянства потерю времени, а время считается в некоторых случаях теми же деньгами.

Теперь я перейду к докладу т. Осинского о кооперации. Он тоже обрисовал, что крестьянину нужна кооперация. Я организатор кооперации. Уже по новому, теперешнему, осенью примененному закону мы ничего не получили. Мы, сапожники из Кимр, сапожное мастерство нам хотелось пустить первым. И мы работали за 2.500 руб. Это в Райпошиве—в государственном учреждении. Поймите, какая эта мизерная сумма—2.500 руб. при теперешних ценах. И вот, именно, когда организовали союз, мы имели возможность зарабатывать по 70.000 за пару. Средств закупить нужные товары у нас нет, для этого нужно миллионное состояние. И вот, перед тем, как мне сюда ехать, я сделал собрание. У нас была плата—най в 11.000, а теперь—161.000 р., сразу прибавили 150.000 р. Если перейти к гужовинности, то здесь дело очень остро. Как я сказал, мы сапожники, а посылают нас возить дрова, к чему мы неспособны, да и упряжь у нас такая сапожническая. И вот я здесь применю побасенку, вот ту: «Беда, коль сапоги начнут точать пирожник, а пироги печи сапожник». Значит, я бы обратился к нашим передовым вождям и просил, чтобы постарались это все, как можно хозяйственное паладить. Я этим закончу свое предложение и прошу впоследствии, как и тов. Буденый, чтобы это было внесено в общую резолюцию.

Председатель. Слово имеет т. Чекунов.

Чекунов. Товарищи, я выскажу свои наблюдения, свои мысли и свой опыт по части сельского хозяйства, которое я наблюдал в своем земледельческом малоземельном районе Владимирской губ. Суровая действительность жизни привела нас к великому моменту, моменту перелома. Старые формы земледелия все отрицают, все признали их изживающими себя и, действительно, с ними дальше жить мы не можем. Нужно создать новые формы земледелия на основе науки и практики. Возможно ли это сделать? Я выскажусь утвердительно—возможно. Целый ряд опытов за прошедшее время, которые были испытаны по всем местам России (более 15 лет эти опыты производил лично

и на общественной ниве). Целый ряд опытов показал, что наша земля при обычном трехпольном хозяйстве, при обычной обработке дает урожайность хлеба в самом лучшем случае на посеянный пуд—5 пудов, в среднем случае—3 пуда, а в худшем случае мы получаем только семена. Что же нам показал опыт? Повторяю, он производился много раз, по указанию науки, при том же количестве удобрения, которое обыкновенно кладем мы на свои крестьянские поля. При мало-мальски улучшенной форме обработки, не вполне еще усовершенствованной, урожайность хлеба повышалась на пуд 10 пудов в среднем; когда принимались более хорошие формы, урожайность хлеба получалась 15 пудов на пуд; в лучших случаях, где соблюдались все улучшенные способы обработки, при том же удобрении, которое кладется крестьянами обычно на поля, урожайность получалась сам 20. Это факты неоспоримые. Я свидетельствую здесь перед 9 Съездом Советов смело и с уверенностью, что молодое прогрессивное крестьянство все это положение ясно сознало, оно тяготится старыми формами земледелия, рвется к лучшим интенсивным формам по указаниям науки. Это факт. Об этом свидетельствуют тысячи писем, присылаемые в газету «Беднота». Об этом свидетельствует то наблюдение, которое я производил во многих местах. И 9 Съезд Советов должен положить предел, он должен быть историческим, ибо он должен здесь на старом порядке земледелия поставить могильный крест и возродить новое земледелие. И вот я подтверждаю, что возрождение возможно, возможно с теми силами, которые у нас имеются в наличности, с тем изношенным инвентарем, какой есть. Какое бы ни было тяжелое положение, оно не дает нам права унывать, мы должны будить энергию. (А п л о д и с м е н т ы). Товарищи, какая-то для меня непостижимая сила, я даже отчета не могу себе отдать (я старик, мне уже 7-й десяток и стало быть пора мне засыпать в своей деревне)—толкнула меня в Москву. Я явлюсь к центральной власти, выясняю положение нашей крестьянской жизни, указываю пути улучшения ее и здесь мне говорят: тебя-то нам и надо. Пожалуй, мы тебя в деревню уже теперь не пустим, мы тебя оставим здесь. И вот я, став было засыпать в своем хозяйстве, уткнувшись в него, слышав этот призыв очнувшись, почувствовал прилив сил и подъем энергии и вот два месяца работаю здесь. «Беднота» имеет от меня каждый день по маленькой статейке, где я выясняю лучшие формы земледелия и буду продолжать эту работу до последних своих сил. (А п л о д и с м е н т ы). Товарищи, я должен засвидетельствовать перед 9 Съездом Советов, что я все время наблюдал и наблюдаю. Наш Наркомзем чутко прислушивается ко всем пожеланиям и мыслям трудового крестьянства. Он ведет правильную политику и укорять его в этом ни в коем случае нельзя. Он стал на твердую почву и ведет определенную линию, и надо надеяться выведет нас из этого тупика на широкую дорогу. (А п л о д и с м е н т ы). Товарищи, я не буду больше распространяться. Я сторонник того, чтобы как можно больше говорить и осветить наши вопросы, все-таки я стою за лозунг: побольше практической работы. И заканчивая на этом свое слово я выражаю только одно пожелание, чтобы 9 Съезд выделил в текущую сессию особый центральный с.-х. комитет, в состав которого должны войти лучшие силы ученых, профессоров, агрономов и специалистов по кооперации. Задача этого сельско-хозяйственного комитета будет следующая: возродить наше русское земледелие и крупное русское животноводство.

Этими двумя рычагами управлять может только объединенная, организованно-построенная сельско-хозяйственная производственная кооперация. Вот этот краеугольный камень и должен быть положен в основу той фабрики, которую мы собираемся построить на великой земле русской. Это будет фабрика по созданию хлеба, и этот хлеб мы во что бы то ни стало постараемся создать. (Аплодисменты).

Председатель. Слово имеет т. Лежнев.

Лежнев. Товарищи, мне кажется, что по поводу тех основных положений, которые выставлены в докладе т. Осинского и которые изложены в его проекте по вопросу о восстановлении крестьянского сельского хозяйства, вряд ли у кого из нас найдутся какие-нибудь возражения, ибо эти основные положения как раз и являются такими, которые с точки зрения нашей новой экономической политики, с точки зрения экономики мелкого земледелия являются наиболее правильными. Здесь дело заключается только в том, насколько мы сумеем практически провести все те мероприятия, которые указаны в этом проекте, потому что в данном случае вопрос осложняется не только тем, что у нас сейчас ощущается громадный кризис крестьянского хозяйства, не только тем, что у нас имеется налицо громадный голод в Поволжье, но, главным образом, тем, что мы, товарищи, не располагаем такими громадными материальными ресурсами, которые могли бы быть брошены на восстановление крестьянского хозяйства. Поэтому, к этому вопросу, к вопросу о поднятии сельского хозяйства необходимо относиться очень серьезно и внимательно и в будущую сельско-хозяйственную кампанию в 1922 г. приложить всю энергию и всю силу для того, чтобы сделать громадный сдвиг в сторону улучшения нашего сельского хозяйства. Сущность нашей политики в области сельского хозяйства и заключается в том, чтобы поставить крестьянина в благоприятные условия, которые способствуют развитию его хозяйства. В своем проекте т. Осинский предлагает предоставить крестьянину свободу выбора форм землепользования, дать ему свободу хозяйственного почина и т. д., и т. д., и кроме того намечает целый ряд агрономических мероприятий, которые так или иначе будут помогать крестьянину строить свое хозяйство. Здесь т. Осинским была дана неопределенная формулировка относительно нейтральности государства в области форм землепользования. Этот вопрос можно понимать двояко. С одной стороны, можно предоставить крестьянину свободу выбора форм землепользования, а, с другой стороны, необходимо, чтобы само государство пропагандировало среди крестьян те совершенные формы крестьянского землепользования, которые являются наиболее доходными и наиболее удобными как для государства, так и для самого крестьянина. В этом отношении земельные органы на местах должны во что бы то ни стало стремиться критиковать исчерпывающим образом все те несовершенные формы крестьянского хозяйства, которые будут крестьянами восприниматься по недоразумению, или под влиянием каких-нибудь элементов, которые в своих личных интересах будут толкать их на невыгодные формы ведения хозяйства. Это—с одной стороны. А с другой стороны, если мы сейчас имеем в смысле социалистического строительства Республики наиболее совершенные формы сельского хозяйства, как сельско-хозяйственные коллективы или общества, то государство в этом отношении должно всеми мерами стараться пропаганди-

ровать и разъяснять крестьянам эти формы, оценивая их и с точки зрения агрономической науки. Это будет самая правильная постановка вопроса. Поэтому, с одной стороны—нейтралитет, с другой—известного рода пропаганда, а с третьей стороны—разрешение земельных споров. В вопросах о форме землепользования существенную роль будет играть создание земельных судов с участием агрономов, землемеров и опытных крестьян. Органы юстиции будут являться руководящими органами в разрешении всех вопросов, которые будут связаны с крестьянским землепользованием. В отношении проведения в жизнь целого ряда агрономических мероприятий, которые изложены в проекте т. Осинского, должен сказать, что не пужно измышлять воздушных планов, которые при современном состоянии крестьянского хозяйства могут оказаться неосуществимыми. Нам необходимо во что бы то ни стало проводить те агрономические мероприятия, которые являются простыми и понятными для крестьян. До сих пор наши методы пропаганды были слишком бюрократичны и непопулярны для крестьян. В первую очередь необходимо проводить в крестьянском хозяйстве те мероприятия, которые являются безусловно необходимыми для дальнейшего прогресса сельского хозяйства. Вот 3 главных условия: понятность, простота мероприятий и, с другой стороны, проведение тех мероприятий, которые сами крестьяне могут осуществить. Эти условия являются самыми главными в области агрономической науки. Необходимо подойти к крестьянину таким образом, чтобы он пережил всю пужду своего хозяйства и смог бы все те мероприятия, которые предлагаются агрономам, провести в своем хозяйстве. Поэтому, устранение узкополосицы и дальнотелья, пропаганда раннего взмета пара и культура пропашных растений— вот главнейшие мероприятия, которые необходимо провести в жизнь и которые до сего времени не проведены в большинстве губерний нашей Советской Республики.

Я очень мало коснулся вопроса об улучшении животноводства. Тов. Осинский только вкратце указал на этот вопрос. Животноводство является душой сельского хозяйства. Без поднятия животноводства нельзя восстановить наше крестьянское сельское хозяйство. Поэтому не только борьба с эпизоотиями, но, главным образом, правильная организация кормления скота, охрана племенных производителей и целый ряд таких мероприятий, которые послужат для улучшения крестьянского сельского хозяйства. С другой стороны, во что бы то ни стало необходимо побудить само крестьянское население к охране животноводства и внести в обязанность каждому обществу животноводства сохранять тех производителей, которых они теперь сдают по продналогу. Это было зафиксировано во многих областях. Без этого нельзя поднять животноводство. Нужно, чтобы каждое деревенское хозяйство превратилось в племенной рассадник и выращивало необходимое количество молодняка, могущее помочь дальнейшему поднятию крестьянского хозяйства.

Касаюсь вопроса о кооперации, необходимо заметить, что этот вопрос является важным вопросом в области организации малоимущих крестьян, потому что так или иначе, поскольку мы предоставляем крестьянину свободу выбора форм землепользования, мы не гарантированы от того, что в результате этого частног почина в деревне могут найтись зажиточные люди, которые сумеют взять под свое влияние бедные слои крестьянства. В этом отно-

нении спасение малоимущих крестьян заключается в том, чтобы организоваться в кооперацию. Не говоря уже о совершенных формах, но даже самые простые виды кооперации дают возможность малоимущим крестьянам опередить тех, которые будут усиленным темпом развивать свое хозяйство на мелко-индивидуальной основе. Значит, в данном случае вся работа местных земельных органов должна заключаться в том, чтобы шире пропагандировать среди крестьян эти мероприятия.

Однако, все мероприятия, которые мы с вами стараемся провести в жизнь для поднятия интенсификации сельского хозяйства, будут зависеть от того, как скоро мы с вами сумеем выолнить работу по землеустройству. До сих пор землеустройство велось слишком бессистемно: не было никакого плана и никаких основ. Каждый земельный отдел делал по своему. Для того, чтобы мы могли предоставить крестьянину более выгодные формы землепользования, необходимо прежде всего провести целый ряд землеустроительных работ. Мы знаем, что в одной местности России эти землеустроительные работы не так плохи, в другой,—наоборот,—землеустройство очень запутано, и поэтому необходимо бросить все технические силы, именно, в те места, где хуже всего поставлено землеустройство. Необходимо провести районирование Республики и по точным исчислениям бросить в районы технические силы, которые установят порядок землеустроительных работ. Это относится и к внутри паделному землепользованию и к специальному землеустройству. 9-й Съезд Советов должен в своей резолюции это подчеркнуть.

Я хотел еще сказать относительно сроков аренды. Мне кажется, что сроки аренды земли должны устанавливаться местными органами, в зависимости от местных почвенных и климатических условий, потому что на всю Россию установить одни сроки землепользования будет ошибочно. Необходимо, чтобы всякая аренда производилась с ведома и под контролем местных земельных органов. Это будет важно и в смысле проведения сельско-хозяйственных кампаний и в смысле учета земли, находящейся в руках крестьян. Нужно установить такие сроки, при которых каждый крестьянин не итощал бы землю, а сумел бы ее улучшить и увеличить ее урожайность, и чтобы расходы, потраченные на удобрение земли, окупились. Это соответствующее постановление Съезд должен зафиксировать в своей резолюции.

Председатель Слово имеет г. Треушкин.

Треушкин. Позвольте вас, товарищи, приветствовать от нашей голодающей Симбирской губ. и поблагодарить вас за то, что вы дали нам столько семян, что мы засеяли 50% нашей земли в Сызранском и Сингеевском уездах. Я хочу поблагодарить Псковскую, Калужскую и забыл еще—одну губернию, из которой мы больше всего получили семян. Очень благодарю от всего нашего Сызранского уезда.

Я хочу обратить ваше внимание—хотя об этом и говорили уже представители других губерний и уездов—на положение сельского хозяйства в нашей стране, что состояние его—крайне тяжелое. И теперь, призывая тов. Осенского командовать сельским хозяйством, нужно просить его, чтобы он, наконец, вывел нас на широкую дорогу. Тут говорилось много, товарищи, о продналоге. Я скажу, что продналог нужно обязательно пересмотреть, потому что он все-таки не так сделан, как это следовало бы. Все-таки теперь

идет суд, конфискация имущества и т. п., а этого не должно быть. Продналогу должен быть положен конец. Пересмотрев продналог, мы должны сделать какой-нибудь особый сдвиг, в котором продналог так не ощущался бы крестьянским хозяйством. Дело в том, что у нас еще при землеустройстве не подумались мы сделать такую книгу, которая велась бы на каждый известный участок на земле. В ней следовало бы зафиксировать, что эта земля, предположим, первого качества и с нее взимается постоянно известный налог. Вторая, качеством ниже, затем еще ниже, а пески самые низкие, но не так, как теперь с урожая. Я думаю эту книгу нужно завести, которая должна описывать, как бы биографию почти каждой десятины нашей земли. Тогда мы выйдем из этого положения и не будет судов. Мы скажем, с известной десятины должны 10 пудов, при повышении мы можем повышать эту плату продналога, при понижении понижать плату продналога. Значит, первым долгом мы должны, в виду разваленности нашего хозяйства, обратить внимание на землеустройство, которое у нас не землеустройство, а землерасстройство. Мы все говорим об устройении земельном. Тов. Осинский говорит: я вас устрою так, как вам надо, и, следовательно, землеустройство будет правильное. В землеустройстве, как он говорит, Наркомзем будет держать нейтралитет. Нейтралитет пусть он держит, а мы укажем какое землеустройство самое подходящее. По нашему мнению, в средних губерниях, землеустройство должно быть мелкопоселковое, в котором должны быть отрубные хутора. На первый случай мы сделаем небольшие села, поселки. Мы известных людей выбираем 10—20 человек, поселок этот будет недалеко от земли. Мы можем сделать отруб, пока нет этих плугов, тракторов, которые могут быть через 10—20 лет, а теперь нужно восстанавливать как можно скорее сельское хозяйство, которое пало ниже всякой критики. Такое должно быть землеустройство. Если мы будем оставаться в общине, то там останутся только ремесленники, кулаки, торговцы и т. п., которым необходимы большие села, в которых они могут лучше выжать соки из бедного крестьянина-середняка, а если маленькое оснует сельцо, то мы можем сделать кооперацию. Если сделаем отдельные хутора, мы действительно не выгодно сделаем в смысле будущего. Если мы перейдем на большую систему, на паровую, на электрическую или на такую, как авто-плуги и трактора, тогда, действительно, негде будет повернуться на маленьком хозяйстве, а все же теперь хутора необходимо сделать. У нас на Поволжье были латышские, эстонские, украинские, хутора так это были цветущие оазисы, которые теперь превратились в ничто, потому, что они были в начале революции сметены теми мужиками, которые не имели этих хуторов.

Когда у нас в России были села, где имелась половина или одна десятина на душу и 15—20 душ, и рядом хохол, латыш или эстонец сидел на хуторе с 12-ю десятинами государственной земли и видел в нем кулака, видел в нем сильного человека, которым он по своей бедноте быть не мог. Но теперь мы, рабочие и крестьяне завоевали эту землю, мы имеем право получить по равной доле. Теперь нет половипок или десятинок, теперь каждый может получить столько, сколько полагается на душу, и поэтому каждый, вышедший на хутор или поселок, получит известную норму. Теперь мы все полу-

чим равное, и хуторская система будет хороша. Товарищи, я хочу сказать еще немного об агрономии. У нас агрономов почти нет и землемеров тоже нет. Есть у нас агроном, бывший командир дивизии, ходит он теперь в лаптях. Необходимо, чтобы этого не было, чтобы правительство отпустило Наркомзему денег, чтобы Наркомзем был не на 6-м, а на первом месте. Если на первом месте будет Наркомзем, то на 1-м месте будет и крестьянин (а п л о д и с м е н т ы). Если у крестьянина урожай, то он не боится никакого труда. Прежде рисовали картину: крестьянин с сошкой, а семеро с ложкой. Товарищи, если крестьянин будет сыт, то все будут сыты. Будет сыт и писарь, и псаломщик, и комиссар будет сыт (а п л о д и с м е н т ы, с м е х), и фабрики и заводы—все будут сыты. Товарищи, я пришел сюда, в Москву, в зал—кругом золото, электричество, оглянусь назад—а там голод, смерть и ужас. Тут танцуют. Не дотанцоваться бы до того, чтобы потом пришлось заплакать... Нужно обратить самое серьезное внимание на то, чтобы отпустить большие суммы Наркомзему, чтобы мы не погибли. Мы должны быть сейчас, как Минин и Пожарский. Мы должны бросить все на сельскохозяйственный фронт, и если мы все пойдем на него, то выведем Россию из тяжелого положения. Красную Россию — мы должны ее любить. Мы должны любить ее потому, что она облита кровью наших красноармейцев, слезами наших матерей и детей. Наша Красная Армия разутая, раздетая, полуголодная, безоружная победила весь мир в лице буржуазии, которая была против нас. Так и мы на этом сельскохозяйственном фронте должны победить.

Председатель. Слово имеет т. Головкин. (Ш у м н ы е а п л.).

Головкин. Товарищи, я крестьянин, от Московской губ. (а п л.). Мне 60 лет, я пережил 3 царей (с м е х). Пережил освободителя, пережил миротворца и еще виноторговца (а п л о д и с м е н т ы, с м е х). Вы спросите меня: за что ты так помазанника оскорбляешь? А я вам скажу: когда был помазанник, где я был? На печке, за трубой. А теперь, когда настала Советская власть, смотри-ка, где я сижу (а п л о д и с м е н т ы). Товарищи, теперь мы новые строители жизни. Все надо строить и я думаю построим, построим ловко, чисто, скромно. Но не забывайте Карла Маркса учение (а п л о д и с м е н т ы с м е х). А вы мне ответьте: ведь вы грамоты не знаете. Мы не читали, но немного знаем, только три слова. Карл Маркс нас поучает так, и я думаю, мы это выучим: по утрам встать, умыться лицо свое от грязи и сказать: одна рука, ты создай для государства, а ты, другая рука, для себя. И мы будем спокойны. Без этой руки государство жить не может. К сожалению, азбуки мы маленько не разумеем. Так ли мы живем, да просто не так немножечко, а как? Не выпивши, пойдем по черным углам и подвалам и, конечно, тут у нас пойдет неразбериха. Граждане, если же мы будем новую жизнь строить, как старая экономическая политика, конечно, будет не ладно. Старая экономическая политика тухлая, грязная. Бывал штык в моем сарае, погребу, закромах, бывал и везде поискал, а, глядь, создалась у нас новая экономическая политика—это продналог. Продналог это возможно. Я свез свое и все же мне остается. Кто при старой экономической политике закопал овес, чтобы не нашли его красноармейцы, а он сдохся. Ну, а теперь он у меня наруже. Теперь я посею больше и дам продналогу больше. Теперь я вам скажу, гражда-

не, все заседатели здешнего Таврического дворца, должны мы больше заботиться о крестьянах. Какие бы не выходили ораторы, как бы ни говорили, что нужно больше благодетельствовать крестьянству, как предыдущий оратор, словами его не накормим. Товарищи, в этом новом здании столбы—крестьянство, а крыша—это рабочие, а окна—это все наши рабочие и интеллигенты, и если будем мы подкапываться под крестьянские столбы, то, конечно, они пошатнутся и если столбы упадут, то и крыша упадет, и стекла, и окна побьются. Граждане, не будет этого! Никто не подкапается под крестьянские столбы до тех пор, пока мы чувствуем честь, славу и разум. (Аплодисменты).

Председатель. Слово имеет т. Погорелов.

Погорелов. Товарищи, по докладу т. Осинского о земельной политике не приходится возражать, но перед нами стоит вопрос о посевной кампании. Если т.т. Ленин и Калинин, которые выступали здесь, указывали, что в благоприятных губерниях засеяли 73 проц., то у меня имеются цифры относительно юго-востока, куда входят самые большие области юго-восточного края — Ставропольская губерния, которая имеет $5\frac{1}{2}$ с лишним милл. десятин и она из этого клина, который ей был дан, обсеменила только 27 проц. В таком же положении Кубанская и Донская области. Значит, если говорить о поднятии крестьянского хозяйства, то раньше и прежде всего, необходимо говорить о том, чтобы дать семена и хотя бы 50 проц. засеять из того, что было в 1920 году. Вот перед нами самый серьезный вопрос, ибо все те благие пожелания, с которыми здесь выступал тов. Осинский, могут остаться на бумаге. Перед нами остается, товарищи, два месяца, а юго-восток не получил еще ни одного фунта зерна. Перед нами два месяца, потому что в марте месяце весенняя кампания должна быть в крае уже в самом разгаре. Вот наша основная задача. Ставропольская губ. имеет колоссальное богатство шерсти и сырья. И эта шерсть и сырье гниют. Мы имеем полтора миллиона добытой самими крестьянами соли в 1916 и 1917 г. г. Эта соль остается в руках самих крестьян. Дальше, товарищи, вопрос обстоит так: 8-й С'езд постановил создать посевкомы. Тов. Осинский не указал, что же эти посевкомы дальше будут существовать или нет. Губ. с'езд советов Ставропольской губ. постановил просить ВЦИК об отмене этих посевкомов и о создании с.-хоз. комитетов, втягивая в эту работу само крестьянство, заставив крестьянство поднять эту работу, втянув в нее и специалистов. Вот вторая задача, которую здесь 9-й С'езд Советов или ВЦИК должен разрешить и провести в жизнь. Дальше стоит вопрос о сдаче земель в аренду. У нас этот вопрос обсуждался. Необходимо в интересах создания большей площади засева взять как единицу в 30—50 дес. и передать тем владельцам, которые могут обсеменить эти поля. Тем самым мы увеличим, с одной стороны, посевную площадь, с другой стороны, мы также увеличим посевной фонд. Вот как обстоит вопрос.

Дальше, здесь т. Осинский не указал относительно организационной работы Наркомзема, ибо если и дальше вопрос будет стоять так, как до сих пор, то, конечно, всякая наша земельная реформа остается только благим пожеланием. На местах нет твердых аппаратов, потому что нет твердой политики. Там заведующий губземотделом сменяется каждые 2—3 мес. Здесь

нужно принять соответствующие меры, ибо когда эти земельные работники сменяются, работа от этого страдает. Нужно заняться работой по поднятию самосознания крестьянства. Мы, товарищи, создавали ряд курсов тем не менее директивы центра не выполнялись. Последняя директива т. г. Осинского и Ленина о том, чтобы создать общие 4-х месячные курсы, до сих пор не могла пройти в жизнь, потому что, как т. Осинский указывал, вопрос этот стоит 6-м параграфом и денег, которые на это потребуются 500—600 милл. (на содержание технического персонала) нет. Может ли в таком случае подниматься наше сельское хозяйство? Вот основные практические вопросы, которые Съезд должен разрешить. Дальше, товарищи, перед нами серьезно стоит вопрос о скотоводстве. Мы в Ставропольской губернии имели до 700.000 голов крупного скота и больше миллиона мелкого скота. Количество этого скота сейчас упало на 50% только лишь за 1920—1921 г.г. Это значит, что скотоводство страшно падает и необходимы самые героические меры для того, чтобы поднять его, а это необходимо сделать.

Я, товарищи, думаю, что 9-й Всероссийский Съезд Советов должен поставить самым основным вопросом—вопрос о поднятии крестьянского хозяйства, ибо нельзя будет через год говорить о каком-нибудь поднятии крупной промышленности, если рабочий, который стоит у станка, не сможет получить лишнего фунта хлеба; он не отольет лишнего фунта чугуна, не добудет лишнего фунта руды, не получит угля. Только тогда, когда с каждым днем будет подниматься крестьянское хозяйство, может прогрессировать и наша крупная промышленность. (А п л о д и с е м е н т ы).

Председатель. Слово имеет т. Петрушкин.

Петрушкин. Товарищи, вопрос о восстановлении сельского хозяйства, вопрос первостепенной важности, фундамент всего Советского строительства. Без него мы, безусловно, не можем восстановить нашей крупной промышленности. Без продовольственных ресурсов мы можем только мечтать о таком восстановлении, а воплотить его в жизнь нам не удастся. Перед нами только что был закончен доклад т. Богданова по работе ВСНХ. Мы видели, что за последнее время восстановление нашей промышленности идет все время по восходящей линии, но и т. Богданов останавливается на этом «но», говорит, что если мы не напряжем всех усилий в смысле сбора продналога, то эта промышленность, эта натянутая струнка может порваться. Поэтому, я думаю, что вопрос о сельском хозяйстве настолько серьезный, что на него придется обратить серьезное внимание и мы от лица 9-го Всероссийского Съезда Советов должны сказать, что Народный Комиссариат Земледелия, получивший 6-е место в бюджете на 1922 г., должен быть переведен на первое место, ибо без этого, товарищи, работать невозможно. На совещании беспартийных, во время доклада т. Осинского, все крестьяне, прибывшие из разных мест Республики, были страшно удивлены, когда Наркомзем сказал, что хотя все бьют в набат, по поводу того, что сельское хозяйство гибнет, что без него страна не может существовать, бюджет НКЗ очень мал. Крестьяне, безусловно, удивились и все как один в один голос сказали, что надо поставить во что бы то ни стало НКЗ в благоприятные условия работы, как с финансовой стороны, так и со стороны материального снабжения.

Теперь, товарищи, переходя к пункту первого проекта резолюции тов. Осинского по земельному вопросу, я должен сказать, что общее и основное направление в этом отношении взято Наркомземом правильное и вот почему: в газетах, в порядке дискуссионном, много печаталось о том, что Наркомзем делает глубочайшую ошибку, стоя в стороне в отношении выбора форм землепользования. Я должен этим товарищам ответить, что они безусловно неправы. Наркомзем прав, он правильно учел психологию крестьянства. В самом деле, за тысячелетнее владение землей, крестьянами все это время помыкали все, кому не лень, то Столыпин со своими хуторами, то община со своим севооборотом и т. д. Наконец, необходимо при рабоче-крестьянской власти сказать крестьянину: вот тебе земля, ты истинный хлебороб, выбирай ту форму землепользования, которая тебе выгодна. Не думайте, что крестьянство выберет форму, которая для него неприемлема. Оно выберет, исходя из своих местных условий, именно ту форму землепользования, которая способствует скорейшему поднятию сельского хозяйства. В этом корень вопроса. И если мы только займемся в нашем будущем законоположении, что хотя мы и разрешаем свободу выбора формы землепользования, но что это будет ненадолго, временно, то крестьянин в этом поймет очень многое. Он скажет, что нам нужно опять устраивать коммуну, совхоз и т. д. Этого мы безусловно должны избежать. Вот почему я здесь сказал, что Наркомзем в этом отношении совершенно прав. Тов. Осинский упустил весьма важный вопрос — вопрос о покосах, который настолько же серьезно волнует крестьянина, как и вопрос о пахоте. Ни для кого не секрет, что мы терпим в течение почти двух лет кризис фуража, но наши покосы, в силу их неустойчивого землепользования, запускают ежегодно сотню десятин. Это факты, их можно везде наблюдать. Поэтому я полагаю, что Наркомзем в своем заключительном слове скажет, что будет предпринято в отношении покоса. Я полагаю, что 9 Съезду Советов необходимо этот пункт отменить. Те законы, которые будут выработаны в отношении землепользования, должны распространиться на все виды угодий, а в том числе и на покос. Новый закон, который будет принят 9-м Всероссийским Съездом, должен быть немедленно издан, дабы не получилось весной путаницы, какая наблюдается теперь в деревнях.

Переходя к вопросу об аренде, я должен сказать, что крестьянство, безусловно, против того, чтобы земля служила социальным обеспечением. Полагаю, что Наркомзем предусмотрит это. Я должен сказать, что в пункте втором, тов. Осинский вопрос относительно количества населения, имеющего права выходить из общества с землей, передает на разрешение ВЦИК. Я думаю, что это уместнее было бы разрешить самому Съезду, ибо крестьяне в ВЦИК'e не всегда бывают, а между тем, в каждом районе бывают свои особые местные бытовые условия. Поэтому, я считаю, что этот пункт о количестве домохозяйств, могущих выходить из общины, должен быть разрешен здесь. Дальнейшие пункты, которые оглашены тов. Осинским, безусловно отвечают всем крестьянским чаяниям.

Я думаю, что мы здесь должны только подчеркнуть одно, чтобы Народный Комиссариат Земледелия стал во главе внимания советского аппарата.

Председатель. Слово имеет тов. Коротков.

Коротков. Вполне присоединяюсь к товарищу, сказавшему здесь о недостатках в организационных вопросах по проведению сельско-хозяйственной кампании, по тому вопросу, который на 8-м Всероссийском Съезде Советов вылился в организации посевок и селькомов. Здесь имеется только ссыла на то, что Съезду нужно одобрить постановление Всероссийского Земельного Съезда. Там же по существу указывается на организацию, так называемых, сельско-хозяйственных комитетов, по постольку, поскольку на местах уже это было известно и поскольку на местах по этому вопросу все же ведутся споры, должен ли существовать такой орган, или все должно быть сосредоточено без всякой ломки аппарата, в смысле организационных форм, только в земельных отделах, или в виде земельных отделов, постольку, я думаю, что авторитет 9-го Съезда этот вопрос осветит и даст определенные задания местам.

Теперь я считаю необходимым все же обратить внимание еще на один, по моему, существенный недостаток в освещении вопроса земельной политики. Здесь, товарищи, говорилось о, так называемом, контакте между городом и деревней. И все же на языке практическом, контакт всегда лучше выдерживается тогда, когда реже приходится друг к другу ходить за материальными ценностями. С этой точки зрения следовало бы прислушаться и к голосу одного из товарищей, который вчера выступал относительно, так называемых, мелких хозяйств. При обсуждении вопросов о промышленности и сельского хозяйства у нас не затрагивается один вопрос—о хозяйстве городов, а мы знаем, как обстоит дело с этим хозяйством. Между тем на городское земледелие в эпоху всеобщей голодовки приходилось обращать внимание и ни для кого не секрет, как рабочие разрешали этот вопрос, точно так же известна тяжесть, которую выносило крестьянство по проведению всякого рода продовольственных кампаний. Весь антагонизм, все недовольство между городом и деревней зиждется на этих материальных фактах: сколько нужно взять из деревни, чтобы прокормить рабочих города, и, что даст город, чтобы деревня могла удовлетвориться.

Теперь, когда мы подходим к серьезному разрешению земельной политики, земельного вопроса, то следует сказать, что несмотря на авторитетные заявления о нейтралитете государства в вопросах землепользования, с чем бы я согласился, вообще в земельной политике нейтральности государства быть не может.

Чтобы быть целесообразным с точки зрения Советского государства, с точки зрения Советского Съезда надо сказать, как же в данном случае будет разрешаться вопрос о так называемом государственном хозяйстве, или коллективном хозяйстве. В постановлении Съезда земотделов, на которое ссылается т. Осинский, говорится: отдел совхозов, отдел наличия совхозов, которые имеются, составляет этот вид государственного хозяйства. Все ли исчерпывается этим постановлением? Нет, по моему, не все. И нужно 9-му Съезду Советов определенно сказать, высказать свой взгляд на вопрос об организации пролетарского хозяйства, земледельческого хозяйства при фабриках, закрепление при них наличия хозяйств, которые уже имеются. Дальше нужно разрешить вопрос о том, каким образом городам можно было бы восстановить хозяйство и использовать не эксплуатируемые участки земли. Вопрос об эксплуатации свободных участков стоит таким образом: эти земли разбираются сейчас как угодно и кем угодно.

Нам предстоит выработать определенный критерий сдачи участков. Нужно заняться вопросом об ассигновании со стороны государства определенных средств под сеуду городам, городским Советам для приобретения и разработки земель в интересах поднятия коммунального хозяйства. Это будет тот очаг, та основа, которая не станет тянуть государственные средства полностью и в то же время подготовит разработку земельной площади для обобществления. Если бы мы этого не сделали, мы заняли бы наклонную позицию, вернее говоря, мы не осветили бы полностью этого вопроса, были бы непоняты целой частью нашего трудового населения, которое принуждено было бы этот последний год пахать на себе в буквальном смысле слова. Нам надо ставить ставку в плоскости проявления рабочей инициативы. Раньше ставилась ставка на то, чтобы рабочий был привязан к фабрике, возродил бы эту фабрику, чтобы все его мысли, все его нутро было бы с этой фабрикой. Здесь задача заключается в том, чтобы освободить его от этого, но создать такую обстановку, чтобы он все же был привязан к фабрике. Могут попасть в частные руки, например, к огородникам те земли, которые находятся в руках рабочих, которые взяли эту землю на частно-правовых началах. Здесь о пролетарском городском коммунальном земледелии следует поговорить серьезно и нужно дать определенную директиву со стороны 9-го Съезда Наркомзему в смысле разрешения права на субсидию для городов.

Председатель. Слово имеет т. Сосновский.

Сосновский. Тов. Калинин обратил внимание на то, что у него много записок с предложением прекратить прения в виду того, что вопрос ясен и что ораторы однообразны и повторяются. Я хотел бы спросить: а не однообразен ли самый голод? Не однообразна ли та, от края до края, разрушающаяся деревня? Не однообразна ли та картина, которую видели все и которую охарактеризовал т. Каменев в начале своего доклада, сказав, что основа существования Республики—производство хлеба—упало больше чем в два раза?

В одной записке говорят, что вопрос ясен. Разве этот факт не ясен? Разве не ясны те цифры, о которых говорил т. Осинский? Разве не ясны его предзнаменования о том, что на очередь вслед за Поволжьем может стать завтра, т.-е. в 1922 г. Украина, о чем вам скажут украинские делегаты? Разве это не явлено во всем своем ужасе? И как отнестись к тем товарищам, которые пишут, что прения нужно прекратить, так как в 8 час. есть концерт в Колонном зале Дома Союзов? Я думаю, что нам нужно отдать себе отчет в том, что сейчас происходит. В сущности говоря, за все время существования Советской власти в первый раз на Съезде мы ставим вплотную вопрос о судьбах сельского хозяйства. На 8-м Съезде мы этот вопрос поставили, но в глубину его не вникли. И только сейчас решается тот вопрос, о котором один из предыдущих ораторов-крестьян сказал, что он от Екатерининских времен остается неразрешенным. Поэтому, товарищи, не будет несколько удивительным, что этот вопрос займет пропорционально больше времени, чем всякий другой из вопросов вышешней повестки Съезда. (А п л о д и с м е н т ы).

Товарищи, не знаю, с достаточным ли вы вниманием выслушали не только доклад, но и содоклад, который здесь сделал т. Тулайков, профессор, и один из виднейших работников русской агрономии, в особенности в области опытного дела. Одно место его речи заставляет меня выступить здесь, хотя я и далек от агрономии и от практики сельского хозяйства. Что сказал про-

фессор Тулайков? Он сказал: вопрос о том, как перестроить сельское хозяйство, как увеличить урожайность вдвое, втрое,—этот вопрос выяснен и наукой, и опытом. Крестьянин Чугунов из своего опыта подтвердил вам, что это вполне очевидно. В чем же препятствие? Почему эти прекрасные урожаи бывают только на опытных станциях, которые занимают крупницу в общем пространстве земель российских? Почему на землях мужицких—как говорили здесь—пуд посеешь, три возьмешь, а то бывает и так, что пуд посеешь—пуд возьмешь. В чем секрет? Проф. Тулайков говорит: все дело заключается в том, чтобы эти сведения и знания от агрономов и от профессоров дошли до самых глубин крестьянского хозяйства. В тот момент, когда простейшие агрономические истины дойдут до каждого мужицкого двора, в этот момент свершится величайшая из всех революций—хозяйственная революция, и нужно, товарищи, чайшая из всех революций—хозяйственная революция, и нужно, товарищи, это с точки зрения доклада т. Ленина. Он сказал, что блокада может повернуться так, что неизвестно, кому будет хуже: тем ли, кого блокируют, или тем, кто блокирует. И вот, когда крестьянское хозяйство удвоит урожай и общий сбор продуктов сельского хозяйства с двора, тогда наступит момент, когда не они нас, а мы их будем блокировать, и при том, с бесспорным успехом. Если, товарищи, вы вспомните еще одно обстоятельство, что в некоторых промышленных странах для революционного выступления пролетариата играет первенствующее значение вопрос—что с ним будет завтра, на другой день после революции, откуда он возьмет хлеб и какие отношения сложатся у него с тамошним мелко-буржуазным и крупно-буржуазным крестьянством; если вы вспомните, насколько задерживает это обстоятельство развитие революции во всем мире, то вы поймете значение этого вопроса о поднятии нашего сельского хозяйства.

А теперь спросим себя, товарищи, когда же, наконец, эти простые истины о культурном сельском хозяйстве дойдут до деревни? В какой срок? Перед тем, как выступить здесь, я спросил в частном разговоре уважаемого проф. Тулайкова: скажите, в какие сроки может совершиться в русских условиях это развитие культурных форм хозяйства по необятной России? И он мне ответил, как практик и теоретик, что раньше мы знали эти сроки, раньше каждый шаг по улучшению сельского хозяйства для агрономов имел тысячу всяких «но». Хорошо бы сделать так, но мешает то одно, то другое, то третье. А теперь,—говорит этот не-коммунист, не-политик и не-революционер, а теоретик и практик сельского хозяйства,—революция изменила все сроки и показала, что могут совершиться чудеса в сельском хозяйстве, и развитие его может пойти таким темпом и с такой скоростью, которая никогда не была предусмотрена агрономами, теоретиками и практиками, рассчитывающими на эволюционные пути. Вот почему, товарищи, нужно, чтобы такой громадный Съезд как наш, с его двумя почти тысячами делегатов, ушел отсюда с такой же громадной верой в нашу победу, которая звучала в речах некоторых выступавших здесь. С этой точки зрения я присоединяюсь к тем товарищам, которые требовали изменения наших взглядов на сельское хозяйство. Нужно, чтобы мы, товарищи, от платонических и словесных сляпаний перешли к практическому делу. Для этого прежде всего нужны, конечно, материальные средства и нам придется усилить ресурсы Наркомзема. Это не так просто, как думают некоторые товарищи, предлагая передвинуть на первое место

из 6-го бюджет Наркомзема. Тем не менее в этой комиссии, которая будет избрана, мы поставим вопрос практически—насколько возможно без коренной ломки основных отраслей государственной и хозяйственной жизни увеличить бюджет Наркомзема, пропорционально уменьшив бюджеты других ведомств. Мы внесем такое предложение и практически его рассмотрим. Это первая сторона дела. В связи с этим стоит и другой вопрос,—вопрос о кредите. В резолюции, которая предлагается Наркомземом, имеется пункт о том, чтобы Совнарком и Наркомфин в месячный срок представили вновь избранному ВЦИК доклад об организации особого центрального банка долгосрочного кредита для сельского хозяйства, как для помощи малоимущим хозяйствам, так и для поддержки начинаний в области мелиорации. Но средства без людей—мертвое дело. Нам нужно, товарищи, мобилизовать, ассигновать на это дело не только деньги, но и людей. Все, что есть передового и сознательного в стране, все, что есть энергичного, весь этот капитал нужно бросить на работу. И тут, товарищи, вопрос ставится не так, чтобы произвести мобилизацию только на посевную кампанию. Нам предстоит здесь некоторая перестройка, мобилизация значительной части работников в области сельского хозяйства. Нам придется заново учиться и заниматься тем, чем мы не занимались раньше, в том числе и сельским хозяйством. Вопросами агрономии придется заниматься тем, которые этого никогда не делали. Но, товарищи, разве многие из нас занимались военным делом, а революция заставила, и сегодня перед вами здесь был пример. Т. Буденый, выходец из мужицкой среды, показал многим и многим, что значит военное искусство в руках рабочего, в руках мужика. И мы не сомневаемся, что если труден был лозунг «пролетарии, на коня», то лозунг «пролетарии, на поля» будет легче и понятнее и даст большие результаты. Некоторые товарищи считают, что весь вопрос за Наркомземом. Наркомзем внес резолюцию, мы проголосовали, и этим дело кочнается. Нет, товарищи! С этого только начинается, и это должно быть ясно на 9-м Съезде Советов.

Теперь обращу ваше внимание на вопрос, который поднял предыдущий т. Коротков, и который в резолюции тов. Осинского не значится,—это вопрос о судьбах рабочего пролетарского земледельца в наших условиях. Наша партийная конференция, только-что окончившаяся, внесла, между прочим, один пункт в резолюцию, где говорится, что в целях уменьшения зависимости рабочего снабжения от условий рынка конференция признает необходимым обратить самое серьезное внимание на развитие и укрепление пролетарского земледельца, т. е. рабочих совхозов, таких, которые ведут сами фабрики и заводы. Кроме соображений, которые высказал т. Коротков и которые вполне правильны, можно добавить, что в этом вопросе государство не может хранить нейтралитет. Пролетарское государство должно быть заинтересованным и оно должно проводить соответствующие законодательные хозяйственные мероприятия. Опыт работы совхозов уже показал, что сейчас значительная часть фабрик и заводов обзавелась ими и эти совхозы могут в ближайшем будущем обеспечить пролетариат центральных промышленных районов своим собственным производством независимо от рынка, и нужно, чтобы сейчас на этот вопрос было обращено внимание. Товарищи, опыт одной только Московской губернии показал, что по некоторым уездам, напр., по Богородскому и Московскому, через два года площадь пролетарского земледельца будет равна площади крестьянского

земледелия. Крестьянское земледелие в Богородском уезде занимает всего 14% общей площади, а из пахотных земель всего 30% использованы крестьянами. Между тем, рабочие фабрик и заводов с громадной быстротой—крестьяне сотни лет хозяйствовали—а рабочие в два—три года поднимают почти равную площадь и даже перегнали по урожайности и по культурным способам ведения хозяйства крестьянское хозяйство центральной Московской губернии. Можно ли, чтобы государство заняло нейтральную позицию по отношению к этому вопросу? Нет, ни в коем случае. И нужно поэтому, чтобы Всероссийский Съезд Советов вынес определенные решения (мы надеемся их в комиссии зафиксировать), а товарищи рабочие центральных губерний, как Московской, Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской, рабочие Донбасса, рабочие Урала создали вокруг себя крепость, которая бы обеспечила их, как на случай засухи, так и на случай транспортных затруднений.

Товарищи, вам докладывали здесь, что из Сибири невозможно сейчас так быстро доставить наличный хлеб на фабрики и заводы и может быть весной мы будем страдать от этого обстоятельства. Поэтому нам нужно учесть уроки этого лета и на будущее время, в условиях более нормального существования, во что бы то ни стало обеспечить, по крайней мере, в потерпевших промышленных центрах на самую высокую ногу хозяйства рабочих. Тогда и вы, товарищи, крестьяне, должны будете сказать, что меньше к вам будут обращаться рабочие за хлебом, когда у него у самого рядом с его фабрикой будут свои хозяйства, которые обеспечат его как хлебом, так и другими продуктами питания. От этого выиграют и рабочие, и крестьяне, и вся Республика в целом.

Председатель. Слово имеет тов. Раковский.

Раковский. Товарищи, от имени украинской делегации я поддерживаю тов. Осинского. Я выражаю пожелания, чтобы настоящий 9-й Съезд Советов отметил собой переломный момент в нашем отношении к сельскому хозяйству. Это короткий срок нашего нового строительства, но за этот срок мы имеем два крупных события, которые должны для нас служить предпосылкой для дальнейшей нашей политики. Мы имеем впервые неожиданное поднятие промышленности в некоторых районах. Я вам имел честь сообщить о том поднятии добычи угля, которое имеется в Донецком Бассейне, где в июле добыча угля была 9 милл. пуд., а теперь, в декабре, она только в крупной промышленности доходит до 48½ милл. пуд., кроме мелкой каменноугольной промышленности. Откуда этот успех? Оттого, что в первый раз удалось нам, за все время существования Советской Республики, создать хлебный запас для донецких рабочих. В первый раз мы имеем это крупнейшее событие в хозяйственной истории. Первый раз мы могли сказать донецким рабочим: «Товарищи, не беспокойтесь, мы создали для вас двухмесячный неприкосновенный хлебный запас, составляющий свыше миллиона пудов хлеба». Что это означает? Это означает, что все наши разговоры о поднятии крупной промышленности, все наши разговоры о создании Советского хозяйства, смогут воплотиться в жизнь постольку, поскольку мы можем дать для этой промышленности первое необходимое условие ее развития—хлеб, и еще хлеб, и опять хлеб. Вот, товарищи, один опыт, который мы проделали. Он имеет громадное значение, потому что, когда наша промышленность не развивалась, мы всячески искали причины, мы говорили, что отчасти организационная сторона хромает, отчасти есть

нестроения, которые создались за время революции, и за время гражданской войны среди рабочих—неохота к труду и т. д. Первый раз, когда мы обеспечили хлебom, мы увидели, что государственная промышленность, социалистическая промышленность может идти, что у рабочих есть колоссальное рвение к труду, и в Донском Бассейне, на заводах в Харькове, на заводах Юго-Стали, мы дошли до производительности труда довоенного времени, а на харьковском паровозостроительном заводе мы превзошли даже эту производительность труда. Теперь харьковский паровозостроительный завод дает 107 проц., т. е. на 7 проц. выше того, что он давал в довоенное время. Одновременно мы имеем другой крупный факт. Это голод, который вскрыл перед нами всю ту глубину разрухи, обнищания, которые вызвала гражданская война. И, товарищи, не знаю, следили ли вы со вниманием за цифрами, которые представил вам тов. Сеинский. Их резюмировать можно следующим образом: за время империалистической и гражданской войны площадь под посевом Советской России сократилась в три раза. Там, где раньше сеяли, положим, 100 десятин, теперь засевают всего 35 десятин. Вот тот факт, который объясняет и голод и который говорит о том, что мы с десятками миллионов пудов, которые мы теперь дадим Пovolзько, не спасем положения. Нет, нужно проделать колоссальную работу, восстановить ту посевную площадь, которая была до войны. Из Украины мы находимся в этом отношении в положении более благоприятном. У нас на Украине положение в смысле восстановления довоенной посевной площади было таково. Довоенная посевная площадь, или, правильнее, площадь 1916 г. была—17 милл. десятин. Мы поставили себе задачей, чтобы в период 1920—21 г.г. эту площадь целиком восстановить. Мы восстановили 16 милл. десятин. В таких губерниях, как Александровская, под грохот орудий было засеяно из количества почти миллион 800 тыс. десятин, из площади, которая равняется площади всей Бельгии (пахотная площадь), крестьяне засеяли один миллион 550 т.,—дефицит был всего в 220 тыс. По всей Украине дефицит был миллион десятин, т. е. было засеяно 16 милл., вместо 17. Но, товарищи, мы в этом году увидели, что дело не только в площади. Тут произошла иная перемена, и тут надо искать еще других средств, для того, чтобы поднять сельское хозяйство. Оказалось, что достаточно было засухи, для того, чтобы 5 лучших украинских губерний—Николаевская, Одесская, Екатеринославская, Александровская и Донецкая, самые хлебные губернии Украины, оказались в неурожайном положении. Теперь в Александровской губ., где было в прошлом году засеяно один миллион 550 т. десятин озимого и ярового клина, теперь озимого из 500 тыс. десятин было засеяно всего 150 тыс. десятин. В урожайных губерниях засеяно на 10—20 проц. больше, в неурожайных губерниях засеяли на 25—50 проц. меньше. Поэтому вполне прав был т. Мануильский, когда он говорил, что если нами не будут приняты меры в общегосударственном масштабе, голод будет и у нас на Украине. Неурожай колоссален. Падеш скота огромный. Есть волости, где из 6.000 лошадей осталось всего 300 калек. Я не буду, т. т., за краткостью времени долго распространяться, описывая картины нашего тяжелого положения, но из всего этого вы видите, что здесь необходимо самое энергичное и быстрое государственное вмешательство. Всякие толки о том, чтобы представить крестьянское хозяйство самому себе, толки, которые иногда ведутся, означают для нас гибель. Вообще я скажу, что с. х. либерализм для нас губителен. Мы должны подать руку крестьянскому хозяйству

для его подаятия. Необходимо самое энергичное государственное вмешательство. Конечно; государственное вмешательство не в той форме, в которой мы раньше его проводили, не то государственное вмешательство, когда мы механическим путем хотели создать известные формы общежития, коммуны.

Такое вмешательство, конечно, историей осуждено, и нам теперь предстоит идти иным путем организации и коллективизации сельского хозяйства. Нам нужно осуществить это государственное вмешательство под'емом крестьянского производства. Здесь государственное вмешательство встретит со стороны крестьян самое приветливое отношение.

Чересполосица является колоссальным злом крестьянского хозяйства. Мы начали эту чересполосицу лечить путем приказов. У нас чересполосица такая же, какая и у вас. У нас имеется уезд Радомысльский, где крестьяне вместо 5—6 дес. земли имеют 59 различных клочков земли. Какое хозяйство возможно при таком положении? Поэтому у нас Черниговский Губисполком приказом упразднил эту чересполосицу и крестьяне были очень довольны. Уничтожение чересполосицы теперь у нас в России есть одна из серьезнейших задач, которую, нужно сказать, многие буржуазные государства уже давно решили. Это так называемая «кадострация земли». Нет благоустроенного государства, где кадастр (размежевание) земли не было бы проведено. Но, товарищи, все это только в области землепользования.

Есть другая сторона дела, и здесь я должен сказать, что при теперешних исключительных условиях нам нельзя жить по программе, где все вычитано, где, как в счастливой Аркадии, или в каком-нибудь Фурьеровском фаланстерне, все предусмотрено, и тракторы, и севооборот и т. д. Эта программа хороша, но эту программу мы должны наметить, как она и намечена у т. Осинского на длительный период. Представители Самарской губернии нам говорят, что их посевная площадь из 4 милл. дес. земли уменьшилась до миллиона 300 тыс. дес., а им всего обещано 2 милл. пудов зерна, чтобы обсемениться. Если вы дадите ячмень или пшеницу для обсеменения, то сколько вы обсемените?— 200—300 тыс. дес. В нашей программе в юго-восточном крае мы будем иметь новый колоссальный недосев.—это мы должны помнить.—новый колоссальный недосев даже при выполнении до последнего пуда той программы, которую мы себе наметили. И тут, товарищи, перед нами встает вопрос, что нужно сделать? Что является срочным? То, что в данный момент может нам помочь сейчас—это не тракторы, которых нужно будет иметь 10 тыс., чтобы вспахать 200—300 тыс. дес. земли. Товарищи, тракторы—это музыка будущего, а в данный момент надо обратиться к крестьянам. Нужно сказать, что в крестьянском хозяйстве происходит глубокий внутренний процесс, прогрессивный процесс и что государство должно к этому процессу приглядываться. Он заключается в том, что в самом крестьянстве, стихийно год за годом растет стремление к расширению инвентаря, что известные культуры, которых раньше крестьянство не знало, идут с юга стихийно и постоянно пробиваются все дальше и дальше на север. Когда вы возьмете статистику украинского сельского хозяйства и российского, вы увидите два таких факта, которые должны сразу обратить ваше внимание—это увеличение посевов засухоустойчивых культур, которые заменяют собою постепенно ранние культуры. Вы видите продвижение к северу проса и кукурузы. В чем несчастье нашего крестьянства? В том, что оно до сих пор не могло использовать тех оградов, которые и в засушливые

время все-таки имеются, в том, что они в период крестьянского сева кончают слишком рано. Посмотрите на мелкое хозяйство в Америке. Что является там основой хозяйства? Одна из главных основ это то, что наши яровые заменяются трудоемкой культурой кукурузы. Теперь начинает создаваться партия кукурузников, но должен сказать что мы все прониклись необходимостью засухоустойчивые растения засеять вместо растений ранних. Я не собираюсь здесь перед вами читать курс агрономии, но я обращаю внимание на то обстоятельство, что эти засухоустойчивые культуры имеют, на ряду с другими преимуществами во всех отношениях, то главное преимущество, что кукурузе нужно в 3 раза меньше воды, чем ячменю и пшенице, просу в два раза больше, чем кукурузе, но в полтора раза меньше ячменя. Они имеют и то преимущество, что являются культурами трудоемкими, которые требуют больше человеческого труда и меньше животного труда. Во-вторых, они являются культурами, которые удобряют землю. Один из больших недостатков нашего хозяйства тот, что за время революции, за время войны, громадные площади засорялись всякими травами, и брошенный хлеб, ячень дает там в два—три раза меньше, чем раньше. Каким образом очистить эти миллионы десятины земли, которые не видели давно плуга? Только пропашными культурами, т.-е. только такими, где каждая травка заботливо чистится. А кукуруза есть именно такого рода растение. Ее главное преимущество в том, что для того, чтобы посеять одну десятину под ячень или пшеницу, нужно 6—7—8 пуд. хлеба, а для того, чтобы посеять одну десятину под кукурузу, нужно максимум пуд или полтора пуда. Если мы на Украину сможем доставить 2 миллиона пудов зерна кукурузы из-за границы, мы сможем сказать, что Украина явится к будущему Съезду Советов с полным засевом, т.-е. со всеми 100 проц. площади 1916 г. Вот к чему сводится эта агитация, вот к чему сводится эта пропаганда.

Да, голод—великое несчастье, но уроки этого бедствия нужно использовать для того, чтобы произвести хозяйственную революцию в деревне. Голод был уже несколько раз учителем русского крестьянина, голод заставил русское правительство ввести в первый раз картофель в Россию. Он двести лет обрабатывался в Европе, а здесь его не знали, что такое картофель. Должен был быть финляндский голод во времена Екатерины Великой для того, чтобы медицинская коллегия вынесла постановление, что следует, как средство борьбы с голодом, ввести в Северную Россию картофель. Медицинская коллегия постановила, но царское правительство не имело достаточного авторитета, чтобы преодолеть косность тогдашнего русского крестьянина, оставленного в невежестве самим же царским правительством,—и должен был быть второй голод в России в 1839, 1840 г.г. (при Николае I), чтобы снова был поднят вопрос о картофельной культуре. Теперь никто не возражает против картофеля. Картофель—это одна из лучших культур, но нужны были сотни лет для того, чтобы привить ее. Теперь никто не будет кричать: «сейте картофель», потому что и без этого крестьянин сеет его. Теперь надо кричать: «сейте кукурузу». Вот, что мы должны теперь кричать повсюду. (А п л о д и с м е н т ы).

Но, товарищи, только кричать недостаточно. Здесь нужно величайшее напряжение. Здесь мы должны перевоспитать себя. Мы все понимаем, что такое завод, что такое уголь, что такое металл, но мы должны приучить этих людей к этому золотому овсу, о котором здесь говорил т. Головкин. Мы должны вернуться к матери земле, источнику всех благ. Мы все должны про-

никнуться душой агрономов. В России были известны слова «хождение в деревню». Да, теперь для нашей Советской власти наступил момент новой с.-х. мобилизации, но не только агрономов. Мы должны создать инструкторские курсы, мы должны мобилизовать тысячи и десятки тысяч людей и бросить их в деревню для того, чтобы спасти сельское хозяйство, которое является основой для развития промышленности и основой для укрепления Советской власти. (Бурные аплодисменты).

Председатель. Слово имеет тов. Моор.

Моор. Товарищи, в докладе т. Осинского сквозила красной нитью одна фраза, которую между прочим подчеркнул и т. Каменев, и сейчас подчеркнул так красноречиво т. Раковский, а именно—что сельское хозяйство есть основа хозяйства Советского государства. Тов. Осинский, между прочим, сказал, что это есть азбучная истина. Азбучная ли это действительно истина для всех нас? Действительно ли, товарищи, мы вникли в сущность того положения, о котором т. Осинский говорит, что это азбучная истина? Это ясно на бумаге, но ясно ли это у нас в сердцах каждого, который собирается решать судьбу и будущее сельского хозяйства Советской России. Если в прошлом году 8-й Съезд Советов, занимаясь вопросом о сельском хозяйстве, уделял этому очень много внимания, то теперь этот вопрос встает перед нами в другой плоскости.

В прошлом году мы говорили, главным образом, о том, как провести в общероссийском масштабе предстоящую посевную кампанию, а теперь мы говорим о том, как восстановить, как поднять до известного уровня вообще наше сельское хозяйство. Это совершенно другая постановка вопроса, и мы не должны проходить мимо него легко. В прошлом году мы в общероссийском масштабе решали вопрос о проведении посевной кампании и ломали голову над тем, как мы должны сохранять семена для этой цели. В нынешнем году перед предстоящей посевной кампанией встает другой вопрос, который затронул товарищ Тулайков, вопрос о нашем юго-востоке. Этот вопрос ставится не в плоскости проведения посевной кампании и в смысле сохранения семян, а в плоскости спасения того, что осталось вообще. Мы не задаемся вопросом, получим ли мы вообще семена для юго-востока. И если в докладе т. Осинского и в его резолюции говорится много о том, как восстановить будущее наше хозяйство, то в последней части его резолюции говорится очень серьезно о том, как спасти юго-восток. Не как восстанавливать хозяйство—это будет вопрос будущего, а как мы завтра приступим к проведению посевной кампании, получим ли мы завтра семена, имеем ли мы возможность спасти то, что осталось от сельского хозяйства. В будущем году мы будем восстанавливать, а в нынешнем году надо спасать остатки. Тулайков, в общих цифрах привел состояние востока. Я приведу две—три цифры из юго-востока и скажу, что вопрос о спасении сельского хозяйства находится в самой тесной зависимости от вопроса борьбы с голодом. Эти два вопроса неотделимы. Если присмотреться к юго-востоку, если серьезно подумать над тем, хотим ли спасти его, нужно проникнуться сознанием того, что там действительно происходит, в каком положении находится там сельское хозяйство. Тов. Осинский, привел общие цифры, иллюстрирующие обстоятельство, что юго-восток поражен неурожаем. Я приведу вам цифры, касаясь немного юго-востока, главным образом, в области Немцев Поволжья—одного из лучших культурных уголков Советской России. В каком

положении там находится сельское хозяйство благодаря 2-летнему голоду? А вот в каком.

До войны по теперешней территории области Немцев Поволжья высевалось ярового клина около 800—900 тысяч десятин. В 1919 г. было высеяно ярового клина 40.000 десятин, а в нынешнем 1921 г. было засеяно 35.000 десятин. Из каждых 100.000 десятин довоенного времени засеяно было 4.000 десятин. Какой был урожай по этой области в довоенное время? Яровых в области Немцев Поволжья собиралось около 18 милл. пудов. Еще в 1918 г. из этой области было вывезено 9 милл. пуд. хлеба по развертке. В 1919 г. был урожай около 10 милл. пуд., а в нынешнем году в этой области собрано яровых хлебов 24.000 пуд., т.-е. 1 проц. того, что было собрано в довоенное время. Область Немцев Поволжья славилась своим скотоводством. Это лучший рассадник нашего племенного скота. В каком положении там теперь скотоводство? В самом трагическом. Область Немцев Поволжья в довоенное время насчитывала всего около 200.000 лошадей лучших пород, хорошо выкормленных. В 1919 г. насчитывалось 118.000, а на 15 августа нынешнего года было 62.000 лошадей, при чем за последние месяцы это количество катастрофически падает и сейчас оно вряд ли больше 30.000 лошадей. Сопоставьте цифры—30.000 лошадей и ту площадь посева, которая выполнена в области Немцев Поволжья, вздумайте в эту простую арифметику, для того, чтобы вздуматься над возможностью проведения там посевной кампании. А уверены ли мы в том, что получим семена? Нет, не уверены. У нас очень большой опыт в этом отношении товарищи, и мы думаем, что едва ли получим семена в достаточном количестве, для того, чтобы засеять свои поля. Я хотел обратить внимание Съезда на то обстоятельство, что перед нами 2 или полтора месяца для того, чтобы к 20-му февраля семена привезти на места, ибо иначе будет поздно. Тут нужно ударным порядком подвезти достаточно семян. Для этого нужно больше жизни, больше энергии, больше внимания, а всего этого наши центральные учреждения проявляют не в достаточной степени. Наши центральные учреждения очень часто подходят с-кандачка к разрешению вопросов, касающихся спасения юго-востока, в частности к вопросу о голоде. Так, например, КЦПомгол'ом ассигновано 3½ миллиарда рублей на спасение лучших пород скота в области Немцев Поволжья, а НКФинц, препровождая эти деньги в область, делает приписку: посылаемые 3½ миллиарда расходятся на нужды др. комиссариатов. Это не разрешение вопроса. Нужно 9-му Съезду Советов во что бы то ни стало подчеркнуть, что спасение с.-х. юго-востока есть основная, первоочередная ударная задача. Нужно мобилизовать дельных людей, нужно бросить их туда в неурожайные районы, а не отзывать, как это делает НКПочтель, их оттуда. Все ведомства должны объединиться на работу по спасению юго-востока, которому грозит гибель. Если мы в ближайшие дни не получим семена, то ничего не засеем, и тогда на будущий год будет голодать не только юго-восток, но и многие другие места, которые жили за счет тех избытков, которые когда-то были на юго-востоке.

Голоса с мест. Было несколько предложений о прекращении прений.

Председатель. Вноситея предложение о прекращении прений. Кто желает высказаться против?

Голос с места. Товарищи, я буду говорить против прекращения прений, так как есть такие вопросы, которые еще совершенно не затронуты. Если то-

вариантам надоело все это выслушивать, то можно ограничить время ораторов 5-ю минутами, но выслушать необходимо. Много вопросов очень тесно связаны с этим вопросом, которых еще никто не затронул. Я предлагаю поэтому прений не прекращать, а ораторам не повторяться, а оттенять те вопросы, которые еще не затронуты.

Председатель. Кто будет говорить за прекращение прений? Таковых нет. Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы прения сейчас прекратить? Кто против? Большинство. (**Голоса:** меньшинство). В виду сомнений, буду переголосовывать. Прошу голосовать карточками. Кто за прекращение прений, прошу поднять карточки. Кто против? Явное большинство. Прения продолжаются. Вносится предложение о сокращении времени ораторов до 5 мин. Есть другие предложения? (**Голос:** оставить попрежнему). Кто за то, чтобы время сократить до пяти минут? Кто против? Меньшинство. Время ораторов сокращается.

Голос с места. Предлагаю дать высказаться только представителям мест.

Председатель. Товарищи, высказываются почти исключительно места. Слово имеет товарищ Гавен.

Гавен (говорит с места). Товарищи, от имени Крымской делегации прошу внести в резолюцию, предложенную тов. Осинским, поправку.

Гавен. От имени Крымской делегации прошу внести в резолюцию, предложенную тов. Осинским, поправку ко второй части 3 параграфа, где указано, что должны быть обеспечены семенные нужды пострадавших от неурожая губерний Украины и юга России. Мы предлагаем сюда добавить слова: «и Крыма». Дело в том, что Крым, некогда богатый разнообразием своих культур, неофициально, но фактически находится на положении голодающих губерний. Если произвести обследования, то мы, несомненно, должны будем признать, что уже в настоящее время в Крыму на положении голодающих находятся около одной трети всего населения. Я не буду здесь указывать на причины, которые вызвали этот голод, так как причины эти всем известны. Причины эти—долгое хозяйничанье отечественной буржуазии в начале в союзе с немецким империализмом, а потом в союзе с империализмом Антанты. Товарищи, нам всем известны те события, которые были в Крыму. Нам известны обстрелы Крымских берегов флотом Антанты, а также те хищения, которые производились на этой маленькой территории. В результате всего этого богатая крымская культура вся разрушена. Эта разруха выразилась в необыкновенном неурожае этого года. В этом году неурожай был особенно острый. Крым не знал такого неурожая более 30 лет. В этом году сбор хлебов составляет около 1½ милл. пуд., в то время, как нормальный сбор хлебов равняется 20 милл. пуд. Внутреннее же потребление Крыма составляет минимум 9 милл. пуд.

Здесь т. Осинский указал, что в будущем году в Поволжье в тех областях, которые захвачены неурожаем, будет засеяно около одной трети всей посевной площади. Товарищи, у нас в Крыму в этом отношении дела обстоят много хуже. Посевная площадь озимого клина составляет 400.000 десятин. В этом году мы впахали 250.000 десятин, но так как мы не имели семенного материала, то мы смогли засеять только 50.000 десятин, т.-е., около

13% всей посевной площади озимого клина. В будущем году весной нам придется засеять минимум 360.000 десятин.

А мы в настоящее время не имеем ни зерна посевного материала.

Далее я хотел указать еще на один важный момент, на гибель южных специфических культур, которые имеют огромную ценность на гибель табаководства, виноградного хозяйства и на гибель крымских садов. Товарищи, если раньше посевная площадь табаков составляла 4.000 дес., то в этом году всего было под табаком до 400 дес. То же самое и с виноградниками и садами. В виду того, что с начала 1917 г. виноградники не окапывались и, вообще, не обрабатывались, как следует, по крайней мере половина этих виноградников и садов погибла. Надо отметить при этом следующее обстоятельство: в виду того, что в Крыму колоссальный недостаток хлеба, он вздорожал неизменно, в то время, как виноград, вино и табак там не имеют ценности. В то время, как за пуд табаку можно было раньше путем товарообмена приобрести от 7 до 10 пуд. хлеба, теперь табаковод может приобрести только $\frac{3}{4}$ пуда. Вполне естественно, что при таком положении наше табаководство гибнет. Вот почему я вношу следующее конкретное предложение: 1) признать Крым голодающей областью; 2) обратить самое серьезное внимание на создание фонда, поддерживающего наши южные специфические культуры.

Председатель. Слово имеет т. Погорелов.

Погорелов. За 5 минут, товарищи, конечно, придется сказать очень мало. Здесь целый ряд ораторов уже отметил сокращение посевной площади и уменьшение количества скота. Я повторять не стану. Безусловно, нужна самая строжайшая организация и в крестьянском хозяйстве необходимо каждому соединяться с соседом, чтобы можно было запахать как можно больше.

Товарищи, если у нас из 35 милл. рабочего скота остается 17 или 15 миллионов—и это количество еще может уменьшиться,—если далее из 100 милл. десятин посевной площади до империалистической войны мы имеем теперь всего 47 или 45, то тут уже дело идет в первую голову не о поднятии сельского хозяйства, а о том, как бы его удержать. Для этого должен быть принят целый ряд мер. Здесь упоминалось о пролетарском хозяйстве, но говорили о нем слишком коротко. На него, однако, нужно обратить гораздо больше сил. Нужно, чтобы не менее миллиона десятин было засеяно государством хлеба. Здесь т. Осинский предложил, с одной стороны, для поддержания сельского хозяйства приобрести зерновые продукты, а с другой стороны, для засева миллиона десятин получить тракторы, которых требуется тысяча. Но я должен сказать, что трактор стоит около 2.000 долларов. В общем, это составляет 4 миллиона рублей. Это уже не такая значительная сумма для нашей Советской Республики. Товарищи, эти стальные кони надо приобрести во что бы то ни стало и ими усилить сельское хозяйство. Все те мероприятия, которые т. Осинский предложил, нам надо проводить, ибо наше сельское хозяйство после гражданской войны, когда почти из каждой семьи вырывались работники, дезорганизованно и без героических мер подняться не сможет. Нам, товарищи, во что бы то ни стало надо приобрести тракторы. Если мы в первый год затратим на них миллионы (наше государство хотя с огромным трудом, но все же сможет дать эти средства), а затем будем ежегодно добавлять, то мы сможем кое-чего добиться. Как вы знаете, товарищи, в Англии

во время империалистской войны тракторы работали день и ночь. Мы тоже должны все усилия приложить к тому, чтобы эти тракторы приобрести, снабдить их прожекторами и сделать так, чтобы они работали не 12, а 20 часов, на 3—4 часа останавливаясь для осмотра их монтерами.

Мы все говорим, что нужно поднять хозяйство, что нужно приложить к этому все силы и энергию, но вы все хорошо знаете, что ногтем на голове не запашешь. Надо с одной стороны, организовать все то, что имеется у крестьянства, а с другой стороны—правительство должно напрячь все усилия и приобрести тракторы. Надо организовать маленькие государственные сельскохозяйственные ячейки, которые через 3—5 лет развернуться в большие и будут давать хлеб. Все мы, товарищи, должны помнить, что без поднятия сельского хозяйства мы не сдвинемся с места, ибо только тогда, когда у нас будет хлеб, мы сможем развернуть промышленность. Я извиняюсь, что говорю наскоком, необоснованно, но за 5 минут невозможно все сказать.

Председатель. Слово имеет т. Мышкин.

Мышкин. Товарищи, делегаты 9-го Съезда Советов, представители трудового крестьянства, должны посвятить с.-х. вопросу самое главное внимание. И нужно сделать так, чтобы после всех тех прений, которые здесь развернулись по этому вопросу, ему было уделено соответствующее внимание всех наших центральных советских органов. Я думаю, что весь 9-й Съезд Советов целиком поддержит призыв т. Осинского, который содержит в себе тревогу не только Наркомзема, но и работников на местах, которые восприняли это настроение и эту тревогу, царящую в тех губерниях, которые долгие годы могут выйти из ряда не только производящих губерний, но и самообслуживающихся. Товарищи, это видно из цифр, которые указывают на то, что производящие губернии еще в 1920 г. и особенно в 1921 г. стали все больше и больше сокращать количество посевов на душу. Цифры показывают, что количество пудов, приходящееся на душу населения таково, что даже и в благополучных губерниях мы сейчас должны будем напрячь все силы для того, чтобы там выполнить целиком те минимальные задания, которые стоят перед нами даже по сравнению с 1920 г.

Нужно, товарищи, сказать, что эта задача не только сегодняшнего дня и предшествовавшей весенней кампании, но и задача ближайшего будущего, ибо невнимание и недостаточно энергичное движение в эту сторону, может довести яровые и озимые клины до очень плохого состояния. Вопросы промышленности целиком упираются сейчас в этот вопрос. В связи с новой экономической политикой, эти вопросы сейчас должны продвигаться еще дальше, они должны захватить нас не только здесь, горячо обсуждающих эти вопросы, но они должны сделаться центром внимания и на местах и не только в Губисполдомах, но так же и в ВЦИК. Я думаю, товарищи, что здесь, присматриваясь к тем цифрам, которые мы имеем, мы можем сказать, что весенняя кампания будет более трудной, чем была озимья кампания, которую мы с грехом пополам, но все-таки провели, ибо количество. Относительно продовольствия нужно также сказать, что эта норма теперь настолько мала, что крестьянину придется не только засеять, но придется стянуть ремешком потуже свой живот для того, чтобы полуголодному и голодному выйти в поле, и то семя, которое бросает в землю не скушать, а

действительно засеять. Все эти стороны нашей работы должны захватить широкие массы крестьянского населения. Нужно сказать, что только при массовом действии, при массовом движении самого крестьянства, мы сумеем его привлечь к заготовке местных фондов. Для этого нужно использовать и сельско-хозяйственную, а, быть может, также в некоторых случаях потребительскую кооперацию, использовать для того, чтобы дать возможность эти фонды быстро организовать. И здесь, товарищи, нужно сказать потребительским органам: нужно все силы напрячь к тому, чтобы раскататься, ибо перед нами остаются только два месяца. Я думаю, товарищи, что здесь мы уже можем рассчитывать на то, что мы не только в органах Наркомзема, но и вместе с нашими товарищами, во главе с т. Калининым, который является нашим всероссийским старостой, выйдем весной действительно вооруженными с семенами для того, чтобы посеять и выполнить те задания, которые стоят перед государством.

Председатель. Слово имеет т. Лисицын.

Лисицын. Поскольку время ограничено, я не буду занимать вашего внимания, я прямо внесу конкретные предложения в добавление к резолюции тов. Осинского, в виде трех вопросов. По одному из вопросов, который затронул т. Осинский, насчет сельско-хозяйственного образования, предлагаю следующий пункт к резолюции т. Осинского: «Считая, что осуществление всех мероприятий по сельскому хозяйству возможно лишь при правильной и широкой постановке сел.-хоз образования, 9-й Съезд считает необходимым изъять это последнее из ведения Наркомпроса и передать Наркомзему».

Это одно мое предложение. Если оно потребует аргументации и объяснений, я дам. Второе мое предложение насчет лугов, о которых в резолюции тов. Осинского не сказано ничего. Предлагаю один из пунктов в добавление к резолюции т. Осинского. Этот пункт гласит: «Одним из важнейших вопросов, требующих немедленного вмешательства со стороны государства, является вопрос о лугах. В целях побуждения крестьян к улучшению лугов, необходимо прекратить ежегодное перераспределение лугов путем издания особого декрета. Одновременно необходимо внести полную ясность в вопрос об образовании государственного фонда, прекратив его дальнейшее образование и пересмотрев уже созданный фонд». И третье мое конкретное предложение сводится к следующему:

«В целях успешного осуществления намеченных мероприятий, необходимо всестороннее усиление земорганов. Посевкомы же, как органы, исполнившие свое назначение в весеннюю кампанию 1921 г., должны быть ликвидированы. Для непосредственного участия крестьянских масс в активной работе земорганов и применения местного опыта, при Земотделах, необходимо оставить сел.-хоз. совет, в минувшую кампанию показавший свою жизнеспособность».

Вот те 3 пункта, которые я считаю необходимым добавить к резолюции т. Осинского. По последнему пункту, товарищи, т.-е. по вопросу о Посевкомках, необходимо поставить точки над «и». Поскольку мы имеем решения 8-го Всероссийского Съезда и поскольку условия подходят к организации Посевкомков, или, по выражению т. Осинского, сельско-хозяйственных комитетов, постольку

нужно сказать, что условия тогда были совершенно другие. Вместе с тем, я считаю, что необходимо брать главное внимание на усиление земельных органов. Для проведения всех мероприятий, намеченных по государственному плану комиссией Наркомзема, необходимо усиление земельных органов. Никакими отдельными ударными органами, временными надстройками, как предлагает Наркомзем, мы никогда не усилим наших земельных органов. Вот три основных предложения, которые я предлагаю вниманию С'езда.

Председатель. Внесено предложение о прекращении прений. Есть желающие высказаться против? Нет. Разрешите проголосовать. Кто против? Очень мало. Прения прекращены. Есть предложение ответить на записку члену коллегии Наркомзема по земледелию, по землеустройству и по Посевкам, так как; получилось огромное количество записок. На них нужно дать практические деловые ответы.

Председатель. Я думаю, дать т. Осинскому минут 15—20.

Осинский. Товарищи, дело в следующем. Ко мне поступило около 40 записок специально по вопросу о землеустройстве. Для того, чтобы дать на них исчерпывающий ответ, всего лучше предоставить слово т. Месяцеву минут 10—15. В своем заключительном слове я буду отвечать на другие вопросы, а на те, которые касаются специально этого дела, ответит член коллегии Наркомзема, конечно, не на все, 40 записок, а на самые существенные. Так всего правильнее будет. Для разрешения земельного вопроса, который необходимо очень тщательно обсудить.

Председатель. Кто, товарищи, за то, чтобы дать т. Месяцеву минут 10—15 для ответа на эти записки? Кто против этого предложения? Тов. Месяцев имеет 15 минут для ответа на записки.

Месяцев. Товарищи, записок, так много, и все они настолько разнообразны, что ответить полностью на все записки нет совершенно никакой возможности. Поэтому я из них выбрал только записки, которые ставят наиболее основные важнейшие и злободневные вопросы. Большинство записок касается вопроса об установлении порядка и форм землепользования, а также о времени и способе переделов. Для того, чтобы сократить ответы на записки по этой части, я должен огласить прежде всего постановление по данному вопросу Всероссийского Земельного С'езда, который этот вопрос рассматривал подробно и от которого мы имеем подробную и практическую резолюцию. Это не вошло в такой форме в постановление, предлагаемое т. Осинским, просто потому, что нельзя было загромождать предлагаемого Всероссийскому С'езду проекта резолюции теми деталями, которые здесь имеются. Порядок, который предлагается для установления свободы выбора форм землепользования, устававливается следующий. Прежде всего, указывается, что каждое общество и каждый отдельный домохозяин этого общества имеет право на свободу выбора любой из форм землепользования, при чем при общей развертке земли и при общих переделах любая группа граждан, и даже отдельные граждане, могут избрать любую из этих форм землепользования и даже выйти из общества с землей. Любая группа граждан, или отдельные граждане могут выйти с землей в том случае, когда общество на это согласно. При несогласии общества это допускается лишь в том случае, когда этого требует значительная часть домохозяев данного общества или данной де-

ревни. Когда мы задумались над вопросом о том, какое же количество этих домохозяев должно быть, то мы остановились на цифре $\frac{2}{3}$ домохозяев данной деревни или данного общества, или, для больших селений, скажем, на юго-востоке, где имеются огромные селения, там, где свыше 250 дворов, предлагается предоставить это право при условии, если этого требуют не меньше, как 50 домохозяев данного общества. Откуда взята эта цифра. Эта цифра взята из практики социалистического землеустройства. Когда устанавливались коллективные формы, как раз эта норма и была установлена. Эту самую норму мы не предлагаем распространять на все виды землепользования. При этом условии все интересы данного общества, данной деревни будут соблюдены в полной мере. Количество граждан, составляющих 50 домохозяев для крупных селений, является большим тормозом для отдельных граждан, которые пожелали бы выйти из данного общества.

Затем свобода выбора форм землепользования и выход из общины допускается в том случае, когда имеется налицо отдельный обособленный участок, когда не требуется передела полей для данного селения. При чем в отличие от прошлой практики, которая была в дореволюционное время, мы устанавливаем, что выделы отдельных граждан или групп населения, при переходе их на новое землепользование, должны заключаться таким путем, чтобы были обеспечены хозяйственные интересы не только тех граждан, которые выделяются, но и тех, которые остаются в общинном пользовании землей, чтобы были соблюдены хозяйственные интересы всего населения данного района. И последнее условие, которое при этом ставится, заключается в следующем: после того, как граждане данного селения или данного общества избрал определенные формы землепользования, после этого для остающихся в общине устанавливаются известные сроки, в течение которых они не могут себе требовать передела, выдела из этой общины. Это делается для того, чтобы была создана определенная устойчивость в землепользовании, в земельных отношениях для тех граждан, которые будут в общине. Если бы мы не ограничивали сроков переделов и выделов, то этим самым мы создали бы невыносимые условия для поднятия сельского хозяйства. Остающимся в обществе, мы предлагаем установить тот срок, в течение которого остающаяся группа граждан не может требовать передела и выдела. Мы предлагаем такой срок, который установлен нашими законами— декретом от 20 мая 1920 г. (тогда установлен был срок—не меньше как трехкратное чередование севооборота). Если в данном районе есть трехлетний севооборот, то не ранее как через 9 лет, а если четырехлетний, то не раньше как через 12 лет, и т. д.

Один из товарищей спрашивает, от какого времени будет считаться срок для этих переделов? Мы полагаем, что для этого введем закон, который будет онаисмвыгвона исмвыгвона и она исмвыгу смвыгу тжбшнра она и осмвыеоее издан ВПИК. Один из товарищей в записке дает ценное указание, что желательно было бы, чтобы этим сроком явился, примерно, предстоящий нам год. Мы думаем, что это будет весьма целесообразно. В законе должно быть указано, что в течение определенного срока, со следующей осени, а может быть в некоторых случаях с весны, но не с лета, должен быть установлен срок, в течение которого будет предоставлено право крестьянину самоопре-

делиться в выборе форм землепользования. А после этого, поскольку формы землепользования определились, поскольку из данной деревни будет известный выдел или выход, постольку в дальнейшем нужно будет прекратить на определенный срок эти выделы и переходы. Один из товарищей говорит, что при условии, когда будет предоставлена свобода выбора землепользования, будет чрезвычайно много спорных земельных дел. И сейчас уже, говорит он, имеется этих спорных дел в уездных земотделах до 3.500; при условии предоставления свободного выбора форм землепользования их будет свыше 20.000. Мы думаем, как раз, наоборот, потому что значительная часть тех спорных земельных дел, которые приходится разбирать земотделам, находится в зависимости именно от той неопределенности, которая существует в вопросе о выборе форм землепользования в наших законах. Тов. Осинский уже указывал, что по первому закону о земле, который был издан 2-м Съездом Советов, указано на свободу выбора этих форм землепользования. В последующих законах эта сторона затушевывалась, создавалась некоторая неясность в тех циркулярах, которые были в Наркомземе. Точно так же этот вопрос разрешен не совсем ясно, и вот эта неясность вызывает бесчисленные споры и пререкания между отдельными деревнями, между отдельными гражданами и, поскольку они не удовлетворяются решением по данному вопросу, и поскольку в законе нет определенных и ясных на этот счет указаний, постольку в нем плодятся и возникают эти земельные споры. Мы полагаем, что в том законе, который будет издан, в том кодексе законов, в который войдут существующие земельные законы, эта неясность будет устранена и, таким образом, вопрос землепользования будет уже более ясным, спорные же дела о земле будут постепенно сокращаться. Но, конечно, одновременно с этим перед нами стоит вопрос о том, каким образом упростить наши земельные суды, каким образом сделать так, чтобы приблизить их к населению и чтобы население какой-либо волости, скажем, при волземотделе могло бы разрешать эти спорные земельные дела. Некоторые товарищи спрашивают, будут ли возвращаться хутора тем владельцам, у которых эти хутора были частью отняты в силу того, что эти хутора были большие и владельцы их были кулаки? Такие хутора возврату не подлежат и возвращены быть не могут. Товарищи говорят: почему т. Осинский не выделил те желательные формы землепользования, которые нужно было бы рекомендовать населению. Тов. Осинский не сделал этого, потому что это сделать чрезвычайно трудно для всей нашей России, потому что условия сельского хозяйства в нашей России настолько разнообразны, что для каждого отдельного района в данный момент будут наиболее приемлемы и выгодны совершенно различные стороны землепользования. Для этого нам приходится изучить и ту историческую и бытовую обстановку, которая существует в каждом отдельном районе и из этого исходить. Скажем, для юго-востока, где, сравнительно, в дореволюционное время, было большое развитие хуторов, но где они были маложизненны и распались в течение революции, для юго-востока, наиболее лучшей и выгодной формой землепользования, при данных условиях, было бы крупные коллективные формы. Но для нашего северо-запада, где усилилась община чрезвычайно, где переделы общины прекратились, для нашего северо-запада, где при настоящих условиях происходит развитие единоличной формы, там, следовательно, эта единолич-

ная форма в данный момент является сейчас жизненной, поскольку само крестьянство массами переходит и идет на эту единоличную форму. Наконец, для средней полосы России, один из выступавших товарищей, говорил о том, что здесь расселение крупных селений на более мелкие поселения является одним из выходов, который может сейчас дать под'ем производительных сил земледелия. Но тов. Осинский все же указал и в нашей резолюции это подчеркивается, что наиболее лучшей, выгодной формой земледелия мы по-прежнему считаем крупные кооперативные с.-х. формы, куда относятся коммуны и артели. При чем мы считаем, что сельскохозяйственные товарищества должны быть той формой, которая является для нас наиболее выгодной и которую мы будем рекомендовать крестьянам. Зародышем этой формы являются те мелкокооперативные сельскохозяйственные товарищества, которые теперь начинают возникать. За неимением времени, я не могу ответить на вопрос об аренде, о нормах, о мелиорации, о колонизационной политике и вынужден буду только закончить свою мысль по вопросу о землепользовании.

Товарищи, задают массу вопросов в связи с свободой землепользования, относительно переделов и норм, которые при этом должны быть. Закон от 30 мая прошлого года установил 3-летний срок, при чем переделы допускаются лишь в том случае, если крестьяне переходят к более интенсивным формам сел. хоз. Контроль за этим принадлежит земорганам. В этой части нужно будет подтвердить это решение и распространить на всех крестьян.

Вопрос о наследственности земли. Мы полагаем, что именно этот вопрос должен быть разрешен так, чтобы такая передача под контролем государственных органов была допущена. Чтобы у данного крестьянина были побудительные причины к улучшению своей земли, право на землю должно быть устойчивым. Чтобы каждый крестьянин мог передать свою землю по наследству (Звонок председателя). В виду того, что срок истек, я не могу коснуться целого ряда вопросов.

Председатель. Заключительное слово предоставляется тов. Тулайкову.

Тулайков. Мое заключительное слово, т.т., будет очень кратко. На некоторые вопросы, которые ко мне были обращены, можно ответить, что я не имел никакой возможности развить подробно те мероприятия, которые нужно было осуществить по отношению к Чувашской области и по отношению к другим северным губерниям, пострадавшим от неурожая. Я считаю, что это не агрономический с'езд. Что же касается других вопросов, то они были, вероятно, заданы в силу некоторой путанности моего изложения. Я говорил о старых границах, поэтому здесь представитель Царицынской губ. меня спросил, как мы думаем поступить с Царицынской губ. Она входит в ту область, о которой я говорил, и к ней относится все то, что относится к Саратовской и Самарской губерниям. Позвольте мне сказать, что то пожелание, которое было высказано т. Лениным на прошлом 8-м Всероссийском С'езде Советов, чтобы отсюда начали говорить агрономы и специалисты осуществилось. Это впервые выпало на мою долю и я очень рад и горжусь этим. (Аплодисменты). Позвольте мне сказать вам, что с этого момента, когда мы выслушали здесь речь председателя Совета Народных Комиссаров Украины т. Раковского, который выступал здесь как агроном, может быть с этого момента начнется перелом в нашей работе по агрономии. Я буду считать себя счастливым, если в этом есть

доля моего участия и что я здесь что-нибудь сделал. С этой мыслью я с полным удовлетворением схожу с этой кафедры. (Аплодисменты).

Председатель. Товарищи, я получил записку, которая гласит, что количество делегатов, заседающих здесь, значительно уменьшилось и жлательно, чтобы заключительное слово т. Осинского было выслушано всеми. Поэтому внесено предложение заключительное слово т. Осинского отложить до следующего дня. Ставлю это предложение на голосование. (Баллотировка. Принято).

Председатель. Слово для предложения имеет т. Ярославский.

Ярославский. Товарищи, нам необходимо сдать эту резолюцию в земельную комиссию. Мы наметили в эту комиссию еще ряд товарищей беспартийных. В виду того, что часть делегатов просила, чтобы этих беспартийных наметили на собрании, то Президиум против этого не возражает, пусть беспартийные наметят товарищей и мы их тогда включим.

Председатель. Разрешите проголосовать предложение т. Ярославского. (Баллотировка). Предложение т. Ярославского принято. Объявляю заседание закрытым.

П О П Р А В К И.

В речи т. Богданова (стенографический отчет № 2) нужно сделать следующие исправления и дополнения.

1) На стр. 49, 14 строка сверху, нужно читать: не 157 милл. п. добычи, а 175 милл. п.

2) На стр. 50, 23 строка сверху напечатано: Заготовлено до 1 июля 11.500.000 куб. саж. Нужно добавить: из них дров 9.132.000 куб. саж. Напечатано: вывезено 10.200.000 куб. саж. Нужно добавить из них дров: 8.430.000 куб. саж.

3) На стр. 51, 24 строка снизу. Напечатано: на промышленность мы надемся дать топлива примерно в 2½—3 раза больше, чем в 1921 г. Нужно читать: в 1½ раза больше, чем в 1921 г.

4) На стр. 56, 17 стр. снизу. Напечатано: 2½ раза. Надо читать: в 1½ раза.

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 4.

26 Декабря 1921 года.

№ 4.

Заседание шестое.

(Утреннее).

Председательствует т. Калинин.

Председатель. Товарищи, прошу занять места. Объявляю заседание С'езда открытым. Слово для внеочередного заявления имеет т. Рудзутак.

Рудзутак. Товарищи, вчера на Красной Пресне состоялось общее собрание всех рабочих Красной Пресни в память погибших во время декабрьского восстания 1905 г. Красно-Пресненские рабочие шлют 9-му С'езду Советов следующее приветствие: «Рабочие, работницы и красноармейцы Красной Пресни, собравшись в числе 4.000 человек на митинг для чествования героев декабрьского восстания, шлют свой пламенный привет 9-му С'езду Советов и заявляют о своей полной готовности отдать все свои силы на защиту Советской Республики от врагов внутри и извне и на укрепление хозяйственной основы страны, на упрочение тесного и неразрывного союза пролетариата с крестьянством.

Да здравствует наша Красная Советская Республика!

Да здравствует 9-й С'езд Советов!».

(Аплодисменты. **Голоса с мест:** послать ответ).

Председатель. Есть предложение поручить Президиуму составить ответ. (**Голоса:** просим. Аплодисменты). Приступаем к очередным занятиям. Заключительное слово имеет т. Осинский. (Аплодисменты).

Осинский. Что касается земельного вопроса, то, согласно вынесенному вчера постановлению, ответ на поданные записки будет дан в печати мною и т. Месяцевым. Я остановлюсь на остальных вопросах, здесь заданных, и постараюсь ответить на огромное количество записок, мною полученных и за-

трагивающих целый ряд интересных сторон. Но прежде всего я хотел бы сделать небольшое заявление по вопросу о расхождении цифр, данных мною об озимом клне в 1921 г. осенью, и тех, которые были опубликованы вчера в «Известиях», для того, чтобы это не вводило товарищей в смущение. Цифры, помещенные в «Известиях» и расходящиеся с моими, суть данные Центрального Статистического Управления, а данные, сообщенные мною, это—данные наших земотделов. В общем и целом, эти данные более или менее совпадают и рисуют одну и ту же картину. Только данные наших Земотделов более ярко показывают тенденции, которые обнаруживает движение озимого клна. У Статистического Управления эти цифры более сглажены и, в частности, по приросту площади к потребляющим губерниям они показаны более низкими. Вообще данные Центр. Статистическ. Управления обладают свойствами всегда понижать цифры посевной площади, так как, надо сказать, крестьяне, считая, что эти данные будут положены в основу всяких налоговых обложений, сознательно дают цифры значительно меньше действительности, как это можно подробно проверить более точно в наших центральных губерниях. Там данные Центр. Статист. Управления и наши постановлены более рационально и имеется больше сведений, которые позволяют, сопоставляя между собою эти данные, обнаружить, что данные ЦСУ понижены.

Теперь я перехожу к рассмотрению отдельных вопросов, которые мне были заданы. Прежде всего поставлен один интересный принципиальный вопрос такого свойства: «почему вы не проводили нормальной земельной политики раньше? Ведь благодаря старой политике мы приблизили хозяйственный крах, в то время, как при нормальной политике мы могли бы сохранить то, что мы потеряли. Что это наша ошибка или здесь другие причины, кроме гражданской войны, капиталистического окружения и т. д.?». Я должен сказать, что если мы теперь к новой земельной политике перейдем в том направлении, которое нами намечено, то, несомненно, здесь никакой ошибки нет: вернее, ошибки и раньше в нашей постановке вопроса не было, потому что наша прежняя земельная политика совершенно сходилась с общей политикой, и относительно нее надо еще обсудить, ошибочна она или не ошибочна. Но это—вопрос другой. Я считаю, что общая наша политика ошибочной не была, а соответствовала духу и потребностям того времени. Точно так же и наша земельная политика раньше точно соответствовала общей проводившейся нами политике. Если мы тогда не давали простора индивидуальным формам землепользования, то это совершенно сходилась с нашей общей политикой, которая вообще не давала простора индивидуальному хозяйственному почину. Совершенно ясно, что когда мы сделали общий переход на то, чтобы дать простор индивидуальному хозяйственному почину, то мы и в земельной нашей политике сделали соответствующий переход. Таким образом, то, что раньше делалось в земельной политике, вполне соответствовало общему курсу нашей работы, и никакой ошибки не составляло в том смысле, что не отклонялось от общей политики Советской власти. Теперь же изменены соответственно отношения и в области землепользования.

По вопросу о земельной политике, по которому я не обещал говорить, я хочу затронуть только два принципиальных вопроса. Здесь в записке задается

вопрос не хотим мы ли мы нашей постановкой вопроса о нейтралитете обязать себе к полной активности в вопросах землеустройства, к пассивности, во-первых, в том смысле, что мы вообще крестьянству не указываем никакой формы землепользования со своей стороны,—это раз, и, во-вторых, со скрепченными руками предоставляем крестьянам самим делить землю, как они хотят. Ни того, ни другого, товарищи, нет. Мы проявляем нейтралитет только в смысле отсутствия административного вмешательства, насильственного принуждения к чему бы то ни было. Но, как тут уже отмечал один товарищ, мы будем вести пропаганду и усиленную пропаганду за то, чтобы землепользование организовывалось на началах сельских кооперативных товариществ, как наиболее рациональной формы землепользования для мелкого крестьянского хозяйства. Это мы будем делать только посредством пропаганды, а отнюдь не путем какого-нибудь насильственного нажима. Это—с одной стороны. С другой, мы не так будем смотреть на дело, что предоставим крестьянам делиться, как они хотят. Мы должны им представить всемерную помощь, чтобы землепользование поставить на рациональных началах а для этого мы должны двинуть нашу армию землеустроителей. Но в связи с тем сужением бюджета, которое сейчас имеется у Комиссариата Земледелия, он реально не может в сколько-нибудь значительной степени вмешаться в деление земли, потому что, согласно бюджета и согласно других постановлений Наркомфина внутреннее обслуживание по землеустройству перенесено на местные крестьянские средства. Крестьяне для этого сами должны нанимать землемеров на началах вольного найма. Это лишает, конечно, государство возможности, вмешиваться активно в процесс общинного землеустройства в пределах самой общины. Я считаю это глубоко неправильным, но это объясняется тем сужением средств, которое мы переживаем при выработке того культурного бюджета, о котором будет докладывать т. Крестинский.

Далее поставлен вопрос, как обстоит дело с прокатными пунктами. Я должен сказать, что в виду того же сужения бюджета с прокатными пунктами дело будет обстоит скверно; на них средств нет, дальше их развивать не придется и остается лишь поддерживать существующие, и то с грехом пополам.

Далее имеется у меня целый ряд записок, которые можно сгруппировать по пунктам. Прежде всего имеется целая масса записок по вопросу о семенах. Высказывается беспокойство по поводу того, будут ли эти семена доставлены, будут ли они отпущены и т. д. Авторы многих записок протестуют против того, что, очевидно, здесь, в центре, боятся заранее отправлять эти семена в голодные губернии, чтобы они не были там съедены. И авторы записок, делегаты различных губерний, заявляют, что они дают полную гарантию, что эти семена съедены не будут; а доставить их надо заблаговременно, ибо при том сокращении количества рабочих лошадей, которое сейчас происходит, если не доставить семена вовремя, то позднее их привезти уже не сумеют—будет не на чем. Я вполне согласен с мнением авторов этих записок. В этом пункте у нас, между прочим, имеются разногласия с Комиссариатом Продовольствия. Наркомпрод высказывает усиленные опасения насчет этих семян. Наркомзем же настаивает на том, чтобы семена грузились

и отправлялись как можно скорее, ибо уже пример осенней посевной кампании показал, что крестьянство, в полном смысле слова, героически выдерживает свою производственную позицию и не расходует этих семян на потребление. Оно бросает их в землю целиком. Нужно объявить в голодающих губерниях семенную диктатуру, чтобы присланные семена находились под строжайшим контролем, и, чтобы они были целиком употреблены на посев. В части, касающейся семян, я отвечаю, что мое личное мнение совпадает целиком с мнением представителей с мест.

Что касается другого вопроса, заданного по поводу семян, а именно, насколько мы действительно обеспечены семенами для голодающих губерний, то я могу сказать следующее: потребность в семенах на Поволжье и вообще, в голодающих губерниях составляет 33 милл. пуд. по минимальному расчету. Я глубоко убежден, что эта цифра недостаточна. Нами потребность в семенах определена в 45 милл. пуд., а отпущено всего 25 милл. пуд., т.-е., по минимальному расчету, $\frac{3}{4}$. Но семена не перевозятся. В этом вопросе происходит сильнейшее промедление, которое объясняется в значительной степени, с одной стороны, опасениями, о которых я только что говорил, а с другой — скудностью ресурсов. Но Съезд должен постановить, и мы добьемся этого во что бы то ни стало, чтобы 25 милл. пуд. были перевезены. Что касается добавления к этой сумме, то оно возможно из тех 30 милл. пуд., которые будут заготовлены в Америке и посланы сюда. В резолюции, которую я предлагаю, сказано, чтобы из этого запаса было еще выделено дополнительное количество семян. Я считаю, что из 30 милл. пуд. хлеба, которые будут таким образом получены, нужно выделить 20 милл. на продовольствие и 10 милл. пудов на семена. Из них половину нужно взять кукурузными семенами. Это — ответ на несколько записок по вопросу о том, будут ли кукурузные семена. Кукурузные семена могут быть только из Америки, и так как она их посылает, то, следовательно, они могут быть скоро получены. Будут ли они своевременно доставлены? Это зависит не только от нас, но и от американцев. Я думаю, что они все-таки поспеют. Я считаю, что из 10 милл. пуд., которые следовало бы выделить на семена, нужно ровно половину выделить на кукурузу. Тогда мы усилим ее посев и можно будет покрыть семенами кукурузы огромную площадь.

Мне задан следующий вопрос в трех записках: почему я ничего не сказал о борьбе с вредителями, в то время, как это составляет вопрос колоссальной важности для Приволжских губерний, так как заражения саранчей обнаружены во всех волостях и это, вообще, является грознейшим вопросом. Я, товарищи, не о всем говорил в своем докладе и не все поместил в резолюцию, которая вам предложена. Но, если вы посмотрите подробно нашу работу в сельско-хозяйственной кампании, отчет о который будет вам роздан, то вы увидите, что там об этом определенно говорится, и борьба с вредителями занимает у нас почетное место. Но весь вопрос в том — будут ли средства? В прошлом году вместо, примерно, закупок на 3 милл. золотых рублей был отпущен только 1 милл. И эти средства вместо февраля прибыли в апреле и на места своевременно не попали. Но пришедшие в прошлом году средства могут быть использованы теперь. Новая заявка была сделана нами на 3.900.000 золотых руб. Заявка эта сделана очень давно, но в одной ли-

станции эту заявку вычеркнули, несмотря на наши категорические протесты. Эта заявка при содействии Госплана сейчас восстановлена и мы надеемся, что в ближайшее время мы сумеем начать покупать средства по борьбе с вредителями, хотя полной гарантии на этот счет у нас не имеется.

Затем мне подан целый ряд записок относительно посеvкомов. Вчера несколько товарищей ставили этот вопрос, в том числе и т. Лисицын, который особенно настроен против посеvкомов и селькомов—этого особо зловредного изобретения т. Осипского. Выступал он и на земельном съезде и потерпел там провал. Относительно посеvкомов мне подали следующие записки: «Будут ли сохранены эти отжившие учреждения?», «Будут ли сохранены эти устарелые учреждения?» и т. д., все в этом же духе, при чем очень характерна одна записка: «Скажите об этих безжизненных учреждениях», так начинается записка, а кончается: «скажите, как с крестьянским льноводством?». На основании этой записки я сразу узнал, что дело, очевидно, идет о Псковской губернии, где посеvкомы были безжизненными, но безжизненными они были потому, что товарищи, очень слабо поставили это дело. Наркомзем весной и в целом ряде губерний встретил определенной сопротивление по этому вопросу. НКЗ, напр., пишет несколько писем и посылает телеграммы о том, что есть постановление ВЦИК о посеvкомах. Ему отвечают: «У нас есть Губэкономсовещание, посеvкомов устраивать не будем». Между тем время идет, кампания не развертывается, и в конце концов получается то, что в Псковской губернии посеvкомы были нежизненны, потому что губерния не хотела организовать их с самого начала.

Прежде всего, товарищи, нужно отмежеваться от предрассудков. Одни предрассудки идут из крестьянской среды. Крестьяне с самого начала перепугались посеvкомов и взяли их в некоторых губерниях сразу под подозрение. Одни считали, что при помощи посеvкомов их хотят насильно загнать в коммуны; другие боялись, что посеvкомы будут являться органами сбора зерна; наконец, третьи думали, что это—вновь возрождающиеся комитеты бедноты. При содействии эсеров пущены были и другие слухи, в результате чего в некоторых губерниях кампания срывалась. Все это, несомненно, отразилось на психологии наших советских работников. Если мы подведем совершенно объективный итог тому, что сделано посеvкомами, то должны будем определенно сказать: несомненно, именно, эти учреждения и создали то, что наши земорганы сейчас все-таки поднялись, хотя с ними—об этом я буду потом говорить—и обращаются на местах чорт знает как. А все-таки, благодаря посеvкомам, посевная кампания улучшилась и произошло усиление аппаратов земорганов. Прежде всего, когда я об'езжал губернии Центральной России весной этого года, то сам убедился, что деятельность посеvкомов выразилась во всяком случае в том, что они потрясли там всю публику, собрали по 4—5 крестьянских конференций по разным вопросам сельского хозяйства, повели широкую устную агитацию и заставили всех втянуться в эту работу. Так, что там, где отнеслись серьезно к вопросу посевной кампании, посеvкомы оказались средством подходящим; а где вообще к вопросу отнеслись несерьезно, там были, конечно, безжизненные посеvкомы. Это ясно.

Что мы еще должны сказать относительно посеvкомов? Мы должны сказать, что они, несомненно, были учреждением, которое было задумано слиш-

ком узко. Наши посевкомы заготавливали семена, но почему там сидел, между прочим, продкомиссар? Состав был такой: председатель Исполкома, плюс уполномоченный, заведующий земотделом, продкомиссар и крестьянин. Этот состав совершенно не годился для развития обширной сельско-хозяйственной кампании. При таком составе выходит, что в посевкоме из всех сельско-хозяйств. отделов присутствует один заведующий земотделом, и рядом с ним продкомиссар на равных правах. Между тем, должно быть совершенно не так. Надо иначе составить этот орган, если мы хотим развить обширную сельско-хозяйственную кампанию. Состав посевкома был узкий и односторонний. Поэтому, лишь только вопрос развернулся шире, к осени, например, состав посевкома оказался совершенно неподходящим. И, несомненно, поэтому посевкомы отжили свой век.

Теперь второй вопрос: нужно ли, уничтоживши посевкомы, совершенно уничтожить всякие ударные органы для руководства сел.-хоз. кампанией? Здесь выступал тов. Лисицын, заведующий Московским земотделом, человек, который свое ведомство очень любит и которому не хочется никаких опекунов и покровителей. Вы дайте ему самому заниматься земельной работой в Московской губ., он против всяких сельско-хозяйственных комитетов. Пускай будут крестьянские селькомы, пускай будут эти сельско-хозяйственные советы, для обширного обсуждения вопросов, а проводить все в жизнь будет сам тов. Лисицын со своими земотдельщиками. Я, напр., не считаю себя настолько сильным, чтобы отказаться от поддержки со стороны. Когда меня спросят, а что, тов. Осинский, вам предпочтительнее: удовлетворить ли свое самолюбие и не иметь над собой никакой палочки, или как следует развернуть работу и втянуть в нее всех, то я скажу: мне гораздо предпочтительнее последнее, а для того, чтобы это сделать, не достаточно только укрепить земорганы. Сколько вы ни строите земорганы, это не будет сделано, если одновременно не будет дана организационная форма, посредством которой вы создадите соответствующее положение, если не будет создана временная организация, которая будет осуществлять наиболее необходимые нужды мест в вопросах сельского хозяйства. Если вы будете писать резолюции, а разрешением вопросов заниматься никто не будет, то вы не создадите организационной основы для ваших прекрасных резолюций. Только таким образом мы можем эти органы усилить и привлечь к этому делу всех вообще в лице самых ответственных товарищей, допустим — представителей исполкомов. Вот почему я считаю, что нам отнюдь нельзя отказываться от ударного междуведомственного органа. Кто против них выступает, тот руководствуется либо ведомственным самолюбием, либо ленью по отношению к вопросам сельского хозяйства. Нам такие ударные органы нужны в нормальном порядке. Я не опасаясь того, что мы в эту кампанию будем продолжать вносить «путаницу». Если вы сумеете правильно построить эти органы, если по настоящему эти органы создадутся, тогда мы будем говорить, что мы можем работу делать. Когда же работа войдет в нормальное русло, когда мы перейдем к нормальной агрономической агрикультурной работе, тогда эти органы не будут нужны.

Когда надо бороться с засухой, распространять простейшие мероприятия среди крестьян, когда мы хотим вести кампанию, то надо иметь органы для

проведения этой кампании. Органом кампании ведомство быть не может, им должен быть общественный орган, объединяющий разных лиц, и поэтому сельско-хозяйственные комитеты необходимы. В каком виде они необходимы? Я считаю, что они необходимы только в губерниях и уездах. Мы в прошлом году устроили волостные посевокомы. Они не нужны в новом виде, когда мы говорим о сельско-хозяйственных комитетах. Это—во-первых, во-вторых, что касается селькомов, то, ясное дело, селькомы надо сохранить, перензобрать, перестроить, чтобы в будущем, когда будут построены сельско-хозяйственные комитеты, они могли опереться на них, как на детальную, более подходящую к крестьянской среде организацию. Как не надо провести преобразования и что надо сделать в смысле состава сельско-хозяйственных комитетов, как ударных органов? Их надо построить таким образом. Во-первых, надо ввести туда председателей Исполкома, чтобы он там был и нес ответственность за сельско-хозяйственную кампанию; во-вторых, нужно ввести туда лиц из земельного отдела, скажем, заведующего земотделом, и посадить туда еще крестьян. Из земельного отдела надо ввести еще заведующего землеустройством и двух крестьян; эта пятерка должна обязательно быть в этом руководящем органе. Если этот орган несколько расширить, то можно туда добавить председателя Совнархоза, чтобы заставить его заготовлять удобрения, развивать машиностроение и тому подобное, а также председателя или заведующего политпросветом, чтобы проводить агрономическую пропаганду. Такой орган из 7 человек будет боевым руководящим органом кампании, без которого никакая—запомните товарищи,—кампания не может проводиться. Для проведения кампании у нас всегда назначаются тройки, пятерки и т. д. Всякий, кто против этого возражает, возражает против самой кампании. Такой сельско-хозяйственный комитет нужен, как ударный орган—наши журналисты, взявшиеся за этот вопрос, назвали его «реввоенсоветом земледелия». Такой ударный орган необходим в губерниях и уездах. В волостях же надобности в нем нет, потому что волостные Исполкомы или волостные экономсоветы заняты все равно на три четверти вопросами сельского хозяйства. В селениях должны быть селькомы, которые надо превратить в экономические деревенские совещания, упразднив все остальные органы деревенские, кроме сельсоветов. Я считаю, что в каждой деревне может существовать 2 органа—сельсовет и сельком, как деревенский экономический совет. Сельком девять десятых своего времени будет отдавать вопросам сельского хозяйства.

Вот исчерпывающий ответ на вопрос, заданный по этому поводу. Я не вставлял в свою резолюцию этого вопроса, потому что для данного момента организационные вопросы в сельском хозяйстве я не считаю главными. Сейчас гораздо важнее содержание нашей работы, а не организационная ее сторона.

Мне также задан целый ряд вопросов такого свойства: как удержать общую линию социализма в землепользовании, если никаких насильственных мер быть не должно? Затем вопрос—что вы думаете о колхозах, каково ваше мнение относительно коллективов при новой экономической обстановке и т. д.? На первый вопрос—можно ли удержать общую линию социализма в землепользовании, если никаких насильственных мер быть не должно,—я отвечаю: а как вы коммуны или артели—насильственно разве насаждали? Что по этому вопросу постановила партия? Она сказала, что социализма в деревне насильственными мерами не введешь, а можно это сделать путем длительной и на-

стойчивой пропаганды. Точно так же и формы землепользования насильственными мерами не введете, а только путем пропаганды.

Относительно коллективов я должен сказать, что я считал, что товарищи газеты читают, там я и мои со товарищи по Комиссариату Земледелия неоднократно высказывались по поводу коллективов. И так как на Всероссийском Съезде я занимался преимущественно вопросами сельского хозяйства в целом, то мало обращал внимания на коллективы и колхозы. Наша точка зрения всем известна: коллективы при новой экономической политике примут внешнюю оболочку кооперативов, потому что они будут прежде всего сняты с государственного снабжения. Наши предприятия тоже снимаются с него. Это не значит, что им не будет оказываться никакой помощи. Она будет попрежнему оказываться, не только на ссудных началах. Коллективы же, принимая кооперативную оболочку, могут сбывать свой продукт в рабочие потребительские общества. В кооперативной среде коллективы будут кооперативами самой сложной и высокой структуры, которые мы будем особенно поддерживать в русле кооперативного движения, как настоящий подход к социализму, как такую ячейку, которая, если когда-нибудь мы от товарного распределения перейдем к организованному распределению и снимем товарную оболочку с кооперативов, сейчас же опять станет коллективной основной ячейкой социализма в деревне.

Совершенно ясно, что мы должны поддерживать эти ячейки в первую очередь, на них должны опираться в нашей работе в кооперативном движении, всячески поощрять и выдвигать вперед путем экономических мер. В этом отношении абсолютно никакой перемены в нашей точке зрения нет. Эти коллективы в новой оболочке не распадутся, так как они обладают полной жизнеспособностью в новой обстановке. Это доказывает пример буржуазных стран, где, как, напр., в Италии, есть нечто совершенно аналогичное нашим коллективам—коллективная аренда. Эти формы кооперации, приближающиеся к коллективизму, мы должны всячески поддерживать, поощрять, и в период мелко-буржуазного развития, который пред нами стоит, мы должны стремиться, чтобы эти формы больше распространялись. Однако, это крестьянской массе трудно, она вместить этого еще не может. Поэтому в нашей кооперативной пропаганде мы должны подходить с точки зрения более простых форм кооперации. Но к бедоте мы попрежнему будем подходить с предложением объединиться в производственные артели и в соответствующие кооперативы. В этом отношении наша постановка вопроса совершенно не меняется.

Затем есть целый ряд записок, которые спрашивают относительно совхозов:—«что вы предполагаете делать с совхозами» и т. д. Я должен сказать, что мы предполагаем делать то самое, что делаем сейчас и о чем писалось 10 раз. Мы на совхозы смотрим, как на основные узлы государственного регулирования крестьянского хозяйства. Совхозы нам придется сократить в числе при переходе на хозяйственный расчет. А что мы сделаем с той частью, которая будет сокращена, я сейчас скажу. Для нас совхозы должны стать теми узлами, которые, во-первых, усиливают вокруг себя крестьянское производство, снабжая лучшими семенами, племенным материалом, показывая, как надо вести хозяйство наиболее образцово. Они должны завязать целый ряд связей с окружающим крестьянством. Сократив число совхозов, мы тем самым концентрируем внимание на меньшем количестве и будем добиваться, чтобы совхозы стали таким центром, который будет постепенно распространять улучшенные

формы хозяйства. Мы сделаем эти совхозы опорными пунктами, из которых в деревню будет течь общественно-организующая струя коллективизма. Они представят собой те стратегические высоты в сельском хозяйстве, о которых говорилось на партийной конференции. Вот совершенно ясная постановка вопроса относительно совхозов. Что касается сокращения их числа, то этот вопрос также уже разрешен, между прочим, и резолюцией нашего земельного съезда. Поскольку число их сокращается, мы должны в первую очередь те, которые снимаются с попечения земотделов, передавать фабрикам, заводам и государственным учреждениям, всемерно поощряя пролетарское земледелие, на котором я тоже подробно остановлюсь. После этого в первую очередь мы должны славить совхозы кооперативным потребителям или с.-х. кооперациям, если это не проходит, то мы можем сдать кооперативным артелям крестьян, и, поскольку никто не берет эти участки, можно сдать их, наконец, в земельный запас. Вот как обстоит вопрос с совхозами.

Теперь относительно приписных совхозов. Если я не упоминал об этих совхозах, то исключительно вследствие нелепого положения, что приписные совхозы, пролетарское земледелие—не относятся к ведомству земледелия, они состоят в ВСНХ, который постоянно раздумывает ликвидировать или не ликвидировать их и орган их Главземхоз. В то же время этот Главземхоз упорно не желает переходить под руку НКЗема. Тов. Сосновский, интересующийся вопросом пролетарского земледелия и вообще сельского хозяйства, высказывающий в этих вопросах много правильных взглядов, поддерживает это совершенно неправильное стремление Главземхоза оставаться под крылышком ВСНХ, так как приписные совхозы находятся в совершенно другом месте и определенно не подчиняются Наркомзему, то Наркомзем не знает, что там делается, и когда Наркомзем пишет свои тезисы, то, не имея материалов по этому вопросу, он не может поэтому поводу делать предложения, он может только оказывать всяческое содействие, что он и делает. Я лично вполне поддерживаю мысль о пролетарском земледелии, но должен вам заметить, что мы очень мало в курсе этого дела, потому что агрономическая работа вообще разобрана по разным ведомствам, ею занимается Главснабпродарм, имеет специальный агрономический орган и Наркомпусть, ею занимается ВСНХ, имеющий Главземхоз—словом, всякий, кому не лень, растаскивает себе эту работу, вследствие слабости Наркомзема. По этой причине пролетарское земледелие от Наркомата Земледелия удалено, что я считаю в высшей степени вредным, ибо нужно, чтобы Наркомзем, стал, с одной стороны, организацией, тесно связанной с крестьянской массой, и, с другой стороны, необходимо, чтобы в Наркомзем так или иначе были привлечены промышленные рабочие и, таким образом, создан реальный блок рабочего и крестьянского элемента.

Далее мне задан целый ряд вопросов: почему я не касался многопольных севооборотов, почему не касался вопроса о поднятии специальных культур и т. д. Я должен сказать, что я этого касался и это в резолюции есть. Если товарищи не могут признать в поощрении травосеяния системы введения 4-польного севооборота с травосеянием, это их дело.

Затем есть вопросы: почему я не говорил о садоводстве, о виноградарстве, о лесах и т. д. Товарищи, невозможно обо всем решительно говорить в течение одного часа времени, и не в этом суть дела. Это вопросы весьма важные, но не те коренные вопросы, которые следует поставить на Съезде Советов. Что

касается вопроса о лесах, то этот вопрос, которому можно посвятить специальное заседание, а заниматься им попутно нет никакой возможности, точно так же, как нет возможности заниматься отдельными специальными вопросами.

Целый ряд записок поступает относительно трудналога, продналога и т. д. Я должен сказать, что я по этим вопросам не отвечаю. Наше ведомство земледелия не может оказывать прямого влияния на все эти вопросы. Оно только дает свои отзывы, когда ему представляются соответствующие проекты, но прямого касательства к этому оно не имеет.

Я хотел также высказаться по поводу выступления отдельных ораторов. Тов. Буденый обратил внимание на необходимость поддержки красноармейцев, которые в настоящее время вернулись домой. Я должен сказать, что совершенно поддерживаю точку зрения т. Буденого, она имеется в резолюции Всероссийской Конференции РКМ и там явственно выражена. Она имеется и у нас, так как маломощные крестьяне, о которых там говорится, это в первую очередь наши защитники, наши друзья красноармейцы, на которых специально и безусловно нам надо обратить первейшее внимание. Я всемерно поддерживаю и приветствую введение в этом отношении более ясных поправок в резолюцию, чтобы наши защитники красноармейцы, вернувшись назад после героической борьбы, были уверены в том, что они не будут разорены и подняты под себя кулаком.

Председатель. Товарищи, ко мне поступает огромное количество записок о том, чтобы придерживаться регламента. Я думаю, товарищи не будут возражать против того, чтобы дать т. Осинскому закончить полностью свои объяснения? Голосую. Кто за то, чтобы т. Осинскому продолжить время для заключительного слова? Большинство. Прошу закончить.

(Голоса: Время ограничить надо).

Осинский. Сейчас кончу. Я хотел ответить только т. Чижову. Тов. Чижов заявил, что Осинский насулил очень много, а что, мол, из этого выйдет? Это совершенно неправильно. Во-первых, я ничего не сулил. Я заявлял о том, что необходимо, а что из этого выйдет, сказать трудно. Крестьянин Куликов, беспартийный, выступал с высшей степени дельными соображениями и предложениями относительно того, что на местах происходит настоящая перетасовка заведующих земотделами и всего их состава. Тов. Куликов говорит о необходимости более усиленной централизации. Я полагаю, что этот вопрос можно решить не централизацией, а постановлением Съезда о восприимчивости смены заведующих отделов чаще, чем в определенный срок, чаще, скажем, чем в шесть месяцев и чехарда тем самым прекратится. У нас были случаи, когда сменялось за год 16 заведующих и это во многих местах.

Я здесь хотел обратить внимание Съезда еще вот на что. В Астраханской губернии исполком перевел заведующего земотделом на подработку с такой мотивировкой, что пора т. Медведева перевести на более ответственную работу. Точно так же мы имеем случаи перевода и на другие работы—на партийную, как, напр., в Самарской, Витебской губ. Это необходимо прекратить и следует это сделать, вынеся соответствующее постановление на Съезде.

Затем я совершенно согласен с т. Петрушкиным, что в резолюции опущен вопрос о лугах и покосах. Этот вопрос надлежит разрешить в том смысле, чтобы прикрепить к обществам луговые участки, а так же поставить вопрос

о луговом фонде. В виду того, что фуражный налог дает возможность обеспечить потребность в сене, в выделении фонда, который создает ералаш каждой весной, не встретится надобности. Я полагаю, что необходимо вставить в резолюцию соответствующий пункт, кратко резюмирующий резолюцию Всероссийского Земельного Съезда.

Что касается заданного тов. Коробковым вопроса о том, как разрешить вопрос о землеустройстве для пригородных хозяйств и не следует ли им выделять пустующие земли, то на это я должен дать положительный ответ— следует. Но если т. Коробков защищая интересы города, хочет перейти в наступление против интересов крестьян, что часто бывает с городом, я с ним не соглашусь. Часто бывает, что города занимают не пустующие земли, а обработанные, и сгоняют земледельца с его участка. Имея в виду, что нам необходимо устойчивое землепользование, это совершенно недопустимо. Что касается пустующих земель, то совершенно ясно, что город в этом отношении надо поддерживать.

В заключение я хочу отметить одно место в речи т. Мора из Немкоммуны, место, где он констатировал случай, когда посылались деньги для такой колоссальной задачи, как на сохранение скота в Немкоммуне, а Наркомфин сделал отметку Губфинотделу, что он может тратить деньги на другие надобности. Я должен сказать, что в данном случае т. Мор открыл только один маленький секретик, а таких случаев было не мало.

В результате я хочу подчеркнуть, что если мы на этом Съезде не доставим всех точек над «и», в смысле конкретных, точных постановлений, гарантирующих права на получение материальных средств земельными органами, если мы этого не сделаем, то дело будет обстоять попрежнему, а нам нужно поставить его так, чтобы дело сельского хозяйства было ограждено от всяких бюрократических инстанций.

Председатель. Товарищи, прения по земельному вопросу считаются оконченными. Пока имеется одна резолюция, розданная делегатам, поэтому, я думаю, оглашать ее нет оснований. Есть ли какие-либо еще резолюции? Таковых нет.

Внесено предложение розданную резолюцию принять за основу. Голосую. Предложение принимается.

Предлагается передавать в комиссию, которая будет редактировать окончательно резолюцию, все материалы, поступившие в письменном виде. Возражений нет? Нет.

Проект резолюции по вопросу о восстановлении сельского хозяйства, принятый за основу и сданный в комиссию Съезда.

I.

Год тому назад Всероссийский Съезд Советов обратил внимание трудящихся на упадок крестьянского земледелия, призвал все органы Советской власти и само крестьянство к усиленной работе по поднятию сельского хозяйства и наметил ряд мероприятий для правильной постановки и усиления этой работы. В тех же целях Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил весной снять ограничения с торговли сельско-хозяйственными продуктами и заменить продовольственную разверстку продовольственным налогом.

Итекший год показал, что меры, принятые VIII Всероссийским Съездом и ВЦИК, оказали должное влияние. Мощная тяга крестьянства к поднятию сельского хозяйства началась уже весной и особенно сильно сказалась осенью расширением озимого клина всюду, где этому не препятствовал неурожай и недостаток семян. Широкое и повсеместное распространение ранней вспашки паров и осенней вспашки под яровые свидетельствуют о том же.

Всероссийский Съезд Советов с удовлетворением отмечает эти благоприятные признаки улучшения, достигнутые усилиями земледельцев и стараниями сельско-хозяйственных органов при участии представителей крестьянства, но в то же время указывает, что неурожай и голод в целом ряде губерний оказались неодолимой преградой для улучшения сельского хозяйства, свели на-нет усилия трудового крестьянства и усугубили упадок и разорение.

Между тем сельское хозяйство составляет основную и важнейшую отрасль народного хозяйства страны. Без поднятия сельского хозяйства невозможно восстановление нашей промышленности, увеличение народного богатства, усиление внутренней и внешней мощи рабоче-крестьянской власти. Разорение сельского хозяйства означает обнищание всей страны, ослабление власти трудящихся.

Не на словах, а на деле поднятие сельского хозяйства должно стать первой задачей всего нашего хозяйственного строительства.

Всероссийский Съезд Советов обязывает все органы Советской власти строго и неуклонно руководствоваться этим основным положением и в целях действительного проведения его в жизнь устанавливает новые мероприятия для скорейшего поднятия крестьянского земледелия и сохранения его в голодающих губерниях.

Признавая, что особенно важным для развития крестьянского хозяйства является создание правильного, устойчивого, приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям пользования землей, неизбежно оставшейся в собственности государства трядящихся, Всероссийский Съезд Советов считает необходимым особое внимание обратить на упорядочение земельных отношений на основе свободного выбора форм землепользования самим крестьянством и всемерного усиления работ по землеустройству.

Принимая во внимание все изложенное, Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет:

1. По земельному вопросу.

1. Подтвердить к неуклонному исполнению и безоговорочному проведению в жизнь всеми органами Советской власти, в особенности органами земельными, постановление 2-го Всероссийского Съезда Советов о праве свободного избрания каждым земельным обществом любой формы землепользования (Декрет 2-го Съезда о земле, раздел: «крестьянский наказ о земле», статья 7-я). Установить, что каждое земельное общество вправе избрать по постановлению большинства его полноправных членов ту или иную форму землепользования: товарищескую, общинную, отрубную, хуторскую или смешанную.

2. В целях обеспечения каждой группе земледельцев права свободного избрания формы землепользования и развития своего хозяйственного почина, предоставить право выхода из общества с землею во время общих переделов любому его члену и любой группе, а вне общих переделов и меньшинству членов общины, обязательный размер коего поручается установить ВЦИК. При этом выделы должны производиться с соблюдением наибольших взаимных удобств по землепользованию, как для выходящих из общества, так и для остающихся в нем, а дела о выделах производятся земорганами в порядке разрешения спорных земельных дел, при участии сторонних добросовестных лиц из среды земледельческого населения, по соображениям законности и хозяйственной целесообразности.

3. Принимая во внимание необходимость обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей и побудить их к наибольшему вложению в нее затрат, в виде удобрений, земельных улучшений и т. п., — подтвердить к точному и неуклонному исполнению постановление 2-й сессии ВЦИК 8-го созыва от 23 марта 1921 г. об обеспечении прочности и устойчивости крестьянского землепользования и об удлинении срока переделов, с тем, что общие переделы после избрания обществом формы землепользования производятся так же лишь по истечении сроков, указанных в данном постановлении ВЦИК, и на условиях, указанных в декрете СНК от 30 апреля 1920 г. и 27 мая 1921 г.

4. В тех же целях поручить ВЦИК всемерно ограничить и точно установить законодательным порядком случаи и порядок лишения пользователей находящейся в их распоряжении земли, а также ограничить и точно установить случаи и порядок изменения размеров, границ, местоположения и состава землепользований.

5. Поручить ВЦИК законодательным порядком разрешить вопрос о допущении временной краткосрочной переуступки согражданам прав на землепользование (аренды) ослабленными трудовыми хозяйствами и об условиях применения наемного труда в крестьянском хозяйстве, исходя исключительно из удовлетворения необходимых бытовых потребностей трудового крестьянского хозяйства, исключив всякую возможность эксплуатации одного хозяина дру-

гим и не допуская никаких отступлений от незыблемой основы земельного законодательства Рабоче-Крестьянской Республики—государственной собственности на землю.

6. Обязать ВЦИК на основе предшествующих статей 2, 3, 4 и 5-й в двухмесячный срок издать соответствующие постановления, предварительная разработка которых и внесение на рассмотрение ВЦИК, возлагается на Народный Комиссариат Земледелия.

7. Поручить Народному Комиссариату Земледелия срочно пересмотреть действующее земельное законодательство на установленных выше началах, в целях полного согласования его с принципами новой экономической политики и приведения его в стройную, ясную, доступную пониманию каждого земледельца систему, с последующим представлением не позднее времени начала весенних полевых работ, на утверждение ВЦИК.

2. Об основных мерах, способствующих поднятию сельского хозяйства.

8. Принимая во внимание, что коренное улучшение крестьянского сельского хозяйства невозможно без затраты значительных денежных и вещественных средств, коими не располагают все хозяева в равном размере, признать необходимым срочное разрешение вопроса об организации долгосрочного сельско-хозяйственного кредита через государственные, кооперативные и смешанные кредитные учреждения и товарищества при широкой поддержке из средств государства и при выделении особых фондов: в) обращаемого на выдачу ссуд малому и среднему трудовому крестьянскому населению в целях ограждения его от хозяйственного разорения и закабаления торговым и ростовщическим капиталом и б) фонда сельско-хоз. мелиораций.

Совету Народных Комиссаров в течение месячного срока поручается рассмотреть и утвердить соответствующие положения и устав центрального банка Государственного долгосрочного кредита, представляемые в Совет Народных Комиссаров, Наркомфином по соглашению с Народным Комиссариатом Земледелия.

9. В целях возможного увеличения средств, обращаемых на восстановление сельского хозяйства и, принимая во внимание недостаток их внутри страны, Совету Народных Комиссаров поручается обратить особое внимание на привлечение таковых из-за границы в форме займов или концессий, для расширения ввоза в страну машин, орудий, семян, искусственных удобрений и широкого распространения механизации и электрофикации сельского хозяйства.

10. В целях вовлечения широких крестьянских масс в работу по распространению улучшенных приемов земледелия и внедрения в крестьянскую среду научных сельско-хозяйственных знаний, ВЦИК, СНК и все органы Советской власти обязуются всемерно развивать и совершенствовать, предоставлением материальных средств и всемерным содействием сельско-хозяйственное опытное дело, как основу агрикультурного воздействия на население, сельско-хозяйственное образование всех типов, как единственный источник

агрономических сил и основу для создания мощной агрономической организации Народного Комиссариата Земледелия, развивать и совершенствовать эту последнюю.

11. В целях усиленного распространения среди крестьянского населения улучшенных материалов производства (семян и племенного скота) Совету Народных Комиссаров поручается: обратить особое внимание на развитие мощной сети государственных и кооперативных семенных и племенных рассадников, в каковые надлежит обратить наибольшее возможное количество советских хозяйств.

12. ВСНХ обязуется всемерно усилить производство сельско-хозяйственных машин и орудий, а также искусственных удобрений внутри страны, а Совету Народных Комиссаров поручается неуклонно следить за исполнением настоящего постановления. ВСНХ, обязуется в течение месячного срока представить СНК план мероприятий по поднятию названных отраслей промышленности и сделать на ближайшей затем сессии ВЦИК доклад о положении названных отраслей промышленности и о мерах, принятых для ее усиленного развития.

ВСНХ поручается разработать и провести в жизнь план подробного обследования месторождений и возможных запасов минеральных удобрений, имеющих по всей территории федерации (фосфориты центральной России, гиперфосфаты правобережной Украины, калиевые соли Бахмутского района и т. п.). Доклад о принятых мерах сделать СНК ВЦИК одновременно с упомянутыми выше докладами.

13. Народный Комиссариат Земледелия обязуется разработать и провести в законодательном порядке все мероприятия, необходимые для охраны и поощрения хозяйств, переходящих к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства (травосеяние, льноводство, промышленное огородничество, улучшенное животноводство и проч.).

14. Принимая во внимание глубокое влияние, оказываемое натуральным налогом и другими видами повинностей на развитие сельского хозяйства и необходимость дальнейшего усовершенствования формы и порядка взимания и приложения таковых, поручить ВЦИК до начала весенних полевых работ собрать накопившейся по этому вопросу опыт и произвести пересмотр существующего законодательства в сторону его упрощения, объединения, сокращения числа мелких налогов и повинностей, возможного облегчения для крестьянства, лежащих на нем государственных повинностей, и упорядочение их взимания и приложения. Представляемые в ВЦИК соответствующими ведомствами проекты должны быть согласованы с Народным Комиссариатом Земледелия.

3. О содействии развитию с. х. кооперации.

15. Принимая во внимание огромное значение развития сельско-хозяйственной кооперации для внутреннего подъема производительных сил крестьянского хозяйства, для сохранения хозяйственной устойчивости маломощных крестьянских хозяйств, для развития крестьянской самодеятельности, для бы-

строго и прочного усвоения крестьянскими массами улучшений, проводимых мерами государственной политики, для облегчения перехода от мелкого хозяйства к крупному товарищескому хозяйству, Всероссийский Съезд Советов обязывает все органы Советской власти и в первую очередь земельные органы, оказывать поддержку строительству деревенской кооперации и самим принять участие в кооперативном строительстве путем массовой подготовки кооперативных инструкторов и рядовых работников в деревенских ячейках, преимущественно из среды старательных маломощных хозяйств, и путем развития обширной кооперативной пропаганды, устной и печатной.

4. О сельско-хозяйственной кампании 1922 года.

16. Всероссийский Съезд Советов предписывает всем органам Советской власти в центре и на местах обратить свое первейшее внимание на широкое и успешное проведение в жизнь сельско-хозяйственной кампании 1922 г., в целях осуществления ее путем общего напряжения всех сил—советских, профессиональных, партийных и кооперативных, на основе «программы первоочередных работ сельско-хозяйственной кампании 1922 года», выработанной Всероссийским Земельным Съездом и утвержденной Государственной Плановой Комиссией. Ответственность за своевременную организацию названной кампании, за мобилизацию и сосредоточение необходимых сил, за обеспечение ее необходимыми средствами, Всероссийский Съезд Советов возлагает на все Исполкомы, начиная с ВЦИК, и персонально на их председателей.

17. Всероссийский Съезд Советов считает необходимым обратить особое внимание на работы: а) по ликвидации сельско-хозяйственной безграмотности и по подготовке инструкторов для сел.-хоз. кампании, б) по подготовке землеустроителей из среды самого крестьянства, в) по массовой пропаганде расширение посева засухоустойчивых растений (кукуруза, просо, сорго, гаолян и т. п.), сеянных трав и технических растений, г) по распространению сел.-хоз. мелиорации, как важной меры борьбы с засухой, д) по расширению семеноводства и развитию производства искусственных удобрений, е) по дальнейшему расширению ранней вспашки паров и вспашки яровых на зябь, ж) по борьбе с болезнями скота, особенно с часоткой, по заготовке древесных кормов, по борьбе с яловостью скота и в особенности, прежде всего, з) по упорядочению земельных отношений и по землеустройству.

II.

О мерах по восстановлению сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях.

Неурожай 1921 года охватил около третьей, и притом наиболее плодородной, части сельско-хозяйственной площади страны, глубоко подорвал крестьянское хозяйство в наиболее мощных производящих районах и тем нанес тяжкий удар всему хозяйству страны. Этот удар может стать непоправимым на долгие годы, если Республика путем напряжения всех своих сил не предпримет самых решительных мер к предотвращению упадка посевной площади в неурожайных губерниях, к спасению рабочего скота, к наилучшему

использованию сократившегося в числе инвентаря, мертвого и живого, к широкому пополнению понесенных крестьянским хозяйством утрат, а также к предотвращению возможных неурожаев в будущем, путем проведения земельных улучшений (мелиораций) и изменения самих способов ведения хозяйства в засушливых местностях.

Признавая эту задачу вопросом совершенно исключительной государственной важностью, возлагая на все органы Советской власти непремennую обязанность отдать ей все свое внимание и силы, Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов постановляет:

1. В целях принятия мер для полного восстановления ущерба, нанесенного крестьянскому хозяйству в голодающих губерниях, поручить Государственной Общеплановой Комиссии при Совете Труда и Оборонь, совместно с Народным Комиссариатом Земледелия, разработать программу мероприятий для восстановления и развития сельского хозяйства этих губерний, в несколько очередей, и выработать сметы необходимых затрат из государственных средств, как безвозвратных, так и возвратных.

2. Поручить Совету Народных Комиссаров, при наличии благоприятных условий внешней политики, принять все меры к привлечению для выполнения названной программы средств из-за границы на основе займов или концессий.

3. Признавая, что восстановление сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях может начаться только при условии действительного обеспечения их в 1922 году из собственного урожая продовольствием, кормом для скота и запасом семян для расширения посевной площади, обязать Народный Комиссариат Продовольствия без всяких промедлений выделить из внутренних ресурсов и своевременно доставить голодающим губерниям наибольшее возможное количество ярового семенного материала, общей суммой никак не менее 25 миллионов пудов, т. е. трех четвертей потребности для обсеменения ярового клина в размерах 1921 года. Обязать Совет Народных Комиссаров добавить к названной сумме, из других источников (заграничный ввоз), количество, дающее возможность обсеменить пространство не менее яровой площади 1921 года, а использовать произведенную в голодных губерниях вспашку на зябь и пополнить недосев в озимом клину осенью 1921 года. Сверх указанного выше должны быть обеспечены семенные нужды пострадавших от неурожая губерний Украины и Юго-Востока.

4. Обязать Народный Комиссариат Земледелия и его местные органы обратить особое внимание на проведение в жизнь всех мероприятий, способствующих сохранению крестьянского хозяйства в голодающих губерниях: как-то на заготовку корма для скота, на сохранение инвентаря, выдачей ссуд крестьянам, приступающим к его продаже, на распространение рядового сева с целью сбережения семян, на широкую организацию весной крестьянской трудовой взаимопомощи в обработке земли, вплоть до организации общественной запашки, на усиленный и бесплатный ремонт орудий, машин и т. д.

5. Обязать все органы Советской власти всемерно содействовать исполнению предшествующих постановлений, как первоочередных и боевых заданий.

Председатель. Приступаем к следующему пункту порядка дня. Слово для доклада имеет т. Хинчук.

Хинчук. Товарищи, союз города и деревни, союз рабочего и крестьянина, является залогом успеха новой экономической политики. И вот, товарищи, как раз мой доклад о потребительской кооперации даст нам представление о том, что, именно, в этой общине фактически осуществляется союз рабочих и крестьян. Вы, товарищи, знаете, что у нас потребительская кооперация едина. Были моменты уже в эпоху Советской власти, когда в потребительской кооперации господствовали течения, враждебные общей политике Советской власти. Тогда возник вопрос: если в общем нельзя вести единую линию, согласованную с политикой Советской власти, то не настала ли необходимость выделить рабочую кооперацию? Но уже тогда, когда усилиями коммунистической партии в потребительской кооперации была достигнута возможность проведения единого фронта, согласованного со всей политикой Советской власти, уже тогда возник вопрос о том, чтобы снова соединить выделившуюся рабочую кооперацию с обще-гражданской и создать единый фронт потребительской кооперации.

Декретом от 7 апреля на потребительскую кооперацию возложена чрезвычайно важная и серьезная задача: справиться с товарообменом. Когда мы проанализируем, как же потребительская кооперация фактически могла справиться с этой серьезной и чрезвычайно трудной задачей, нам прежде всего необходимо будет знать, что из себя представляла потребительская кооперация до декрета 7 апреля. Я должен сказать, что как раз период 1919—20 г.г. был чрезвычайно неблагоприятным для развития потребительской кооперации. И главным образом, для развития той стороны ее работы, которая для нас с изданием декрета от 7 апреля является особенно важной—для заготовительной деятельности потребительской кооперации. Уже на другой день после издания декрета от 7 апреля кооперация считала необходимым самым энергичным образом приняться за приноровление разбухшего аппарата к новым условиям работы. Я работаю в потребительской кооперации уже очень давно и скажу, что мне никогда не приходилось наблюдать такого величайшего подъема энергии со стороны работников кооперации, какой мне приходилось наблюдать как раз на сессии совета уполномоченных Центросоюза, которая была созвана к моменту издания декрета от 7 апреля. Были не только приняты соответствующие постановления для правильного развития кооперативной работы, но приехавшие с мест работники, в качестве членов совета уполномоченных, заявили, что мы не раз'едемся по местам, пока не убедимся, что здесь в центре все обстоит благополучно, в смысле кооперативного аппарата, до тех пор, пока в центре не будет создан работоспособный аппарат.

Именно усилиями этих членов совета уполномоченных Центросоюза было достигнуто создание прочного аппарата в центре. Кроме того, постановлениями, которые были приняты, была намечена согласованная работа по созданию аппарата на местах. Уже сейчас у нас имеются совершенно определенные, жизнеспособные пункты товарообмена. Последних имеется следующее количество: 9.977 многолавок, 704 райотделения, 1.500 специальных товарообменных пунктов, и заготовительных контор, всего в количестве 12.000. Если мы будем считаться с тем, что это многолавки и если перевести это число на

однолавки, на опорные пункты отпуска и приема товаров, то сейчас мы имеем 25 тысяч таких пунктов. Это, товарищи, самые жизнеспособные пункты, ибо официально имеется гораздо больше, но не все достаточно приспособлены к заготовительной работе. Декретом 7-го апреля установлена роль кооперации в новых экономических условиях. Тут именно впервые было предоставлено потребительской кооперации право заготовки, ибо до декрета от 7-го апреля весь аппарат кооперации был сосредоточен на выполнении распределительных функций. Предполагалось, что потребительская кооперация вступает в работу монопольно, но монопольно не в том смысле, что ей должно быть предоставлено исключительное монопольное право на рынке. Мы, практики кооперации, понимаем, что монополию надо понимать в том смысле, что главными держателями товарных ценностей является кооперация, как единственный аппарат, который может торговать. Как бы плохо потребительская кооперация не могла осуществить эти торговые функции, но надо ясно и определенно сказать, что это единственный аппарат, который может торговать и который может приспособить свою работу к торговой заготовительной деятельности. Правда, мы видели примеры, когда и государственные органы имели возможность торговать, но эти примеры как раз указывают на то, что государственный аппарат торговлей, как таковой, заниматься не может. Укажу на один пример, который имел место, так сказать, на заре нашей товарообменной работы, в то время, когда мы должны были заготовить определенное количество семенного картофеля. В Гомельской, Брянской и Орловской губ. заготовкой картофеля занимался Центросоюз, а в Курской губ.—Наркомпрод в лице Губпродкома.

И вот, товарищи, каковы же результаты этой первой заготовительной кампании? Они показали, что в Брянской, Орловской и Гомельской губерниях кооперация меняла выгодно. Если сопоставить те товары, которые давала кооперация в обмен на картофель, то выйдет, что кооперация покупала дешевле в этих трех губерниях, а Курский Губпродком, наоборот, по товарному эквиваленту, дававшемуся за картофель, покупал его дороже на четыре с половиной и пять тысяч рублей. Этот пример, довольно, показателен для того, чтобы убедить, что торговать, конечно, может лишь тот аппарат, который к этому приспособлен. С другой стороны, это единственный пример непосредственного товарообмена, ибо, кроме этого, фактически товарообмена не было. Здесь, действительно, картофель обменивался или на соль, или на мануфактуру, или еще на придачу спичек, а во всех остальных приемах нашей работы непосредственного товарообмена не было.

Мы уже столкнулись с тем положением, когда надо было говорить либо о комбинированном товарообмене, т.-е. о том, что наряду с тем, что даешь некоторое количество товара, надо еще дать некоторое количество денег, или, что товарообмен должен был превратиться в непосредственную куплю-продажу, т.-е. товары, имеющиеся для получения сельхозпродуктов, должны были быть проданы на деньги, а на эти деньги должно было покупаться продовольствие. Это, товарищи, чрезвычайно важно и в нашей деятельности потребительской кооперации. Это было чревато большими последствиями. Вы все, товарищи, на местах знаете, что мы не только должны были заготовить по заданиям государственных органов известное количество сельхозпродуктов, но мы обязаны были еще и придерживаться тех эквивалентов, которые установлены

были государством. И это в то самое время, когда этот эквивалент был вполне приемлем только для некоторой части продуктов сельского хозяйства, для сырьевых продуктов, для заготовки хлеба. Тут все вы единодушно скажете, что установленные эквиваленты были неприемлемы. Нам давали эквивалент в пропорции 1 : 3. Что это означает? Это означает следующее: если хлеб, в свое время, стоил до войны 80 коп. пуд, а ситец стоил в довоенное время, скажем, 14 копеек, то мы должны были считать хлеб также 80 коп., а ситец в 3 раза больше, т.е. 42 коп. Если в свое время крестьянин получал 6 арш. ситца за этот хлеб, то теперь, когда ситец стоит 3 раза по 14=42 коп., он за 80 коп. может получить только 2 арш.; совершенно естественно, что производить обороты при таких эквивалентах было трудно. Несомненно, в дальнейшем и Компрод убедился, что придерживаться этих эквивалентов трудно, и изменил свое отношение.

Созданные в центре и на местах эквивалентные комиссии содействовали прежде всего тому, что аппарат торговый, заготовительный, который должен немедленно реагировать на законы рынка, на спрос и предложение, должен был превратиться в достаточной степени в не эластичный аппарат, вследствие чего мы не могли взять того количества продуктов, которые мы могли бы взять, если бы у нас были руки совершенно развязаны. Это, товарищи, чрезвычайно важно знать для того, чтобы можно было судить о тех результатах, сравнительно малых, о которых я вам буду говорить, и которых достигла потребительская кооперация. Кроме того, т.т., вы хорошо знаете, что потребительская кооперация и здесь в центре, и, в особенности, на местах, имела слишком недостаточное доверие. Кроме того, следует учесть то положение, что потребительская кооперация представляла из себя технический аппарат для государственных органов. Совершенно естественно, что высвобождение этого аппарата, потребовало чрезвычайно много сил и много труда. И только лишь тогда, когда государственные органы убедились, что потребительская кооперация считает необходимым в первую очередь выполнить задания государственных органов, только тогда, фактически кооперация стала высвобождаться. Я напомним вам, чего добивались кооператоры на продовольственном совещании, которое имело место здесь, в июле, кажется, месяце. Главное, мы требовали предоставления кооперации побольше хозяйственной самостоятельности. Надо было поставить точку над «и» и сказать, что же мы представляем из себя—дружественные державы или враждебные? Затем, я считаю необходимым указать на следующее. Ведь, для того, чтобы выступить солидно и успешно на рынке, надо быть обладателем, как достаточного количества товарных ценностей, так и достаточного количества финансовых ценностей. Что же потребительская кооперация, выступая на рынке, была таковым обладателем? Конечно, нет. И вот, товарищи, я прежде всего укажу на те данные, которые характеризуют фактический успех кооперации. По книгам мы обладали товарными ценностями, в 1919 г. на 12 милл. с небольшим (в золотых рублях), в 1920 г. на 8.400.000, а в 1921 г. на 6.900.000 (приблизительно 7 миллионов). В сентябре месяце мы получили товаров только лишь на 3 с половиной миллиона. Надо, товарищи, выявить, что это означает, почему с каждым годом стал уменьшаться наш товарный (книжный) баланс. А это случилось потому, что мы заготовкой заниматься не

могли. Вместе с тем, товары были на учете государственных органов и государственные органы постепенно брали такие товары, которые считали необходимыми. Вот почему товарная ценность постепенно понижается.

Вы знаете, что было проведено постановление Совнаркома, по которому кооперативные товары, оставшиеся в наличности и заготовленные средствами самой кооперации, подлежат возвращению ей. Хотя товаров, которые мы выдавали по ордерам государственных учреждений числилось на 7 милл. руб., остаток товаров, возвращенный нам оценивался всего в полтора миллиона. Так как мы жили по смете и получали средства от госудраства для своей работы, то, естественно, когда мы вступили в полосу самой работы, мы своих финансовых средств иметь не могли.

Довольно характерны, обстоятельства, при которых мы вступили на рынок. Я приведу некоторые цифры, для нас чрезвычайно необходимые. Мы получили от Наркомпрода в два приема товары: в первый прием на 16 милл., а во второй прием для товарообмена на 18 милл. Кроме того, так как была дана телеграмма, чтобы за нами закрепить товары, находящиеся на местах, то в общей сложности мы получили товаров на 50 милл. В 1913 г. товарные ценности, находившиеся в России, равнялись $7\frac{1}{2}$ миллиардам. Таким образом, эти 50 милл. по отношению к $7\frac{1}{2}$ миллиардам будут составлять $\frac{1}{3}\%$. Своих собственных ресурсов у нас для товарообмена не было и мы получили ценностей, которые в общем обороте представляют самый ничтожный процент. Вот с чем мы вступили в товарообменную работу. Сверх того, если мы посмотрим на самый характер этих ценностей, которые мы получили для товарообмена, на качество их, то всякий из вас знает, что конкурировать этими товарами, с теми, которые появлялись на местах, было трудно. А появившись эти товары в большом количестве, так как мы должны были развязать узел потребностей рабочего класса и давать разрешения на самостоятельные закупки направо и налево всем, кто пуждался в продуктах сельского хозяйства. Но иначе мы поступить не могли, так как в результате новой экономической политики рабочие организации и голодающее население могло бы получить помощь значительно позже, а нам надо было психологически и фактически немедленно пробить брешь.

Когда мы перейдем к тем заготовкам, которые были проделаны, то мы увидим, что по хлебным операциям к 20 ноября было заготовлено по государственным заданиям до 7 милл. пуд. и кооперативным заданиям до 1 милл. пуд. Правда, это не касается тех кооперативных заданий, которые непосредственно производились на местах, а только то, что учитывалось через центр. Вы из этого увидите, что центральная кооперативная организация работала для государственных органов в 7 раз больше, и это есть характеристика того единого фронта, который из себя представляет теперешняя потребительская кооперация.

Когда мы, товарищи, коснемся оборотов, которые проделал Центросоюз, то мы увидим, что фактический рост в самой кооперативной работе наблюдается. Уже Владимир Ильич указал здесь на это. Я должен сказать, что за половину декабря мы уже значительно перерасли ноябрьские 6 миллионов. Этот постепенный прогресс в увеличении оборотов от месяца к месяцу дает нам несомненную опору и надежду на то, что мы действительно приспособо-

бляемся в этих новых условиях к той работе, которая предстоит нам. Но еще характернее, товарищи, другая таблица, которая указывает на то, откуда черпает Центросоюз свои заготовки. В то время, как от кооперативных организаций черпается приблизительно 87 $\frac{3}{4}$ %, лишь 13% черпается из государственных и других источников. В то же время, имеется указание, что 73 $\frac{1}{2}$ % всего заготовленного Центросоюз передает государству, таким образом $\frac{3}{4}$ всего заготавливаемого идет для нужд государства.

Нам также очень важно знать, какой процент расходов идет на торговые или организационные расходы. Я должен сказать, что вопрос о сокращении штата сотрудников, приспособление аппарата к новым условиям, как в центре, так и на местах, занимает чрезвычайно большое место. Как здесь, так и на местах мы рассчитали до 60% сотрудников. Тем самым мы сделали наш аппарат наиболее эластичным и коммерчески чувствительным. И вот, если мы посмотрим на тот расход, который шел на это, то мы увидим, что в сентябре месяце расход равнялся 23 $\frac{1}{4}$ %, в октябре—13%, в ноябре—12%. Как складываются эти наши расходы? Самый главный процент в настоящее время, это банковский, за пользование кредитом. В сентябре месяце, хотя мы сравнительно мало пользовались кредитом, мал был и оборот, этот процент был 6 $\frac{1}{4}$, в октябре—5% и в ноябре—5 $\frac{1}{2}$ %. Вы обратите внимание на то, что в ноябре он был выше, чем в октябре. Это потому, что нам надо было черпать от Наркомфина и от Государственного банка большие средства. Если мы обратимся к вопросу о жаловании сотрудникам, то выйдет в сентябре—9 $\frac{1}{2}$ %, в октябре—4%, в ноябре—3 $\frac{3}{4}$ %, таким образом, мы видим постепенное понижение с 9 $\frac{1}{2}$ %, до 3 $\frac{3}{4}$ %, т. е., почти в три раза сократился наш расход на сотрудников. Вот, товарищи, то, чего кооперация достигла. Конечно, результаты самих заготовок сравнительно ничтожны. Причин их я уже касался. Прежде всего, что мы фактически не были главными держателями товарных ценностей, и, кроме того, те товарные ценности, которые были в нашем распоряжении, по качеству далеко не были таковы, что мы ими могли конкурировать на рынке. С другой стороны, уже самое открытие вольного рынка, какими бы рогаками мы ни обставляли частный капитал, в борьбу с которым в первую очередь должна была вступить кооперация, получая помощь от государства, это открытие вольного рынка делает свое дело. Он с самого начала показал, что только лишь денежная система, есть та система, при помощи которой можно ринуться на большой рынок, он показал, что рогаки эти устраиваются не путем декретов и не путем постановлений, а только при том условии, когда органы, призванные к торговле, будут обладать фактическими товарными и денежными ценностями.

Я уже вам говорил о том, какую злую штуку с нами сыграли, так-называемые эквиваленты. Но самое важное для нас—это недостаток средств и недостаток товаров. Мы, товарищи, в своей работе изменяли ее структуру. Мы в начале считали, что можно производить работу только лишь на основах, так-называемого, комиссионного нашего участия. Все время государственные органы от нас требовали замены этого положения другим, чтобы мы взяли на себя твердые поставки. В начале, мы, конечно, этого сделать не могли, так как для нас рынок и самые условия работы представляли много неизвест-

ного. Мы должны были приспособить свой аппарат, проанализировать, изучить рынок и, только открыв работу и убедившись в том, что мы сможем работать, мы могли говорить о возможности взять на себя твердые поставки. Работа сентябрьская, октябрьская и половина ноября показала нам, что как ни мал наш успех, но в общей линии мы сыграли большую роль. В чем она выражалась? Хотя бы в основном—в устойчивости местных цен на хлеб. Вы заметьте, что весь сентябрь, октябрь и половина ноября цены были настолько устойчивы, что мы могли почти не менять тех твердых цен, которые мы устанавливали в своей работе с Наркомпродом, и только во второй половине ноября, когда, уже произошло уменьшение самого хлеба на местах, когда наблюдался больший нажим в смысле выполнения налогов и, наконец, деноминация, которая также должна была отразиться на этом—цены начали расти.

Мы, конечно, должны были искать всяких методов в своей работе, методов, которые даже на первых порах как бы противоречили всей нашей структуре. Мы устраивали передвижные лавки, мы устраивали ярмарки и пришли, наконец, к организации биржи. Вы знаете, что мы вынуждены были прийти к такому способу, потому что не было другого, для того, чтобы выявить спрос и предложение. Это есть самый серьезный и лучший способ выявления спроса и предложения, который создает наиболее здоровую атмосферу для его выявления, ибо иначе оказывается, что спрос и предложение ведет к атмосфере подполья, к атмосфере нездоровой. И мы в то же время знаем, что это умаляет наши достижения в области законодательства. Где тут говорить о максимальном преимуществе со стороны государства и государственных органов потребительской кооперации, когда на рынке действует биржа, где сделки, как на заграничных аукционах, совершаются немедленно! Здесь является хозяином положения тот, кто фактически имеет средства. И в то же время Центросоюз думал: как ему приготовить деньги к первому дню открытия биржи? Некоторое количество денег ему удалось приготовить. Что ему пришлось для этого сделать? Ему пришлось только урезать торговые отделы и именно самый важный—хлебо-фуражный. Он отнял у него на некоторое время 12 миллиардов рублей и, явившись на первое биржевое собрание, он увидел, что там имеется предложение на гораздо большую сумму и, имея 12 миллиардов, он должен был заключить сделку на 18 миллиардов в первый же день. На бирже хозяин положения тот, у кого в руках денежные средства. Недостаток кредита у государства заставил нас поставить боевым образом вопрос о необходимости немедленно организовать банк потребительской кооперации, при участии государственного банка. Мы, конечно, отнюдь не думаем этим сломить командующие высоты, на которые указывал на партийной конференции т. Каменев. И поэтому мы считаем необходимым организовать кооперативный банк при участии государственного банка. Это единственный способ выкачать от населения денежные средства. Правда, система теперешнего банка не та, которая была раньше. Нам, конечно, придется сейчас не столько держаться области денежных средств, сколько иметь в руках товарные ценности, которые можно было бы в каждый момент реализовать и возможно выгоднее. Но если мы правильно поставим этот банк, при участии государствен-

ного банка и под его контролем, то этим мы сумеем выкачать от населения необходимые деньги.

С одной стороны, недостаток товарных ценностей заставил нас поставить вопрос о необходимости выступления на внешнем рынке. Совершенно ясно, что при той депрессии, которая сейчас наблюдается на внешнем рынке, мы можем выгодно получить товары с западно-европейского рынка и, конечно, мы можем добиться соответствующего кредита. Мы получили теперь право, спосаясь через национальные объединения, вести эту внешнюю торговлю. И это чрезвычайно для нас важно; к тому же и момент теперь очень благоприятный, ибо на Базельском Конгрессе, где шла большая борьба, признать или не признать Советскую кооперацию, 737 голосами против 470 Советская кооперация была признана, как кооперация, которая входит в Международный Совет Кооперативных Съездов. С того момента, как мы были признаны, белокооператоры должны были удалиться, ибо они до самого Базельского Конгресса, не будучи фактически представителями кооперации, все же принимали в ней участие. Сейчас на этой почве мы имеем предложение больших оптовых торговых фирм, как английских, так и германских, вступить с нами в непосредственные деловые коммерческие отношения. И естественно, что только лишь тогда, когда у нас будут средства и товарные ценности, мы фактически сумеем разрешить товарооборот, ибо наша система кооперативного строительства, не есть система советского строительства, при которой дисциплина держится на одних директивах. Здесь дисциплина торговая, она держится всегда на условиях выгоды. Если Центросоюз будет обладателем ценностей, естественно, что и дисциплина будет чрезвычайно большая. Тогда интересы мест будут совершенно определенно соответствовать интересам центра; тогда мы, несомненно, сумеем развернуть и развить нашу работу, ибо приближение товаров из центра к местам позволит раскрыть те лавины, которые закрыты, наполнить их пустые полки товарами. Тогда, конечно, начнется движение товаров и тогда вольный рынок будет регулироваться кооперацией. Мы, несомненно, доказали, что потребительская кооперация представляет из себя организацию, которая в едином фронте с государством ведет общую борьбу. Она принимает все меры к тому, чтобы придать необходимые средства кооперации, и к тому, чтобы справиться с своей задачей.

Теперь, товарищи, необходимо еще остановиться на том законодательстве, которое красной нитью проходит через все кооперативное строительство в эпоху Советской власти. Мы знаем, что имеются 3 периода. Первый период—это есть приспособление кооперации к условиям советской работы, но это исходило не от кооперации, а от законодательных органов. Вы знаете, что в начале мы имели всю старую кооперацию не на стороне Советской власти, а против нее. И вот задача приспособления кооперации представляла из себя чрезвычайно важную задачу Советской власти. Тут и вышла необходимость законодательным порядком влиять на кооперацию, ибо надо же было Советской власти составить себе опору и в кооперативной среде. Эта опора, конечно, целиком и единогласно была в рабочей кооперации. Кроме того, необходимо было создать те органы, которые регулировали бы деятельность кооперации. На заре законо-

дательного строительства в области кооперации мы видели, что Наркомпрод имел при себе, так наз. комиссию, которая занималась вопросами кооперации.

Дальше, ВСНХ имел тоже специальные смещенные комиссии, которые занимались вопросом регулирования кооперации. Все это происходило законодательным порядком. Наконец, 3-й законодательный акт—это право делегирования со стороны ВСНХ, СНК или ВЦИК,—не помню точно кого,—право делегирования представителей Советской власти в кооперацию. Как видите, первый период законодательного творчества заключался в том, чтобы установить мост взаимного понимания, чтобы выявить точку зрения государства на взаимную работу в области кооперации. Для этого понадобилось целых два года Советского законодательства для того, чтобы действительно осуществить все эти работы. Затем—второй период—период высшей формы тесных взаимоотношений кооперации с государственными органами. Это было тогда, когда государство считало необходимым признать кооперацию техническим органом для государства. Тут мы видим, что государство считало необходимым установить персональную связь между кооперативными и государственными органами, так как в то время кооперативные органы выполняли только лишь технические функции. Для того, чтобы приспособить кооперацию к этим техническим функциям и дать в дальнейшем возможность развития кооперации, именно для этого, необходимо было в свое время установить персональную связь. Следующий вопрос—возложение на кооперацию специальных заданий по распоряжению и по, так-называемому, выполнению сырьевых заданий. Наконец, после этого мы переходим к довольно краткому периоду, начинающемуся декретом 7-го апреля. Декрет 7-го апреля есть выражение развития свободного рынка, а отсюда и роли кооперации. Здесь роль кооперации определена вполне. Отражался и период прежнего законодательства, и связь между кооперацией, с одной стороны, и государственными органами—с другой. Особенно ярко это выразилось в организационной структуре, ибо здесь мы уже имели единую кооперацию (и обще-гражданскую кооперацию). Она представляла из себя единую кооперацию, и сверх этого мыслилось обязательное участие все граждане в кооперативном строительстве. Это как раз чрезвычайно сильно влияло на создание единого фронта—кооперации с государством. Это было закреплено декретом от 26 октября. Именно декрет 26-го октября возлагает на кооперацию чрезвычайно много обязанностей, но в то же время сам дает ей в декретом порядке известные права. Эти права и создают ту платформу, на которой кооперация в состоянии осуществить свои работы. Дальнейшая законодательная деятельность, конечно, с нашей точки зрения, должна проходить под флагом, во-первых, выявления условий, благоприятствующих потребительской кооперации, а, во-вторых, расширения сферы работы в области усиления финансовых средств и товарных ценностей. И вот, если в дальнейшем кооперативное законодательство разовьет те положения, которые выявились в декрете от 26 октября, то мы несомненно не сомневаемся в том, что тогда можно будет единым фронтом кооперации с государством пуститься в борьбу и занять соответствующее положение по овладению вольным рынком.

Председатель. Для содоклада слово имеет т. Шефлер.

Шефлер. Товарищи, вопрос о сельско-хозяйственной кооперации имеет в настоящее время чрезвычайно важное значение в той борьбе за восстановление и развитие сельского хозяйства, которая в настоящее время начинается и которая здесь была уже обрисована в докладе т. Осинского. Для того, чтобы обосновать значение сельско-хоз. кооперации, я остановлюсь прежде всего на той речи, очень яркой, которая здесь была произнесена крестьянином т. Секацким по докладу т. Каменева. Я напомию эту яркую речь, хотя думаю, что у всех у вас она в памяти. В речи т. Секацкого были три основные мысли. Первая мысль—та, что экономика необходима не только государству, но и крестьянскому хозяйству. Конечно, под словом экономика т. Секацкий подразумевал всю сумму понятий, вкладываемых в это слово: и вопросы регулирования, и вопросы плана, и вопросы хозяйственного расчета и самого хозяйствования, как такового. Дальше, его мысль заключалась в том, что Советская власть должна построить эту экономику, иначе—незачем было воевать за Советскую власть. И наконец, 3-ья его мысль была та, что Советская власть является единственной властью, которая может построить экономику страны, так как это—власть трудящихся и так как в частности эта власть опирается на экономику крестьянского хозяйства, на экономику деревни. Вот три мысли т. Секацкого. Разрешите мне, исходя из этих трех мыслей, сказать, как мы должны подойти к тому, чтобы создать экономику деревни, экономику крестьянского хозяйства в том понимании, которое вкладывал в слово экономика т. Секацкий.

Тов. Каменев уже указывал в докладе, что, начиная с поднятия сельского хозяйства, мы через нашу крупную промышленность можем поднять все наше народное хозяйство. Следовательно, весь вопрос заключается в том, как же подойти к экономике деревни, можем ли мы силою государственной власти сделать так, чтобы каждое отдельное крестьянское хозяйство заразилось той общей мыслью относительно подъема своего хозяйства в целях подъема общего народного хозяйства. Ясно, что это сделать невозможно. Ясно, что к каждому отдельному крестьянскому хозяйству государство не сможет подойти в этой борьбе за восстановление сельского хозяйства. И вот здесь, поэтому, возникает вопрос относительно сельско-хоз. кооперации, как одного из средств для объединения крестьянских хозяйств и проведения политики народного хозяйства и восстановления сельского хозяйства через организованные массы, через организованные объединения крестьянских хозяйств. Здесь надо указать, что в этом отношении наш взгляд на роль и значение сельско-хозяйственной кооперации значительно отличается от взглядов на сел.-хоз. кооперацию старых кооперативов. У них с.-х. кооперация являлась конечной целью, к которой они стремились, являлась идеалом объединения крестьянского хозяйства, идеалом того целого, при котором можно было построить, так называемый, «кооперативный социализм». Мы же считаем, что сельско-хозяйственная кооперация является лишь одним из средств в общем нашем подходе к восстановлению сельского хозяйства и к восстановлению народного хозяйства вообще. Следовательно, это объединение мы далеко не считаем идеальным объединением, идеальной организацией, на которой должно остановиться наше организующее влияние. Отнюдь нет. Мы считаем, что для нас в настоящее время, при борьбе за восстановление сельского хозяйства, эта форма, как метод объединения крестьянских хозяйств,

является чрезвычайно важной, потому что иметь с ней дело гораздо легче и выгоднее, чем с отдельными распыленными крестьянскими хозяйствами; и с другой стороны—потому что отдельные распыленные крестьянские хозяйства поставлены в борьбе за восстановление сельского хозяйства в гораздо более сельско-хозяйственной кооперацией.

Вы спросите меня: как мы смотрим относительно того, кого должна объединять сел.-хоз. кооперация? Какие слои деревни в нее должны прежде всего войти? До революции сел.-хоз. кооперация имела характер не столько товарно-производственного объединения, сколько объединения крестьянства на чисто торговых началах, объединения, главным образом, в целях организации совместного сбыта товаров, производимых крестьянским хозяйством, и заготовки товаров, необходимых крестьянскому хозяйству. Это вполне понятно. До революции частно-капиталистические отношения, которые тогда существовали, естественно выдвигали сельско-хозяйственную кооперацию, как базу для защиты крестьянского хозяйства от частно-капиталистического рынка и давления. Естественно, поэтому, что тогда главным элементом, вокруг которого объединялось крестьянство, был элемент сбыта заготавливаемых товаров и элемент кредита. Поэтому, в сельско-хозяйственную кооперацию шли тогдашние мощные хозяйства, способные уплачивать те паевые взносы, которые были в сельско-хозяйственной кооперации того времени, и имевшие, таким образом, возможность влиять на ее развитие. В настоящее время для нас сельско-хозяйственная кооперация должна сыграть главную роль в отношении поднятия производительности крестьянского хозяйства и восстановления сельского хозяйства вообще. А раз это так, то совершенно ясно, что в сельско-хозяйственную кооперацию мы должны прежде всего привлекать те слои крестьянства, которые сами не могут организовать, которые сами не могут достаточно энергично бороться за восстановление сельского хозяйства и за поднятие производительных сил своего хозяйства. Такими слоями деревни являются, главным образом, слой маломощного и среднего крестьянства, объединяющие также и бывших красноармейцев, возвращающихся к себе в деревню после долгого пребывания на фронте и застающих в своей деревне часто разрушенное совершенно хозяйство, несмотря на ту помощь, которая оказывалась в некоторых случаях государством. К таким слоям относятся далее бывшие военнопленные, которые в настоящее время возвращаются из плена, а также те группы крестьянства, которые образовались из пролетариата закрывшихся фабрик и заводов. Таким образом, это есть те слои маломощного и среднего крестьянства, которые одновременно являются и слоями, все время поддерживающими Советскую власть, как это было доказано на всех фронтах, возникших во всех тех частях Советской России, которые на тот или другой период времени занимались Колчаком, Врангелем и т. д. Вот эти-то именно слои и должны вовлекаться нами в сельско-хозяйственную кооперацию. Это и должно явиться одной из главных работ советских органов в деле восстановления сельско-хозяйственной кооперации, которая за время нашей переходной экономической политики—так называемой старой,—несомненно, чрезвычайно снизилась. Сельско-хозяйственная кооперация наиболее, может быть, пострадала за этот период именно благодаря тому, что прежде она носила чисто потребительский характер и не могла перейти к тому производственному началу, которое сейчас мы, так сказать, ей придаем. Итак, на вопрос—

какие же слои следует объединять в сельско-хозяйственной кооперации,—мы отвечаем: маломощное и среднее крестьянство и бывший фабрично-заводской пролетариат, вернувшийся снова к сельскому хозяйству.

Теперь разрешите указать, каковы же основные задачи для сельско-хозяйственной кооперации, которые мыслятся нами в нашей новой экономической политике в связи с нашей основной задачей, которая в настоящее время сводится к восстановлению сельского хозяйства. Я уже упомянул, что эти задачи сильно отличаются от тех, которые были у кооперации в дореволюционное время, ибо эти задачи являются, главным образом, задачами по поднятию производства, по поднятию производительных сил. Таким образом, сельско-хозяйственная кооперация должна осуществлять прежде всего производственные задания, и эти задания она может и должна осуществлять в деле поднятия различных отраслей сельского хозяйства. Я упомяну, здесь: мелиоративные товарищества, задача которых осушение болот или наоборот, орошение тех или других, нуждающихся в орошении земель, молочные артели, задача которых—поднятие молочного хозяйства; племенные товарищества, задача которых сводится к поднятию животноводства; товарищества по семеноводству, имеющие чрезвычайно важное значение в деле восстановления семеноводства и обеспечения чистосортными и лучшими семенами крестьянских хозяйств; машинные товарищества, дело которых—обеспечить машинами деревню, правильно распределять машины, давать их напрокат и т. д.; наконец, льняные товарищества, которые перерабатывают сырье и т. д. Вот главнейшие отрасли сельского хозяйства, по которым должна организовываться сельско-хозяйственная кооперация. Таким образом, в настоящее время и организуются сельско-хозяйственные кооперативы. И я бы сказал, что самыми жизненными и самыми сильными из них являются те, которые поставили себе преимущественно такие яркие, наиболее важные для данного района производственные задания. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что для осуществления этих производственных заданий сельско-хозяйственная кооперация нуждается в вполне определенных правах. И в этом отношении мы должны совершенно отчетливо уяснить себе, что нельзя в настоящее время кооперацию строить схематически, что, дескать, торговые операции—операции по сбыту и заготовкам—это дело потребительской кооперации, а, дескать, производственные задания, задания по осушению болот и по организации молочных хозяйств, это—дело сельско-хозяйственной кооперации. Конечно, это—неправильная точка зрения. Это была бы схематическая точка зрения, от которой мы в общем плане новой экономической политики, несомненно, отказались. Поэтому ясно, что сельско-хозяйственной кооперации должны быть предоставлены права заготовки и права сбыта. Вообразите, напр., что мелиоративные товарищества осушают болота и превращают их в культурные поля. Такие товарищества должны иметь возможность заготавливать для этого орудия производства—лопаты, плуги, и бороны, заготавливать вместе с тем и семена, которыми они засеют эти культурные поля, образованные из бывших болот. Они должны получать и минеральные удобрения, ибо не одно болото нельзя превратить в культурное поле без применения минерального удобрения. Ясно, что если они будут по инстанциям писать относительно того, что кто-то это должен заготовить, они будут лишены базы для своей производственной деятельности, а поэтому—право заготовок должно быть им предоставлено.

То же самое можно было бы обосновать для любой другой отрасли сельскохозяйственной кооперации, для любого другого вида сельскохозяйственной кооперации. То же самое надо сказать и относительно права сбыта. Совершенно ясно, что при новой экономической политике в деревне появляется снова старый тип скупщиков, которые, скупая дешево, стараются продать дорого, и которые являются, конечно, для нас совершенно лишними и ненужными посредниками между производителями и потребителями. Это выгодно будет и для потребителя, которому не придется искать продуктов в распыленном крестьянском хозяйстве или у скупщиков, которые, несомненно, являются хищниками, и это выгодно, с другой стороны, для производителя продукта, ибо дает ему возможность сконцентрировать продукты для продажи в объединениях.

Перехожу к вопросу о предоставлении другого права сельскохозяйственной кооперации—права на независимое существование от потребительской кооперации. Мы испытали в переходный период экономической политики несколько схематическое объединение потребительской и сельскохозяйственной кооперации, вытекающее из основ нашей старой экономической политики. Тогда необходимо было это объединение. В настоящее время в этом объединении отнюдь нет надобности. Это объединение является лишним и нецелесообразным. Совершенно ясно, что сельскохозяйственная кооперация, имеющая под собой производственную основу, опирающаяся на свои производственные задания и объединяющая крестьянское хозяйство именно в целях поднятия производительности, гораздо проще, легче и быстрее справится со своими задачами, если она будет существовать вполне независимо от потребительской кооперации. Она может расти лишь по мере накопления в этом потребности и по мере накопления для этого возможности. Иначе, совершенно ясно, сельскохозяйственная кооперация будет чрезвычайно сужена в своих операциях и задачах и не сможет так быстро развиваться, как это нам нужно для быстрого восстановления сельского хозяйства. Наконец, сельскохозяйственной кооперации для осуществления ее производственных задач, необходимо представить широкие сельскохозяйственные кредиты и дать право организации кредита, т.-е. организации кредитных товариществ и кредитной кооперации вообще. Это, в особенности, необходимо при нашем понимании сельскохозяйственной кооперации, когда мы в нее вовлекаем маломощное крестьянство, те слои его, которые не могут сами поднять свое хозяйство и усилить свое производство. Ясно, что сельскохозяйственная кооперация лишь тогда будет иметь возможности помочь им поднять свое хозяйство, если она будет иметь право кредита, если она получит этот кредит от государства, если она будет иметь возможность и право организации кредитных товариществ и кредитной кооперации. Иначе, конечно, трудно будет привлечь маломощное крестьянство в сельскохозяйственную кооперацию, и она не справится с теми громадными задачами, которые на нее выпадают и которые, главным образом, заключаются в поднятии маломощного крестьянства, чрезвычайно разбитого за последние 7 лет.

Теперь, товарищи, я перейду к вопросу относительно того, как строить сельскохозяйственную кооперацию. В этом отношении мы сделали в начале некоторую ошибку. Мы летом созвали здесь съезд сельскохозяйственной кооперации и организовали, так называемый, сельскосоюз. Я считаю, что это—

ошибка, потому что все наши силы и все наше внимание в настоящее время должны быть устремлены на строительство сельско-хозяйственной кооперации с низов, на строительство сельско-хозяйственной кооперации в самой деревне. Это—наша основная задача, потому что совершенно ясно, что сельско-хозяйственная кооперация имеет смысл по самому существу лишь тогда, когда она объединяет все распыленное крестьянское хозяйство и когда она ему непосредственно помогает в борьбе за поднятие его производительных сил. Поэтому строить сел.-хоз. кооперацию надо прежде всего и главным образом с низов. Этим, конечно, я не отрицаю роли и значения союзов в сельско-хозяйственной кооперации, которые нужны как средство для ее дальнейшего развития, для укрепления одного вида с.-х. другим и т. д. Я не отрицаю и того, что здесь в центре должен существовать союз, объединяющий все отдельные союзы, в виде с.-х. кооперации, но я говорю, что главное внимание и существенная наша задача должна быть устремлена на то, чтобы организовать с.-х. кооперацию с низов в самой деревне. В противном случае, товарищи, есть опасность, что достоинства с.-х. кооперации перейдут в недостатки (я пользуюсь тем выражением, которое здесь упомянул т. Ленин), централизованная с.-х. кооперация потеряет или не будет осуществлять своей связи непосредственно с крестьянскими хозяйствами и превратится в торгового посредника. Для нас, это, конечно, является совершенно нежелательным, поскольку можно предполагать, что устремление с.-х. кооперации пойдет не по пути объединения маломощного и среднего крестьянства, а по пути объединения тех слоев деревни, которые, может быть, отнюдь не поддерживают Советскую власть и отнюдь не считают ее единственной властью трудящихся. Поэтому мне казалось, что союзы с.-х. кооперации совершенно необходимы и к построению их мы должны приступить, главным образом, после того, или по мере того, как будет строиться с.-х. кооперация с низов и начнут объединяться распыленные крестьянские хозяйства в кооперативы. И лишь таким путем и естественным порядком будут расти союзы с.-х. кооперации, которые тогда точно так же будут объединять, главным образом, маломощное и среднее крестьянство.

Перехожу, к так называемым, коллективным. Спрашивается: отрицаем ли мы в настоящее время необходимость существования хозяйственных коллективов? Отнюдь нет. Мы считаем их столь же важными, как считали до сих пор, и единственно, что мы сейчас говорим (и на это уже было здесь на Съезде указано т. Осипкиным), что коллективы должны сойти с пути государственного субсидирования, бывшего достаточно неорганизованным или слабо организованным и несколько нездоровым по отношению к с.-х. коллективам. Поэтому ясно, что в настоящее время при переходе к новой экономической политике мы должны перевести на нее и с.-х. коллективы. Мы должны предоставить им все права с.-х. кооперации, права с.-х. инициативы, права заготовки и сбыта, право пользования кредитом. Вместе с тем мы должны считать, что с.-х. коллективы неизбежно должны перейти и, конечно, перейдут на хозяйственный расчет, наиболее здоровый в настоящее время способ существования, который вызывается необходимостью во всем нашем хозяйстве.

Сельско-хозяйственные коллективы в последние месяцы пережили, может быть, самые тяжелые дни, поскольку мы продолжали брать с них излишки, но еще не предоставили им прав сельско-хозяйственной кооперации. В настоя-

щее время эти дни уже изжиты. В настоящее время им точно и определенно предоставлены эти права сельско-хозяйственной кооперации, право пользования излишками, право заготовок и сбыта. Точно указан переход их к продналогу, и, следовательно, в этом отношении они получили хозяйственную базу для своего дальнейшего развития.

Это развитие идет чрезвычайно быстро. За год революции количество коллективов, которое выражалось раньше единицами, выросло в десятки тысяч. Я не буду здесь обременять вас цифрами, которое у меня имеются и которые вы найдете в той брошюре по сельско-хозяйственной кооперации, которая будет роздана Съезду сегодня или завтра, но скажу, что это количество чрезвычайно выросло. Конечно, среди этих коллективов часть, несомненно, имела кооперативную основу, и поэтому часть этих коллективов далеко не может считаться высшей формой кооперации и вполне выявленной социалистической ячейкой объединения трудящихся, на основе производства, но зато другая часть сельско-хозяйственных кооперативов, несомненно, уже составляет чрезвычайно большое приближение к этому типу объединения трудящихся, именно на основе производства. Таким образом к сельско-хозяйственным коллективам мы должны подходить, товарищи, очень осторожно. Мы должны стремиться к тому, чтобы, при переводе их на права сельско-хозяйственной кооперации, они не потеряли того характера, который им придала революция, чтобы они не потеряли тех, более правильных и принципиальных основ своего объединения, которые в них имеются. Мы должны стремиться к тому, чтобы не было никакой ломки их революционного содержания, и потому переход их на права сельско-хозяйственной кооперации должен вызвать с нашей стороны, особенно, бережное отношение. Я приведу только один пример, характеризующий как раз обратное непонимание некоторыми товарищами того значения, которое и в настоящее время имеют для нас сельско-хозяйственные коллективы. В Алтайской губ. чрезвычайно развито коллективное движение, которое прошло такие перипетии: сначала от коллективов и сельско-хозяйственных коммун отбирались все излишки; потом была получена телеграмма из центра, что впредь, до издания декрета о продналоге на сельско-хозяйственные коллективы и совхозы следует воздержаться от изъятия каких бы то ни было продуктов. Телеграмме этой некоторые райпродкомиссары не поверили и запросили центр. Было получено разъяснение, что это, действительно, так. Райпродкомиссары разослали тогда такую телеграмму по заготконторам, что из колхозов и совхозов брать излишков не надо, а с сельско-хозяйственных коммун следует взять все излишки. Товарищи, это—явное недоразумение, которое показывает, насколько небрежно некоторые работники относятся, иногда, к этому важному и серьезному вопросу. Конечно, совершенно ясно, во-первых, что сельско-хозяйственная коммуна есть один из видов сельско-хозяйственных коллективов. А с другой стороны, совершенно ясно, что именно в настоящее время, когда с переходом к новой экономической политике сельско-хозяйственные коллективы должны перейти на хозяйственный расчет, мы должны, особенно, осторожно относиться к тому, чтобы не ставить их в безвыходное положение, поскольку мы снимаем их с государственного снабжения. С другой стороны, следует помнить, что если мы снимем с государственного снабжения сельско-хозяйственные коллективы, то это отнюдь не значит, что лишаем сельско-хозяй-

ственные коллективы государственного содействия. Мы должны им попрежнему оказывать самое широкое содействие, помня, что очень большая часть этих сельско-хозяйственных коллективов образовалась, несомненно, на почве идейной солидарности с нами, и мы должны не забывать, что сельско-хозяйственные коллективы поддерживали и поддерживают нас во всех отношениях, и потому, помогать им при переходе на хозяйственный расчет необходимо всеми способами и мерами, которые имеются в распоряжении наших местных отделов.

Заканчивая на этом свой доклад о сельско-хозяйственных коллективах, я еще раз подчеркиваю, что их надо всячески беречь и уметь сохранить, при чем еще раз повторяю, что основная задача сельско-хозяйственной кооперации в настоящее время—это поднятие производительных сил крестьянского хозяйства путем объединения распыленного и разрозненного крестьянского хозяйства в целях восстановления сельского хозяйства вообще. Мы должны помнить, что задачи сельско-хозяйственной кооперации в настоящее время имеют чрезвычайно важное значение и делу ее организации, делу предоставления ей тех прав и возможностей, о которых я здесь говорил, должно быть уделено возможно больше внимания и средств, как на местах, так и в центре.

Председатель. Слово для предложения имеет т. Сапронов.

Сапронов. Товарищи, здесь поступил целый ряд записок по этому докладу не открывать прений. Президиум предлагает о прениях сейчас вопроса не решать, избрать комиссию для разработки вопросов, связанных с докладом, и дать слово для доклада т. Крестинскому по следующему пункту порядка дня. Комиссию же избрать предлагается сейчас.

Председатель. Внесено предложение прения по докладу о кооперации отложить. Позвольте без прений проголосовать это предложение. Есть ли возражения? Нет. Предложение принимается.

Слово для оглашения кандидатов в комиссию предоставляется т. Сапронову.

Сапронов. Товарищи, предлагается следующий список кандидатов в комиссию по кооперации т.т.: Ярославский, Петровский, Хинчук, Ефремов, Чиркин, Неймарн, Падерин, Милотин, Тихомиров, Шефлер, Барылов, Курбыда, Сорокин, Енштейн, Чижов и Бонин.

Председатель. Товарищи, всякие желающие принять участие, разумеется, могут присутствовать в этой комиссии. Позвольте проголосовать оглашенный список. Кто за? Кто против? Принят.

Сапронов. Если у кого-либо имеются предложения или поправки, просят представить в комиссию в письменном виде.

Председатель. Следующий пункт порядка дня—финансы и бюджет. Слово для доклада имеет т. Крестинский.

Крестинский. Товарищи, после того, как на Съезде был обстоятельный общий экономический доклад т. Каменева и были специальные доклады по земледелию и промышленности, конечно мне не нужно в своем докладе касаться общих основ нашей экономической политики. Я только должен буду указать, какая финансовая политика диктуется нынешней экономической политикой, и наметить те меры, которые проводились, проводятся и должны

проводиться Советской властью, для того, чтобы эта финансовая политика не только не шла вразрез с намеченной нами общей экономической политикой, а была бы с ней всецело согласована и помогала бы ее нормальному и правильному движению. Поэтому—только два слова о том, какая финансовая политика соответствовала прежней экономической политике, и какой она должна быть сейчас. Прежняя экономическая политика была основана на национализации промышленности, продразверстке, трудовинности, государственном регулировании кооперации, на широком развитии государственного снабжения, на началах бесплатности и натурализации. Эта политика, естественно, вызвала в финансовой области отмирание налогов, потому что крестьянство свою долю на содержание государства вносило в натуральной форме—в форме продразверстки и трудовинности, ибо другие классы, которые в прежнее время до революции подвергались налоговому обложению—теперь исчезли. Поэтому не было объектов государственного обложения. Затем точно так же отпали местные финансы, потому что, при введении принципа бесплатности услуг, пропали местные доходы. Таким же точно образом мы, в виду отсутствия рынка, должны были покончить и с банковским кредитным аппаратом и перешли к постепенному отмиранию системы денег. Теперь мы имеем совершенно другую картину основных пунктов нашей экономики: отмену продразверстки, введение продналога, открытие вольного рынка, изменение системы государственного снабжения, а в смысле громадного уменьшения количества населения, находящегося на государственном снабжении и долженствующего в настоящий момент получать свое снабжение с вольного рынка, сокращение количества хозяйственных предприятий, эксплуатируемых государством, расширение области частной инициативы и в первую голову проведение принципа платности и т. д. Естественно, что все это привело к тому, что мы должны сейчас наметить совершенно другую финансовую политику. И поскольку основным пунктом является уничтожение продовольственной разверстки и принципа натурализации, поскольку главным рычагом нынешней экономической политики и экономической системы, является рынок, постольку мы курс на уничтожение денежных знаков должны сейчас заменить курсом на укрепление и улучшение нашей валюты. Ибо ни вольный рынок, ни снабжение с вольного рынка государственных предприятий, ни правильное функционирование обмена, ни обмен между нами и за границей (а этот обмен все расширяется, и расширяется, и расширение его диктуется экономическим положением России) невозможны без того, чтобы у нас нынешние малоценные бумажные деньги не были бы замены другой денежной валютой, может быть теми же самыми бумажными деньгами, но имеющими более прочный курс и большую ценность чем сейчас.

Поэтому, основным вопросом финансовой политики, вопросом, которому подчиняются все другие финансовые мероприятия, является вопрос оздоровления нашего денежного хозяйства, вопрос восстановления курса наших бумажных денег, на основании восстановления металлического, именно золотого обеспечения этих бумажных денег. Поскольку мы в центре всей нашей финансовой работы ставим этот вопрос, вопрос восстановления нашей денежной си-

стемы, постольку мы должны обратиться к выяснению причин, приведших к теперешнему плачевному состоянию нашего денежного хозяйства. Причин этому две. Первая причина—это сокращение товарного рынка. Вторая—наши эмиссии. Сокращение товарного рынка, уничтожение регулярного вольного рынка происходило во весь период предыдущей экономической политики. Вольный рынок существовал в то время, как нерегулярное явление и, естественно, являлся рынком нешироким, на котором предлагалось лишь самое небольшое количество товара. Всякий недостаток товаров на рынке всегда ведет к понижению ценности денежных знаков. А так как была еще другая причина падения ценности денежных знаков, а именно, эмиссия, то естественно, почему от этой второй причины получается еще более быстрый процесс падения ценности бумажных денег. Но как обстоит дело в настоящее время? Продолжает ли действовать первая причина—сокращение рынка, как фактор, вызывающий обесценение денег? Нет, эта причина действовать перестала, или, по крайней мере, перестает, потому что наша новая экономическая политика, основанная на признании вольного рынка, привела к тому, что на рынке появились разные товары: и те, которые были припрятаны, и те, которые производятся на шей государственной промышленностью, и особенно мелкой промышленностью, кустарями и сельским хозяйством, в виде продуктов сельского хозяйства. Поскольку на рынке замечается увеличение предложения товаров, постольку эта причина перестает понижать цену денег, и мы в течение ряда месяцев этого года не наблюдали повышения товарных цен, несмотря на то, что другая основная причина падения денежных знаков—эмиссия, продолжала действовать попрежнему, а иногда даже сильнее, чем прежде.

Таким образом, при дальнейшем анализе финансового вопроса, нам можно будет отвлечься от этой первой причины, стоящей в связи с товарным рынком и остановиться на второй причине—эмиссии. По отношению к этой второй причине можно сказать, что если бы эмиссия была согласована с потребностями рынка или если бы она была согласована с тем ареальным обеспечением, которое у нас имелось в виде золотой валюты, то она не вызвала бы падения курса денег. В действительности же она не была согласована ни с тем, ни с другим. Рынок у нас сложился так, что нужно было меньше денег, чем было уже в обращении. Так что наша эмиссия не была согласована с потребностями рынка. Точно так же наш золотой фонд не увеличивался, а, наоборот, уменьшался, так как мы тратили его на покупку товаров за границей и так как во время Колчаковского нашествия часть нашего золота попала в руки белых. Эмиссия преследовала цель покрытия бюджетного дефицита. И я могу вам указать, товарищи, как падала стоимость денежных знаков, в зависимости от нашей эмиссии. Удобнее всего это показать в таблице, которая бы указывала, с одной стороны, сколько реальных ценностей на золото мы при помощи выпуска бумажных денег в течение того или другого года брали, и сколько нам для этого нужно было выпускать денежных знаков. Я беру года от 1918 по 1921 г.г. включительно. В течение 1918 г. мы выпустили в обращение 34 миллиарда бумажных денежных знаков, и на эти деньги государству удалось взять из обращения, непосредственно при помощи своих заготовок и при помощи выдачи к заработной платы рабочим, ценностей на 523 миллиона золо-

тых руб. В 1919 г. мы выпустили уже на 163 миллиарда бумажных денег, т.-е. в пять раз больше, а ценностей взяли на 390 миллионов, т.-е. ценностей взяли в полтора раза меньше. В следующем 1920 г. мы взяли ценностей вдвое меньше, на 200 миллионов руб., а выпустили денежных знаков на 955 миллиардов, т.-е. еще в $5\frac{1}{2}$ раз больше, чем в предыдущем году. И, наконец, в 1921 г. выпущено нами эмиссии свыше 10 триллионов, а тех реальных ценностей, которые мы взяли немного меньше, чем на 200 миллионов золотых руб. Таким образом, вы видите, товарищи, что основной причиной падения ценности денежных знаков и поднятия товарных цен является наша эмиссия, т.-е. выпуск бумажных денежных знаков в больших пределах, чем по законам политической экономии и финансового хозяйства их можно было выпускать. И поэтому теперь нам нужно перейти к вопросу о том, как же эту эмиссию сократить? К ответу на этот вопрос можно было бы подойти с двух сторон. Во-первых, благодаря тому, что у нас сейчас расширился вольный рынок, благодаря тому, что у нас сейчас крепнет мелкое хозяйство и получается большая сумма общего производства, общей продукции с народного хозяйства, мы сейчас могли бы даже и на обесцененные бумажные деньги получить большие реальные ценности из обращения. И поэтому нам, может быть, имело бы смысл продолжение печатания бумажных денег, не обращая внимания на то, что стоимость каждой бумажки все больше и больше бы уменьшалась, но, считаясь с тем, что общая сумма реальных ценностей, которые государство взяло бы с вольного рынка за эти бумажные деньги, была бы все-таки немного больше, чем в предыдущем году. Но это была бы политика неправильная потому, что то небольшое увеличение реальных ценностей, которое мы получили в текущем году и готовимся получить в будущем, сопровождалось бы продолжающимся страшным падением наших бумажных денег, и поэтому основная цель нашей финансовой политики, которую я наметил в своих первых словах—оздоровление наших бумажных денег, оздоровление нашей валюты не была бы достигнута. Поэтому мы должны отказаться от этой линии наименьшего сопротивления, мы должны отказаться от попыток продолжать нашу эмиссию, и стать на другой путь, стать твердо на путь уменьшения эмиссии.

Мы только что сказали, товарищи, что наша эмиссия объясняется дефицитом нашего бюджета. Так как у нас расходы нашего государства страшно превышали доходы, то мы покрывали эту разницу между расходами и доходами при помощи выпуска бумажных денег. Следовательно, если мы сейчас хотим перестать выпускать бумажные деньги, или, по крайней мере, начать сокращать их печатание, мы должны подумать о том, как уменьшить разницу между расходной и доходной частью нашего государственного бюджета, как уменьшить наши расходы, как увеличить наши доходы и как сделать так, чтобы та часть, та сумма, которая является дефицитом, которую мы вынуждены покрывать выпуском бумажных денег, чтобы эта сумма составляла все меньшую и меньшую часть нашего бюджета. Вот в чем основной вопрос. Поэтому, товарищи, мы и переходим от вопроса об эмиссии, к вопросу о нашем бюджете. И тут надо поставить вопрос: чем вызывалась и вызывается дефицитность, т.-е. убыточность нашего бюджета? Она вызывалась тремя основ-

ными причинами: тем, что в нашем бюджете не было одно время совсем, и теперь существует сравнительно немного доходов от налоговых поступлений. Это первая причина дефицитности нашего бюджета. Малые доходы, малые поступления, и, стало быть, для того, чтобы эту причину уничтожить, или, по крайней мере, ослабить, надо увеличить доходную часть нашего бюджета. Вторая причина—это убыточность наших государственных предприятий. Поскольку государственные предприятия содержались на счет государства, доходы от них, валовая выручка, в виде готовых изделий, поступала в государственный фонд, а расходы по ним, заработная плата, сырье и т. п., покрывались из государственного кошелька. В том размере, в каком эти предприятия давали убыток, увеличивался и убыток, дефицитность нашего бюджета. Следовательно, нам нужно так изменить наше государственное хозяйство, чтобы уменьшить его убыточность и тем самым уменьшить дефицитность нашего бюджета. Наконец, третья причина дефицитности нашего бюджета—это чрезмерность наших расходов, неправильное состояние расходной части нашего бюджета. Вот для того, чтобы эту причину уничтожить, чтобы оздоровить бюджет, в этом смысле, необходимо более внимательное, более правильное рассмотрение расходной части нашего бюджета. Вот три задачи. На этих трех задачах я сейчас и остановлюсь.

Сначала вопрос, товарищи, о налогах. Когда вопрос о налогах и вообще о доходных поступлениях был поставлен на очередь летом текущего года, в литературе, на партийных собраниях, на советских собраниях, то мы слышали много возражений. Возражения были характера политического, возражения были характера финансово-экономического. Возражения политические сводились к тому, что своими налогами мы ударим в значительной степени по рабочему классу, что рабочим из того небольшого жалования, которое они получают, придется значительную часть отдавать на покрытие налогов. Таким образом, это, явится, с одной стороны, перекалыванием из того же государственного кармана в государственный же карман, и пока мы не проведем увеличения рабочему его заработка, мы этим удараем по рабочему и ухудшаем условия его жизни. На это мы отвечали, что это не есть возражение по существу, а возражение против тех недостатков, которыми отличались наши первые декреты о налогах, о платности, например, вопрос о железнодорожном тарифе. Если при проведении того или другого налога заранее учитывать это возможное последствие, если вносить такого рода поправки и оговорки в декреты, которые бы освобождали рабочих от уплаты этого налога или пошлины; если, с другой стороны, изменить нашу тарифную политику в смысле увеличения заработка—и введения формы твердого заработка, который в своей основе имел бы зафиксированную цифру золотого обеспечения и выдавался в бумажных деньгах не по определенной цифре, а по тому курсу, который эти бумажные деньги будут иметь в момент выплаты этого жалования, то тогда соображения против налогов, с точки зрения, интересов рабочего класса, с точки зрения их жизненного уровня, отпадут. И, действительно, в последнее время эти возражения не повторяются. Отчасти, повторяются возражения со ссылкой на то, что налог играет слишком незначи-

ную роль в нашем бюджете и, что поэтому игра до известной степени не стоит свеч. Против этого утверждения я хочу возразить указанием на те поступления налогов, которые имели место теперь, в первые месяцы проведения нашей новой налоговой политики, и на ту роль, которую налоги будут играть в бюджете 1922 года. Я сошлюсь на несколько цифр основных государственных налогов, которые проводились в текущем году. Был налог промысловый и вот по 25-е декабря этот налог дал около 46 миллиардов рублей. Это, сравнительно, небольшая цифра, но постепенно растущая. Затем, другие налоги дали ничтожную сумму, но есть налоги, о которых мы имеем сведения далеко не отовсюду, которые дали 62 миллиарда за последние 2—3 месяца. Таким образом, в общей сложности поступления от промыслового налога и от местных налогов составляют 110 миллиардов. Затем, я перейду к Наркомпути, т.-е., к тарифам жел.-дорожным и водным и к Наркомпочтелю, т.-е., сбору с почт, телеграфов, телефонов, радио и других услуг, которые оказываются Наркомпочтелем. Оговорюсь, что цифры по Наркомпути и Наркомпочтелю не одинаковы. По Наркомпути поступления наличных денег идет не от государства, грузы которого или пассажиров, военно-служащих, служащих правительственных учреждений и рабочих, железные дороги перевозят бесплатно по предложениям, а идут оттого, что наши железные дороги и водный транспорт получают за перевозки частных пассажиров и частных грузов. Наркомпуть за эти месяцы—конец июля, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь (но декабрь только по 10-е число), дал около 264 миллиардов наличных денег. При чем повышение шло таким образом: в июле месяце поступило 7 миллиардов 500 милл., в августе—22½ миллиарда, в сентябре—46 миллиардов, в октябре—55 миллиардов, в ноябре—89 миллиардов и, наконец, с 1 по 10 декабря поступило около 18 миллиардов. Но эти сведения с 1 по 10 декабря относятся только к 12 линиям из 28. Поэтому, если это перевести на 28 линий, то будет 45—40 миллиардов, если цифру, которая относится к одной трети месяца, к промежутку времени с 1 по 10 декабря, перечислить на целый месяц, т.-е. в 3 раза увеличить, то будет 120 миллиардов. Таким образом, идет постепенное увеличение. 120 миллиардов—очень порядочная сумма, даже в переводе на золотые рубли. Если считать, что по смете будущего года мы должны будем получить по жел. дор. приблизительно 2½ милл. золотых рублей в месяц от частных грузов и пассажиров, то это представляет уже 60—70% того, что мы должны будем получить в будущем году. Это указывает на то, с одной стороны, какова у нас цифра валовых поступлений теперь, с другой стороны, что те цифры, которые мы ставим в бюджете будущего года, не преувеличены, не взяты с потолка, а цифры, в известной степени согласованные с действительностью, может быть, даже преуменьшенные. По Наркомпочтелю поступило по 1 декабря 304 миллиарда. Правда, в этой сумме огромная часть, т.-е., 284 миллиарда поступлений от государственных предприятий за пользование казенными телеграммами и письмами и только 20 миллиардов рублей представляют валовую выручку от частных лиц. Еще для того, чтобы вы имели представление о той роли, которую налоги могут играть в местном обороте, в местной финансовой жизни, я возьму поступления по Москве. Москва давала

наибольшее количество и государственных и местных поступлений, и вот за время по 20 декабря в Москве, и Московской губернии промысловый налог дал 24 миллиарда, т. е., приблизительно больше половины поступлений его по всей России. Затем аренда торговых помещений дала 8 миллиардов, трамвай дал 31 миллиард (я не касаюсь других многочисленных местных налогов). Таким образом, и в истекшем году налоговое поступление играло известную роль.

Перейдем к бюджету будущего года. Какую роль играют налоговые поступления в бюджете будущего года? Я, товарищи, договариваюсь, что при оценке налоговых поступлений, как при предположении того, сколько может поступать этих налогов денежных, прямых и косвенных, так и при оценке на деньги того, что поступает и поступит от продналога, мы исходили из минимального предположения, мы подходили очень осторожно, учитывали слабость поступления продналога и, вообще, исходили из минимальных сумм. Таким образом, это наше предположение является умеренным и вот каково отношение денежных и натуральных налогов к расходному бюджету. Я буду говорить вам сразу в переводе на довоенные золотые рубли, а как этот перевод делается и как он исчисляется, я скажу, когда буду говорить о порядке составления бюджета, который мы предлагаем на ваше утверждение. Предполагается, что прямых денежных налогов поступит на 37½ миллионов довоенных золотых рублей. Косвенных налогов (это различного рода акцизы на табак, на спички, на соль, на керосин, на напитки, таможенные пошлины и т. д.), не менее 29.600.000 довоенных золотых рублей. Пошлины не менее 9.400.000 золотых рублей. Затем, поступления от транспорта и связи, т. е. железных дорог, водных путей, от почт и телеграфов, как прямые поступления наличными деньгами, так и оборотные поступления составят 98½ миллионов золотых рублей и, наконец, оценка продналога в золотых рублях, в той части этого продналога, который будет потреблен в течение 9 месяцев — с 1 января по 1 октября 1922 г. — составляет 40 миллионов рублей. Таким образом, общие поступления налогового характера составляют 575 миллионов золотых рублей, а наш общий расход по бюджету 1922 г. — 1.877.000.000 золотых рублей, так что доходные налоговые поступления составляют 30% всего нашего расхода. Нельзя поэтому говорить о том, что эти налоговые поступления представляют собой ничтожную сумму, с которой можно не считаться при упорядочении бюджета и нашего денежного хозяйства, вообще. Если мы возьмем не общую сумму дохода, а только те поступления, которые идут наличными деньгами от населения (не включая сюда натуральный налог, то же поступающий не от государственных органов, а от населения), то и тогда у нас денежное поступление выражается в 177 милл. золотых рублей. Если сравнить их с расходами, которые государство по своему бюджету производит то же в наличных деньгах, выплачивая их окружающему населению, в форме ли заработной платы, в форме ли закупок за деньги предметов мелкой и средней промышленности, в форме ли покупки хлеба (407 миллионов прямых расходов), то тогда наши прямые денежные поступления составляют 42% наших прямых денежных расходов. А так как, в наших прямых денеж-

ных поступлениях главную роль играют денежные налоговые поступления, то из этого видно, какую роль играют налоги. Поэтому возражение против налогов с той точки зрения, что они не играют финансовой роли, неправильно. Съезд должен поэтому призвать всех местных работников и всех центральных работников, неуклонно проводить ту налоговую программу, которая намечена в нашем бюджете, и те налоговые мероприятия, которые в дальнейшем будут проводиться финансовым ведомством с благословения центральных органов— Совнаркома и ВЦИК.

Дальше, товарищи, второй причиной нашего государственного дефицита, как я вам указывал, являлась и является убыточность наших государственных предприятий, к устранению или уменьшению убыточности их нельзя подходить с мероприятиями чисто финансового характера.

Это те мероприятия обще-экономического характера, которые докладывались вам и т. Каменевым и т. Богдановым (сокращение количества предприятий, которые остаются в государственном управлении, перевод предприятий на коммерческие начала, сдача предприятий в аренду, закрытие убыточных предприятий и т. п.). Не может ли Народный Комиссариат Финансов и вообще наша финансовая политика в той или иной мере оказать помощь этому делу оздоровления нашей государственной промышленности? А финансы, как таковые, стоят разве в стороне от этого дела? Финансы не могут стоять в стороне от этой основной задачи нашего хозяйственного возрождения. И тем финансовым органом, который призван помочь нашему хозяйственному строительству, является государственный банк и система кредитных учреждений. Государственный банк одной из своих главных задач имеет кредитование и финансирование тех государственных предприятий, которые переведены на начала хозяйственного расчета. Госбанк подходит к их финансированию не с прежней точки зрения, не с точки зрения государственно-сметной, а с точки зрения коммерческого расчета, с точки зрения банковского кредитования, с точки зрения финансирования тех предприятий, которые являются предприятиями здоровыми, предприятиями правильно поставленными. Он будет финансировать только те предприятия, которые не будут только наростом на теле государства, забирая у него предметы снабжения и денежные средства, а будут, наоборот, развиваться и способствовать оздоровлению всего нашего хозяйства. Вторую цель государственного банка является оказание кредитной помощи в реализациях тех фондов производства, которые предоставляются в распоряжение государственных предприятий, чтобы они могли отчудить их на вольный внутренний или, может быть, внешний рынок, при помощи соответствующих учреждений и получить средства денежные и материальные для лучшей постановки данной отрасли промышленности или данного предприятия. В этой области большую работу продолжает уже начавший свою деятельность государственный банк, отчет о деятельности которого за первый месяц вам роздан. Нашему банку, вероятно, придется обрести целой сетью более слабых, более связанных непосредственно с местами и отраслями промышленности кредитных учреждений. В дальнейшем развитии нашей финансовой и кредитной политики первым шагом было

учреждение банка потребительской кооперации, который в конце января начнет свои операции. Я не буду долге останавливаться на этом вопросе. Во всяком случае в области устранения дефицитности государственных предприятий мы работаем при помощи банка.

Следующей причиной, которую надо изжить и на которой необходимо остановиться подробно, потому что это главная работа нашего ведомства,— это вопрос неправильного составления и чрезмерности расходной части нашего бюджета. Этим вопросом мы занимались уже на 4-й сессии Центрального Исполнительного Комитета прошлого созыва. Мне поставили тогда вопрос о том, какими принципами надо руководиться при составлении бюджета на 1922 и следующие годы. Здесь я отмечу, во-первых, сторону организационно-формальную, сторону прохождения бюджета, и, во-вторых, сторону составления бюджета по существу. Со стороны организационной, наши бюджеты за предыдущие годы фактически составлялись без участия мест. На местах производилась определенная, в некоторых местах довольно крупная и довольно большая, бюджетная работа. Составлялись предположения поступления доходов, пока эти доходы существовали, составлялись сметы расходов отдельных отделов и ведомств по данной губернии или по данному району и по данной области, но эта работа шла медленно, сведения поступали не тщательно в центральные учреждения, поступали тогда, когда, те, в свою очередь, уже заканчивали свою работу, и новые данные уже не являлись материалом для составления государственного бюджета. Поэтому на 4-й сессии было постановлено, что места должны в этом году в определенный срок спешно составить и представить перечень расходов по отдельным отделам для того, чтобы комиссариаты на местах при составлении своих бюджетных предположений, руководились этими местными данными. Предполагалось, что, благодаря этому, бюджет на 1922 г. будет построен на основании информации с мест и что интересы отдельных губерний и местностей будут в нем достаточно предусмотрены и защищены. На самом деле этого не вышло, и только на будущий год по отношению к бюджету 1923 г. можно будет это провести, и поэтому нам придется в настоящее время внести известные коррективы в этот бюджет в порядке его исполнения, а для приготовления бюджета на 1923 год ВЦИК вызовет т.т. с мест и совместно с ними в ближайшие недели проверит и составит распределение ассигновок между местами, для того, чтобы таким образом, голос местных людей, если он не был принят во внимание при самом составлении бюджета, был бы выслушан и получил свое решающее слово в порядке распределения ассигнованных уже по бюджету сумм между отдельными местностями.

Теперь, товарищи, я перехожу к бюджету по существу. Это первый бюджет, который представляется на утверждение С'езда Советов, а все остальные бюджеты, начиная с бюджета 1917 г., проходили через ВЦИК. Мы так много останавливаемся на этом бюджете и придаем ему такое большое значение, пеемстры на целый ряд его дефектов, потому, что он резким образом отличается от прежних бюджетов. Прежние бюджеты предусматривали только денежные поступления и денежные расходы государства. Хотя и были попытки охватить в этих бюджетах и материальное снабжение; и то, что про-

извонилось хозяйственными органами государства, и то, что поступало через Наркомпрод и другие ведомства, но эти попытки были слабы, и бюджет оставался исключительно бюджетом расходования денег, а в последнее время—бумажно-денежной эмиссии. Кроме того, в последний год эти бюджеты почти совершенно не имели доходной статьи, потому что денежные доходы у нас были фактически отменены, а учет материальных ценностей, кроме того, что поступало в виде продрозвертки, был чрезвычайно плохо организован. Вот почему, по отношению к бюджету, при его составлении и утверждении, при составлении смет отдельных ведомств и отдельных областей, стали подходить упрощено, не с точки зрения того, что у нас есть и чем мы можем покрыть нужные расходы, а с точки зрения того, каковы эти нужные расходы. Что касается местных средств—это не важно. Гозпак напечатает, денежные знаки будут, и, таким образом, потребности будут удовлетворены. Конечно, это была неправильная политика, которая на известный промежуток времени, может быть, и неизбежна. Я указывал вам, как по мере увеличения выпуска денежных знаков, падала покупательная их сила. Поэтому мы составляли большой расходный бюджет, а фактически, как много мы не выпускали бумажных денежных знаков, купить на них было нельзя больше определенного количества. Вы на местах и здесь в центре получали большое количество денежных знаков, но они были недостаточны для удовлетворения тех потребностей, которые были утверждены в расходной части бюджета. Поэтому, при составлении бюджета этого года, в октябре, на сессии ВЦИК, был наменен другой путь: сначала определить, сколько мы будем иметь средств, а потом их распределить, при чем разрешить и утвердить только такие расходы, которые будут охвачены тем, что мы будем иметь. Что же мы будем иметь? А иметь мы можем, во-первых, то, что поступит от продналога, во-вторых то, что поступит от государственной промышленности, в-третьих, то, что поступит денежными налогами и, в-четвертых, то, что можно взять при помощи выпуска бумажных денежных знаков. Но в каких цифрах и каких денежных единицах мы можем сравнить и продукцию наших фабрик и заводов, и поступления от продналога, и те денежные знаки, которые поступят в виде налога в январе—августе будущего года, если курс денег будет различен, и нашу эмиссию, т. е. денежные знаки, которые мы выпустим для покрытия дефицита, как же мы будем их сравнивать, если их ценность в феврале будет другая, чем в июле? Можно ли сравнивать бумажные денежные знаки, если мы производим те или другие подсчеты за прошлое, зная насколько падала ценность бумажных денег каждый месяц? Мы можем перевести все расходы за прошлые месяцы на курс какого-нибудь одного месяца и на цены какого-нибудь одного месяца, и их сравнивать. Но на будущее время мы этого сделать не можем. Мы теоретически можем вычислить приблизительный коэффициент падения бумажных денег для расчетов в общем масштабе. Но для того, чтобы конкретно строить расчеты каждого отдельного ведомства, каждой отдельной местности, каждого отдельного предприятия, при небывало сложной экономической обстановке, при небывало сложной экономической политике, мы не можем исходить из этого предполагаемого коэффициента. Поэтому необходимо все наши вычисления вести по твердой валюте, и, конечно, в качестве такой твердой валюты, само

собой, запрашивается наш русский довоенный золотой рубль. Но можно ли просто взять и рассчитать наши поступления в довоенных ценах. Нет. Мы в довоенных ценах этого сделать не можем, потому что знаем, что и на русском и на международном рынке цены изменились. Соотношение цен между различными продуктами сейчас и на международном рынке, и у нас в России иное, чем было до войны и до революции. Поэтому, нельзя вычислять бюджет в довоенных ценах, а нужно вычислить в нынешних рыночных ценах, но в соответствии с довоенным золотым рублем. Для этого берется стоимость, рыночная цена целого ряда основных продуктов в теперешних советских деньгах и их довоенная ценность в золотых рублях. Затем узнаем, во сколько раз увеличилась цена каждого продукта, получим ряд коэффициентов, и затем, когда мы возьмем среднюю, то увидим, что один продукт стал в 10.000 раз, другой в 100.000, третий в 20 тысяч и т. д. раз дороже по сравнению с довоенной ценой. Когда мы берем эту среднюю цену, то получаем среднее падение нашего рубля. Таким образом, в декабре этого года мы могли установить, что советский рубль стоил $1/80.000$ золотого рубля, а в январе, феврале и марте будущего года— $1/100.000$. Таким образом, определив отношение нынешнего советского бумажного рубля к довоенным золотым рублям, мы уже легко можем определить цену каждого продукта в довоенных золотых рублях. Напр., возьмем нынешнюю цену пуда хлеба, разделим ее на коэффициент падения советского рубля и получим цену пуда хлеба в довоенных золотых рублях. То же самое мы можем сделать и с другими видами продуктов, сырья, продовольствия— все это мы переведем на довоенный рубль. Выпуск бумажных денег и налоговые денежные поступления мы переведем на довоенный курс, принимая во внимание существующее отношение между теперешним советским рублем и рублем золотым. Таким образом, получается у нас возможность сравнения. Вот почему мы составляли наш бюджет в довоенных руб. Этим путем, легко выяснить стоимость нашего продналога, оценить продукцию промышленности, легко перевести денежные налоги. Затем мы останавливаемся на вопросе о том, какую сумму должна достичь эмиссия в предстоящем году, какой размер эмиссии мы можем себе позволить. В начале моего доклада мы установили уже, что в предстоящем 1922 г. выпустим столько денежных знаков, чтобы это соответствовало тому, сколько мы, при сохранении прежней эмиссии, могли бы дать реальных ценностей. Эту сумму мы будем считать максимальной, будем считать высшим пределом в том смысле, что в будущем году мы позволим себе поставить меньшую сумму, чем было до сих пор. Если у нас будет повышение налогов в 1922 г., то эмиссию мы будем не увеличивать, а уменьшать. То, что мы ставим в бюджет, это есть максимум, выше которого Советская власть пойти не должна. Этот максимум выражается в 230 милл. золотых рублей, на 9 месяцев. Эта сумма больше, чем та сумма, которая была выпущена в текущем 1921 г. Она больше по своему золотому значению, как и больше по своему бумажно-денежному выражению. Но эта сумма определенная, и мы будем выпускать ее в определенные сроки для покрытия того дефицита, который распределен по месяцам. Будем выпускать

таким путем, что если эти 230 миллионов по 9 месяцам распределяются в среднем по 25 миллионов золотых руб., то мы в январе выпустим для покрытия этой суммы бумажных денег меньше, чем в июле, потому что в июле будет курс ниже, и каждый из вас, живущих по этому бюджету и в центре, и на местах, будет знать, что он бумажных денег, как хозяйствующий, расходующий организм, получает одну и ту же сумму денег в золотом выражении, одну и ту же покупательную силу. И вот, таким образом, мы перешли к составлению этого бюджета. Благодаря тем причинам, которые я указал в начале, благодаря тому, что этот бюджет был составлен без достаточного количества сведений с мест, без достаточного участия местных людей, и в виду спешности составления этого бюджета, в виду того, что такие центральные ведомства, как, напр., ВСНХ, не могли представить точных данных, проверенных сведений, благодаря этому, этот бюджет, конечно, является только первоначальным бюджетом. В нем находится большое количество дефектов—придется в процессе проведения его в жизнь вносить ряд изменений. Но он представляет собой первый шаг на пути к оздоровлению нашего бюджета, на пути к оздоровлению нашего денежного обращения. Этому бюджету мы уже присвоили название жестого, твердого бюджета, и товарищи подходят к этому бюджету заранее с очень большим страхом, считая, что он в значительной степени урезывает их по сравнению с прошлым годом. Я считаю себя обязанным указать, что это не совсем так. Этот бюджет, конечно, жесткий, но в чем заключается его жесткость? Составляя те или другие сметы, мы принимаем во внимание сметы расходов по промышленности, сметы на заработную плату, мы принимаем во внимание то количество рабочих, которое должно остаться в государственной промышленности на основании постановления Государственной Общеплановой Комиссии. Между тем, не везде на местах эти постановления уже проведены в жизнь, и поэтому может случиться такое положение, что бюджету вы получаете известную сумму, которая была бы совершенно достаточной (и в золоте и в бумажных деньгах фактического обращения), на покрытие расходов фабрик и заводов в данном районе, в Петрограде, Москве, или той или другой губернии. Но, благодаря тому, что промышленность еще не сжалась, согласно постановления Общеплановой Комиссии и СТО, их может не хватить. Поэтому принимаемый вами бюджет в первую голову налагает на вас обязанность сжаться, согласно общему хозяйственному плану, утвержденному соответствующими хозяйственными органами. Дальше вам придется в своей последующей работе считаться с этим бюджетом и не выходить из его рамок. Эти рамки уже, чем те, которые были намечены у нас расходным планом прошлого года. Расходные сметы прошлого года были составлены с размахом, без сравнения с нашими действительными средствами. Средства же, которые мы получили в текущем году, значительно больше как в общей своей сумме, так и по отдельным отраслям работы, чем те средства, которые были фактически даны вам в 1921 г.

Я специально заказал, чтобы мне подготовили справку о том, какое количество денежных знаков и какова сумма в золотых руб., при переводе этих знаков в золотые рубли, получена в прошлом году и какую сумму будут иметь от-

дельные отрасли работы в предстоящем 1922 г. Что же, товарищи, получится? Если мы возьмем то, что мы получили в доход в прошлом году, то это в общем составляет по всем ведомствам и по всем областям (я специально просил указать то, что посылалось в отдельные местности: Сибирь, Туркестан, Украину, Кавказ, Москву, и распределить их по ведомствам, как распределяется у нас), 11 триллионов 900 миллиардов руб. бумажных денег. Это составляет в переводе на золотые довоенные рубли 189 миллионов золотых рублей. (Звонок председателя. Голос с мест: «просим продолжать»).

Председатель. Ко мне поступил целый ряд записок с просьбой придерживаться регламента. (Голоса: «Просим, просим»).

Крестинский. Если позволите, я в несколько минут кончу. (Голоса с мест: «просим продолжать»). В предстоящем же сметном году, который представляет собой не 12 мес., а только 9 мес., мы в нашем бюджете предусматриваем плановых расходов, т.-е. тех расходов, которые будут выданы вам деньгами, как из наших эмиссий, так и из банка, 407 миллионов золотых рублей. Если из этих 407 миллионов я исключаю 27 миллионов золотых рублей, которые представляют собой резервный фонд Совнаркома и тот фонд, который предназначен на пособие союзным автономным республикам, то получается 380 миллионов золотых рублей. Таким образом, та сумма, которую вы получите в доход в предстоящем году, эта сумма в течение 9-ти месяцев превысит в 2 раза то, что вы получили в течение всего 1921 г. Но эта сумма будет меньше того, что вы хотели и предполагали получить по своим расходным планам на 1922 г. Поэтому наш бюджет является строгим, жестким и скупым по отношению к щедрым и размахистым проектам 1921 г. Но он не является таким скупым по сравнению с действительностью 1921 г. Если же вы при этом примите, товарищи, во внимание, что в этот государственный бюджет не включены сейчас целые, очень крупные группы расходов, которые перенесены сейчас на местные средства и которые в прошлом году должны были покрываться из общегосударственных средств, то вы увидите, что с точки зрения общегосударственных доходов и расходов этот бюджет является еще менее страшным по сравнению с прошлогодней тяжелой действительностью. Местные средства, вот то большое место, с которым нам придется считаться в этом году. Значительная часть расходов перенесена на местные средства. Напр.: 100 проц. добавки к уравнительному сбору по промысловому налогу, 25 проц. отчислений с патентного сбора, ряд местных мелких доходов, доходы от коммунальных предприятий. Вот где теперь для вас, товарищи, работники с мест, будет огромная трудная и тяжелая работа: развить местные обложения, развить местное хозяйство для того, чтобы можно было им покрывать местные расходы. Конечно, государство сознает, что не всегда и не везде удастся сбалансировать местные расходы с теми расходами, которые при всем напряжении сил вам удастся получить. Поэтому, у нас есть некоторый дотационный фонд — фонд субсидий, из которого Совнарком и ВЦИК будут иногда, той или иной местности, приходить на помощь. Может быть, тот избыток поступлений, который будет у нас, удастся в известной части направить в эту сторону. Но помните, товарищи, что путь

наисканий местных доходов, есть один из наиболее правильных путей к оздоровлению государственного хозяйства, потому что местные средства совершенно обособлены от государственного денежного станка. Вы не можете покрывать местные расходы производством денежных знаков, вы волей неволей будете переходить к более здоровым источникам—источникам поднятия местного коммунального хозяйства. А этот источник есть источник здоровый, источник воссоздания местного хозяйства, источник подведения здоровой местной хозяйственной базы, основы под наше общегосударственное и денежное хозяйство.

Теперь я перехожу к перспективам оздоровления нашего бюджета, к перспективам оздоровления нашей денежной системы. Вы, конечно, знаете, что после 7-ми лет империалистской и гражданской войны, после того разорения нашего хозяйства, которое явилось в результате и мировой войны, и попыток интервенции, и попыток блокады, мы не можем в один-два года оздоровить наше хозяйство, мы не можем в один-два года оздоровить наш бюджет. Но если мы сравним наш фактический бюджет прошлого года и наш бюджет будущего года, если мы взвесим перспективы, то мы увидим, что унывать нам не приходится и что мы стоим сейчас на верном пути к финансовому возрождению. Здесь я оговорюсь. Я несколько раз указывал, что будущий бюджетный год в 9 месяцев, а прежний—в 12 месяцев. Почему так? Дело в том, что наш бюджет в значительной степени, как и все хозяйство, строится на нашей сельско-хозяйственной продукции. Так, как урожай выясняется осенью, приблизительно к 1-му октября, то поэтому ВЦИК установил, в дальнейшем, бюджетный год считать не с 1-го января по 1-е января, а с 1-го октября по 1-е октября следующего года. Но так как наш бюджет 1921 г. был высчитан по 1-е января 1922 года, то поэтому следующий бюджетный период будет у нас с 1-го января 1922 г. по 1-е октября 1922 г., т.-е. в 9 месяцев. А дальше опять начнутся годовые периоды. Так вот, товарищи, сравним наш фактический бюджет за прошлый 1921 г. и предстоящий год. Я указывал вам, каков приходный бюджет в предстоящем году. Это будет продукция государственной промышленности, которая, приблизительно, исчислена в 900 милл. довоенных золотых рублей. Затем этот продналог в 400 милл. довоенных рублей. Затем то, что находится сейчас в виде остатков фондов Наркомпрода, предметов первой необходимости—на 25 милл. золотых рублей.

Затем, товарищи, доходы от государственных имуществ, в первую очередь лесной доход, составляют всего 70 миллионов золотых довоенных рублей; денежные налоги 76½ миллионов золотых рублей; доходы от транспорта, почт и телеграфов 99 миллионов довоенных золотых рублей; наконец, при помощи выпуска бумажных денежных знаков—230 миллионов золотых рублей; всего—1.812 миллионов золотых рублей, которые в деньгах или в других реальных ценностях в течение 9-ти месяцев по осторожному расчету должны поступить в кассу государства. За каждый месяц, следовательно, в среднем 200 миллионов золотых рублей.

В прошлом году налогов почти не было. Налоги составляли, в переводе на золотые рубли, сумму в 10 миллионов; от эмиссии поступило 189 миллионов,

следовательно, эмиссия и налоги вместе дали 200 миллионов золотых рублей. Затем доход от нашей продовольственной политики. При этом полгода были периодом ликвидации продразверстки, а следующие полгода началом сбора продналога. Если на 1922 год предположено получить на 400 миллионов золотых рублей, то в 1921 г. приблизительно получалось в полтора раза больше, значит 600 миллионов в 9 месяцев, а за целый год—800 миллионов золотых рублей. Значит доход через Наркомпрод я считаю 800 миллионов за истекающий год и кроме того 900 миллионов от промышленности (хотя фактически получается меньше). Следовательно, за год наш хозяйственный бюджет был равен 1.900 миллионов золотых рублей, т. е. на каждый месяц приходится в среднем 155—160 миллионов в золотых рублях. По отношению к истекающему году новый бюджет дает сильное повышение. Точно так же, если мы сравним наш бюджет с бюджетом тех западно-европейских государств, где финансы находятся в наихудшем положении, напр., Германии, Австро-Венгрии и Польше, то мы увидим, что они сводят свой бюджет с огромным дефицитом и на покрытие этого дефицита выпускают бумажные денежные знаки. Хотя польская марка, австрийская крона и особенно немецкая марка стоят значительно выше, чем наш советский рубль на мировом рынке, но тот процент расходного бюджета, который покрывается у нас эмиссией в 1922 году, значительно меньше, чем (по долям государственного бюджета) тот дефицит, который они должны покрывать выпуском бумажных денежных знаков. Поэтому там финансы идут еще вниз, в то время, как мы уже поднимаемся вверх. И если мы твердо станем на путь жесткого ограничения выпуска бумажных денежных знаков, если мы будем проводить плановую эмиссию в рамках бюджета, если мы в будущем году поставим меньшую сумму эмиссии в нашем бюджете и если в нашем государственном и крестьянском хозяйстве будет закрепляться тот поворот к оздоровлению и улучшению, который намечился уже во второй половине этого года, то нам незачем будет быть нессимиястами в области нашего финансового хозяйства. Мы вступили еще очень слабо на путь оздоровления, мы наметили правильно этот путь. Этого правильного пути надо держаться и ближайшие годы дадут нам оздоровление и восстановление нашего денежного хозяйства.

Председатель. Слово для предложения имеет г. Сапронов.

Сапронов. Президиум предлагает сейчас же избрать финансовую комиссию, чтобы она могла и этот вопрос проработать, поэтому Президиум предлагает список, а прения перенести на следующее заседание. Список оглашается:

Т.т. Крестинский, Каменев, Сапронов, Рогов, Мещеряков, В. М., Ларин, Чубарь и Туманов (Украина), Черлов (Иваново-Вознесенск), Подюдов (Сибирь), Иванов (Петроград), Шмидт, Преображенский, Сокольников, Новоселов, Пестун, Тер, Осинский, Скребнев и Щекли.

Председатель. Других списков нет. Разрешите проголосовать этот список. (Баллотировка. Принято).

Следующее предложение Президиума: Сегодняшний день пленума вечером не открывать, а вечером с 9 час. будет заседать Совет старейшин. Завтра утром пленум не открывать, а будет заседать коммунистическая фракция и целый ряд комиссий. В вечернем заседании будет поставлен доклад т. Троцкого и прения по докладу т. Крестьянского. Ставлю это предложение на голосование. (Баллотировка. Принято).

Заседание объявляется закрытым.

МД 19

С-9

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

761030 / 5

~~В 14355~~

IX

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 5.

27 Декабря 1921 года.

№ 5.

Заседание седьмое.

(Вечернее).

Калинин. Объявляю заседание Съезда открытым. Слово для заявления имеет представитель Армянской Республики т. Мясников.

Мясников. Товарищи, я должен здесь сделать заявление от имени трех Закавказских независимых республик: Азербейджана, Армении и Грузии. Эти Советские Республики возникли в Закавказьи в разное время, но в общем и целом, можно считать, что уже год, как Советская власть в этих трех Закавказских республиках существует, развивается и укрепляется. И с того момента, как в Закавказских республиках установился советский режим, мы можем смело сказать, что началось, действительно, самостоятельное и независимое существование народов Закавказья, ибо зависимость, которую эти народы имели от Антанты, советской революцией была разорвана и эти народы стали совершенно самостоятельно решать свои судьбы. Национальная рознь и резня, которую сеяли и устраивали буржуазные правительства Закавказья, при советском строе отошли в область преданий. В жизни Закавказских республик мы теперь замечаем новое явление—а именно, то, что трудовые слои Закавказья, между собой сплочиваясь, стремятся к такому же сплочению и с Российскими рабочими и крестьянами. В интересах этого сплочения и тесного братского единения, закавказские трудящиеся хотели бы еще теснее связаться с РСФСР.

Поэтому эти три республики уполномочили меня здесь перед настоящим Высшим Собранием ходатайствовать о том, чтобы во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, по усмотрению самого 9-го Съезда Советов, было предоставлено определенное количество мест Азербейджану; Армении и Гру-

зии для того, чтобы: 1) этим была бы вызвана солидарность Закавказских республик с Российской Федерацией, и 2) чтобы Закавказские республики из богатого опыта советского строительства России могли бы черпать для себя все новые и новые уроки. Вот, товарищи, мое предложение 9-му Съезду. (Аплодисменты).

Председатель. Товарищи, я думаю, что вполне выражу мнение делегатов 9-го Съезда, если скажу, что 9-й Съезд Советов с радостью приветствует заявление свободных Закавказских республик. (Аплодисменты). Я предлагаю предложение т. Мясникова принять без прений. (Аплодисменты). Позвольте считать это предложение принятым единогласно. (Аплодисменты).

Приступаем к обсуждению следующего пункта порядка дня—о строительстве Красной Армии. Слово по докладу имеет т. Троцкий. (Бурные и продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Ура! Да здравствует вождь Красной Армии!»).

Троцкий. Товарищи делегаты, год тому назад, на 8-м Съезде Советов мы постановили приступить к систематическому сокращению Красной Армии и Красного Флота. Вы предугадали в общих чертах направление и темп этого сокращения. По тем расчетам, которые вы одобрили в прошлом году, мы должны были сократить Красную Армию так, чтобы к середине истекающего теперь года она составляла бы не более половины того, чем она была перед 8-м Съездом Советов. Я докладывал уже в прошлом году, что в момент своего наивысшего численного развития Красная Армия достигла 5 миллионов 300 тыс. человек. Сокращение вдвое означало сведение ее приблизительно до 2 миллионов 700 тыс. человек. Международная обстановка и потребность облегчения военной ноши для трудящихся Советской Федерации, заставили увеличить эту программу сокращения Красной Армии. В настоящее время те законные рамки, в которые укладывается Красная Армия, вместе с Красным Флотом, вместе с частями внутреннего назначения и всеобщем выражаются в количестве 1 милл. 595 тыс. душ. Если отвести флот, крайне у нас немногочисленный по личному составу, и если исключить части местного специального назначения, если отвести эшадные пункты, если взять армию в собственном смысле слова, то мы получаем не более 1 милл. 370 тыс. душ. Другими словами, армия сократилась более, чем втрое.

Эта работа сокращения была нелегка. Многие из вас, делегаты армии, знают это не хуже меня. Эта работа незаметная, в ней не было героических эпизодов, привлекающих к себе внимание всей страны, но эта работа величайшего напряжения всех нервов военного организма.

Мы старались, чтобы сокращение как можно меньше ударило по активной части армии, по ее дивизиям и полкам. Сокращение, так называемых, тылов было произведено на 70%. В результате, нынешняя армия насыщается, примерно, 34%, приходящихся на центральные и местные учреждения, и около 66% на активную часть. Соотношение гораздо более благоприятное, чем было год тому назад. Передвижку от тылов к активной части мы произвели за этот год на 13%. То, что было военной тайной, общая численность армии и общие формальные рамки ее, то теперь, с переходом на оседлость и в связи с другими обстоятельствами, совершенно перестает быть военной тайной. Сейчас

наша армия мирного времени заключает в своем составе, в переводе на бригадную единицу, 95 стрелковых бригад и 49 конных. Это—те общие рамки численного строения нашей армии, которые я считаю и возможным, и необходимым, и полезным дать, и полагаю, что если Съезд Советов теперь найдет нужным узнать более детально структуру армии, он найдет для этого свои пути.

Сокращение армии означало удаление из ее состава старших возрастов. Мы начали с родившихся в 1895 году и наиболее старых годов, которые были мобилизованы частично. Затем мы перешли к 84 году и следующим годам, опустились к 1886 году, 1887 и 1888 г.г., и в результате, в течение этого года демобилизовали 13 полных возрастов, от 86 до 98 г.г. В армии сейчас у нас три возраста: 1899, 1900 и 1901 г.г. 13 возрастов, не считая мобилизованных частично, освобождены. 3 возраста остаются в армии, не считая специалистов, не считая тех красноармейцев, которые связаны с более квалифицированной работой армии.

Вопрос о 1899 г. стоял на очереди. Укомплектование армии в численном отношении было бы возможно из двух годов, но те тревожные обстоятельства, о которых будет еще речь впереди и которые требуют величайшей бдительности Красной Армии, заставили приостановить дальнейшее увольнение в бессрочный отпуск, чтобы придать армии максимальную устойчивость и сохранить в рамках указанных чисел в ее составе 1899 г., как наиболее опытный и обученный. Процесс сокращения был процессом сжатия и процессом труднейшей реорганизации.

Процесс демобилизации армии есть болезненная операция, означающая потерю крови и неизбежное временное ослабление организма. Эта операция вчерне закончена. От вас зависит приказать сокращать армию дальше или остановиться на том числе, которого мы достигли. Но если вы спросите нас, военное ведомство, то я думаю, что я выражу мнение и всех делегатов армий, здесь находящихся, если скажу, что армия сейчас мечтает больше всего о том, чтобы процесс реорганизации был закончен, чтобы получить устойчивость, твердость, прочные штаты и чтобы взяться за повседневную работу подготовки и обучения. (А п л о д и м е н т ы).

Если мы оглянемся на этот год напряженной демобилизации и спросим себя, как жила Красная Армия, то я скажу, что она жила тяжело. Природе нашей политики соответствует говорить правду, не прикрашивая ни на каких и прежде всего на таких высоко авторитетных Законодательных Собраниях, как настоящее, голос которого разносится по всему миру. Да, армия наша в истекающий год жила тяжело. Она жила тяжело потому, что ее аппарат, в том числе аппарат довольствующий, был ослаблен непрерывным потоком демобилизации. Армия жила тяжело, потому что материальные демобилизации неизбежно влечет за собою демобилизационные духовные настроения в стране. Мы были свидетелями этого неизбежного временного перехода, когда общественное внимание нашей страны переставало пристально приглядываться к нуждам и потребностям армии, которая, закончив свою очередную работу, переходила на оседлые квартиры и непрерывно сокращалась.

В области продовольствия, в вопросе квартирном, в вопросе топлива, тесно связанного с квартирным вопросом, в области вещевой наша армия в

этот год терпела тяжелые лишения, тем более тяжелые, что ее собственное внимание раздвигалось между теми, кого она отпускала по домам, и между теми, кого она сохраняла в своих рядах. И сейчас, когда мы сократили армию втрое, основная задача—и это, я надеюсь, Съезд закрепит в сознании каждого из нас,—состоит в том, чтобы обеспечить армии снабжение, без которого она не может в полном объеме проводить свою подготовительную работу. Надо сделать казарму более уютной, надо сделать ее, прежде всего, чистой, светлой и теплой. И мы просим, чтобы Съезд Советов приказал дать, при нашей бедности, которая известна всем, дать все же немного больше уюта, тепла и света казарме, нашим молодым красноармейцам. (Аплодисменты). Им надо учиться прежде всего, ибо армия состоит нынче из трех младших возрастов. Их еле задело испытание гражданской войны и в своей массе они нуждаются в обучении и воспитании.

Тот факт, что армия состоит ныне только из трех возрастов, в основе своей является огромным преимуществом, ибо обеспечивает ей однородность настроения, однородность переживаний, однородность военной школы. Но это так же и минус с точки зрения предшествующей военной подготовки, и этот минус нужно наверстать. Наверстать его можно только при помощи напряженной работы руководящего состава нашей армии,—ее командного и комиссарского состава. Сокращение армии не внесло каких-либо перемен в наш командный состав. Он попрежнему ведет свое происхождение из разных источников. Тут и рабочие, и крестьяне, поднявшиеся в пылу гражданской войны с низов без всякого военного обучения; тут и бывшие унтер-офицеры старой царской армии, тут рабочие и крестьяне, прошедшие наши современные военные школы, тут и старые кадровые офицеры царской армии, бывшие военные чиновники и, наконец, в довольно высоком проценте, офицеры военного времени.

Я приведу вам примерное соотношение этих основных категорий. Без военного образования,—а мы считали здесь командиров не с отделения, а со взвода, т. е. по старому понятию офицеров без военного образования у нас 43,4% всего командного состава. Так было осенью—в сентябре и октябре. Процент огромный, который какому-либо квалифицированному военному иностранцу может дать представление о нашей армии, как об армии слабой, как об армии в военном смысле невежественной; мы же с вами, знаящие нашу армию, ее сильные и слабые стороны, говорим: у этих 43,4%, не прошедших никакого военного образования, есть пехватки. Мы их знаем прекрасно, по это—ядро, это—основа нашего командного состава. Это—подлинные красные офицеры революции, это—подлинные представители ее духа. Они вышли из завода, они вышли из деревни, которым угрожала колчаковщина и денкингщина. Они вели других еще менее опытных, еще менее знающих, чем они. Они в боях этот опыт приобрели. И это—тот командный состав, на котором мы строим. Мы создаем для них повторительные курсы, они в них дополняют пробелы их формального военного образования; они заполняют и заполнят их в течение ближайшей зимы.

Бывших унтер-офицеров—13%, слишком мало. Мы слишком сильно растеряли этот драгоценный материал. Нужно будет снова приложить руки к тому, чтобы его подобрать и включить в наш командный состав. Красных

командиров, прошедших Советскую военную школу, около 10%. Итого этих трех категорий, наиболее демократических, наиболее низовых—66,3%, т. е. две трети. Офицеров военного времени старой армии 22,1%, военных чиновников—6%, кадровых офицеров—5,6%. Итого 33,7%.

Товарищи, я привел эти категории не для того, чтобы противопоставлять их друг другу. Я сказал, что ничего бы не сделала Красная Армия, если бы не было в пей этой драгоценной заправки—не квалифицированных в военном смысле, но высоко-квалифицированных в боевом смысле рабочих и крестьянских красных офицеров. Но та армия, которая перед нами живет и готова бороться сегодня, она в своем котле расплавила разный человеческий материал путем приливов и отливов, путем трагических испытаний, отдельных и групповых измен и жестоких кар за эти измены, путем противопоставления Красной Армии другим армиям и правды Красной Армии—лжи других армий.

Мы отобрали и закрепили командный состав из различных источников. Но это теперь в массе своей единый командный состав. Эти 5,6% старого кадрового офицераства занимают свое место в общем строении нашей армии, и они нам нужны. И они понимают и знают, что мы их ценим. И они сами многому научились. Я позволю себе привести здесь отзыв одного из кадровых офицеров старой школы, который занимал до Советской власти очень высокий пост. Это бывший военный министр правительства Керенского, тогда генерал-майор Верховский, который в своей книжке—«О задачах военно-учебных заведений»—он занимает одно из ответственных мест в организации наших военно-учебных заведений—пишет:

«Наиболее серьезным движущим мотивом в борьбе, нами пережитой, было стремление рабочих и крестьян отстаивать свою жизнь и достаток, а также достигнутое во время революции положение и захваченную землю от покушений старых свергнутых классов. Это основание, которое вело на борьбу массы. Лучшим передовым, наиболее идеалистически настроенными людьми, шли во имя идеи в борьбе за социализм, за новый мир освобожденного труда, и энтузиазм этих людей был организующей силой, вокруг которых сплотилось все сопротивление республик силам контр-революции.

Это создало ту волю к победе, которая сковала Красную Армию, и, несмотря на страшно тяжелые лишения, несмотря на поражения, завершило борьбу крупноисторической победой».

Может быть из нас многие сказали бы это другими словами, сказали бы это иначе, но ясно, что здесь устами, или пером Верховского говорит, можно сказать с уверенностью, почти весь наш старый кадровый командный состав, который растворился в армии и составляет ее необходимую составную часть.

Если мы возьмем командный состав по его социальному происхождению, то картина повторится. Сейчас крестьян у нас,—слушайте, товарищи-делегаты-крестьяне, и расскажите это в деревнях,—крестьян среди нашего красного офицераства 67,3%. (А п л о д и с е м е н т ы). Рабочих—12%, их много у нас вернула к себе промышленность и советские учреждения, и прочих около 20%. Рабочих и крестьян вместе у нас в командном составе 80%.

Позвольте еще затронуть здесь вопрос, который имеет значение и для Съезда Советов, и притом не последнее значение, ибо он касается роли в командном составе той партии, которая занимает у нас руководящее поли-

тическое положение в стране. По неточным сведениям, у нас до последнего сжатия партии, путем устранения тех элементов, которые, по мнению партии, не могут в ней иметь место—около 20% командного состава приходилось на долю коммунистов. Теперь менее 20%. Примерно, 10% коммунистов во всей армии. Эти цифры имеют очень крупное значение. Что они говорят? Они говорят, что коммунистическая партия, которой рабочие и крестьяне вручают руководство в нашей стране, является сочетанием исторического и политического опыта трудящихся масс. Но они же, вместе с тем, показывают, что партия вовсе не является вместилищем всего военного, технического, хозяйственного, производственного и торгового опыта трудящихся масс. Партия, как партия, доверием трудящихся сохраняет политическое руководство. Но где дело касается командования, там коммунисты-командиры рука об руку с беспартийными командирами, делают одно и то же дело. Партии вверена трудящимися массами монополия, революционная монополия руководства нашим государством среди рифов и отмелей труднейшей обстановки. Но партия вовсе не претендует, не может и не хочет претендовать на монополию военного, технического, научного и всякого другого руководства. Этот вопрос для нас тем важнее,—я его открыто поднимаю здесь,—что партия, которая есть добровольный союз единомышленников, в течение последних месяцев устранила из своих рядов довольно большое число лиц командного состава. О тех, кто устранен за поступки, не совместимые с гражданской честью, о тех говорить не буду. Но не мало утрачено потому, что партия нашла, что по своей психологии, по своему воспитанию и по своим привычкам мысли они не подходят к жизни нашего партийного коллектива. Партия сказала им: вы безусловно честные революционные воины, но вы не можете требовать для себя права влиять на нашу партийную программу и на нашу тактику, ибо все прошлое не подготовило вас для этого, и таких командиров, которым партия сказала, что она не может сохранить их в своей среде, но которым ни она, ни власть, ею руководимая, не отказали в праве на уважение и на ответственные посты, таких командиров немало. И мы должны им сказать, что факт устранения их из партии, разумеется, лишает их партийных прав до тех пор, пока они—путем внутреннего усилия, перевоспитания, сближения с трудящимися массами, изучения и работы над собой, если они найдут нужным—не побудят партию открыть им снова свои двери. Но поскольку партия и Советская власть не нашли в их поведении ничего, несовместимого с достоинством революционного воина, постольку эти командиры, ставшие вне партии, вместе с беспартийным командным составом вообще будут и впредь пользоваться всем необходимым командным авторитетом при поддержке органов Советской власти и—скажу—не в последнем счете и при поддержке всей коммунистической партии.

Обновление командного состава требует развития сети военно-учебных заведений. На эту сторону мы обратили величайшее внимание. Но именно эта работа, как и работа самого командного состава, требует прежде всего минимума материального благополучия, который дает возможность прилагать свои силы на трудном и ответственном деле обучения других и изучения военного дела. Т.е., я говорил, что нам нужно улучшить материальное положение армии, и нам нужно и должно улучшить очень тяжелое положение нашего командного, комиссарского и административно-хозяйственного состава. Воен-

ные делегаты это знают прекрасно. Если спросят, почему я выделяю этот вопрос о командном составе—молодой красноармеец может спросить, имеет право поставить этот вопрос, а враждебная нам иностранная печать пытается играть на этом вопросе,—то я отвечаю: у нас армия—самая демократическая, какая когда-либо была в мире, и лучшее доказательство этому—43,4% командного состава, выдвинутые самой массой стихийно, и $\frac{2}{3}$ командного состава, вышедшие из низов. Но есть разница между положением красноармейца-рядового и положением красноармейца-командного: один в армии временно (и мы должны притти к определенному сроку его службы, когда установим более точно численный состав, ежегодный контингент—и мы к этому уже идем), а другой—профессионал, специалист своего дела, и мы хотим, чтобы он всю свою жизнь или по крайней мере лучшую часть своей жизни отдавал армии. Стало-быть, в одном случае временная военная повинность, в другом—настоящая профессия, которая должна дать возможность работать и содержать семью. Вот почему вопрос об элементарнейшем и скромнейшем обеспечении командного состава является важнейшим вопросом, наряду с вопросом о материальном обеспечении военно-учебных заведений, которые должны стать источником постоянного оплодотворения, одухотворения нашей молодой армии.

Наша сеть военно-учебных заведений имеет 3 слоя: нормальную школу первой ступени, которая должна нам дать молодого, подготовленного командира в результате 3 лет изучения пехотного дела.

Мы хотим достигнуть того, мы к этому идем и в ближайшее время надеемся притти—чтобы каждый красный командир, сойдя со школьной скамьи, начал свою командную работу, не со взвода, а с отделения. Таким образом мы имеем в виду постепенно свести на-нет ту старую традицию, в силу которой командиром отделения был унтер-офицер, карьера которого на этом и останавливалась, тогда как офицер начинался только с командира взвода. Весь характер, вся природа нашей армии противоречит этому искусственному водоразделу. У нас маршал революции начинается с красноармейца и в нашей армии нет никаких непроницаемых перегородок. Весь вопрос только в достаточном развитии сети военно-учебных заведений. В ближайшем марте наши военно-учебные заведения потребуют от рабочих и крестьян новых слоев, новых групп молодых курсантов. Мы просим, мы настаиваем,—и я думаю, вся страна этого требует,—чтобы местные учреждения и все организации трудящихся позаботились о том, чтобы в наши военно-учебные заведения вошел цвет молодежи рабочих и крестьян.

Вторая ступень военного обучения состоит из более узкого круга учебных заведений, которые готовят командиров более высокой формации. Третья—это наши военные академии. В этом году наша военная академия, бывшая академия генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров генерального штаба. Это—большое завоевание Красной Армии, ибо создание молодого генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы и им удастся выработать из себя тип закончен-

ного, всесторонне квалифицированного военного руководителя. Одной из задач воспитания командного состава—не обучения, а воспитания,—является привитие нашим командирам психологии и сознания сынов руководящих, господствующих и правящих классов. Это, не столь простая задача. Ваши сыновья, товарищи крестьяне и товарищи рабочие, являясь в военное учебное заведение, получая общую подготовку, не приносят с собой того духа, который был свойствен сыновьям дворянства и буржуазии, которые, являясь из своих, из эксплуататорских семей, приносили в школу твердые убеждения, что они должны властвовать, руководить, командовать, приказывать и побеждать. Там это все было на основе эксплуатации и гнета, но, вырвавшийся на этом, дух властвования помогал им держать армию в своих руках. Наша армия основана на революционной сознательности трудящихся масс. И командному составу нашей армии, которая вела борьбу с суровым врагом, нашем умолодому командному составу надо воспитать в себе, претворить в свою кровь, убеждение в том, что рабочий класс стоит в нашей стране у власти, что он построил себе армию и, что никто другой эту власть в руки не возьмет, что сломлена будет всякая сила, которая вздумает покушаться на неприкосновенность власти трудящихся в этой стране. (А п л о д и с м е н т ы). И с этим связана другая черта, черта излишней доброты, я бы сказал иногда простоватой доброты рабочего человека. Офицер правящего класса знал, что там идет борьба с врагом и надо доводить борьбу до конца. Никогда не считай врага слабым. Большой враг или малый—отнесись к нему со всем вниманием, не упускай из виду никакой мелочи, и, когда борьба началась—доводи ее до конца. Частный успех—(что составляет слабую сторону нашего низшего командного состава),—частный успех никогда не должен останавливать. Откуда это у нас? Это из добродушия рабочего человека, пролетария и крестьянина. Нам же надо воспитать рабоче-крестьянский командный состав, который, повторяю, претворит в кровь свою убеждение, что раз враг бросил вызов и борьба началась, доводи ее до конца. Если есть частный успех, напрягай силы вдвое, успех будет вдвое, бей втрое, доводи до конца, до полной победы, до полного сокрушения врага. (А п л о д и с м е н т ы). Обучение и воспитание нашей армии приобретает сейчас несколько непривычный для нас характер, благодаря нашему переходу на оседлу квартиру, благодаря тому, что мы получаем впервые возможность свести Красную Армию в страну, лицом к лицу. Товарищи делегаты вы приветствовали нашу армию не раз у себя в губерниях, на годовых Съездах Советов, после ее побед и испытаний, также после ее поражений, ибо связь ваша с нею не прерывалась никогда. Но, если мы спросим—знаете ли вы вашу армию, мы должны ответить: нет, вы ее не знаете. Вы знаете Конную Армию, и это—почти все, что вы знаете. Почему? Потому, что конная армия, это—драгоценнейшая часть нашей армии была одна и она закрепила на себе ваше внимание. Вы об ней знали. Но вся наша армия не была создана в мирное время. Когда полки занимали известное положение, и, имея свои номера и наименований, (Армия строилась в бою), военная тайна скрывала ее от вас, и вычитали в военных сообщениях о том, что такой-то N полк, или N дивизия имела такой-то успех или такую-то неудачу. Теперь армия временно возвращается домой. Она прикрепляется к

местным Советам, к рабочим организациям, к губерниям и городам. Армия наша от анонимности, от неизвестности переходит в полосу яркого света. Она будет под стеклянными колпаком. Мы будем знать наши дивизии, бригады и полки, и вы будете их знать и будете за ними следить, и, если для конной армии постоянным возбудителем ее энергии являлся тот факт, что страна знает и следить за нею, то и возбудителем энергии нашей Красной Армии будет тот факт, что местный Совет и вся Советская Республика будет о ней знать, и наша Красная Армия в целом и каждая из ее дивизий, и каждый из ее полков сможет написать краткую, но живую, богатую и яркую свою историю. У нас есть не только армия, у нас уже есть традиции революционной армии. Эти традиции революционной армии мы должны записать, закрепить и запечатлеть в сознании молодых красноармейцев. Та связь между дивизиями и местными Советами, пример которой видели Московский и Петроградский Советы, и которая теперь все шире распространяется по всей Советской земле, является в высокой степени важной формой связи. У каждого полка должен быть свой шеф, но не личный шеф, а коллективный, свой местный Совет или другие органы Советской власти, на основах теснейшей духовной связи.

Вопрос о технике нашей армии, есть труднейший вопрос. Наши враги на этом строили и строят главную часть своих надежд. Они говорят про нас, что у нас необъятные пространства и необъятная численность, но слабая техника. И это верно. Техника армии в общем и целом отражает производственную технику страны, и в то же время техника армии может опережать производственную технику страны, а раз может, то и должна. У нас сейчас наблюдаются только первые симптомы оживления нашего хозяйства. Мы не сомневаемся в том, что эти симптомы превратятся уже в ближайшие месяцы в бесспорные факты развития нашего хозяйства. Мы должны прилагать все силы к тому, чтобы строить нашу военную технику, чтобы обеспечивать армию необходимым орудием борьбы, и прежде всего это относится к авиации. Нам необходима авиация, нам нужны броневые силы, нам необходимо, — и вы это прикажете, — чтобы хозяйственные органы точнее подсчитали свои плюсы и минусы в этой области, чтобы военное ведомство, с своей стороны, выдвинуло наиболее пригодные квалифицированные элементы для летного дела, в первую голову, чтобы армия получила авиацию, которая отвечала бы задачам и потребностям предстоящих испытаний.

Хозяйственная работа армии потерпела крупнейшие изменения. В прошлом году самостоятельная хозяйственная работа армии занимала большое место. Теперь об этом не может быть и речи. Так называемые, трудовые части — поставлением СТО — отсечены от Красной Армии и переданы в Народный Комиссариат Труда. Армия сократилась численно, и она должна быть, прежде всего, направлена на ту работу, для которой она существует, т.-е. на работу самоподготовки, для охраны границ и независимости страны. Хозяйственное применение армии, помимо борьбы со стихийными бедствиями, как снежные заносы, половодье и проч. хозяйственное применение армии по необходимости ограничивается самообслуживанием, но и в области самообслуживания применение трудовой силы красноармейцев допустимо в тех пределах, в каких это не нарушает задач обучения и воспитания. Есть две области, где армия вы-

полняет важные, хотя и не одинаково важные хозяйственные работы: одна область—это область воспитания армии в духе хозяйственного, доброкачественного, честного отношения к народному достоянию вообще и к тому народному достоянию, которое поручается Красной Армии. Точный учет, тщательный уход, чистка, починка, снова учет и снова уход—вот где хозяйственная работа Красной Армии, как таковой. Вторая главная хозяйственная роль Красной Армии состоит в том, чтобы со штыком в руках охранять хозяйственную работу русских рабочих и крестьян от всяких покушений извне.

В мирное время важнейшую часть работы армии составляет ее караульная служба. Позвольте сказать об этом два слова. У нас роль часового, охраняющего учреждения или склады, достояние Республики, далеко еще не всегда и не везде понимается как должно, между тем это есть результат, итог борьбы революции и несложившихся отношений. Между тем, товарищи, если вы хотите—а вы этого хотите и мы этого хотим—иметь армию, которая сознает свое высокое призвание до конца в мирную эпоху, начинайте с караульного, начинайте с часового. Когда пензенский молодой крестьянин, 19-ти лет, стоит на часах, то, как говорит наш гарнизонный устав, он есть лицо неприкосновенное, он—выражение высшей воли нашего государства и поэтому необходимо полное уважение к нему, он должен быть окружен атмосферой поддержки, уважения, чтобы он себя чувствовал в трудные часы несения караульной службы, не просто рядовым Ивановым, а воплощением воли Рабочего Государства, которое он отстаивает с винтовкой в руках. (А п л о д и с м е н т ы).

Я бы, товарищи, мог многое из того, что сказал, распространить на наш Красный Флот, но у него есть своя особая судьба, и я о нем скажу в нескольких словах. Судьба нашего Красного Флота глубоко трагична. У нас был за эти годы океан земли, и на этом сухопутном океане мы маневрировали. Мы наступали и отступали, мы строили Красную Армию. Нам не хватало океана воды, отрезали у нас эту воду. Флот наш оказался запертым в теснейших пределах. Вспомните, как входил наш флот в октябрьскую революцию—авангардных, наиболее мужественных, решительных борцов, военные моряки дали из своих рядов, много сухопутного командного состава, много рядовых борцов вышло из морской среды. И сколько их полегло на всех фронтах нашей гражданской войны! Они дали во всех частях страны превосходных работников Советской власти. Флот ослабел, когда отрезали у него воду, когда замкнули его в тесные пределы и когда руки контр-революции, прежде всего, направились на это сложное военное орудие. И руками русской белогвардейщины, и руками иностранного империализма нашему флоту был нанесен ряд жестоких, беспощадных ударов. Нередко у наших военных моряков, у лучших из них, в душе говорит чувство горькой обиды, что флот как бы временно забыт,—говорят о Красной Армии, но слишком мало, слишком редко, говорят и думают о Красном Флоте. Мы не будем здесь заниматься пророчеством. Мы не знаем, как пойдет мировая история, и мы не знаем, в какую сторону и когда потекут океаны и моря. Но мы знаем одно, что нам нужно сохранить человеческое и техническое ядро нашего флота для обороны наших берегов. Возрождение флота в этих оборонительных пределах есть тоже сложная задача. Она может быть разрешена на основе возрождения хозяйства страны в целом. И я здесь, повторяю, то, что я сказал о технике Красной Армии,—Советская власть должна будет прило-

жить все силы к тому, чтобы сохранить основное человеческое ядро Красного Флота, вооружить его в необходимых пределах техникой для охраны морских подступов к Советской Федерации, и в этих пределах (не сомневается никто)— флот выполнит свою ответственную задачу. У нас есть важный орган армии,—орган всеобщего военного обучения. Мы ожидали перехода более быстрого и прямого—к милиционной системе. Это не получилось. Переход оказался гораздо более медленным, в силу всей мировой обстановки. Сокращение армии тяжело ударило по Всеобучу, но, товарищи, Всеобучу в принципе поручена огромная задача, которая будет развиваться—это допризывная подготовка молодых поколений. Это развитие путей для перехода к милиционной системе, это развитие в стране спорта, в связи с военным делом и в связи с трудом. И мы скажем товарищам из Всеобуча: «Сейчас в трудных условиях вы переживаете черные дни, но дайте стране чуть-чуть свободнее вздохнуть, дайте получить чуть-чуть больше материального благополучия и Всеобуч разобьет огромную военно-воспитательную работу в стране».

Применению Красной Армии в деле охраны революционного порядка или борьбы с контр-революционным бандитизмом я должен также посвятить несколько времени. Я перехожу сейчас к той части моего доклада, которая тесно связана с внутренней политической и экономической жизнью страны. Первое полугодие отчетного года было временем чудовищного, небывалого развития бандитизма. Год открылся Кронштадтом, Тамбовом, бандистскими движениями в Сибири, на Кавказе, Закавказье, на Украине. Второе полугодие отчетного года внесло радикальные, коренные изменения в эту обстановку. Сейчас, разумеется, кое-где остаются бандистские шайки, но именно шайки. Бандитизм, как социальное явление, как вооруженные отряды широких кулацких и отчасти средняцких масс в разных районах, отошел в прошлое. Это мы наблюдаем во всех частях страны. Стало быть, это нечто большее, чем заслуга военного ведомства. Это целый социально-политический перелом и это тесно связано с переломом нашей хозяйственной политики. Если бы у вас здесь было широкое обсуждение вопроса о нашей экономической политике, если бы под углом зрения моего доклада мне поставили вопрос: наша новая хозяйственная политика означает ли плюс или минус, шаг вперед или шаг назад, движение к коммунизму или отступление? Я бы спросил: чем была наша прошлая экономическая политика? Ошибкой или необходимостью? (На этот счет можно формулировать очень большое количество, очень замысловатых, очень заковыристых вопросов). На это я сказал бы: у нас на заре этого года был Кронштадт и Тамбов, а теперь их нет и, мы уверены, что не будет. Есть ли экономическая политика плюс или минус, шаг вперед или шаг назад, это может быть вопрос теоретический. Но ликвидация бандитизма не только военная, но и политическая его ликвидация, есть самое яркое, самое отчетливое, непосредственное, военно-заостренное доказательство того, что наша военная политика есть огромный шаг вперед, правда, можно сказать, что, по сравнению с идеей всепланового, всеобщего, всестороннего, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке нашей территории, наша экономическая политика есть шаг назад. Но по сравнению с Кронштадтом и Тамбовом это есть огромный шаг вперед. Была ли старая политика ошибкой и в каких пределах? Это вопрос архикадемический, на который можно ответить

историку. Но что Советская власть переменяла политику, когда это ярко и отчетливо потребовалось самой обстановкой, что она создала новую атмосферу, новую среду в самой Красной Армии и новые отношения в ней, это—факт. История нашего бандитизма—это история контр-революции, — помещицей, буржуазной контр-революцией. Бандитизм—это ее выражение, орудие. История бандитизма—это история отступления от московского сердца к окраинам, но отступая к окраинам, бандитизм долгое время оставался обширным движением деревенских верхов и отчасти городского мещанства, и это особенно относится к Украине. Петлюровщина на Украине началась как национально-демократическое движение. В дальнейшем она выродилась в вооруженные отряды кулацких верхов и под конец она раздробилась и превратилась в банды и шайки, которые потеряли опору, даже у верхов украинской деревни и теперь они должны искать свои базы за границей Украины, (больше всего в Румынии).

Возьмем классический бандитизм — именно, украинскую махновщину. В мои руки попал только вчера чрезвычайно интересный документ. Благодаря разложению среди эмиграции всех оттенков, мы получаем необъятное количество документов и знаем даже где находится какое-нибудь русское министерство, украинское министерство (они проживают на разных уллицах, в Париже, Праге, Вене, Берлине и проч. и пр., сносятся друг с другом, излагают свои планы, «государственные соображения» и пр. и пр.). (С м е х). По обязанностям службы наше разведывательное управление должно их размножать в довольно большом количестве экземпляров, что тяжело ложится на нас при нашей бумажной бедности, как вы знаете. (С м е х). И вот один из таких документов (я боюсь ошибиться) это... Петлюровский департамент иностранных сношений. (С м е х). Я прошу не думать, что я ошибся, это учреждение так и называется: «Петлюровский департамент иностранных сношений». Я не могу сказать точно его адреса. Кто любопытствует, может это узнать в нашем разведывательном управлении. Этот департамент сообщает всем петлюровским посланникам (с м е х), во все центры Европы о прибытии Махно и его банды в Румынию. Махно, как полагают, (разумеется в строго конституционном государстве, где вольности граждан и эмигрантов охраняются так, как они охраняются в классической стране свободы и конституции Румынии) (с м е х)—встретил там дружественный прием. (Тут есть даже некоторые бытовые подробности о том, как были проданы 6 чистокровных лошадей на то, чтобы предоставить ему возможность безбедного существования в Бухаресте). И вот он является в этот самый «департамент иностранных сношений петлюровского правительства», где его подвергают опросу о том, что делается на Украине петлюровскими и румынскими властями. Разумеется, он сперва отвечает в терминах преувеличенного собственного достоинства, но затем доклад гворит буквально следующее. (Читает): «Путем систематических выпытываний, судьба Махно представляется в таком виде: потеряв свое значение на Украине, после поражения Врангеля, махновская организация начала искать себе союзников. С этой целью она значительными своими отрядами перекинулась на Дон, где убедилась, что и на Дону нет значительных анти-большевистских сил и никакой помощи в борьбе с большевиками Дон дать не может. После этого они двинулись на восток для того, чтобы войти в контакт с Антоповым, но и там нашли то же самое, что и на Дону и на Украине. Оттуда они

направились под Курск, где тоже убедились, что анти-большевистские силы незначительны и разбиты. После этого—в Румынию (или в Польшу)». Я должен сказать, что несколько строк раньше, доклад говорит, что все значение махновщины состоит в том, что Махно использовал борьбу Врангеля с Советской властью и в целях этой борьбы может играть известную роль.

После этого,—продолжает он свой доклад,—махновцы попытались переехать в Польшу, но так как боялись, что их перережут, они направились в Румынию, так как считают ее безопасной, и в этом они не ошибаются, ибо по отношению к русским контр-революционным бандам Польша и Румыния только две разные комнаты одной и той же квартиры. У нас есть, товарищи, теперь доклад о деятельности заграничных баз, тех банд, которые время от времени выбрасываются на нашу территорию. Это база—«Черноморский комитет спасения России». (Россию спасают и на Черном море). Во главе этого комитета стоят социалисты-революционеры. И вот разоблачения, которые имеют исключительное политическое значение, показали, что, так называемое, черноморское ополчение, руководимое черноморским комитетом спасения России, финансируется армянскими и русскими промышленниками, за спиной которых стоят две группы: одна (мы можем их точно указать)—английская и другая—итальянская: английские нефтепромышленники и итальянская группа марганце-промышленников. Они «заинтересованы» в судьбах кавказской и закавказской демократии. Итальянские торговцы—марганцем и английские ценители бакинской нефти,—все они имеют свои агенты в комитете, создаваемом эсерами. Их деятельность выражается в виде организации оголтелых банд, вооруженных на деньги итальянских и американских промышленников, избивающих русское население и разрушающих русские железные дороги. (Позор). Вот живая реальность, и в свете этой реальности я вспоминаю, что английские социалисты из 2-го Интернационала в роде гражданина Гендерсона и некоторых других, ветром подбитых демократов, пишут теперь в своих изданиях о необходимости юридического признания Советской власти (До каких страшных исторических высот эти люди поднялись!). Но в то же время они ставят условия. Пусть Советская власть уведет свои войска из Грузии, пусть она даст свободу самоопределения грузинскому народу и тогда уважение к ней со стороны демократии всего мира поднимется до юридического признания Советской власти в России. Великолечно, г.г. социалисты 2-го Интернационала, граждане Гендерсоны, подбитые ветром и другими легкими материями демократы, а позвольте вас спросить: ну, а что, если мы уберем красные войска, которые, кстати сказать, живут душа в душу с рабочими и крестьянами Грузии (Аплодисменты). Если грузинские рабочие и крестьяне сказали бы, что они согласны, чтобы мы убрали красные войска—дает ли нам в этом случае эта уважаемая демократия гарантии в том, что английские нефтепромышленники и итальянские марганце-промышленники не заведут в Тифлисе комитет спасения бакинской нефти от азербейджанских рабочих?

Вот вопрос. Мы имеем маленький опыт на Дальнем Востоке, но я к нему перейду после. Здесь они требуют пустяков: они требуют разоружения Закавказья, и тот самый доклад, который я вам цитировал, говорит, что в

Праге (а там есть центр, где делается русская политика), в Праге величайшим завоеванием, величайшим достижением является факт, что Черноморский Комитет Спасения России заключил, наконец, соглашение с грузинским повстанческим комитетом для захвата Тифлиса. Черноморский Комитет Спасения России, т.-е. английская агентура нефтепромышленников и итальянских марганце-промышленников заключает соглашение с грузинской агентурой. Если бы мы были так наивны, чтобы верить в подбитые ветром доводы этой самой лже-демократии и убрали бы наши войска, если бы этого потребовали грузинские рабочие, то через Батум явились бы также, как японцы явились через Владивосток (англичане хорошо знают морские пути, они хорошие географы), через Батум явились бы в каком угодно облачении, в каком угодно виде элементы, которые проложили бы себе дорогу дальше на восток. Мы можем сказать 2-му Интернационалу: если вы хотите проверить могущество отвлеченных принципов демократии, так вы немножко отведите ваши глаза от Закавказья и поглядите на Дальний Восток. У нас там тоже имеется республика демократическая, где правительство выбрано на основе общего, равного, прямого, тайного избирательного права. Английское правительство заключило на днях важнейшее соглашение с Японией, а Япония только третьего дня через посредство своих военных агентов забрала у нас Хабаровск. Хабаровск пал. Пал город в демократической Республике под натиском банд, вооруженных против демократии на средства иноземного империализма. Но, товарищи, прежде, чем сказать об этом, я должен остановиться на примере, который поближе. Я указал, что по мере того, как бандитизм у нас, гонимый переломом внутренней политики, направленной к установлению более правильных отношений между рабочим классом и крестьянством, отступал к окраинам,—настал момент, когда бандитизм перешел за наши границы. Он перешел за наши границы (я мимоходом указал, где он перешел—две страны, которые вам всем достаточно известны). И если бы меня спросили, попытавшись заслыгнуть врасплох, почему мы не можем сокращать Красную Армию, я бы указал, товарищи, вот на помещенную здесь схему. Эту схему, товарищи, можно назвать по-разному: можно ее назвать Русско-Польскими или Советско-Польскими отношениями, ее можно назвать «Рижский договор в действии», можно ее назвать и «Торжество международного права» и еще можно ее назвать «Защита западной цивилизации от Советского варварства». (Аплодисменты). Эта красная черта на карте, это наша граница с Польшей, установленная по Рижскому миру. Эта пунктирная красная линия—граница, отделяющая нас от захваченной у нас Бессарабии. Рижский мир был подписан 18 марта 1921 г., вот это (показывает на карту) его история. Я не знаю достаточно ли она ярко здесь нанесена, достаточно ли видны, особенно далеко сидищим, эти стрелки,—я думаю, следовало бы эти невинные стрелки нарисовать поярче, поплотнее, так, чтобы они были видны во всех, без исключения, ложах). (Продолжительные аплодисменты). Эти стрелки разных цветов, но они имеют один и тот же смысл. Это банды, которые отсюда, из Польши (показывает по карте) направлялись сюда, через нашу границу. Эти банды разных цветов, потому что они относятся к разным срокам, но не потому, что они разного качества. Они одного и того же качества, а, именно, 2-го отдела польского генеральского штаба

(Голоса: позор). Некоторые из них меньше, некоторые больше. Это независимо от доброй или злой воли польского генерального штаба, а только от его силы.

Он делал, что мог, чтобы перебросить на нашу территорию как можно больше банд, чтобы причинить нам как можно больше вреда. Вот—это граница с Польшей по Рижскому договору 18 марта. Вы видите, товарищи, как она вся истыкана изрезана этими стрелками. Это не шутка, не материал для фельетона, это банды, которые нарушают нашу хозяйственную жизнь, наше строительство каждый месяц и каждую неделю. Некоторые стрелки подлиннее, похожие на ядовитых змей, некоторые короче, похожи на пивок. Все это направлено в тело русского народа, в русских рабочих и крестьян. (Голоса: позор). Все это, видите ли, по Рижскому договору. Вспомните последний эпизод. Если развернуть книгу наших переговоров с Польшей после Рижского договора, я не говорю о нашей попытке мира с Польшей до войны, до Рижского договора,—но после, то этой книге не будут верить здравомыслящие люди по истечении большого периода времени. Они скажут: не может быть, чтобы русские рабочие и крестьяне, хотя бы истощенные, хотя бы ослабленные, проявили такую невероятную выдержку, такую настойчивость в борьбе за то, чтобы отстоять мир и избежать кровавой войны. Помните все протесты Чичерина, Раковского, последние эпизоды периода конца сентября, когда нам казалось, что действительно наверху в Польше с нами хотят воевать во что бы то ни стало. Меня тогда Совнарком послал посмотреть, что делается у нашей границы, каковы наши войска. Выезжал и главнокомандующий—это было в сентябре, а 6-го октября мы получаем благую весть от т. Карахана, нашего посла в Польше: соглашение (это после Рижского), с Домбским подписано, банд больше не будет, всех активных контр-революционных громил вышлют из Польши. Это было 6-го октября, а 25—26 того же октября, из той же Польши, были брошены вот эти (показывает на карту)—самые длинные стрелки—самые большие банды.

Я говорю на Съезде Советов, речи стенографируются, и я должен наложить на себя некоторое ограничение, хотя это трудно.

Что же, товарищи, это значит? И можем ли мы жить в такой обстановке, когда нас постоянно подвергают, можно сказать,—булавочным уколам? Что это такое, как не попытка под видом мира постоянно терзать, разрушать наружные покровы Советской России, чтобы такими мерами истощения довести нас до гибели? Я спрашиваю—можно ли в такой обстановке жить? Нельзя! И вот почему нам нужна Красная Армия. (Бурные аплодисменты). И вот почему мы должны ее строить.

Голоса с мест. Да, здравствует Красная Армия. (Долго несмолкаемые аплодисменты).

После этого остается немного сказать и о второй «комнате, той же самой квартиры», где у нас провизорная граница. Мы пытались договориться о постоянной границе и постоянных отношениях, но нам это не удалось, потому что Румыния фактически сорвала переговоры, не желая держать нейтралитет в случае нападения на нас другого государства. Через эту пунктирную линию они переправляют банды совершенно тем же способом, как через эту

сплошную линию, и при том в одни и те же сроки. Появление последних Тютюниковских банд из Украины было ликвидировано—они были отброшены назад. С точки зрения внутриполитической, самым важным фактом является то, что эти банды, последние банды Тютюниковские и Палия, не встретили решительно никакого сочувствия на месте и были в короткий срок ликвидированы и в большей своей части стерты в порошок. Кто стоит за этим, мы знаем. Мы знаем в конце концов, что второй отдел генерального штаба в Польше и штабы в Бендерах и Бухаресте являются только передаточными станциями для сумм французского империализма. На этот счет у нас сомнений нет. И те вести, какие нам приносит телеграф, о близких переговорах, которых мы долго ждали, которых мы ждем сейчас, и на которые мы пойдем со всей готовностью, вести о близких переговорах об установлении мира со включением Советской России, я говорю, что эти вести станут гораздо конкретнее и содержательнее с того момента, когда Франция перестанет субсидировать банды, нарушающие наш покой, наш труд и наши границы. И здесь, товарищи, я подхожу к вопросу, который имеет особенно актуальное значение,—вопросу о Дальнем Востоке, где мы, повторяю, потеряли Хабаровск. Конечно, мы с вами временно теряли и затем, крепко возвращали много городов, более важных, более крупных и более близких к Москве, чем Хабаровск, но тут, повторяю, явление имеет глубоко символический характер. Г. Бриан не раз, и в частности в Вашингтоне, говорил о том, что он ждет не дожидаясь, когда в России будет создано правительство, которое бы выражало национальную волю. Национальная воля на их условном языке, который мы считаем языком обмана трудящихся масс, означает правительство, искусственно сфабрикованное, при помощи давления сверху и гнета капитала под фикцией всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Но вот, товарищи, Дальневосточная Республика, что это такое? Это русский мужик и русские рабочие. Почему она Дальневосточная, а не Российская, почему она существует отдельно, а не с нами? Почему там нет Советов? Кто там у власти? Коммунисты. На каких основах? На основах всеобщего избирательного права и демократии. Почему? Потому что, Дальневосточный мужик и рабочий сказали себе, или сказали другому, сказали японским империалистам, американским и французским: «Ты хочешь демократию, вот тебе демократия, я ее выбираю на основе всеобщего избирательного права. Ты обещаешь, что, если Россия будет демократической республикой, ты не тронешь ее,—вот тебе Дальневосточная Республика, как фланг этой Советской федерации». Что же, эта демократия, демократия Дальневосточная, она пользуется независимостью, неприкосновенностью? Может быть, громилы и бандиты всех наименований не рвут ее по частям, может быть, в мае этого года (в который уже раз), не был там произведен под руководством японских инструкторов военный переворот? Мы, товарищи, слишком мало распространили до сих пор воззвание народного собрания Дальневосточной Республики. Я не могу его прочесть целиком, к сожалению, но слушайте, товарищи, крестьяне и рабочие делегаты, слушайте голос, который к нам доносится с Дальнего Востока, за 8—9 тысяч верст: «Уже 4-й год японский штык насилует волю русского народа. Япония начала высадку войск во Владивостоке. Теперь на 4-м году

японской интервенции она фактически владеет всем русским побережьем Тихого океана. На русской территории устроены японские укрепления, огоны и проволочные заграждения. В русских речных водах заложены японские минные заграждения. Устье нашей главной реки—Амура—не только закрыто для наших торговых пароходов, но превращено в базу враждебных военных сил, откуда на нас будут устраиваться нападения, откуда Япония будет расширять и продолжать свой захват.

Захватив низовья Амура, Япония столь же насильственно захватила русский Сахалин. Там хозяйничают, как на своей территории, японцы, распродают наши леса и наши рыбные и горные богатства. На остров Сахалин и в низовья Амура не может проникнуть ни один русский без разрешения японских властей.

Народ русского Дальнего Востока не однократно поднимал свой голос протеста против всего зла. До сих пор никто не откликнулся на наш протест».

В конце этого призыва, Дальний Восток говорит: «Народ Русского Дальнего Востока неоднократно поднимал свой голос протеста против зла и насилий, творимых Японией. До сих пор, никто не откликнулся на наш протест. Конечно, речь идет о капиталистических государствах, о «великих демократиях», о тех, что собрались в Вашингтоне, куда нас не звали, но где без нас разрешали судьбы Тихого океана». Поглядите на карту. Тихий океан, это большая масса воды, на которой господствуют военные корабли Соединенных Штатов, Японии, Англии и отчасти Франции, и вот эти 4 государства заключили соглашение о Тихом океане. Но этот Тихий океан упирается в два берега, один—американский, другой—азиатский. И на этом азиатском берегу многие сотни верст замыкаются владениями русских крестьян и рабочих, а там решают вопрос без нас и, мало того, после заключения соглашения 4-х империалистических государств, банды, которые имеют отправным своим пунктом Владивосток, усилившиеся, направились на север в сторону Хабаровска, взяли Хабаровск, важный пункт на Амуре, и пытаются продвинуться на запад. До нас доносится с Дальнего Востока голос протеста, голос призыва. И, конечно, Всероссийский Съезд Советов не может оставить без внимания голос далеких братьев, которые сейчас в те часы, когда мы с вами обсуждаем этот вопрос, грудью своей отстаивают за 8.000 верст восточный фланг Советской федерации, ибо нет никакого сомнения в том, что Дальневосточная Республика, есть только защитное образование, подсказанное государственным разумом Дальневосточного трудового русского человека, который попытался таким путем задержать натиск восточного империализма.

Мы видим сейчас этот живой факт. Павший Хабаровск мы швыряем в лицо всей европейской лже-демократии. Мы швыряем его в лицо 2-го Интернационала и говорим: вот щит демократии, он ничего не защитил. Может быть вы прикажете нам из Дальневосточной Республики удалить наши войска? Но горе в том, что их там слишком мало. Мы говорим, что если пашествие с востока на запад до сих пор не задержал демократический щит, то мы не сомневаемся в том, что месяцем раньше или позже, это пашествие задержит красный щтык. (А п л о д с м е н т ы). Мы, товарищи, уступали не раз и, веро-

ятно, еще будем в нашей исторической жизни не раз уступать. У нас есть терпение и выдержка. И поэтому через 8.000 верст мы отвечаем туда, на Дальний Восток, что мы, к сожалению, не можем помочь так быстро и так решительно, как бы мы хотели, но что мы призываем Дальневосточных рабочих и крестьян помнить, что ни судьба Хабаровска, ни судьба Владивостока не решена этими четырьмя раз и навсегда. Кроме четырех, есть еще пятый и это Советская Республика, и ее Советская Красная Армия. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

И, наконец, последний наш опыт по части демократии и по части международного права нанесен на другой более скромной схеме, где изображена Карельская трудовая коммуна на запад от той границы, которую мы уступили Финляндии, приняв во внимание ее хозяйственные интересы и примирив их с нашими хозяйственными и иными интересами. Направо от этой черты—Карельская трудовая коммуна. Это пространство земли в два раза больше, чем Бельгия, с редким разбросанным населением в 150.000 человек, рассеянных на огромном, почти непроходимом пространстве. В этой Карельской коммуне господствуют Советы трудовых карелов. Здесь, по эту сторону, под фикцией всеобщего избирательного права господствует иноземный капитал, через посредство своих агентов, в лице финляндской буржуазии. Во время мирных переговоров с Финляндией наша дипломатия в порядке информации сообщила, что Карелия получает автономию, как и все остальные части нашей многомиллионной федерации, которые этого пожелают. Но финляндский правящий класс недоволен формой и содержанием классовой карельской автономии. Они предпочитают, они ставят выше свою форму государственного самоопределения. Мы это знали и тогда, когда подписывали с ними договор. Мы знали, что это договор между пролетариатом, организованным в свое государство, и между организованной в свое государство буржуазией, которая разбила свой пролетариат и задавила много и много тысяч душ. Мы это знали и подписали договор, зная, что наша автономия будет отличаться от финляндской, как пролетариат и трудовое крестьянство отличаются от буржуазных эксплуататоров. И это занесено в мирный договор с Финляндией. И ничего неожиданного тут нет.

Но осенью этого года, когда на Поволжье обозначился страшный призрак голода, когда враг считал, что близок час падения Советской власти, тогда началась подготовка по этой границе осеннего натиска на нас. Они приурочивали его раньше к 28 августа, затем он был перенесен на сентябрь, затем на октябрь. И вот, товарищи, эти стрелы (показывает на карте)—это белофинские банды, направленные из Финляндии в Карелию. Их численность показана здесь совершенно точно, как и их направление. Эти банды стали переправляться 24 и 25 октября. Почти в один и тот же день, по одному и тому же плану. У нас в результате сокращения армии, в Карельской коммуне не осталось совершенно войск. Мы ее очистили от единственной бригады, которая там была. Почему? У нас не было никакого основания сомневаться в том, что для утверждения внутреннего порядка там не нужно не только бригады, но и полка. Правда, мы просчитались в отношении нашего северо-западного соседа. Мы просчитались и, несомненно, как военное ведомство должны нести за это ответственность. Мы не то, чтобы поверили фикции международного права, —

Конечно, не поверили, но все же придали ему некоторое маленькое значение, которое оказалось ложным даже в этом, в очень нами укороченном виде. Мы в этом повинны. Мы увели оттуда бригады, оставив только слабые пограничные части для борьбы с контрабандой, но никак не для военных операций. И вот 24-го, 25-го и 26-го октября начинается переброска сюда банд. Пространство необъятное, две Бельгии, дороги непроходимые. Пока мы начинаем сосредоточивать сюда необходимое количество войск, банды эти утверждаются в пограничном районе. Вся буржуазная Европа сообщает о том, что наши северные дороги перерезаны, о том, что мы отрезаны от Мурманска и т. д., и т. д. Ничего подобного. Банды до ж. д. не доходили ни разу. Они отделены от нее десятками и десятками верст. И что самое поучительное и дает представление о них—это то, что они боятся вообще подвигаться к востоку. Это не местные банды, как об этом жжет финляндская печать и за ней жжет иностранная печать, когда говорят о восстании в Карелии. В Карелии восстания нет, а есть вторгнувшиеся из-за Финской границы бело-карельские, эмигрантские и белофинские банды под руководством финских офицеров, в частности, вторая Финская дивизия, которая начала операции по соглашению с Петлюровцами, Савинковцами, через Виктора Савинкова, приехавшего в Финляндию на предмет организации этих действий.

Началось все это в конце октября. При этом финское правительство обращается к Лиге Наций с указанием на то, что в Советской Республике Карельский народ имеет Советское самоопределение. Лига Наций должна разрешить вопрос о самоопределении карел. Как себе это представляют финские политики, я не знаю. Разрешить вопрос о самоопределении трудового карельского народа иначе, чем он разрешен сейчас, можно только путем вооруженной силы, то, что и пробуют сделать эти банды. Сила — есть аргумент. Против аргумента силы мы противопоставляем силу же. Но что должна сделать Лига Наций? В состав Лиги Наций входит Япония, входит Франция. С японским представителем Лиги Наций нам приходится разговаривать где-то в районе Хабаровска, может-быть западнее от него, и там разговор наших красноармейских частей и партизанских отрядов ведется не на языке Лиги Наций. Имеется ли в виду военное вмешательство Лиги Наций, здесь, в Карелии? Если это так, то это значит, что Финляндия разрывает мирный договор. Это значит, что Финляндия заключает с каким-то третьим государством соглашение на предмет военного вторжения в наши пределы. Ибо дипломатическая интервенция есть только расчистка пути для интервенции военной. Хочет ли этого Финляндия—нам не ясно. Нам не ясно, в какой мере финляндское правительство отдаст себе отчет в том, что происходит под толчками не только нашей белогвардейской эмиграции, но и крайних элементов финляндского шовинизма и иностранного империализма. Похоже на то, что финляндское правительство плывет по течению. Сперва оно пыталось сопротивляться, потом начало попустительствовать и окончило открытой поддержкой белогвардейских банд. Мы получаем сообщение, что в таком то месте Финляндии формируется отряд, который будет тогда-то, и мы через неделю-две регистрируем в таком-то месте отряд. Финляндское правительство снабжает эти отряды необходимыми предметами воинского снаряжения. Наш главнокомандующий находится сейчас в районе Советской Карелии для того,

чтобы узнать обстановку вблизи и дать необходимое направление тем операциям, которые там предстоят. Он сегодня утром сообщил мне следующее и я считаю возможным это опубликовать:

«Оценка настроения по волостям свидетельствует, что из всех 46 волостей беспорно и активно на нашей стороне 26 волостей. В пассивном или неопределенном настроении 14 и таких, где белые встречают известное сочувствие 11 (из 46)».

Прошу помнить, что пространство огромное и дороги трудно проходимые. Однако, эта цифра 11 волостей—явно преувеличена. Явления бандитизма, по всем собранным сведениям, наблюдалось лишь в 7 волостях (Тунгусская, Ребольская, Вокноволецкая, Тихтозерская, Ухтинская, Поросозерская и Маслозерская).

Наиболее ярким доказательством лояльного отношения жителей к Советской власти является тот факт, что уничтожение и порча населением наших проводов связи, никем не охраняемых на огромных пространствах, отмечены только в непосредственной приграничной полосе и то в единичном случае.

Командный состав бандитских отрядов состоит либо из зарубежных финских элементов офицеров финской армии, либо из тех местных элементов, которые служили в контр-революционной армии Миллера. Команда подается во многих отрядах на финском языке. Из 2-й финской дивизии офицеры прибыли в Карелию.

В перехваченных нами донесениях (например, подписаны финской фамилией Эккеля) приводятся статистические данные о числе дворов в деревнях, что свидетельствует о пришлому характере банд.

Далее в донесении главнокомандующего идет прямо перечисление новых мелких банд, появившихся из-за границы в последние дни, и указание на то, что во время боя банды эти пользуются ракетами для установления связи между собой и со своими зарубежными штабами.

Данные нашей зарубежной разведки о формировании в Финляндии того или другого отряда всегда подтверждаются появлением новой банды на нашей территории в соответственном пункте.

Отмечена на бандах финская морская форма. Установлены патроны финского изготовления фабрики Рихимяки.

Банды явно боятся оторваться от своей заграничной базы. Все заграничные сообщения о Мурманской ж. д., о ее разрушении и т. д.—плод злой фантазии. Дорога цела.

Обрастание банд за счет местных жителей совершенно не наблюдается. Везде, где мы находимся в соприкосновении с противниками, как на Ругоозерском направлении, приходится констатировать уменьшение, а не обрастание банд. Прирост сил происходит из-за границы».

В то же время Финляндия при всех своих активистах, т. е. крупных шовинистах, и в своей шовинистической печати все более и более расхваливается. Так, в руководящих финляндских газетах вы изо-дня в день теперь читаете, что Россия представляет собой невыносимое соседство. Фразеология насчет того, что мы, мол, являемся барьером против Советского варварства, это знают не только прощальныи парижских бульваров, но и журналисты

Гельсингфорса. Они пишут, что Россия представляет собой невыносимое соседство. Что же вы прикажете нам делать, господа из Гельсингфорса? Мы не можем нашу страну перенести в другое место! Мы живем там, где мы живем, и мы останемся там, где мы стоим. (Бурные аплодисменты). Мне нравится самоопределение Карелии и мне нравится самоопределение Петрограда, величина покрупнее Карелии и совсем поблизости от Финляндской границы. Они предпочли бы буржуазное самоопределение Петрограда, как мы, и мы не скрываем от них этого, это не секрет, предпочли бы пролетарское самоопределение Финляндии (бурные аплодисменты.), и мы, товарищи, об этом открыто говорим в наших газетах. Но одно дело высказывать свое предпочтение в газете, а другое дело направлять вот такие стрелки (показывает на карту.), таких стрелок мы в Финляндию не направляем, мы честно исполняем договор, к которому у нас душа совсем не лежит, но исполняем, ибо это диктуется государственным разумом. Мы его честно исполняем. Численный состав финляндской армии—35.000 человек. Финляндская армия—я не знаю, правильно ли здесь вычислены убитые финляндской буржуазией рабочие,—она представляет довольно крупное число на население 3.300.000; в этой финляндской армии, где офицеры открыто бахвалились (и об этом говорит финляндская печать) тем, что Маннергейм,—вы его знаете,—пойдет скоро на Петроград. Пляска возле Петрограда происходила не раз, и мы принимали в ней участие. Многие и многие из нас и во дни Юденича и во дни Кронштадта, когда финляндские Маннергеймы пытались установить контакт с мятежными частями крепости и флота, принимали в ней участие. Пляска вокруг Петрограда происходила не раз и с нас этой пляски довольно. Также, как мы не хотим больше терпеть этого выполнения Рижского договора, так мы не можем терпеть этой постоянной постыдной угрозы по адресу пролетарского Петрограда.

Товарищи, на Съезде Советов, где собрались делегаты рабочих и крестьян, я не должен говорить о том, насколько мы искренно и честно хотим мира, но, товарищи, для нас мир требует очищения Карелии от банд, и мы советуем, очень и очень советуем Финляндии за эту черту (показывает по карте.) не высовывать ни локтей, ни рук, потому что мы в ближайшие дни здесь пройдемся. (Продолж. аплодисменты). Мы, с полным сознанием ответственности, советуем финским полководцам не торопиться мерить расстояние от Гельсингфорса до Петрограда, ибо, если товарищи, придется мерить, а мы этого не хотим, то окажется, что путь от Петрограда до Гельсингфорса короче, чем от Гельсингфорса до Петрограда. (Продолжительные аплодисменты).

Товарищи, после сказанного мною, уже нет необходимости доказывать Съезду Советов, что нам нужна сильная Красная Армия именно потому, что мы хотим мира.

Вы приехали из разных концов, в том числе из голодающего Поволжья, и наши голодающие и умирающие волжские крестьяне и крестьянки и крестьянский ребенок, умирающий на глазах у родителей, не хотят завоевания чужих земель, это нам ясно и понятно без дальних слов. И нужно величайшее тупоумие иностранных империалистических газетчиков, враждебных нам министров, парламентских болтунов, чтобы предполагать, что мы, залечивая теперь свои ужасающие раны в нашей страшной хозяйственной разрухе,

ставили бы перед собою военные наступательные задачи, чтобы мы готовились поработать кого-то и на кого-то нападать. Ложь, клевета, неправда.

Да, мы сохраним еще армию в один миллион 300 тысяч с лишним. Это верно. А наше международное положение, а империалистское окружение? А размеры нашей армии, вся ее численность? Если сравнить ее с населением, то наша армия в два с лишним раза меньше французской, а если сравнить с территорией, то наша армия в 18 раз меньше французской. А охрана? Мы должны охранять свою территорию, ту, которая находится под нашими ногами. А опасность мирового положения? В чем опасность положения Франции? Об этом говорил Бриан. Опасность положения Франции состоит в том, что если рука ее ослабнет, то те, которых империалистская Франция душит, попытаются с земли встать на колени и может быть даже на ноги. Вот в чем опасность для Франции. А ведь если наша рука ослабеет, то нас пригнут к земле и, вероятно, задушат. Если измерить пространство, население и опасность, то нам нужно иметь армию в 100 раз больше, чем во Франции, но и тогда мы еще не сочтемся. Наша армия есть самая оборонительная армия из всех армий мира, и разве мы это не доказали, разве мы это не доказываем каждый день? Разве вся наша политика не была напряженной борьбой за мир, ценой самых тяжчайших уступок? А недавние наши заявления о признании нами царских долгов? Да, мы все это знаем, вы это знаете, это весь мир знает, что мы—гордая и победоносная революция, вырвавшая власть, отстаивавшая себя от неисчислимых врагов, что мы согласны, на известных условиях, признать, будь они трижды прокляты, старые царские долги. Мы это заявили. Из-за чего? Из благоговения перед тем, что ростовщики всего мира заговорили о международном праве, о священных обязательствах? Ничего подобного! Это—не расплата за прошлое, которое не было нашим прошлым, а откупная сумма на будущее. Мы говорим, если эти царские заимодавцы, если они согласны в обмен на плату царских долгов оставить нас в покое, дать нам возможность работать, дышать, жить, то мы готовы откупиться не ценою крови красноармейца, а ценою продукта его трудов, ценою золота. Сообщают, что после этого английские и французские промышленники забегали на биржу и говорят: это еще не все; кроме государственных царских долгов есть претензии обиженных частных предпринимателей. Тут принципиальной разницы нет. Давайте разговаривать. Это наша дипломатия говорила сто раз.

Наша дипломатия самая терпеливая. Она привыкла к пропаганде, к агитации и терпеливо, настойчиво, изо дня в день, когда ей предъявляют новые требования, говорит: давайте сядем за стол и обсудим и государственные и частные претензии. И разумеется, нет для нас никакой принципиальной разницы между тем и другим, а все дело в условиях,—только и всего. Такого рода заявления, которые делались не раз,—означают наше стремление откупиться от войны. Рижский договор был такой попыткой. А что такое на этой карте каждая из стрелок? Провокация на войну, именно каждая в отдельности, ибо не все они совпадают во времени. А чем мы отвечали? Истребляли каждую банду в отдельности, производили расплату по условиям Рижского договора в тех частях, где мы должны были ту или другую расплату произвести. Про нас, конечно, нельзя сказать, что мы—непротивленцы, что мы революционеры, в силу наших убеждений, склонны подставлять то одну, то другую сторону под удар. Но в борьбе за мир мы проявляем величайшую

выдержку только до известного предела. И, товарищи, есть опасность, что этот предел будет кое-кем перейден. С одной стороны, каждый день множатся телеграммы нашей печати о том, что признании Советской власти не за горами, что оно совершенно близко. Вот соберутся в Лондоне или в Канах, куда нас пригласят, и будут говорить о признании Советской власти. Конечно, всюду, куда нас позовут вести переговоры об установлении мира, хотя бы и не того мира, который мы считаем вполне справедливым и нужным, мы явимся, и, надеюсь, договоримся, но именно эта атмосфера надвигающейся перемены в международном положении заставляет всех наших заклятых врагов—белогвардейскую эмиграцию и коренных иностранных империалистов—сказать себе: «куй железо, пока горячо». Последние месяцы—может быть, недели—остаются, и, если сейчас нанести решающий удар Советской власти, то, может быть, и все переговоры сорвутся. В связи с этим развивается политика империалистических клик Польши и Румынии, где, к слову сказать, пост министра-президента занял вместо Авереску, с которым у нас, товарищи, были свои счеты и который подписывал приказ в двухмесячный срок вернуть Бессарабию, занял Таке-Ионеску, вся политическая заслуга которого состояла в бессмысленном натравливании румынской буржуазии на Украину и на всю Советскую Федерацию. В этих условиях нам нужна двойная, десятерная бдительность. Отмечу еще один маленький эпизод, который показывает, как близость признания Советской власти переплетается с кровожадной ненавистью ко всему, что фактически ведет к сближению с Советской Россией. Вы помните дни, когда Бриан произнес свою речь в Вашингтоне, речь, исполненную ненависти против Советской Республики, где он изображал нас как народ, как страну, как армию, которая стремится поработать другие народы, например, Польшу, угрожает цивилизации и проч. В эти самые дни и часы пролетариат Парижа выбрал в Парижский муниципалитет двух каторжан—Марти и Бодина. Марти и Бодина это—два французских моряка. Они были на французских кораблях, которые действовали под Одессой на Черном море, и когда был отдан приказ бомбардировать Одессу, Марти и Бодина подали сигнал к мятежу, французские моряки отказались бомбардировать Одессу и корабли были уведены. Эти герои были арестованы. Марти и Бодина не были расстреляны только потому, что весь французский трудовой народ был против войны с Советской Россией, и они были приговорены к многолетней каторге. В тот день, когда Бриан, представитель французского народа, на основе всеобщего избирательного права клеветал на Советскую Республику в Вашингтоне, рабочие Парижа внесли поправку к речам Бриана, избрав в муниципалитет двух каторжан—наших друзей Марти и Бодина. По всей Франции прокатилась волна протеста и требований свободы для Марти и Бодина. Чем ответило на это французское правительство, то самое правительство, которое теперь как будто собирается с нами вести переговоры, нас признать и которое, стало быть, должно признать, что Марти и Бодина были правы, когда не хотели бомбардировать Одессы? Что оно делает? Под видом помилования, оно освобождает их из каторжной тюрьмы и направляет в Африку в Бериб, в дисциплинарный батальон, где под жгучим солнцем в каторжной тюрьме погибли сотни и тысячи французских граждан. И мы, товарищи, здесь на Съезде Советов скажем: «Господа-французы, вы хотите с нами заключать соглашение. И что касается царских долгов и других претензий,—мы готовы—мы готовы

потому, что вы существуете—но если вы хотите, чтобы русские рабочие и крестьяне поверили вам, что вы желаете действительно с нами заключать соглашение, а не терзать нас дальше, как терзали до сих пор, дайте нам маленький задаток под будущую уплату вам царских долгов, верните нам из Африки Марти и Бодина. (А п л о д и с м е н т ы).

Правда, враждебная нам печать и враждебные нам политики говорят о том, что может быть, Советское правительство действительно и склонно к миру, но есть в России военная партия (с м е х), которая имеет великие честолюбивые замыслы и которая хочет наступательных войн и порабощения других стран. Поистине, они нас рисуют по образу и подобию своему. (С м е х). Мы знаем страну—и она находится от нас не за морями,—в которой, когда министр иностранных дел и военный подписывают договор, глава страны и военной власти посылает в обмен на это банды. Такая страна есть. Мы говорим, что там наблюдается раздвоение воли правящих классов, и это есть самое опасное, потому что раздвоение воли приводит к не координированным, т.-е. к неразумным и иногда бессмысленным действиям, а неразумные, некоординированные и неконтролируемые действия в международных отношениях приводят иногда к войнам там, где этого можно было бы вполне избежать при доброй воле и здравом смысле. Но, товарищи, если бы у нас в нашей Советской Республике, которая за эти 4 года проделала столько перемен, которая лавировала и маневрировала и на экономическом поле и в области чистой политики, и на военном поле, и на поле дипломатии,—если бы в нашем Советском государстве был намек, хотя бы маленький намек на раздвоение правительственной воли, намек на борьбу партии мирной и партии военной,—мы имели бы случай сто раз погибнуть за эти 4 года. То, что составляет нашу силу, товарищи-делегаты,—и это известно всем журналистам и дипломатам, как присутствующим здесь, так и тем, которые отсутствуют,—это наше непоколебимое революционное государственное единство. (А п л о д и с м е н т ы). Неправда, это—ребяческое заблуждение или сознательная клевета—будто у нас есть не то, что партия, а хотя бы группа стальных лиц, которые хотят войны. Если бы это было, то мы бы сказали, что на них нужно надеть смирительную рубашку. Но таких людей у нас нет. Войны у нас никто не хочет. Это доказывает вся наша политика. И руководящая наша партия и Советская власть говорят, что мы все хотим мира, но этого мира нам не дают. И поэтому мы должны быть готовы, что безответственные за свои действия группы и клики вне России могут опрокинуть на свой и на наш народ бедствия войны, несмотря на то, что можно было бы оценить все преимущества мира. У нас нет военной и мирной партии, но у нас есть деловое разделение труда. И я думаю, товарищи, что Красная Армия не меньше хочет мира, чем вся страна, и это та Красная Армия, которая, если понадобится, будет драться и драться до конца. (А п л о д и с м е н т ы). Товарищи, наша агитация не будет состоять в призывах к наступлению. Этого не нужно русскому крестьянину и рабочему. Он правит своей страной, этот государственный крестьянин и рабочий, он стоит у руля в лице своих Советов. Что ему нужно? Призывы? Нет. Ему нужно ясно понять международную обстановку, понять то, что есть, чтобы знать, куда повернуть корабль. Вся наша пропаганда и агитация в армии будет состоять в том, чтобы нашим младшим братьям, сыновьям и внукам объяснить то, что есть. Вот

эту карту, эту схему мы покажем не только командиру, но каждому рядовому красноармейцу, и эту вторую тоже, и в течение всей зимы будем объяснять Красной Армии то, что есть. А что есть? Есть наша борьба за мир, с одной стороны, и есть неутомимая нещадная провокация, с другой. Но мы не являемся ни в каком случае марионетками международного течения. И мы ни в коем случае не соглаены, чтобы провокаторы разных стран изощряли на нашем теле свою доблесть или свою наглость. Опасность в течение последних недель нарастала, а не уменьшалась, несмотря на вести об усиливающихся переговорах о нашем признании. Это мы скажем каждому командиру и комиссару, а комиссар и командир скажут это каждому красноармейцу. Мы будем следить и по данным нашей разведки, и по передовым статьям польской, финляндской, французской и прочей печати, следить изо дня в день, насколько лихорадочно бьется пульс мирового империализма. И мы будем говорить нашему красноармейцу: готовься к худшему, ибо мы, коммунистическая партия, и весь мировой рабочий класс сегодня еще не можем обезопасить нашу страну от новых войн. Этой зимой мы будем прилежно изучать военное дело и будем прилежно готовиться к весне и к лету, ко всем тем опасностям, которые вырастают для нас в международной обстановке и ее неисчислимым противоречиях. Зимой мы более или менее ограждены от неожиданностей (кроме как со стороны Финляндии, так как финляндцы хорошо ходят на лыжах). Но весна и весенняя распутица, а также колесный путь открывают для нас — нельзя сказать, серию неожиданностей, потому что мы их отчасти ожидаем, но тяжкие испытания новых кровавых поворотов истории. Это не исключено. Я не хотел бы, чтобы вы из моих слов представили себе опасность большую, чем она есть, но горе нам, если мы представим себе опасность меньше, чем она есть. Лучше преувеличивать опасность, чем недооценить ее. И мы войдем в весеннюю пору и в летнюю с нашим несокрушимым стремлением к миру, но вместе с тем войдем окренившимися, подтянувшись, обучившись, ничего не потеряв из опыта четырехлетней гражданской войны. И если последует против нас удар, на наши границы, на нашу неприкосновенность и свободу, мы скажем: «Мы этого не хотели, расширяться мы не стремились, у нас слишком много работы под ногами весной, а вы этого хотели, тем хуже для вас». 1922 год это не 1918 г. и 1919 г. В 22 г. мы готовы сохранить нынешние советские пределы, но если нас заставят, мы докажем, что в 1922 году легче расширять советские пределы, чем их сужать. (Бурные аплодисменты. Крики: «Ура!» «Да здравствует вождь Красной Армии!», «Да здравствует Красная Армия!», «Ура!»).

Председатель. Слово имеет т. Раковский, председатель Совета Народных Комиссаров Советской Украины.

Раковский. Делегации союзных республик уполномочили меня прочесть следующее заявление:

«Союзные Республики—Украина, Грузия, Армения, Азербейджан и Белоруссия—неоднократно выносившие на себе в прошлом удары международной контр-революции и бывшие театром военных действий, считают своим революционным долгом не только в интересах своего собственного самосохранения, но и в интересах всей Советской Федерации, обратить самым серьезным образом внимание 9-го Всероссийского Съезда Советов на необходимость неза-

медлительного принятия реальных мер для улучшения материального положения Красной Армии с целью дальнейшего поднятия ее боеспособности.

Находясь в непосредственном соприкосновении с империалистическими соседями, депутаты перечисленных выше Республик должны констатировать перед трудящимися всего мира, что, несмотря на неуклонно проводимую Советскою властью мирную политику, несмотря на многократно выраженные ею намерения ценою уступок и жертв добиться обеспечения своих границ в интересах восстановления разрушенного хозяйства,—эта цель до сих пор не достигнута, границы не обеспечены и попытки нарушения нашей мирной работы посредством организации заговоров и бандитских налетов не прекращаются.

Поэтому, присоединяясь и впредь безоговорочно к мирной политике РСФСР и отвергая решительно всякую мысль об агрессивной политике по отношению к другим народам и государствам, мы считаем в то же время необходимым заявить, с полной решительностью и категоричностью, что в нынешних международных условиях самым действительным средством обеспечения независимости Советской территории, возможности восстановления ее хозяйства и предупреждения новых ударов извне и попыток возрождения гражданской войны внутри, является всемерное укрепление мощи Красной Армии, поднятие ее техники, улучшение материального положения как рядовых красноармейцев, так и командно-комиссарского состава.

Задача военного строительства наряду с поднятием хозяйства должна неизменно стоять в центре внимания Советской власти как центральной, так и на местах.

Союзные Республики не могут допустить и не допустят нового превращения своих территорий в плацдарм чужестранного империализма. Они готовы целиком и полностью поддержать все начинания федеративной власти в деле обороны общих границ, предоставляют в ее распоряжение все необходимые для этого средства и настоятельно призывают рабочих и крестьян всей Советской федерации как непосредственно, так и через советские органы приложить все силы к тому, чтобы общая и единая Красная Армия неизменно оставалась на высоте поставленных ей историей задач».

Товарищи, позвольте мне в двух словах мотивировать наше заявление. Прежде всего следует опровергнуть одну из самых распространенных в буржуазной печати клевет по адресу Красных Армий, находящихся в союзных республиках и называемых армиями оккупантов. Красную Армию считают армией великороссов, армией, которая распространяет красный империализм. А те республики, те окраины, которые существуют теперь, являются только оккупированными, подчиненными. Товарищи, не для вас, которым известна история Красной Армии, говорю я, а для тех, которые, не зная строительства Красной Армии, поддаются сознательному обману, сознательному заблуждению. Красная Армия создавалась вместе с революцией и в нее с первого момента входили добровольцы и повстанцы в тех советских республиках, которые теперь находятся в союзе с РСФСР. Украинские дивизии из украинских крестьян, создававшиеся в 1918 году, продолжали сражаться под флагом Красной Армии и тогда, когда Украина была занята немцами и гетманом. То же самое можно сказать относительно дивизий и полков, вышедших из дру-

гих советских республик: из Грузии, Армении, Азербейджана, Туркестана, Сибири и Белоруссии. В Красную Армию в данный момент входят в одинаковой пропорции рабочие и крестьяне всех советских республик и лучшее доказательство той горячей симпатии, которой Красная Армия пользуется среди крестьян этих республик, является блестящий ход мобилизации в прошлом году во время известного иностранного нашествия. Нужно вам сказать, что тогда только одна Украина дала Красной Армии 800.000 красноармейцев. Я вас спрашиваю: может ли власть оккупантов, власть молодая, которая в деревне не имеет своих органов, поднять на ноги 800.000 крестьян, если Красная Армия, созданная этой властью не пользовалась бы беспредельно горячей симпатией? То же было на Кавказе, где в Красную Армию поступило 250.000 чел. То же самое было в Туркестане и в Сибири.

Второй момент, который я хочу подчеркнуть, следующий (и вы тут должны понять, почему нам, окранным, в данный момент приходится обращаться к вам, представителям всей федерации, чтобы обратить особое внимание на Красную Армию):

Дело в том, что в течение 4-х летней гражданской войны мы являлись постоянным театром военных действий, являлись постоянным плацдармом. Мы победили. Победили потому, что Красная Армия приобрела колоссальный опыт, потому что рабочие и крестьяне России, в первую очередь, жертвовали всем и, наконец, потому, что благодаря нашей громадной территории, противник даже тогда, когда он занимал громадное пространство, должен был, в конце концов, притти к поражению. Те пути, те зловещие пути, по которым шли и терпели поражения Карл Великий, Наполеон и т. д., по этим путям любая иностранная армия будет терпеть всегда поражения. Но, товарищи, дело не в поражении, а в целях нашей победы, и нужно было на этих окраинах, чтобы убедиться, какой дорогой ценой мы платили за наши победы. Нужно посетить разрушенные Украину, Дон, Кавказ, разрушенные города Сибири, Белоруссии, нужно посмотреть на всю эту громадную разрушительную работу, которая происходила на этих окраинах, чтобы вы поняли, почему мы теперь так чутки к Красной Армии. Я не говорю только о вас, о представителях власти,—нет, товарищи, эта чуткость проявляется у самих крестьян. Наши губернские Съезды проходили под знаком помощи Красной Армии. Полтавский Губернский Съезд,—один из Съездов типичной украинской губернии,—в течение всех своих трех заседаний поставил, как первый вопрос, вопрос о Красной Армии. И с тревогой, с беспокойством крестьяне спрашивали у правительства: что вы сделали для Красной Армии? Мы не хотим, чтобы наша территория снова превращалась в театр военных действий, но мы не знаем, что скрывается для нас в грядущем, мы считаем своим долгом дать новую силу, новые средства нашей Красной Армии, обеспечить ей материальное существование, чтобы она, в случае нарушения нашей мирной политики, могла бы остановить противника на нашем рубеже.

Председатель. Товарищи, внесено предложение прений по докладу т. Троцкого не открывать. (Голоса: правильно). Есть желающие высказаться по этому поводу? Позвольте пробаллотировать. Кто за это предложение? Кто против? Таких нет. Слово для оглашения проекта резолюции имеет т. Шляпников.

Резолюция о Красной Армии и Красном Флоте.

Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов снова подтверждает готовность Советской Республики жить в мире со всеми народами земли. Новые передвижки государственных границ в ту или другую сторону не могут дать хлеба голодным и залечить раны мирового хозяйства. Только правильно поставленный труд, только правильно организованные обмен благ и услуг между всеми народами могут возродить хозяйство на более правильных основах братства и солидарности.

В этих условиях затевать новые войны, т. е. новое истребление и опустошение во имя насилия одной нации над другой, значит вести человечество на путь окончательного обнищания, одичания и гибели.

Всероссийский Съезд Советов вполне и целиком одобряет все мероприятия и усилия рабоче-крестьянского правительства, направленные на то, чтобы оградить от новых войн первую социалистическую Республику, столь нуждающуюся в мире и труде.

9-й Всероссийский Съезд Советов одобряет проведенную, на основании постановления 8-го Всероссийского Съезда Советов, работу по сокращению армии, которая в настоящее время в 3 раза меньше, чем была год тому назад.

Уже сейчас Красная Армия, если принять во внимание народонаселение в 2 слишком, а по территории в 18 раз меньше французской армии.

Съезд Советов с негодованием отвергает перед лицом народов, которых хотят обмануть, измышлениями капиталистических министров, дипломатов, журналистов, в первую очередь Франции, продолжающих в частности на Вашингтонской конференции, вопреки всей очевидности, утверждать, будто Советское правительство замышляет наступательные войны против своих соседей, в особенности против Польши. Вся политика Советского правительства, и прежде всего продолжающееся сокращение Красной Армии является неоспоримым опровержением своекорыстной и преступной лжи, при помощи которой еще непризванные к ответу виновники империалистической бойни пытаются снова зажечь пожар на востоке Европы.

9-й Съезд Советов считает в то же время своим долгом заявить трудящимся массам России и дружественных республик, что ни героические победы Красной Армии, ни настойчивые и твердые усилия Советской дипломатии, ни возрастающее сопротивление трудящихся масс всего мира против новых войн, еще не дали до сих пор гарантий действительной неприкосновенности первой республики труда. Наиболее хищнические империалистические и авантюристические элементы буржуазии больших и малых государств, не находя выхода из противоречий экономического кризиса и империалистической борьбы, продолжают, рука об руку с русскими помещиками, капиталистами и эмигрантскими генералами, готовить новые и новые удары против государства рабочих и крестьян.

Уклонение румынского правительства от переговоров на основе действительного и полного отказа от новых военных покушений, активное стремление влиятельнейших групп и лиц в Польше сорвать мирные отношения с

Советскими Республиками; постоянное выбрасывание на нашу территорию контр-революционных банд, при содействии влиятельнейших военных и политических кругов Польши и Румынии; вступление на этот же путь Финляндии, выбрасывающей на Советскую землю контр-революционные банды под видом Корельского восстания; враждебные японско-белогвардейские военные операции на Дальнем Востоке, руководимые из Токио в то время, как в Вашингтоне обсуждаются программы соглашения и разоружения без участия России,—таковы яркие, бесспорные факты и события сегодняшнего дня, свидетельствующие, что непримиримая вражда буржуазии против Советской Республики продолжают находить свое выражение в открытых военных действиях, направленных против ее безопасности как на Западе, так и на Востоке.

В виду всех этих обстоятельств, Советское правительство, продолжая политику борьбы за мир, экономические соглашения и правильные международные отношения, должно в то же время быть готово отразить вооруженной рукой всякое покушение на неприкосновенность и независимость Советской Федерации.

Сокращая Красную Армию и тем облегчая для рабочих и крестьян несение навязанных нам войной тягот, Советское правительство и все органы Советской власти на местах обязаны приложить все усилия к тому, чтобы всемерно укрепить армию, улучшить ее материальное состояние, повысить ее общий политический и военный уровень и, тем самым, обеспечить за пей, при сокращенной численности, высокую боеспособность.

Всероссийский Съезд Советов заявляет о полной готовности трудящихся нести необходимые жертвы на содержание Красной Армии и одобряет принятые и принимаемые правительством меры, направленные на улучшение продовольственного, квартирного, вещевого и санитарного положения красноармейцев, а также на повышение их денежных окладов.

Съезд Советов вменяет в обязанность правительственным органам принять меры к созданию для руководящего состава армии таких условий существования, которые облегчали бы командирам и комиссарам выполнение их в высшей степени ответственной работы по обучению и воспитанию Краевой Армии.

Всероссийский Съезд Советов признает безусловно правильным установление тесной духовной и материальной связи между местными органами Советской власти и расквартированными в их районе красными войсками. Съезд Советов призывает развить до конца систему приписки воинских частей к местным и центральным Советским органам, ожидая от этого самых благотворных последствий, как для укрепления связей Красной Армии с трудящимися города и деревни, так и для повышения внутренней спайки и политической сознательности красноармейских частей и для всемерного облегчения условий их существования.

Техническое снабжение Красной Армии, как одно из важнейших условий ее боеспособности, требует со стороны правительства в лице, прежде всего, хозяйственных органов напряженной заботы об упрочении и обеспечении всеми необходимым средствами и материалами предприятий военной промышленности.

Съезд подтверждает исключительную государственную важность дальнейшего улучшения поставок дела военно-учебных заведений и предлагает во-

енному ведомству и правительству в целом сосредоточить на этом вопросе особое внимание.

Пересмотр уставов, программ, инструкций должен производиться систематически, в соответствии с опытом Красной Армии и новыми назревшими потребностями, памятуя, что новые враги могут оказаться лучше организованными, обученными и вооруженными, чем те, над коими Красная Армия одержала столько славных побед.

Признавая правильным и необходимым привлечение Красной Армии к хозяйственной работе, прежде всего по обслуживанию нужд самой армии, Съезд Советов одобряет в то же время решения Совнаркома и СТО, направленные на то, чтобы хозяйственная работа Красной Армии не могла развиваться за счет потребностей воинского обучения и воспитания, со-есть за счет боеспособности армии.

Всероссийский Съезд Советов признает подлежащими дальнейшему развитию меры военного ведомства, направленные к тому, чтобы ныне, в мирный период, установить в армии более правильные организованные взаимоотношения, более строгий учет воинского достоинства, более бережливое и хозяйственное к нему отношение, повысить наряду с политической сознательностью, хозяйственность, опрятность и точность как командного и комиссарского состава, так и каждого рядового бойца.

Изъятие в отношении воинской повинности в смысле не только освобождения, но и отсрочек, должны быть сведены к действительному и безусловному необходимому минимуму. Равенство в отношении воинской повинности должно быть проведено с наибольшей полнотой. Красная казрма, улучшаясь материально и повышаясь духовно, должна стать одной из важнейших школ не только воинского, но и гражданского воспитания рабоче-крестьянской молодежи.

Учитывая тяжкие удары, обрушенные вероломством русской и хищничеством иноземной контр-революции на военный флот, Съезд отмечает с удовлетворением усилия лучших военных моряков сохранить в нынешних трудных условиях живое ядро флота и выражает твердую уверенность в том, что начинающееся оздоровление хозяйственной жизни страны позволит Красному Флоту выполнять свои обязанности по охране морских подступов к Социалистической Республике.

Председатель. Есть ли желающие высказаться по поводу оглашенной резолюции? Таковых нет. Позвольте голосовать без прений. Кто за это постановление, прошу поднять руку. Кто против? Нет. Принимается.

Слово имеет председатель Украинского ЦИК т. Петровский.

Петровский. Товарищи, десколько часов тому назад через Трансзунд от Великого Национального Собрания получена телеграмма. Разрешите ее огласить¹⁾.

Троцкий. Товарищи, я предлагаю поручить Президиуму Съезда ответить на это приветствие соответствующим выражением наших чувств и отношения к независимой Турции. (А п л о д и е м е н т ы).

¹⁾ Текст телеграммы будет помещен в следующем номере стеногр.

Председатель. Разрешите принять предложение т. Троцкого без баалотировки. (Аплодисменты).

Слово для заявления имеет т. Крестинский.

Крестинский. Товарищи, в Президиум поступило сообщение, что на Волге умер, заразившись брюшным тифом, во время оказания помощи голодающим, член Американской миссии Красного Креста, доктор Гербер. Предлагаю от имени рабочих и крестьян России почтить память работника нашего жертвой своего долга. (Всё встают).

Председатель. Объявляю заседание закрытым.

Ф. С. Р.

МФ 19

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С-9

В 143 55 IX

761030 / 6

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

Стенографический отчет.

№ 6.

28 Декабря 1921 года.

№ 6.

Заседание седьмое.

(Утреннее).

Председательствует т. Енукидзе.

Енукидзе. Объявляю заседание открытым. Слово по поводу декрета Совнаркома об электрификации имеет т. Кржижановский.

Кржижановский. Товарищи, со времени моего доклада по проекту электрификации 8-му Съезду Советов прошел уже целый год. Относительно этого года, как и про предшествовавшие, приходится сказать: «как мало прожито, как много пережито!» Вспомните Кронштадт, вспомните события весны этого года. Вспомните признаки надвигающейся засухи, вспомните продовольственный кризис и надвигавшийся вслед за ним кризис топлива—разразившиеся почти одновременно и поведшие к срыву всего намечавшегося подъема нашей промышленности. Казалось, что сама природа русских равнин вступила в заговор с нашими врагами. Разразилось великое бедствие—голод. При таких условиях нам снова и снова приходится перестраивать наши ряды, приходится приспособляться к обстоятельствам и в то же время не забывать об основной нашей цели, о создании новых форм хозяйства и строительства Советской власти. Кратко, пользуясь выражением тов. Ленина, можно сказать так: «от лобовой атаки мы переходим к осаде». Ясно, что при существующей обстановке—рядом с нашей программой максимум с особой резкостью выступает необходимость справиться с повседневными хозяйственными нуждами. Нужно теперь подумать о программе минимум, и вот мы видим, как по всему хозяйственному фронту происходит резкий сдвиг.

Вспомните декрет, по которому мы перешли от продразверстки к продналогу, вспомните перевод всей промышленности на так называемый хозяйственный расчет, целый ряд законодательных актов, которыми предусматриваются совершенно новые задачи, словом, все то, что является хозяйственным учетом. Невольно хочется задать вопрос, а как обстоит дело с проек-

том электрофикации? Выдержал ли этот проект пробные испытания за этот краткий годичный, но столь многозначительный период? Напомню вам вкратце, что наш проект электрофикации, доложенный 8-му Съезду Советов, отнюдь не представлял собой простой схемы расположения электрических станций в расчете на известные природные ресурсы или на достижения мировой техники, которые являются в настоящее время общечеловеческим достоянием. Нет, дело не так просто.

Мы предполагали воспользоваться идеей электрофикации в качестве основной идеи для всего хозяйственного строительства в целом. Мы смотрели на нее, как на вспомогательные леса, с помощью которых мы предполагали воздвигнуть все здание хозяйственного строительства России. Проект электрофикации не представлял собой отвлеченной схемы. Мы старались разносторонне изучить нужды нашего сельского хозяйства, нужды промышленности, нужды транспорта и найти выход из хозяйственного тупика путем своеобразного сочетания сил прошлого и сил будущего, парового хозяйства с хозяйством электрическим. Вот здесь отдельными кружками изображены (п о к а з ы в а е т п о к а р т е) те экономические районы, которые представляют собой во всей истории нашего прошлого хозяйства уже выделившиеся, определенные районы с определенными экономическими ресурсами и с определенным ходом экономического развития. Мы старались изучить экономический ход развития этих районов, подметить, как шла там жизнь в прошлом, в каких отношениях стоит район к району, и с этой стороны выяснить, как сливается жизнь этих отдельных районов в одно стройное целое и каким образом можно найти выход из хозяйственного тупика путем своеобразной перестройки всего народного хозяйства на основах совершенно нового подхода с новыми силами к самым основам процесса производства.

Вы видите, что этот проект совершенно точно можно характеризовать, как проект всего хозяйственного строительства в целом, рассчитанный на определенный исторический период и разработанный, правда, в порядке первого приближения, но все-таки с многосторонним подходом к изучению окружающей обстановки, с несомненным нажимом в сторону необходимых выводов из тех развивающихся перед нами кризисов, которые мы наблюдали ежегодно и по ходу которых мы хотели выяснить, в какой игре, в каком соотношении они должны дальше развиваться, и каким мечом мы должны разрубить Гордиев узел их сплетений. Одновременно мы старались вникнуть в ход развития современной техники в Европе и приходили к тому убеждению, что электрическая энергия, работы практической электротехники резкой струей проходят через всю мировую технику. Когда наш проект был оглашен, он несомненно должен был вызвать целый ряд замечаний, возражений; несомненно, что отдельные группы должны были высказать свое отношение к этому проекту. Мы стали подвергаться нападкам, если можно так выразиться, и слева и справа. Одни говорили нам: как это так—для такой громадной страны, рассчитывающей на большой подъем, вы проектируете столь скромный общий масштаб электрофикации, как это вы проектируете постройку каких-нибудь 30 крупных электрических станций, общей мощностью около 1½ миллионов киловатт, тогда как ряд капиталистических стран на наших глазах задается гораздо большим размахом электрофикации. С одной стороны, нас упрекали в умеренности этого проекта, а с другой стороны, были голоса совершенно

другого характера. Как это в стране, которая попрежнему остается соломенной, непроезжей, вы хотите подойти с последним словом европейской техники и требовать, чтобы в 10—15 лет эта страна, в которой еще не исчезли разрушительные последствия семилетней войны—вы рассчитываете развернуть даже и такой скромный проект электрофикации?

На этом следует остановиться. Нам следует напомнить, что одновременно с этим проектом мы сделали совершенно определенный подсчет всего народно-хозяйственного бюджета. Мы указали, от каких статей этого бюджета, от каких видов на развертывание промышленности и наших сношений с Западной Европой зависят эти сроки и этот масштаб электрофикации. Всякий из вас, работающий в хозяйственной области, прекрасно отдает себе отчет, какие трудности связаны с установлением сроков, с установлением календарной программы даже и в том случае, когда вы проектируете, напр., постройку какого-нибудь крупного предприятия. Трудности еще более возрастают, когда вам приходится размышлять о разработке какой-нибудь одной отрасли промышленности. Во сколько же раз возрастают эти трудности, когда вы пробуете установить календарную программу строительства для громадной страны, да еще такой страны, которая врывается в международную среду народов с лицом совершенно новым, с лицом борца, отстаивающего права на сознательное творчество в противовес покорности слепым стихиям.

Ясно, что сроки и масштаб этого строительства носят чисто условный характер. В этой области вопрос о сроках решают сами трудящиеся. Вы, ваша активность, ваша работоспособность, ваше разумие—решают вопрос о том, как и в какие сроки мы развернем работу по электрофикации. Во всяком случае, надо отчетливо помнить, что в проекте электрофикации нет одностороннего подхода специалистов-электротехников к хозяйственным проблемам. Нет, это есть определенный план всего хозяйственного строительства в целом. Нам предстоит еще дальнейшая громадная работа по углублению и уточнению этого плана, по приспособлению этой работы к нуждам мест и районов. Но, быть может, за это время выдвинута какая-нибудь другая, более плодотворная идея, быть может, нашему плану хозяйственного строительства противопоставлен какой-нибудь другой план? Позвольте вам сказать в качестве председателя Госплана, через который проходят все хозяйственные начинания страны, если они носят определенный плановой характер, что никакого другого плана строительства, как стройного целого, этому плану электрофикации не противопоставлено, что в этом направлении, как и во всех других, мы смены вех не предполагаем. Следует отметить, что много путаницы создает неясное представление, неясное разграничение между программой максимум и программой минимум. В осуществлении минимума задач широкого строительства нам приходится теперь прежде всего думать о том, чтобы как-нибудь скорее прервать эту понижающуюся линию производства, нам приходится думать о том, чтобы как можно скорее развернуть деятельность тех отрядов армии труда, которые не дезертировали с трудового фронта, нам приходится думать о поддержке на ходу существующих и действующих предприятий—или, как говорят, думать о плане эксплуатационном. Острота положения текущего дня закрывает от нас горизонты, широкие перспективы будущего строительства. Но, товарищи, вместе с тем не надо забывать, что это две стороны одного и того же процесса и что если мы должны сейчас с величай-

шей осмотрительностью расходовать наши материальные ресурсы, если мы должны зорко вглядываться в ту почву, которая находится под нашими ногами, то нам тем не менее нельзя терять линию нашего движения вперед, нам нельзя терять перспектив, потому что, если мы потеряем направление той дороги, по которой идем, мы жестоко поплатимся в смысле конечных результатов. План электрофикации, рассматриваемый как план хозяйственного строительства, план, который рассчитан на годы и даже на целые десятки лет (ведь мы не остановимся на этом проекте, а пойдем все дальше и дальше),—этот план строительства в своем воплощении все больше и больше будет подходить к программе максимум. Отношение между планом электрофикации и планом эксплуатации будет сводиться к отношению между программой максимум и программой минимум, т.-е., с одной стороны, все хозяйство в целом, с другой—годовое звено его. Это имеет громадное практическое значение. Уяснив себе это, вы сразу ответите на целый ряд возражений против плана эксплуатации, возражений, которые вытекают из непонимания этого отношения.

Я приведу пример из практики недавно бывшего 8-го Электротехнического Съезда. Некоторые депутаты говорили: каким же образом вы предлагаете постройку станции в Донбассе на доменных и коксовых газах, когда там нет на ходу ни доменных, ни коксовых печей, а если есть, то они слабы. Депутат с Волги говорил: вы говорите о волжской электрофикации и строите там станции, которые рассчитаны на торфо-дровяное топливо, на горючие сланцы, на отбросы лесопильных заводов, а Волга пуста, мы не видим там ни широкого сжигания горючих сланцев, ни широкой разработки торфа, мы не видим там работы лесопильных заводов. Выходило так, что мы строим здание на песке. В чем здесь дело? Дело в том, что многие не отдают себе отчета в разнице между планом-программой, рассчитанной на десятки лет, между общим планом электрофикации и между эксплуатационным планом текущего дня.

Мне уже неоднократно приходилось говорить, что на фронте экономического точно так же, как и на военном, нам, может быть, не раз придется отступать. Ведь и Красная Армия отступала, однако же она добилась победы,—так и тут. Если вы отдадите себе отчет в указанном соотношении между обеими программами, программой общей и программой текущей, картина для вас будет ясна.

Вам роздан отчет Госплана, в котором вы увидите, с какой осторожностью приходится сейчас подходить в плане электрофикации к текущим вопросам, какие трудности приходится преодолевать в эту зиму и какие еще трудности предстоят в дальнейшем, весной. Наме положение чрезвычайно осложняется еще тем обстоятельством, что во всем мире продолжается послевоенная разруха, что работоспособность всего мира потрясена до самого основания, что продолжается еще послевоенный капиталистический кризис и попрежнему идет своеобразная подземная работа. Вы знаете, что в странах капиталистических этот кризис сопровождается таким положением вещей, при котором вся тяжесть обрушивается на плечи трудящихся, но вместе с тем одновременно продолжается прежняя работа по укреплению тех предприятий, которые связаны с развертыванием всего процесса капиталистического производства в целом. У нас пути разрешения послевоенного кризиса были, конечно, совершенно другие. Там вопрос разрешается путем гибели и людей и предприятий.

Мы здесь сознательной волей самих трудящихся нащупываем пути разрешения этого кризиса. И порукой тому, что это так, доказательством того, что мои слова верны—служит то обстоятельство, что я эти мои слова говорю здесь перед вами, перед представителями трудящихся нашей страны, перед Съездом Советов Великой Федерации наших трудовых Республик.

Однако, т.т., вы ясно сознаете то чувство ответственности, которая лежала на нас, небольшой группе работников Госплана, когда в прошлом году мы решились перед вами выступить с проектом электрофикации. Поэтому вполне естественно, что как и нам, так и другим высшим хозяйственным органам страны хотелось подвергнуть этот проект еще новой экспертизе. Вы знаете, что высшим органом электротехнических учреждений является Всероссийский Электротехнический Съезд. Такой съезд, согласно декрета Совнаркома, был создан и происходил с 1-го до 10-го октября. В задачу этого съезда входила проверка основных положений проекта об электрофикации. Этот съезд был необычайно многолюден, на нем было около 1.000 делегатов и около 500 человек гостей. Это был самый многолюдный электротехнический съезд, когда-либо созывавшийся в нашей стране. Основной задачей этого съезда и был разбор положений государственной комиссии по электрофикации. Этот съезд соби-рался уже в такое время, когда перед всей страной было ясно то положение, которое создал неурожай и голод на юго-востоке. Вам будут розданы первый и второй выпуски работ съезда, которые мы думаем исчерпать в 5—6 выпусках. В первом докладе, который вы найдете в этих выпусках, вы увидите, что никакого чувства растерянности в них нет, а, наоборот, бодрое и рабочее настроение было характерным признаком этого съезда. Иначе и не могло быть. Самый размер этого народного бедствия для представителей научно-технической мысли служит только явным доказательством того, что действительно назрело время, чтобы дружными усилиями подойти к изменению трудовой обстановки нашего крестьянства, для того, чтобы такие бедствия не повторялись. Вы прочтете там целый ряд докладов, характеризующих положение и возможности мелкой электрофикации, подход с оружием электрической энергии к нуждам нашего крестьянства, к обстановке нашей деревни. Вы увидите там доклады Рыдыша, профессора Шателена, Воробьева и других, которые приводят целый ряд весьма интересных и полезных соображений по развитию мелкой электрофикации, по быстрейшему подходу к нуждам современного сельского хозяйства.

В первом выпуске вы увидите целый ряд докладов, которые развернут перед вами картину хода электрофикации Западной Европы. Вы увидите, что если в прошлом году я мог только предположительно говорить вам, что мы встретим за рубежом, вероятно, до зубов вооруженного электрической энергией противника, то теперь, когда мы можем воспользоваться данными европейской литературы, можно многочисленными примерами доказать справедливость этого положения. Вы увидите, что возможности, которые открываются у нас на первых порах, даже при наших небольших ресурсах, довольно велики. В этих работах также заново освещается и целый ряд других вопросов, которые могут особенно интересовать нашу страну. Между прочим, вы найдете там и статью, посвященную специально ветро-силовым установкам, и вы увидите, что и здесь в недалеком будущем могут развернуться своеобразно перспективы и весьма возможно, что мы заставим горячие сухие ветры, превращающие

пивы нашего юго-востока в пустыни, качать воду для орошения наших полей. Вместе с тем, товарищи, вы увидите, что общая постановка научной разработки вопроса об электрофикации за это время сделала громадный шаг вперед, который только подкрепляет правильность нашей позиции. Внимательное изучение развития народного хозяйства, в последний год перед войной и со времени войны, приводит к своеобразным выводам. Можно подметить, как во всем мире в XX столетии колоссально идет рост потребления силовой энергии, как это сопровождается громадными расходами топлива, как все острее и острее перед народным хозяйством становится необходимость всяческой экономии драгоценных природных запасов топлива. Оказывается, что такая остановка создает совершенно новые потребности, при которых во всех бюджетах расход на топливо составляет одну из самых важных статей; оказывается, что только соединением работ тепло-техники и электро-техники, только наличием в стране электрических проводительных моментов можно наиболее удачно решить этот вопрос в громадном масштабе, можно создать такие условия, при которых разворачиваются совершенно новые, небывалые перспективы для работоспособности страны, или, как это говорят, для энергетики. Но вместе с тем такие глубокие исследования и тот громадный успех, который сделала электро-техника и техника вообще в последнее время, еще и еще раз свидетельствуют о том, как невыносимы становятся те пути частной собственности, которые стоят на пути использования этих завоеваний науки.

На этом же Съезде электротехников перед вами прошел ряд удивительных достижений науки. Нам были показаны приборы, которые отсчитывают с помощью электричества десятитысячные доли секунды. Нам говорили, что в скором времени с помощью электричества будет расширено наше зрение и что мы, сидя в зале, будем в состоянии наблюдать ясно на экране то, что происходит в самых отдаленных окраинах нашей страны. Нам говорили (и наука это подтверждает), что, если мы дойдем до использования тех таинственных процессов, которые связаны с малейшей частицей материи, и научимся разлагать ее, то получатся прямо поразительные результаты. Оказывается, в каком-нибудь грамме пыли и отбросов находится такое количество энергии, которое равносильно по точному подсчету работе полтораста тысяч человек в течение целого года. Вот какие перспективы разворачиваются перед нами наукой. А рядом с этим мы видим гибнущих от голода людей и наблюдаем, как в той же Америке не знают куда хлеб девать и бывают случаи, когда его сжигают в топках паровоза. Известный ученый Лебединский сделал недавно доклад, в котором он рисует громадный рост техники и электротехники. В области электротехники мы подходим к такому положению, когда как будто какие-то огромные щупальцы науки внедряются в эту таинственную игру стихий, что здесь уже от приборчиков, служебная роль которых ясна в чисто техническом смысле, мы подходим к таким машинам, к таким способам, которые ставят человека лицом к лицу с самими стихиями. Осуществление такого размаха невозможно в капиталистическом обществе. Прав профессор, когда он на своем своеобразном языке говорит, что формы общественной жизни диктуют и определяют самые формы техники и требуется нечто другое, не то, что давало нам прошлое. Он говорит, что нужно,

чтобы земной шар был един. Я думаю, что профессор гораздо правильнее выразил бы свою мысль, если бы сказал, что необходимо осуществление нашего лозунга пролетарской революции и что без нее не будет уничтожен разрыв между наукой, ее достижениями и практикой жизни. Лозунг таков: пока пролетарии всех стран не соединятся, не будет ликвидирован этот проклятый разрыв. (Аплодисменты).

Но, товарищи, красной нитью через все работы 8-го Съезда электротехников проходит разбор положения о государственной комиссии по электрофикации. И я рад засвидетельствовать перед 9-м Съездом Советом, что короткая резолюция, которая была там принята по проекту, не позволяет делать никаких толкований и я оглашу ее здесь полностью.

После длительных прений, отчет о которых вы найдете в розданных вам трудах, после работ технико-экономической секции Съезда электротехников и после доклада пленуму, единогласно была принята такая резолюция:

«а) План электрофикации Государственной Комиссии по Электрофикации России, объединяющий для работы лучшие научные и технические силы страны, в общем и целом является правильной схемой, по которой должно строиться государственное плановое хозяйство. Съезд, придавая особое значение развитию добывающей промышленности, признает, что предложенную Госэро сеть районных станций следует рассматривать, как основную.

б) Дальнейшее развитие этого плана, который нельзя считать жестким ни в смысле очередности, ни в смысле срока его выполнения, так как это всецело зависит от реальных условий внутренних и международных, должно проводиться с привлечением местных экономических сил и органов.

в) Вместе с тем Съезд полагает, что новая экономическая политика открывает новые возможности для широкого проникновения в жизнь электричества путем создания мелких и средних станций, как подготовительной стадии к намеченной электрофикации народного хозяйства.

В это дело должна быть внесена планомерность и необходимая со стороны государства помощь, а также стандартизация, обеспечивающая массовые дешевые производства электротехнического оборудования и возможность дальнейшего объединения таких станций в общегосударственную сеть электропередач.

В виду этого Съезд считает необходимым, чтобы Госплан учел настоящую резолюцию при подготовке и утверждении проекта электрофикации Российской Республики в соответствующих государственных учреждениях.

По предложению тов. П. А. Козьмина, Съезд признал, что работа по составлению плана электрофикации была выполнена по заданиям Рабоче-Крестьянской власти с полным сознанием специалистами как в центре, так и на местах серьезности возложенного на них поручения и с научной добросовестностью, несмотря на крайне тяжелые условия творчества научной мысли».

Вы видите, товарищи, что тот многочленный Съезд, на котором большинство отнюдь не было представителями каких-либо партий и представляло беспартийную массу лиц, просто известных по своим научным трудам, вотиновал с полной определенностью, что электрофикация это не односторонний подход электротехников к проблемам нашего хозяйства, а что это—основа всего нашего хозяйства и что здесь нет извращения действительности, а есть ясно

выраженный подход к ней. Таким образом, в этом отчете мы имеем беспристрастный голос научно-технической мысли страны. В декрете, который предлагается вашему вниманию, учтены как постановления 8-го Съезда электротехников, так и те прения, которые развивались на этом Съезде по ходу его работ. Этот декрет изложен в 13 определенных пунктах. Я здесь только остановлюсь на его основных пунктах. В параграфе 1-м декрета перечисляются все основные станции. Здесь 30 станций, набросанных на этой (показывает на карту) схеме. Здесь сделано примечание, где говорится, что в южном горнопромышленном районе следует предвидеть развитие станций, работающих на доменных и коксовых печах, которые нам будут необходимы по мере развертывания металлургической и химической промышленности. Пункт 2-й этого декрета говорит, что мощность этих станций определяется примерно в полтора миллиона киловатт, и что срок строительства устанавливается, примерно, в 10—15 лет, но, конечно, этот срок находится в зависимости от общего хода развития нашего хозяйства.

Точно так же сделана оговорка, что первоначальный размер станций должен быть намечен с точным учетом того положения, которое в ближайшее время будет наблюдаться на местах, в районах. В п. 5 сказано, что и число и расположение станций может подвергаться изменению по соображениям работников на местах и что в таких случаях Госплан должен взять это на учет и сделать соответственные сообщения в Совнарком, который уже решает вопрос, внести ли это предложение в плановое строительство или отвергнуть. Точно так же в общих чертах в п. 3 изложена следующая основная линия, которая касается постепенно электрификации транспорта по основным путям жел. дорог и судоходства по главным их магистралям. Наши округа, наш НКПС уже теперь должны приступить к подготовительным работам в этом направлении. Если они могут внести те или иные поправки, то тут открывається работа через обще-плановую комиссию и Совнарком должен эти поправки учесть. Затем, здесь отведено большое внимание разграничению широкой, мелкой и средней электрификации.

В п. 6 подчеркивается, что эксплуатация крупных районов электрических станций и сооружений их является прерогативой государства. Это важно в том смысле, что проследивая дальнейшие пути нашего хозяйства, мы должны будем наряду с транспортом иметь в руках и крупную электрификацию. Государство должно держать в руках основу национальной промышленности. Оно должно держать в своих руках ключи электроснабжения. Это одна из важнейших прерогатив государства. В п. 7 и 8 уже говорится о том, что наряду с этой крупной электрификацией, пока мы подойдем к сооружению крупных районных станций, мы должны предвидеть, что на местах будет большая потребность эксплуатации существующих станций, а также потребность в строительстве средних станций по определенным типам, которые теперь знает Европейская техника.

Особое внимание, при этом, обращено на нужды нашей кустарной и мелкой промышленности, на нужды нашего сел. хозяйства и здесь дается широкая инициатива местам; здесь определенно указывается, что роль государства сводится к тому, чтобы помочь и облегчить эту задачу. Здесь нам придется обра-

тить особое внимание на заготовку электротехнического оборудования в крупном масштабе, чтобы тем самым удешевить его, чтобы потом, когда мы перейдем к массовой электрофикации, можно было эти мелкие установки включить в общегосударственную сеть электропередачи. На том же съезде электротехников было обращено особое внимание на ненормальность положения самих центральных органов по электротехнике. Было совершенно ясно, что если мы серьезно смотрим на дело электрофикации, как на основу широкого хозяйственного строительства; как на своего рода строительный план всего нашего хозяйства, то переходя к мирной работе, мы должны здесь действовать в значительной степени, как мы действовали когда-то в отношении военной промышленности. Создавая совет военной промышленности, мы собирали все военное хозяйство в один кулак, чтобы быстрее справиться с пуждами, представляемыми фронтом. Точно так же здесь недопустимо, чтобы рассеивалось дело электрофикации по разным ведомствам, чтобы работники электротехники были рассыпаны и разбросаны. Поэтому в определенном пункте этого декрета говорится о том, что необходимо придать главному управлению по электротехнической промышленности какой-то особый характер, по крайней мере, придать ему те полномочия, которые мы предоставляем нашим топливным органам, потому что топливо и электрическая энергия—это две соседки, которые одинаково важны, в последнем счете, для народного хозяйства.

Затем, для нас ясно, что практическое осуществление электрофикации в громадной степени зависит от положения нашей электропромышленности. Пора нам перестать смотреть на эту промышленность, как на своего рода бедную родственницу. Когда мы так смотрим на дело электрофикации, как я смотрю, то нам следует поставить электропромышленность наряду с важнейшими отраслями нашей промышленности. Это документировано в п. 10-м предлагаемого декрета. В конце пункт 13-й возлагает на государственную общеплановую комиссию обязательство непрерывно следить за фактическим ходом электрофикации страны в смысле прямого наблюдения за электроснабжением и выполнения плана электрофикации. Значит, должен быть один орган при ВУНХ, по особому положению, с правом непосредственного сношения с Советом Труда и Обороны и необходимо согласование его деятельности с планом всего народного хозяйства при посредстве Госплана. Вот каковы основные моменты этого декрета, которые я прошу вас утвердить.

В заключение я скажу несколько слов о том, что здесь не написано, но, что вы должны иметь в виду. На том же 8-м Съезде электротехников, в прениях ясно предвиделось, что при развертывании работ по электрофикации будет ощущаться большая нужда в обученном техническом персонале, и дело нашего Главпрофобра, ведающего техническим образованием, следить за этим делом и строить свою деятельность сообразно с этой нуждой. Потом, несомненно, мы, может быть, будем испытывать в простых техниках и простых техникумах большую нужду, чем в высших учебных заведениях. Об этом правильно говорил т. Преображенский в печати. Но есть деятельность, которая не укладывается в рамки наших высших технических учебных заведений.

Товарищи, из сказанного мною нам должно быть ясно, что мы смотрим на дело электрофикации, как на своего рода могучий рычаг, с помощью которого

мы хотим поднять всю работоспособность нашей страны, поднять, как говорится, энергетику ее. Чтобы понять это, недостаточно быть только техником, надо быть и экономистом. И когда мы просмотрим работу Государственной Комиссии по электрофикации, просмотрим труды 8-го Электротехнического Съезда, которые розданы вам, вы увидите, что вопрос электрофикации идет рука об руку с работой и техников, и экономистов. Но, что значит быть экономистом? Быть экономистом — это значит отдавать себе ясный отчет о взаимной связи хозяйственных явлений, о той роли, которую играют трудящиеся в тех великих процессах борьбы за существование, которые в своей сумме дают нам общественный процесс производства в его целом. Такое понимание экономической действительности отнюдь не исчерпывается одним книжным обучением. И позвольте вам сказать, что вопреки той разрухе, которая еще продолжает нас давить, вы граждане Республики освобожденного труда, вы находитесь в исключительно благоприятных условиях. Дело не только в том, что нет для вас того запретного знания, которое там в зарубежных странах, не порвавших еще цепи капиталистического рабства, заботливо охраняется от эксплуатируемой массы. Не только потому, но больше всего и прежде всего потому, что вы, работая в своих фабриках и заводах, работая на своих нивах, работаете при совершенно особом условии, при власти самих трудящихся. Процесс вашего труда, результаты вашего труда не прикрыты этой хитрой механикой, враждебного труду государственного механизма. Через свои профсоюзы, через отчеты ваших же представителей, вы получаете ясную, простую картину того, каким образом складывается вся хозяйственная жизнь страны в целом. Быть может еще никогда в России не ковалось такое могучее сознание ответственности и сознание непосредственного участия в процессах труда и ясное понимание, какой результат получается от громадной работы этой могучей Красной Армии Труда.

Но, товарищи, вы должны помнить, что мы еще не освоились с этим великим завоеванием нашей октябрьской революции, а, между тем, при условиях этого завоевания каждая крупная фабрика, каждый завод, каждая электрическая станция становятся своеобразным просветительным пунктом, кующим совершенно новые и новые влияния в самом своем ежедневном труде, в текущей трудовой практике. Нам надо переварить это завоевание революции, нам надо уметь побыстрее заполнить вот эту брешь между теорией и практикой, между работой у трудового станка и осознанием того, что вытекает из этой работы. Наши враги не отдают себе отчета, или, вернее, не верят этой творческой силе революции трудящихся классов. А мы это знаем и видим ту дорогу, по которой пойдет наша Красная Армия Труда. Товарищи, вот если это помнить и знать, если при наших условиях за 10 — 15-летний срок, мы с величайшим трудом выполним программу в 1,5 миллионов киловатт, что, примерно, в 10 — 15 раз менее всех заданий, которые ставит себе в этой области Америка, то качественное значение этих станций, которые при сознательном участии наших трудовых масс будут построены, будет бесконечно больше всего того, что ставят себе в качестве основной задачи европейские и американские капиталисты. Товарищи, вам не безызвестно, вероятно, что там за рубежом по своему меч-

тают и планируют использовать затруднительность нашего положения. Вы, вероятно, слышали, что некоторые группы капиталистов не прочь оказать нам некоторый кредит и даже позаботиться о нашем транспорте, но с таким непременным условием, чтобы мы отказались от развития нашей металлургии, наших текстильных предприятий. Об электрофикации там не говорят, там, вероятно, думают, что это совсем не «по Сеньке шапка». Товарищи, своим утверждением этого проекта Совнаркома, о широкой электрофикации, вы покажете, что мы идем своей дорогой, идем уверенно вперед, что мы прав первородства, завоеванных великой октябрьской революцией, за чечевичную похлебку не продадим (а п л о д и с е м е н т ы), что мы, товарищи, на этом экономическом фронте, будем следовать лозунгу нашего вождя: «не сдадимся, выдержим, победим».

Председатель. Прежде, чем перейти к дальнейшим вопросам, позвольте мне напомнить то обстоятельство, что многие из вас сегодня, наверное уже читали в газетах о смерти писателя Владимира Галактионовича Короленко. Это имя известно достаточно и широким слоям трудящихся. Он принадлежал к лучшей части нашей народнической интеллигенции, которая создала известную полосу в нашем общественном движении, и в нашей литературе. Позвольте мне по этому поводу предоставить несколько слов тов. Феликсу Кону.

Феликс Кон. Уважаемые товарищи, умер Короленко. Еще десяток лет назад это известие потрясло бы всю Россию, с низу до верху, как известие о смерти человека, который с ранних лет шел будить темное крестьянское царство и призывать его к жизни. Но волны жизни катятся гораздо быстрее, чем мысль наших крупных людей, и тот, кто будил крестьянина и звал его на борьбу, не успел за движением жизни. Он—глубочайший идеалист, чуткий ко всякой несправде, не сумел под конец жизни пойти в ногу с реальной жизнью и с реальной борьбой. Но для нас дорог Короленко потому, что на всем протяжении его жизни он был всюду, где слышалось горе, где чувствовалась обида. Вспомним первые времена, когда его гнали по всей Сибири в Якутскую область, когда его, в начале, послали в Западную Сибирь и за отказ присягнуть царю, гнали дальше и дальше, предлагая чуть ли не на каждом этапе присягнуть и освободиться от преследований. Но Короленко остался верен себе. Когда, впоследствии, он вернулся в Россию, после многих лет, разразился голод, и Короленко весь отдался работе на голоде. Далее, когда судили муляжских вотяков по делу о жертвоприношении и заведомо ложно осудили, Короленко стал, как он сам объяснял, пытаться голыми руками остановить ту скалу, которая должна была обрушиться на голову обреченных. И ему удалось спасти их, и показать перед всей Россией, что это только административная репрессия. Я не стану описывать здесь многострадальной жизни Короленко, признанного в свое время совестью русского народа. Я только напомню вам один эпизод, который для нас очень дорог. Я вам напомню ту оргию, которая разразилась после февральских дней против большевиков, ту оргию всяких Алексеенских, Бурцевых и пр., когда они пытались смешать с грязью лучших наших вождей. Я напомню вам, как Бурцев с целым рядом гнусных статей выступил тогда против т. Раковского, и Короленко в открытом письме заявил: «Я сажусь с Раковским рядом на скамью подсудимых. Я его знаю, прочь грязные руки от Раковского». Вот чем

велик Короленко. У него всегда хватало гражданского мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал. Товарищи, я думаю, что наш Съезд должен почтить этого погибшего борца и поборника правды, верного себе до конца жизни. Я предлагаю почтить его память вставанием. (Все встают).

Енукидзе. Вы заслушали, товарищи, доклад т. Кржижановского; а также зачитали декрет, который по этому вопросу принят Советом Народных Комиссаров. Этот декрет вам роздан в печатном виде. Я думаю, товарищи, вы отнеслись с величайшим вниманием к вопросу об элетрофикации России, и Президиум выражает надежду, что вы всюду в своей работе будете подчеркивать чрезвычайную важность этого дела для ближайшего будущего России.

Поэтому я, от имени Президиума Съезда, предлагаю подтвердить авторитетом 9-го Съезда Советов декрет Совета Народных Комиссаров и принять все меры к его проведению в жизнь. (Аплодисменты).

Я предлагаю голосовать этот декрет. Кто за его подтверждение, прошу поднять руки. Утверждается единогласно.

Постановление Совета Народных Комиссаров, утвержденное 9 Съездом Советов.

Во исполнение постановления VIII Всероссийского Съезда Советов Раб., и Крест. Депутатов и принимая во внимание резолюции VIII Всероссийского Электротехнического Съезда по общему плану Электрофикации РСФСР, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Для осуществления общего плана электрофикации РСФСР, разработанного Государственной Комиссией по электрофикации России, признать подлежащими устройству нижепоименованные районные электрические станции государственного значения: а) в центральном промышленном районе: Каширская, Шатурская, Епифанская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская и Тверская (паровые), б) в центральном черноземном районе: Белгородская (паровая), в) в южно-горно-промышленном районе: Штеровская, Гришенская, Лисичанская, Бело-Калитвинская (паровые) и Александровская (гидро-электрическая), г) в северо-западном районе: Волховская, вторая и третья Свирская (гидро-электрическая) и Юткина Заводь—Петроград (паровая), д) в Уральском районе: Кизеловская, Челябинская, Егоршинская (паровые) и Чусовская (гидро-электрическая), е) в средне-волжском районе: Свиазская и Кашпурская (паровые), ж) в южно-восточном районе: Саратовская и Царицынская (паровые), з) в Кавказском районе: Краснодарская и Грозненская (паровые), Кубанская и Терская (гидро-электрические), и) в Западной Сибири: гидро-электрическая станция в Алтае и паровая станция в Кузнецком районе, к) в Туркестане: одна гидро-электрическая станция в Ташкентском районе.

Примечание. Кроме указанных районных станций, подлежат устройству в Южном горно-промышленном районе, станции использования излишков доменных и коксовых газов, в зависимости от развития металлургической и угольной промышленности.

2. Общую действующую мощность указанных в п. 1-м районных электрических станций, определить приблизительно в 1.500.000 киловатт и наметить для полного осуществления их период времени в 10—15 лет, в зависимости от общего хода развития народного хозяйства.

Примечание. В пределах указанной общей мощности первоначальная мощность каждой станции устанавливается и развивается в зависимости от хода развития народного хозяйства в районе действия этой станции.

3. Для установления наиболее рациональной связи между главными промышленными районами РСФСР признать необходимым:

а) постепенную подготовку и превращение в сверхмагистрали нижеследующих железно-дорожных линий, с последующей электрофикацией их: Петроград—Москва—Курск—Донецкий бассейн—Марциполь (через Харьков или через Купянок), Кривой Рог—Александровск—Чаплино—Дебальцево—Лихая—Царицын и Москва—Нижний-Новгород, с последующим продолжением в будущем на Урал и Сибирь и

б) постепенную подготовку к прекращению в сверхмагистрали водных путей, по направлению Астрахань—Петроград и Киев—Херсон, с развитием соответствующих речных и морских портов и с последующей электрофикацией их технического оборудования.

4. Признать подлежащим электрофикации, в связи с сооружением районных станций перевальную железно-дорожную линию Пермь—Чусовская—Тагил с ветвью Чусовская—Солеварни, а также наиболее нагруженные подъездные дороги в Донецком бассейне.

5. Число и расположение указанных в п. 1-м государственных районных станций могут быть изменяемы в зависимости от условия развития народного хозяйства в обслуживаемых ими районах не иначе, как по особым постановлениям СНК, по представлениям Госплана. Таким же порядком могут быть изменяемы и предложения по электрофикации железных дорог.

6. Сооружение и эксплуатация государственных районных электрических станций и высоковольтных электропередач сохраняется в руках государства и может производиться как хозяйственным, так и иным способом, каждый раз по особому о том постановлению Совнаркома.

7. На-ряду с сооружением государственных электрических станций и в-редь до развития соответствующих высоковольтных электропередач, в целях подготовки будущих потребителей электрической энергии в пределах действия последних и для обслуживания районов вне действия намеченных государственных станций, признать необходимым:

а) возможно полное и рациональное использование ныне существующих, наиболее экономически выгодных центральных электрических станций и

б) сооружение центральных электрических станций средней и мелкой мощности местного значения, обратив особое внимание на широкую электрофикацию сельского хозяйства и кустарной и мелкой промышленности РСФСР и, в особенности, на использование электрической энергии при восстановлении и развитии сельского хозяйства юго-востока РСФСР.

8. Признать, что сооружение и эксплуатация электрических станций местного значения могут быть предоставлены, при условии соблюдения норм

и стандартов, позволяющих включение их в будущем в общегосударственную сеть, областным и губернским хозяйственным органам, округам путей сообщения, управлениям железных дорог, коммуна, кооперативным товариществам, а также и частным лицам, главным образом, за счет местных и частных средств, при чем степень и форма участия государства в сооружении таких станций устанавливаются в каждом отдельном случае, в зависимости от экономического значения станции для общегосударственных нужд.

9. Для осуществления вышеприведенного плана электрофикации и объединения всего электротехнического хозяйства РСФСР, предложить Президиуму ВСНХ, по соглашению с заинтересованными Наркоматами, представить в 2-месячный срок согласованный с Госпланом проект реорганизации Главного Управления Электротехнической промышленности (Главэлектро), в особый полномочный орган, объединяющий, как все работы по исполнению общего плана электрофикации, независимо от того, каким ведомством таковые производятся, так и всю электротехническую промышленность и электроснабжение РСФСР.

10. Вменить ВСНХ в обязанность, в целях скорейшего осуществления электрофикации РСФСР, поставить ныне существующую электропромышленность как сильного, так и слабого тока наряду с важнейшими отраслями промышленности, как-то: угольной, нефтяной и металлургической и выработать план дальнейшего ее развития.

11. Предложить НКПС и ГРЭС по принадлежности приступить к разработке предложений по подготовке к прекращению в сверхмагистральной, с последующей электрофикацией указанных в п. 3-м железно-дорожных линий, водных путей и портов и предварительных проектных соображений по электрофикации, указанных в п. 4-м подъездных дорог и означенные материалы, с планом очередности работ, представить в Госплан на утверждение к 1 июля 1922 года.

12. Предложить всем Областным Экономическим Сопровождающим и состоящим при них плановым комиссиям приступить к разработке плана использования ныне существующих электрических станций и плана сооружений электрических станций средней и мелкой мощности местного значения.

13. Возложить на Госплан общее планирующее руководство всем делом электрофикации РСФСР, установление очередности работ, наблюдение за исполнением утвержденного плана электрофикации, согласование его с общегосударственным хозяйственным планом РСФСР и внесение в утвержденный план электрофикации вызываемых требованиями жизни изменений и дополнений с докладом в подлежащих случаях в СТО и СНК—по принадлежности».

Енукидзе. Теперь мы переходим к обсуждению вопроса о бюджете по докладу т. Крестинского. Президиум предлагает заслушать по этому поводу резолюцию, прошедшую через Комиссию и в ней принятую. Президиум предлагает прений по этому докладу не открывать. Я буду голосовать. Кто за то, чтобы без прений заслушать резолюцию по докладу т. Крестинского, прошу поднять руку. Огромное большинство. Сколько предоставляется т. Крестинскому.

Крестинский. Товарищи, в нашу Комиссию поступил тот проект резолюции, который в печатном виде был вам роздан. Кроме того, в Комиссию

поступило еще постановление, принятое на вчерашнем заседании коммунистической фракции об усилении средств Наркомзема; потом—дополнительное предложение Наркомфина о проведении специального целевого налога, имеющего своей целью помощь голодающим. Единовременный налог на этот бюджетный период был пчислен в размере 6 милл. довоенных золотых рублей. Затем несколько товарищей, которые входили в Комиссию, ввели ряд существенных поправок и дополнений к проекту резолюции.

Я остановлюсь на трех главнейших изменениях, которые внесены. Это, во-первых, вопрос о том, как удовлетворить нужды Наркомзема. Представитель Наркомзема в нашей Комиссии и член ее, т. Осинский, от имени Наркомзема заявил, что лесной доход исчислен в проекте росписи, по его мнению, в недостаточных цифрах. Он исчислен только в 15 миллионов довоенных золотых рублей, из коих 4 миллиона назначены были Наркомзему, а остальные—в общий государственный доход для удовлетворения других нужд. Он утверждал, что лесной доход даст не менее 20 миллионов золотых рублей. Комиссия согласилась с ним, что, действительно, вероятность этого—велика, и поэтому в проект бюджета, в доходную часть вместо 15 миллионов дохода по лесу вносится 20 миллионов, при чем Наркомзему из этого дохода назначается половина по мере поступления, т. е. всего за бюджетный период—10 милл. золотых рублей, вместо предположенных ранее по этому источнику 4 милл. рублей. Тут имеется превышение на 6 милл. рублей, при чем органы Наркомзема, через которые и будет поступать лесной доход, будучи непосредственно, как ведомство, заинтересованы в усилении поступлений поэтому виду государственных доходов, конечно, приложат все старания к тому, чтобы наши предположения оправдались и, чтобы доход поступил в полном размере. Кроме того, постановлено увеличить ассигнование Наркомзему на 3 милл. золотых рублей, так что общее увеличение выражается в 9 милл. золотых рублей. Далее, товарищи, когда я буду касаться других изменений, то укажу еще два маленьких постановления, которые также несколько улучшают положение Наркомзема.

Второе изменение, которое было внесено, заключается в том, что мы предлагаем Съезду поручить Наркомфину в кратчайший срок разработать и провести через центральные учреждения—Совет Народных Комиссаров и ВЦИК—постановление о проведении единовременного налога в пользу голодающих, налога, который исчисляется приблизительно в 15 миллиардов бумажных рублей или около 6 миллионов довоенных золотых рублей.

Далее, товарищи, мы учитывали два технических недостатка в представленном на ваше утверждение бюджете. Один недостаток заключается в том, что ассигнование на местах производилось без участия местных работников, и поэтому по отдельным отраслям работы отдельные губернии могли получить хотя не излишние по своей абсолютной величине, но излишние по сравнению с другими губерниями суммы. Этот дефект нашего бюджета, дефект расходных росписей, исправляется тем способом, который указан в последнем пункте предложенной вам вчера резолюции, а именно, посредством передачи соответствующих вопросов в бюджетную комиссию ВЦИК и специально созываемое этой комиссией совещание местных работников.

Наш бюджет имеет и другой дефект. В виду срочности его подготовки вполне возможно, что распределение сумм между ведомствами не везде произведено достаточно внимательно и правильно, и это будет, конечно, отражаться и на местах. Поэтому мы все сошлись на том, что необходимо в текущем году предоставить местным властям, губернским исполкомам и соответствующим им органам, права в некоторых пределах производить передвижение сумм из одного кредита в другой. Например, из кредита по Наркомздраву в просвещение или наоборот, и т. д. Размер пределов, в которых можно производить такое передвижение, установлен в 10% каждой сметы. Таким образом, Губисполком имеет право из сметы любого своего отдела снять 10% в том или другом местном обороте на удовлетворение нужд по другому отделу. Если подсчитать число всех отделов и взять ту сумму, которая получается, если взять 10% сметы каждого отдела, то в общем в распоряжении каждого Губисполкома для его административного и экономического маневрирования в советской работе получается довольно значительный фонд.

Здесь я должен указать еще на одно преимущество, которое мы предлагаем предоставить Народному Комиссариату Земледелия: с его кредита снимать эти 10% нельзя, прибавлять же ему из тех сумм, которые будут сняты с других отделов, не возбраняется. Это—право местных товарищей, в зависимости от того, как они будут оценивать нужду земотделов в своих губерниях. Снимать же до 1 ноября 1922 года с тех сумм, которые отпущены по бюджету Наркомзема, ни в центре, ни на местах нельзя. Конечно, Наркомзем с благословения бюджетной комиссии ВЦИК сможет производить то или другое перемещение своих кредитов из одной губернии в другую, потому что и Наркомзем не избавлен от ошибок, которые допускают другие ведомства: возможно, что и он также неправильно разассигновал свои суммы между губерниями. Это—то передвижение, которое он будет производить с санкции бюджетной комиссии и в пределах работ по земледелию.

Дальше, товарищи, перед нами был еще поставлен вопрос о порядке составления общегосударственного бюджета, т.-е. вопрос о том, каким образом будет подготавливаться и как будет вливаться в общегосударственный бюджет—бюджет автономных национальных республик. По этому вопросу уже в течение целого года производилась предварительная работа с участием представителей различных республик. Работа эта еще не совсем закончена, и комиссия не в праве принимать по этому поводу каких-либо скороспелых решений. Комиссия поручает ВЦИК разработать к ближайшей Сессии ВЦИК порядок составления и использования общегосударственного бюджета.

Наконец, комиссия остановилась на вопросе о местных налогах, считая, что вопрос о местном бюджете стоит в текущем году остро, как в том смысле, что местных налогов, а также отчислений и надбавок на общегосударственные налоги в пользу местных средств может не хватить для покрытия местных нужд, так равно и в том, что имеется чрезвычайная множественность местных налогов и наблюдается несогласованность работ местных советов в разных губерниях по этому вопросу. Комиссия высказалась за поручение Наркомфину разработать в срочном порядке ряд мероприятий по объединению и

упорядочению местных средств и по созданию в распоряжение местных губисполкомов определенных фондов.

Почти все наши постановления приняты единогласно. Никто из членов Комиссии не собирается апеллировать к С'езду по поводу тех отдельных мнений и разногласий, которые в Комиссии были. Я оглашу эту резолюцию, которая предлагается от имени комиссии.

Резолюция 9-го С'езда Советов по докладу т. Крестинского (финансы и бюджет).

9-й Всероссийский С'езд Советов, заслушав доклад Народного Комиссара Финансов об основных задачах финансовой политики Советской власти в настоящий момент и о предпринятых и намеченных для осуществления этих задач мероприятиях, постановляет:

1. В виду того, что проведение в жизнь новой экономической политики делает совершенно необходимым приспособление к ней политики финансовой, как ее неразрывной части, что благодаря этому на очередь ставится проблема постепенного перехода к устойчивой денежной валюте, абсолютно необходимой как для торгового оборота в мелком хозяйстве, так и для проведения хозяйственных расчетов в государственных предприятиях, С'езд одобряет работу Наркомфина в этом направлении и, в частности, подтверждает решение Совнаркома об ограничении выпуска бумажных денег в 1922 бюджетном году, как первый решительный шаг к улучшению курса рубля.

2. В виду того, что прежняя система финансирования, характеризовавшаяся разрывом денежного снабжения с кредитами, с одной стороны, и невозможностью в условиях быстро падающей валюты построения устойчивого бюджета, лишала всякой возможности наладить плановую работу во всем хозяйстве и в государственных органах республики.—С'езд одобряет принятую систему твердого бюджета в золотом исчислении.

3. С'езд утверждает проект бюджета на первые 9 месяцев, прошедший в общих итогах по всем Наркоматам через ВЦИК, и предоставляет право ВЦИК, по предварительному обсуждению в СНК или с истребованием от него отзыва, вносить в него поправки, необходимость коих выяснится при действительном обсуждении в бюджетной комиссии ВЦИК (пункт 9) или при применении бюджета на практике.

4. С'езд одобряет переход к системе местных бюджетов, являющихся абсолютно необходимым дополнением к общегосударственному бюджету, дающим ресурсы местам для советского строительства и хозяйственной инициативы, и видит в местных бюджетах одно из действительных средств построения правильного финансового хозяйства, поскольку местные бюджеты целиком основываются на налогах, и увеличении доходности местных предприятий, не опираясь на эмиссию бумажных денег.

5. В виду того, что после успехов государственной промышленности и торговли налоги являются важнейшим средством заменить в системе бюджета доход от эмиссий, С'езд предписывает всем комиссариатам и всем органам Советского государства приложить все усилия к выполнению полностью

намеченного палогового плана и считает эту работу одной из самых важных и ударных при проведении в жизнь новой финансовой экономической политики.

6. Съезд одобряет политику рабоче-крестьянского правительства в области кредита, выразившуюся в организации государственного банка и в такой постановке его работы, при которой центр тяжести переносится на кредитование государственных трестов и предприятий, а также кооперации, и считает необходимым сохранение руководства кредитным делом страны в руках рабоче-крестьянского государства.

7. В виду теснейшей связи тарифной политики с общефинансовой экономической политикой государства, Съезд считает совершенно правильным и необходимым создание в государственном бюджете, твердого фонда заработной платы, дающего возможность в первую очередь обеспечить устойчивый уровень заработной платы для рабочих важнейших государственных предприятий.

8. Констатируя с удовлетворением, что бюджет на 1922 год делает большой шаг вперед в направлении увеличения производительных и культурных расходов за счет расходов на государственный аппарат, Съезд дает директиву Совнаркому и ВЦИК при внесении поправок в бюджет в течение года и при составлении нового бюджета, с первого октября 1922 года по 1 октября 1923 года, еще более усилить финансирование промышленности, земледелия и культурного строительства за счет уменьшения расходов на государственный аппарат с тем, чтобы нужды обороны Республики были в достаточной мере обеспечены.

9. Считаю, что составленные ведомствами во исполнение бюджета расходные расписания должны утверждаться бюджетной комиссией ВЦИК, Съезд обязывает бюджетную комиссию не позднее 1-го февраля созвать совещание из представителей с мест от губерний, областей и республик для обсуждения с ними разассигнования по бюджету средств и представить затем расходные расписания в окончательном виде с отзывом вышеуказанного совещания на утверждение ВЦИК.

10. В частности, Съезд постановляет:

а) Поручить Наркомфину разработать и провести через Совнарком и ВЦИК целевой налог в пользу голодающих, исчислив поступления от этого дохода в 6 миллионов довоенных золотых рублей.

б) В целях усиления работы по восстановлению сельского хозяйства, особенно в голодающих губерниях, предложить ВЦИК увеличить прямое ассигнование Народному Комиссариату Земледелия на 3 миллиона довоенных золотых рублей.

в) В тех же целях предписать предоставить Наркомзему половину поступлений по лесному доходу с тем, чтобы оставшая половина зачислялась в общегосударственный доход.

Лесной доход на бюджетный период с 1 января по 1 октября 1922 г. исчислить в 20 миллионов довоенных золотых рублей.

г) Поручить бюджетной комиссии ВЦИК пересмотреть исчисление оборотных статей бюджета как в доходной, так и в расходной его части, в частности—оборотные расходы Наркомзема.

д) Признать на ближайший бюджетный период за Губисполкомами и соответствующими им органами право производить передвижение отпущенных по бюджету кредитов из сметы одного ведомства в другое с тем: 1) чтобы передвижаемая сумма не превышала 10% кредитов каждого ведомства по каждой губернии и 2) чтобы о каждом передвижении немедленно извещались центральные органы ведомства, кредиты коего уменьшаются, и ведомства, кредиты коего увеличиваются.

Это право Губисполкомов не распространять на кредиты Наркомзема, перевод коих как в центре, так и на местах на другие нужды до 1 ноября 1922 г. воспрещается.

е) Поручить Наркомфину к первой очередной Сессии ВЦИК разработать порядок составления и исполнения общедоказательного бюджета.

ж) Поручить Наркомфину представить во ВЦИК свои соображения об урегулировании местных бюджетов и введении необходимого единообразия в них.

Считая необходимым разрешить вопрос о фондах Губэкономсовещаний, поручить Наркомфину внести соответствующие конкретные предложения во ВЦИК в месячный срок».

Из оглашенного проекта резолюции я хочу остановиться лишь на пункте ж, § 10—о местных бюджетах. Комиссия имела в виду невозможность покрытия местных расходов местными источниками в целом ряде губерний и предлагает, поэтому, поручить Наркомфину свои предположения и расчеты в этой области внести во ВЦИК, но не в ближайшую очередную Сессию, которая будет через 2—2½ месяца, а в месячный срок.

Таковы, товарищи, постановления комиссии. Мне кажется, что эти постановления вместе с утверждением бюджетного кредита кладут первое основание возможности планомерной работы по возрождению наших финансов. Предлагаю оглашенную резолюцию утвердить.

Председатель. Зачитанная резолюция была в комиссии дополнена всеми добавлениями, которые поступали. Никакой другой резолюции нет. Я ставлю на голосование эту единственную резолюцию. Кто за нее? Есть ли против? Нет. Принимается единогласно.

Товарищи, перед Съездом было собрание старейшин, на котором было заслушано пожелание, в связи с докладом т. Кржыжановского, заслушать доклад о том, что за минувший год было сделано по электрификации. Поэтому Президиум решил предоставить краткое слово проф. Гореву.

Горев. Товарищи, работы в области электрификации России велись в истекающем году в следующих областях. Во-первых, производилась постройка крупных центральных станций. Эта постройка распадается на следующие три фазы: во-первых, проектировка и изыскание, во-вторых, подготовительные работы на местах, и в-третьих, постройка самой станции и ее оборудование. До настоящего времени из 30 станций, намеченных к постройке программой Госэро, находятся в первой фазе постройки, т.-е. в области проектировки и изыскания, следующие станции: Штеровская в Донбассе, Челябинская в Сибири и Днепровская на юге. Во-второй фазе в области подготовительных работ, более или менее законченных, находятся 4 станции: Нижегородская районная станция, Иваново-Вознесенская районная станция и 2 Свирских станции (последние две гидрав-

лические). И, наконец, в третьей фазе постройки самих станций (из них многие близятся к концу) находятся 6 больших станций, именно: Кизеловская, Тульская, Уткина-Завод в Петрограде, Каширская и Волховская. Последние 2 станции уже сильно подвинуты вперед. Каширская станция, несмотря на все трудности работы в переживаемое нами время, почти закончена. В первую очередь ее назначение—собирать те огромные запасы малоценного угля, которые расположены в подмосковном районе, собирать по удобному водному пути Волги и сжигать, превращая его в электричество, которое в настоящее время будет передаваться для нужд промышленности Москвы и московского района по линии в 120 тысяч вольт напряжения. Волховская станция имеет подобное же значение для Петрограда. Она будет собирать до 80 тысяч лошадиных сил, получаемых из энергии падающей воды реки Волхова. Ее значение состоит в том, что та энергия, которую она будет собирать, заменит для Петрограда ежегодную подвозку 6 милл. пуд. или 6.000 вагонов угля. Вторая группа работ велась в области, так называемого, кустования электрических станций, главным образом, уже существующих. Здесь дело заключается в том, что, соединяя отдельные электрические станции проводами, мы можем значительно увеличить их использование, сократить время простоя машин и за этот счет вместо, скажем, 10—15 станций, оставит 6, наиболее экономно работающих, т.е. производящих наибольшее количество электричества из данного количества топлива и обслужить, таким образом, район с меньшим расходом топлива. Работа по кустованию, конечно, значительно проще, так как станции уже существуют и только в некоторых случаях требуется дополнительный ремонт. Работа состоит, собственно, в соединении отдельных станций сетями электрической передачи с высоким напряжением в 20—30.000 вольт. Чтобы показать на примере, какое значение эта работа имеет, можно сказать, что в Юзовском, Макеевском районе такое кустование сводится к оставлению из всех станций (больше 12)—6 станций общей мощностью в 24.000 киловатт.

Результат эксплуатации по новой системе, когда эти станции будут объединены (из всей сети передачи нужно построить всего 120 верст линии), будет заключаться в том, что станции будут экономить 50% топлива или 7 милл. пуд. топлива в год. Стоимость работы около 1 милл. руб., а стоимость топлива, которое будет в результате этого кустования ежегодно сэкономлено—500.000 рублей. Это в переводе на довоенные рубли. Следовательно, в 2 года эта работа целиком окупится. Вот, насколько выгодны такие работы по кустованию станций. К этим работам мы сумели приступить только теперь, когда нет уже отдельных частных явлений, мешавших раньше устройству таковых объединений. Работы по кустованию намечены очень широко в целом ряде районов и в значительной части уже ведутся или находятся в той или другой фазе готовности. Конечно, работы, если сравнить по их масштабу, с тем, что должно было быть произведено, то нужно сказать прямо, работы отстали, сделано меньше того, что нужно было бы сделать. Но нужно принять во внимание и те условия, в которых находились эти работы, как и все промышленные работы у нас до сих пор, до перехода к новой экономической политике. В связи с этим переходом работы двинулись быстрее и еще, несомненно, быстрее пойдут в дальнейшем. Во всяком случае, работы по своему темпу не отступали от тех работ, которые ведутся в области восстановления всей нашей промыш-

ленности. Электрофикация промышленности приведет к громадному повышению производительности человеческого труда и даст, таким образом, объективно действующую препосылку для того, чтобы живой труд человека производил в несколько раз больше продуктов и, при справедливом коммунистическом распределении, дал бы возможность воспользоваться теми благами, которые наш строй может дать. Таким образом, электрофикация крупной промышленности, которая ведется сейчас, представляет собой необходимую техническую предпосылку развития нашего строя и, поэтому, работа в этой области должна быть поставлена в первую очередь.

Можно ли идти дальше, и можно ли развить темп работ? Для этого необходимо, прежде всего, как основное условие, финансирование таких работ, нужны значительные средства для того, чтобы эти постройки производить. Этот вопрос должен иметь общее решение для всей нашей промышленности и поскольку он будет разрешен, постольку и электрофикация, которая даст нам лучшие условия производительности труда, пойдет в дальнейшем быстрым темпом. Объективная возможность финансирования и развития нашей крупной промышленности и, в частности, электрофикации, имеется, так как богатства, которые находятся в руках Советской Республики, не только неизмеримо велики, в смысле богатства сырьем, топливом и т. д., но еще обладают одной чертой, которой не обладают естественные богатства Западной Европы, где они уже в значительной мере истощены. Чтобы добыть уголь из английских копей, нужно спускаться чуть ли не на версту-полторы под землю, тогда как у нас можно взять его на глубине нескольких саженей. Наши богатства представляют, в этом отношении, огромную ценность и составляют тот капитал, который может быть превращен в деньги, нужные нам для дальнейшего строительства. Поэтому это есть главное условие широкого темпа нашей работы по восстановлению промышленности и электрофикации. Наша электропромышленность, которая необходима для того, чтобы снабжать предметами электрофикации наше строительство, наши новые станции, наших потребителей электрической энергии, по своему оборудованию стоит весьма высоко. Она была основана в последние годы перед войной. Строились крупные заводы лучшего типа. Часть электропромышленности уже приспособлена для массового современного производства. У нас, правда, не были оборудованы некоторые области, и потому нам в области электрофикации придется прибегнуть к заказам за границей. Например, у нас нет газогенераторов, они у нас не строятся, но зато в некоторых областях мы можем производить необходимые для крестьянской электрофикации мелкие моторы и т. д.

В истекший год наша электрическая промышленность шла, примерно, тем же темпом, как и промышленность других отраслей. По отношению к производительности, производственная программа выполнена, но сама производственная программа составлена осторожно, и была невелика. В среднем, мы приближаемся к цифре 10—15% от довоенной производительности, в 1921 г. она была больше, чем в 1920 г., и если вспомнить, в каких условиях находилась работа на наших заводах, какие трудности приходилось преодолевать, то нетрудно себе отдать отчет, что здесь дело шло так же, как и в других отраслях. Когда некоторым заводам удавалось выплачивать рабочим заработную плату, которая отвечала реальному жизненному минимуму, когда удавалось справиться с затруднением по доставке топлива и продовольствия, тогда производительность этих заводов начинала с колоссальной быстротой ра-

сти и достигала или даже превосходила производительность довоенную. Затем когда отдельные заводы, как и в общем масштабе не могли держаться в таких исключительных условиях, когда они натыкались на какие-нибудь препятствия, производительность опять падала.

Мне остается теперь сказать несколько слов по поводу развития мелкой электрофикации, электрофикации в деревне. Почему, именно, мелкой? Потому в первую очередь, что снабдить деревню от крупных районных станций представляется трудным. Для постройки крупных станций нужно значительное время и пришлось бы долго ждать. И вот в прошлом году мы начали и проводим в широком масштабе в ближайшее время работу в области мелкой электрофикации в деревне. Здесь нужно сказать, что имеется целый ряд существующих мелких гидравлических установок, использующих силу воды. По точным данным, имеется 45.000 вододействующих установок в России с общей мощностью в 700.000 лш. сил. Это составляет половину того, что намечено программой Гоэлро. Это, по большей части, мельничные колеса, но приспособить к этим мельничным колесам электрические машины и провести дальше провода для использования электричества в деревне представляет задачу, которая даже при наших тяжелых условиях, безусловно разрешима. Можно строить, и это тоже в наших силах, районные паровые мельницы и на двигателях внутреннего сгорания (это в губерниях с интенсивным хозяйством) и с ними можно соединить электрические установки. Эта задача сравнительно легкая, с точки зрения техники, а спрос на работу этих станций будет огромный, и за этот спрос крестьяне смогут расплатиться тем лишним хлебом, который вырабатывают, применяя в хозяйстве электричество. Премещение электричества в крестьянском хозяйстве чрезвычайно разнообразно. Здесь, прежде всего, нужно сказать про электрический свет. Может быть, не всякому известно, что если мы будем сжигать керосин не в лампе, а тот же керосин или нефть, из которого он получается, в двигателе внутреннего сгорания, то во втором случае мы получим в 8 раз больше света, чем в первом. Гораздо экономнее электрическое освещение от паровых станций, использующих иное топливо, чем нефть. Что касается электрического света в деревне, то каждый из вас хорошо знает его значение. При наличии электрических проводов в деревне не представляет больших затруднений устроить водоснабжение при помощи электрических моторов. Это дает возможность быстрого тушения пожаров, а вы знаете, что такое пожар в деревне. Наконец, при помощи электричества возможен целый ряд сельско-хозяйственных работ, не говоря уже о пахоте электричеством, по которой производится сейчас опыты и о которой мы еще не можем сказать, что она есть правильное решение вопроса. Но помимо пахоты, целый ряд сельско-хозяйственных работ, можно с большой легкостью электрифицировать. Такие машины, как, например, молотилки, веялки, сепараторы, соломорезки, машины для очистки овощей, небольшие мельницы, крупорушки и т. д., могут легко заменить большую долю повседневного крестьянского труда и тем самым освободить руки крестьянина для другой работы. Все эти машины можно снабдить маленькими электрическими моторами и питать их от электрического провода, а для того, чтобы это было недорого, устраивать подвижные установки, одну установку на несколько домов или на целую деревню, если она небольшая, так чтобы все по очереди делали ту работу, кото-

рая им нужна. При таком условии получается чрезвычайно выгодные условия применения электричества в деревне. Нужно сказать, что за границей, где коллективное, общее участие затруднено частными интересами каждого, там применение электричества в сельском хозяйстве, хотя и развивается широко, но все-таки не так, как оно может развиваться у нас в деревне. У нас, благодаря возможности создавать такие кооперативы, можно лучше использовать, как пану электрическую станцию, так и все те машины, которые нужны для самых сел.-хоз. работ. А ведь нужно заметить, что двигатель 10 киловатт мощностью, сравнительно небольшая машина, но она дает ту практическую выгоду (и это не теоретические расчеты, а это показывает практика и существующие уже данные электрофикации сельского хозяйства в Америке), что такой двигатель заменяет 80 лошадей или работу 560 взрослых людей при 12-ти часовом рабочем дне. Можете себе представить, какое количество труда освобождается у крестьянина, когда все перечисленные выше сельско-хозяйственные работы будут делаться силою электричества. Особенно важно это потому, что наше крестьянское хозяйство есть хозяйство мелкое по существу, хозяйство, которое, в большинстве случаев, есть самопотребляющее хозяйство, такое, которое потребляет все то, что оно производит. При таком хозяйстве нам никогда не удастся выйти из того трудного положения, в котором мы находимся. Наше хозяйство должно быть основано на том, что крестьянин будет производить хлеб не только для себя, но и для рабочих, а рабочие будут производить те машины, которые будут посылать в деревню, и благодаря этим машинам, получится тот излишек хлеба, который крестьянин может отдавать рабочему.

Мы должны стремиться к тому, чтобы наше мелкое крестьянское хозяйство производило гораздо больше сельско-хозяйственных продуктов, чем ему нужно самому, для того, чтобы оно стало из самопотребляющего товаропроизводящим. И вот насколько можно пойти далеко в этом направлении, видно из примера Дании. Дания представляет собою ту же площадь, что и Петроградская губерния. И вот, благодаря интенсификации хозяйства, благодаря тому, что освободившийся труд обращен там на улучшение самого хозяйства, что введение более совершенной культуры земли, многополья, посева корнеплодов (а все это можно сделать, если у нас время освободится).—благодаря всему этому, при неособенно плодородной почве, Дания имеет в 8 раз больше голов скота, чем Петроградская губерния, и в 12 раз больше живого веса этого скота. Что может сделать такая Дания, видно из того, что в 1914 г., прокормив все свое население, Дания вывезла за границу 6 милл. пуд. масла, 10 милл. пуд. сала, 2 милл. пуд. яиц, 1/2 милл. пуд. мяса. Это из одной только Дании, которая по размеру равна одной Петроградской губернии. Вот, товарищи, вы видите, насколько далеко можно пойти в направлении интенсификации хозяйства. Для того, чтобы перейти к интенсифицированному хозяйству, надо заменить тот тяжелый элементарный труд, которым сейчас занимается крестьянин, трудом машинным, работая электричеством. В этом отношении очень интересно отметить то, что наши северные губернии, так называемые, потребляющие губернии, находятся в очень благоприятных климатических условиях. Один агроном говорил, что не земля родит, а небо. Наш голод, который сейчас имеет место на юго-востоке, в значительной мере показывает, что это во многих случаях правильно. Небо северных губерний гораздо милостивее, чем в

южных губерниях. Там почва плодороднее, но, благодаря неравномерному климату, там бывают засухи, недороды, подобные тому, которые сейчас имеют место. На севере климат значительно ровнее. Если север не производил до сих пор сельскохозяйственных продуктов, то только потому, что почва его мало плодородна. Увеличить это можно путем интенсификации хозяйства, особенно с применением искусственного удобрения. При интенсификации хозяйства в северных губерниях можно поднять производительность почвы в 2 и даже 3 раза, как это говорят специалисты. Тогда эти северные губернии превратятся из потребляющих губ. в производящие. Тогда они не только будут сами себя кормить, но, может быть, будут даже давать небольшое количество товаров на продажу, во всяком случае исчезнет необходимость во внутренних перебросках продовольствия, которые загромождают наш транспорт.

Когда мы подходим к вопросу об электрофикации крупной промышленности или в сельском хозяйстве, перед нами ставится вопрос в такой форме: нам необходимы средства для этой электрофикации, нам необходимы деньги, а деньги нужны также для того, чтобы прокормить наше голодающее население. А когда вспомнишь о том, что больше 20 милл. народу умирает от голодной смерти, то как будто бы опускаются руки и кажется преступным говорить об иной затрате денег, кроме того, как на поддержку этих несчастных. Но, товарищи, государственная мудрость должна подсказать нам, что если мы сейчас не примем мер к улучшению самых основ нашего хозяйства, то тот голод, который сейчас свирепствует на юго-востоке, может повториться и в будущем, а человеческая жизнь для нас также дорога, как сейчас, так и через 3—5 лет. То применение электричества в деревне, о котором я говорил, имеет еще и следующее, весьма важное значение. В использовании таких подвижных мельниц или общих кооперативных сельскохозяйственных машин лежит твердая реальная экономическая база для воспитания коллективистических методов и навыков в крестьянском хозяйстве. Таким образом, электрофикация в деревне, проведенная в наших условиях, на основе тех принципов, о которых я пытался дать понятие, имеет также значение в деле воспитания в крестьянском населении коллективистических навыков хозяйства. Сельские станции тоже строились у нас. Их построено не так много, но все-таки в дополнение к тем цифрам, которые приводил т. Ленин, я позволю себе указать на то, что рост постройки этих станций шел чрезвычайно быстро. В 1917 году была открыта одна сельская станция, в 1918 г.—6, в 1919 г.—10, в 1920 г.—49 и в первое полугодие 1921 года—57 станций. Таким образом, работа в этом отношении идет и если она незаметна, то потому, что при нашем 100 миллионном населении и огромной площади, нам нужны гораздо большие цифры, чем те, которые я назвал. Но быстрый рост весьма показатель и этот быстрый рост шел в тех условиях, в которых и доныне находится крестьянское хозяйство.

Переход к новой экономической политике делает решительный поворот в этой области. Продразверстка заставляла крестьянина ограничивать хозяйственные интересы тем минимумом, который был назначен. В связи с продналогом крестьянин заинтересован в том, чтобы продать свои излишки или обменять их на те или другие продукты города. Нужно сказать, что потребность сельского хозяйства в продуктах промышленности может быть удовле-

творена в первый же год. Для этой задачи она вполне приспособлена; дайте ей только возможность работать, вводить на заводах рациональную производственную политику и вы получите то, что необходимо для электрофикации в деревне. Я не буду говорить о том, что в известных случаях и иностранный капитал, несмотря на все враждебное отношение к нам, может пойти на такие дела, которые явно для него выгодны и которые могут быть обеспечены реальной валютой, как хлеб и лен.

Чтобы закончить, позвольте сказать два слова о тех общих условиях, в которых мы находимся, когда ставим перед собою задачу широкого возрождения нашей промышленности, как городской, так и сельской, на базе электрофикации. Я уже сказал, что мы имеем не только колоссальные, но и наиболее выгодные в мире запасы топлива и, таким образом, мы имеем в руках основу, на которой мы можем базироваться. Хозяйство, построенное на принципе государственном, это такое хозяйство, которое производит то, что нужно, и в том количестве, какое нужно. У нас нет и не может быть залежей товаров, часто подвергавшихся сжиганию для того, чтобы ограничить предложение. Все наши хозяйственные органы связаны планомерно и ведут рациональное хозяйство. Наконец, одним из главных наших козырей является отсутствие земельной ренты. Это вопрос чрезвычайной важности. У многих буржуазных экономистов родилась идея национализация земли с целью облегчения промышленности от власти земельных налогов. Чтобы показать, насколько рента тормозила развитие промышленности, я приведу несколько примеров: в Америке для того, чтобы построить линию электропередачи, нужно уплатить около 30% стоимости всего устройства за ту небольшую полоску земли, которая нужна для установки столбов. В наше довоенное время эти маленькие клочки земли при каждом известии о том, что через них пройдет линия передачи, росли в цене. То же самое происходило и с использованием естественной силы водопадов—вокруг каждого из таких водопадов возникает целая колония спекулятивных участков земли. Цены на них росли со сказочной быстротой, и в конце-концов использование делалось невозможным. Всего этого нет у нас. Государство свободно распоряжается землей, и это представляет значительное облегчение для развития нашей промышленности, и, наконец, самое главное—политическая власть в руках трудящихся. Благодаря этому, идет справедливое распределение продуктов производства между всеми трудящимися. Каждый трудящийся заинтересован в продуктах своего труда, ибо от увеличения производительности этого труда выигрывает вся масса трудящихся. Этой творческой работой по интенсификации методов производства, по изобретениям, которые уменьшают количество труда, необходимого для увеличения данного количества продуктов, охватывается, как один человек, вся трудовая масса, и гигантскими шагами идет вперед по пути развития производительных сил в светлое царство свободного труда, делая мертвые силы природы своим рабом. Когда вы вернетесь на места, расскажите посланным вас, что выходом из того положения, в котором мы находимся, является наша дружная совместная работа в области электрофикации страны.

Председатель. Сообщение т. Горева носило информационный характер. Оно не подлежит обсуждению, и никаких резолюций по нему мы выносить не будем.

Слово для зачитывания резолюции по докладу т. Осинского имеет тов. Сосновский.

Сосновский. Избранная вами Комиссия по вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства, с участием товарищей от беспартийных, сделала свою работу и представляет вам в настоящее время окончательный проект резолюции по вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства. В виду того, что этот проект был всем вам роздан, я, с вашего разрешения, буду оглашать только те места, которые вновь введены или изменены Комиссией. В целом проект очень велик и читать его было бы очень долго, а все вы, вероятно, прочли его внимательно.

Основные вопросы, которые выдвинуты Комиссией, следующие:

Проектом, который предложен т. Осинским, предусматривалось установление определенного пользования землей, но не был разрешен вопрос о покосах. В целях урегулирования этого вопроса Комиссия наша ввела следующий § 7.

«В целях установления определенных прав населения на луговые земли и устранения упадка лугового хозяйства, поручить ВЦИК в месячный срок издать постановление о прекращении ежегодных переделов лугов, о прикреплении их к определенным селениям впредь до окончательного землеустройства (или на продолжительные сроки) и о нормах наделения хозяйств луговыми угодьями согласно с местными условиями.

В том же постановлении установить меры государственного поощрения и государственного принуждения к массовому улучшению лугов.

В связи с переходом от фуражной развертки к палому, дальнейшие работы по выделению государственного лугового фонда прекратить и поручить Наркомзему срочно пересмотреть наличный состав государственного лугового фонда».

Затем, одним из больших вопросов, был вопрос о сельско-хозяйственном образовании всех видов. Уже давно с мест доходили пожелания о том, чтобы все сельско-хозяйственное образование было сосредоточено в руках того органа, который руководит сельско-хозяйственным производством,—т.е., в руках земельных органов в центре и на местах. И вот комиссия единогласно приняла следующий § 12.

«12. Съезд считает необходимым немедленную передачу сельско-хозяйственного образования всех видов в ведение Наркомзема со всеми отпущенными на него кредитами и средствами и поручает СНК в месячный срок издать постановление о порядке и способах таковой передачи».

Затем, в согласии с здесь раздававшимися пожеланиями, а также с постановлением недавно закончившейся Конференции, принят особый раздел § 20—об укреплении и развитии пролетарского земледелия. Он гласит:

«В целях установления определенных прав населения на луговые рышка, Всероссийский Съезд Советов предлагает Наркомзему и соответствующим Комиссариатам обратить самое серьезное внимание на развитие пролетарского земледелия, в особенности в крупных промышленных районах (Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск, Урал, Донецкий бассейн и т. д.). Народный Комиссариат Земледелия обязан предоставлять для этой цели в первую очередь совхозы, отходящие из заведывания земотделов, земли из госу-

дарственного фонда и неудобные земли, без всякого нарушения крестьянского землепользования. Все Комиссариаты и учреждения обязаны снабжать рабочие совхозы и коллективы необходимыми орудиями и материалами, а также всеми необходимыми средствами. Государственный банк долгосрочного сельскохозяйственного кредита снабжает рабочие совхозы и коллективы денежными средствами в первую очередь».

Далее, по вопросу о проведении очередной сельскохозяйственной кампании 1922 г. были введены специальные пункты о тех органах, которые должны руководить этой кампанией. Я оглашу эти пункты, содержащиеся в § 23.

«23. В целях правильного руководства сельскохозяйственной кампанией 1922 года, Всероссийский Съезд Советов признает необходимым:

а) учредить в центре сельскохозяйственную комиссию при ВЦИК с особыми полномочиями, в губерниях и уездах—боевые органы при Исполкомах, во главе с председателем последних (губернские и уездные сельскохозяйственные Комитеты);

б) сохранить существующие губернские и уездные сельскохозяйственные советы, как органы широкого обсуждения основных сельскохозяйственных мероприятий;

в) переизбрать и усилить сельские комитеты по укреплению и развитию крестьянского хозяйства и

г) передать руководство сельскохозяйственной кампанией в волостях волисполкомам.

Съезд признает необходимым, чтобы в состав сельскохозяйственных комитетов входили: председатель Исполкома, заведующий земотделом, руководитель землеустроительных работ, старший агроном, выборный представитель крестьянского населения, представитель сельскохозяйственной кооперации (из крестьян) и представитель местной профессиональной организации.

Съезд поручает ВЦИК издать положение о правах и обязанностях сельскохозяйственных комитетов и советов на основе широкого представительства крестьянского населения в этих учреждениях».

Далее идут постановления организационные, изложенные в § 24.

«24. В виду того, что частая смена заведующих земотделами препятствует правильному проведению сельскохозяйственной кампании и правильной постановке работы земорганов вообще, Всероссийский Съезд Советов воспрещает Исполкомам переводить заведующих земотделами на другие должности, в порядке переброски, ранее истечения года работы.

Исполком не имеет права переводить заведующих земотделами на другую должность, не известив предварительно вышестоящий земотдел и не получив от него отзыва о целесообразности перемещения и о новом кандидате.

Всероссийский Съезд Советов обязывает все Исполкомы немедленно усилить состав земорганов лучшими работниками и не позднее 1-го февраля 1922 г. известить вышестоящие Исполкомы (с копией вышестоящим земотделам, что ими сделано в этом направлении».

Затем, товарищи, опыт нынешнего года по устройству сельскохозяйственных выставок на местах в уездах и губерниях и в областном масштабе

привел к сознанию необходимости организовать это дело более целесообразно и планомерно. Поэтому принят следующий параграф 26.

«26. В целях подведения итогов успехам и недочетам сельско-хозяйственной кампании 1921 года и всенародного поощрения губерний, уездов, волостей и отдельных хозяйств, приложивших особые усилия к поднятию сельского хозяйства страны, Всероссийский Съезд поручает Наркомзему устроить осенью 1922 года Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству с назначением хозяйственно-полезных наград наиболее достойным, (напр., оборудование электрической станции или отряд тракторов—награда губернского масштаба и т. п.), СНК поручается отпустить на настоящую выставку необходимые средства».

И, наконец, последнее дополнительное и заключительное постановление гласит:

«Отмечая, что в отношении мероприятий по сельскому хозяйству многими органами и учреждениями еще не изжит недостаточно внимательный или узко ведомственный подход,—

обязать все органы Советской власти всемерно содействовать исполнению постановлений 9-го Съезда по сельско-хозяйственному вопросу, как первоочередных и боевых заданий».

Председатель. Других резолюций по сельскому хозяйству у нас нет. Предлагаю принять резолюцию, зачитанную т. Сосновским. Кто за эту резолюцию? Кто против? Нет. Принимается.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

Постановление 9-го Всероссийского Съезда Советов о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства.

Год тому назад Всероссийский Съезд Советов обратил внимание трудящихся на упадок крестьянского земледелия, призвал все органы Советской власти и само крестьянство к усиленной работе по поднятию сельского хозяйства и наметил ряд мероприятий для правильной постановки и усиления этой работы. В тех же целях Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил весной снять ограничения с торговли сельско-хозяйственными продуктами и заменить продовольственную разверстку продовольственным налогом.

Истекший год показал, что меры, принятые VIII Всероссийским Съездом и ВЦИК, оказали должное влияние. Мощная тяга крестьянства к поднятию сельского хозяйства началась уже весной и особенно сильно сказалась осенью расширением озимого клина всюду, где этому не препятствовал неурожай и

недостаток семян. Широкое и повсеместное распространение ранней вспашки паров и осенней вспашки под яровые свидетельствует о том же.

Всероссийский С'езд Советов с удовлетворением отмечает эти благоприятные признаки улучшения, достигнутые усилиями земледельцев и стараниями сельско-хозяйственных органов при участии представителей крестьянства, но в то же время указывает, что неурожай и голод в целом ряде губерний оказались неодолимой преградой для улучшения сельского хозяйства, свели на-нет усилия трудового крестьянства и усугубили упадок и разорение.

Между тем сельское хозяйство составляет основную и важнейшую отрасль народного хозяйства страны. Без поднятия сельского хозяйства невозможно восстановление нашей промышленности, увеличение народного богатства, усиление внутренней и внешней мощи рабоче-крестьянской власти. Разорение сельского хозяйства означает обнищание всей страны, ослабление власти трудящихся.

Не на словах, а на деле поднятие сельского хозяйства должно стать первой задачей всего нашего хозяйственного строительства.

Всероссийский С'езд Советов обязывает все органы Советской власти строго и неуклонно руководствоваться этим основным положением и в целях действительного проведения его в жизнь устанавливает новые мероприятия для скорейшего поднятия крестьянского земледелия, для сохранения его в голодающих губерниях, а также для развития пролетарского земледелия, особенно в промышленных губерниях.

Признавая, что особенно важным для развития крестьянского хозяйства является создание правильного, устойчивого, приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям пользования землей, неизбежно остающейся в собственности государства трудящихся, Всероссийский С'езд Советов считает необходимым особое внимание обратить на упорядочение земельных отношений на основе свободного выбора форм землепользования самим крестьянством и всемерного усиления работ по землеустройству.

Принимая во внимание все изложенное, Всероссийский С'езд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет:

1. По земельному вопросу.

1. Подтвердить к неуклонному исполнению и безоговорочному проведению в жизнь всеми органами Советской власти, в особенности органами земельными, постановление 2-го Всероссийского С'езда Советов о праве свободного избрания каждым земельным обществом любой формы землепользования (Декрет 2-го С'езда о земле, раздел: «крестьянский наказ о земле», статья 7-я). Установить, что каждое земельное общество в праве избрать по постановлению большинства его полноправных членов ту или иную форму землепользования: товарищескую, общинную, отрубную, хуторскую или смешанную.

2. В целях обеспечения каждой группе земледельцев права свободного избрания формы землепользования и развития своего хозяйственного почина, предоставить право выхода из общества с землею во время общих переделов любому его члену и любой группе, а вне общих переделов и меньшинству членов общины, обязательный размер коего поручается установить ВЦИК в соответствии с местными условиями. При этом выделы должны производиться с соблюдением наибольших взаимных удобств по землепользованию, как для выходящих из общества, так и для остающихся в нем, а дела о выделах производятся земорганами в порядке разрешения спорных земельных дел, при участии сторонних добросовестных лиц из среды земледельческого населения, по соображениям законности и хозяйственной целесообразности.

3. Принимая во внимание необходимость обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей и побудить их к наибольшему вложению в нее затрат в виде удобрений, земельных улучшений и т. п.,— подтвердить к точному и неуклонному исполнению постановление 2-й сессии ВЦИК 8-го созыва от 23 марта 1921 г. об обеспечении прочности и устойчивости крестьянского землепользования и об удлинении срока переделов, с тем, что общие переделы после избрания обществом формы землепользования производятся также лишь по истечении сроков, указанных в данном постановлении ВЦИК, и на условиях, указанных в декрете СНК от 30 апреля 1920 г. и 27 мая 1920 г.

4. В тех же целях поручить ВЦИК всемерно ограничить и точно установить законодательным порядком случаи и порядок лишения пользователей находящейся в их распоряжении земли, ограничить и точно установить случаи и порядок изменения размеров, границ, местоположения и состава землепользования, а также разрешить с полной ясностью вопрос о нормах земельного наделения.

5. Поручить ВЦИК издать постановление о временной краткосрочной переуступке прав на землепользование ослабленными трудовыми хозяйствами (аренде) и об условиях применения наемного труда в крестьянском хозяйстве. При этом ВЦИК должен исходить исключительно из удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей трудового крестьянства, исключить всякую возможность закабаления одного хозяина другим и не допустить никаких отступлений от незыблемой основы земельного законодательства Рабоче-Крестьянской Республики—государственной собственности на землю.

6. Обязать ВЦИК на основе предшествующих статей 2, 3, 4 и 5-й в двухмесячный срок издать соответствующие постановления, предварительная разработка которых и внесение на рассмотрение ВЦИК возлагается на Народный Комиссариат Земледелия.

7. В целях установления определенных прав населения на луговые земли и устранения упадка лугового хозяйства, поручить ВЦИК в месячный срок издать постановление о прекращении ежегодных переделов лугов, о прикреплении их к определенным селениям впредь до окончательного землеустройства (или на продолжительные сроки) и о нормах наделения хозяйств луговыми угодьями согласно с местными условиями.

В том же постановлении установить меры государственного поощрения и государственного принуждения к массовому улучшению лугов.

В связи с переходом от фуражной разверстки к налогу, дальнейшие работы по выделению государственного лугового фонда прекратить и поручить Наркомзему срочно пересмотреть наличный состав государственного лугового фонда.

8. Поручить Народному Комиссариату Земледелия срочно пересмотреть действующее земельное законодательство с соблюдением установленных выше начал, в целях полного согласования его с основами новой экономической политики и превращения его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле, с последующим представлением не позднее времени начала весенних полевых работ на утверждение ВЦИК.

2. Об основных мерах, способствующих поднятию сельского хозяйства.

9. В виду того, что не все хозяйства в равной степени располагают средствами для коренного улучшения своих хозяйств, признать необходимой и спешной организацию долгосрочного сельско-хозяйственного кредита через государственные, кооперативные и смешанные кредитные учреждения и товарищества при широкой поддержке из средств государства. Государство особо должно выделить фонды: а) обращаемый на выдачу ссуд малоимущему трудовому крестьянскому населению в целях ограждения его от разорения и закабаления торговым и ростовщическим капиталом, б) фонд сельско-хоз. мелиораций, в) фонд на устройство и развитие культурных рассадников (см. п. 14-й).

Совету Народных Комиссаров в течение месячного срока поручается рассмотреть и утвердить соответствующие положения и устав центрального банка государственного долгосрочного кредита, представляемые в Совет Народных Комиссаров Наркомфином по соглашению с Народным Комиссариатом Земледелия.

10. Принимая во внимание недостаток внутри страны средств, могущих быть обращенными на восстановление сельского хозяйства, Совету Народных Комиссаров поручается обратить особое внимание на привлечение таковых из-за границы в виде займов или концессий, для расширения ввоза в страну машин, орудий, семян, искусственных удобрений и широкого распространения механизации и электрификации сельского хозяйства.

11. В целях вовлечения широких крестьянских масс в работу по распространению улучшенных приемов земледелия и внедрения в крестьянскую среду научных сельско-хозяйственных знаний, СНК и все органы Советской власти обязуются всемерно развивать, совершенствовать и обеспечить материальными средствами: а) сельско-хозяйственное опытное дело, как основу агрикультурного воздействия на население, б) сельско-хозяйственное образование всех видов, как единственный источник агрономических сил и в) агрономическую организацию Народного Комиссариата Земледелия, доводя ее до полной необходимой мощи.

12. Съезд считает необходимым немедленную передачу сельско-хозяйственного образования всех видов в ведение Наркомзема со всеми отпущенными на него кредитами и средствами. Съезд поручает СНК в месячный срок издать постановление о порядке и способах такой передачи.

13. Съезд признает необходимым сосредоточить в Народном Комиссариате Земледелия всю агрономическую работу, передав ее из ведения других ведомств и учреждений. В связи с этим, Съезд обязует СНК в месячный срок издать постановление о переучете всех специалистов сельского хозяйства и о переводе их на работу, под руководством Народного Комиссариата Земледелия.

14. В целях усиленного распространения среди крестьянского населения улучшенных материалов производства (семян и племенного скота) Совету Народных Комиссаров поручается: принять решительные меры к развитию мощной сети государственных и кооперативных семенных и племенных рассадников, в каковые надлежит обратить наибольшее возможное количество советских хозяйств.

15. ВСНХ обязуется всемерно усилить производство сельско-хозяйственных машин и орудий, а также искусственных удобрений внутри страны, усиленно снабжать соответствующие предприятия металлом, углем и всеми средствами производства. Совету Народных Комиссаров поручается неуклонно следить за исполнением настоящего постановления. ВСНХ обязуется в течение месячного срока представить СНК план мероприятий по поднятию названных отраслей промышленности и сделать на ближайшей затем сессии ВЦИК доклад о положении названных отраслей промышленности и о мерах, принятых для ее усиленного развития.

ВСНХ поручается разработать и провести в жизнь план подробного обследования месторождений и возможных запасов минеральных удобрений, имеющихся по всей территории федерации. Доклад о принятых мерах сделать СНК и ВЦИК одновременно с упомянутыми выше докладами.

16. Народный Комиссариат Земледелия обязуется разработать и провести в законодательном порядке все мероприятия, необходимые для охраны и поощрения хозяйств, переходящих к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства (травосеяние, льноводство, промышленное огородничество, улучшенное животноводство и проч.).

17. Народный Комиссариат Земледелия обязуется разработать и провести в жизнь все мероприятия, необходимые для охраны, восстановления и развития животноводства страны (охрана производителей, распространение кооперативных животноводственных товариществ, распространение правильных приемов кормления, закупка скота для нужд голодающих губерний и проч.).

18. Народный Комиссариат Земледелия обязуется разработать вопрос о правильной постановке лесного хозяйства, в соответствии с интересами сельского хозяйства и с началами новой экономической политики, и внести свои предложения в месячный срок во ВЦИК.

19. Принимая во внимание глубокое влияние, оказываемое натуральным налогом и другими видами повинностей на развитие сельского хозяйства, и необходимость дальнейшего усовершенствования форм и порядка взимания и

приложения таковых, поручить ВЦИК до начала весенних полевых работ собрать накопившийся по этому вопросу опыт и произвести пересмотр существующего законодательства. Пересмотр должен быть направлен на упрощение и объединение, на сокращение числа мелких налогов и повинностей, на возможное облегчение для крестьянства (особенно для крестьянства мало-мощного и, в первую очередь, для бывших красноармейцев и военнопленных) лежащих на нем государственных повинностей и на упорядочение их взимания и приложения. Представляемые во ВЦИК соответствующие законодательные предложения должны быть согласованы с Народным Комиссариатом Земледелия.

3. Об укреплении и развитии пролетарского земледелия.

20. В целях уменьшения зависимости рабочего снабжения от условий рынка Всероссийский Съезд Советов предлагает Наркомзему и соответствующим Комиссариатам обратить самое серьезное внимание на развитие пролетарского земледелия, в особенности в крупных промышленных районах (Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск, Урал, Донецкий бассейн и т. д.). Народный комиссариат Земледелия обязан предоставлять для этой цели в первую очередь совхозы, отходящие из заведывания земотделов, земли из государственного фонда и неудобные земли, без всякого нарушения крестьянского землепользования. Все комиссариаты и учреждения обязаны снабжать рабочие совхозы и коллективы необходимыми орудиями и материалами, а также всеми необходимыми средствами. Государственный Банк долгосрочного сельскохозяйственного кредита снабжает рабочие совхозы и коллективы денежными средствами в первую очередь.

4. О содействии развитию с.-х. кооперации.

21. Всероссийский Съезд Советов придает огромную важность развитию сел.-хоз. кооперации для внутреннего подъема производительных сил крестьянского хозяйства, для сохранения хозяйственной устойчивости маломощных крестьянских хозяйств, для развития крестьянской самостоятельности, для быстрого и прочного усвоения крестьянскими массами улучшений, проводимых мерами государственной политики, для облегчения перехода от мелкого хозяйства к крупному товарищескому хозяйству. Всероссийский Съезд Советов обязывает все органы Советской власти и в первую очередь земельные органы, оказывать поддержку строительству деревенской кооперации и самим принять участие в этом строительстве путем массовой подготовки кооперативных инструкторов и рядовых работников для деревенских ячеек, преимущественно из среды старательных маломощных хозяев, и путем развития обширной кооперативной пропаганды, устной и печатной.

5. О сельскохозяйственной кампании 1922 года.

22. Всероссийский Съезд Советов предписывает всем органам Советской власти в центре и на местах обратить свое первейшее внимание на широкое и успешное проведение в жизнь сельскохозяйственной кампании 1922 г., в

целях осуществления ее путем общего напряжения всех сил—советских, профессиональных, партийных и кооперативных, на основе «программы первоочередных работ сельско-хозяйственной кампании 1922 года», выработанной Всероссийским Земельным Съездом и утвержденной Государственной Плановой Комиссией. Ответственность за своевременную организацию названной кампании, за мобилизацию и сосредоточение необходимых сил, за обеспечение ее необходимыми средствами, Всероссийский Съезд Советов возлагает на все Исполкомы, начиная с ВЦИК, и персонально на их председателей.

23. В целях правильного руководства сельско-хозяйственной кампанией 1922 года Всероссийский Съезд Советов признает необходимым: а) учредить в центре сельско-хозяйственную комиссию при ВЦИК с особыми полномочиями, в губерниях и уездах—окопные органы при исполкомах во главе с председателями последних (губернские и уездные сельско-хозяйственные комитеты); б) сохранить существующие губернские и уездные сельско-хозяйственные Советы, как органы широкого обсуждения основных сельско-хозяйственных мероприятий; в) переизбрать и усилить сельские комитеты по укреплению и развитию крестьянского хозяйства и г) передать руководство сельско-хозяйственной кампанией в волостях Волисполкомам.

Съезд призывает необходимым, чтобы в состав сельско-хозяйственных комитетов входили: председатель Исполкома, заведующий земотделом, руководитель землеустроительных работ, старший агроном, выборный представитель крестьянского населения, представитель сельско-хозяйственной кооперации (из крестьян) и представитель местной профессиональной организации.

Съезд поручает ВЦИК издать положение о правах и обязанностях сельско-хозяйственных Комитетов и Советов на основе широкого представительства крестьянского населения в этих учреждениях.

24. В виду того, что частая смена заведующих земотделами препятствует правильному проведению сельско-хозяйственной кампании и правильной постановке работы земорганов вообще, Всероссийский Съезд Советов воспрещает Исполкомам переводить заведующих земотделами на другие должности, в порядке переброски, ранее истечения года работы.

Исполкомы не имеют права переводить заведующих земотделами на другую должность, не известив предварительно вышестоящий земотдел и не получив от него отзыва о целесообразности перемещения и о новом кандидате.

Всероссийский Съезд Советов обязывает все Исполкомы немедленно усилить состав земорганов лучшими работниками и не позднее 1 февраля 1922 г. известить вышестоящие Исполкомы (с копией вышестоящим земотделам) о том, что ими сделано в этом направлении.

25. Всероссийский Съезд Советов при проведении с.-х. кампании считает необходимым обратить особое внимание на работы: а) по ликвидации сельско-хозяйственной безграмотности, по подготовке инструкторов для сел.-хоз. кампании, по развитию сел.-хоз. печати и сел.-хоз. пропаганды, б) по подготовке

землеустроителей из среды самого крестьянства, в) по массовой пропаганде расширения посева засухоустойчивых растений (кукуруза, просо, сорго, гаолян и т. п.), сеянных трав и технических растений, г) по распространению сел.-хоз. мелиорации, как важной меры борьбы с засухой, д) по расширению семеноводства и развитию производства искусственных удобрений, е) по организации массовой борьбы с вредителями сельского хозяйства, ж) по дальнейшему расширению ранней вспашки паров и вспашки яровых на зябь, з) по борьбе с болезнями скота, особенно с чешоткой, по заготовке древесных кормов, по борьбе с яловостью скота и и) в особенности, по упорядочению земельных отношений и по землеустройству.

26. В целях подведения итогов успехам и исходам сельскохозяйственной кампании 1922 года и всенародного поощрения губерний, уездов, волостей и отдельных хозяйств, приложивших особые усилия к поднятию сельского хозяйства страны, Всероссийский Съезд поручает Наркомзему устроить осенью 1922 года Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству с назначением хозяйственно-полезных наград наиболее достойным (напр., оборудованье электрической станции или отряда тракторов—награда губернского масштаба и т. п.). СНК поручается отпустить на настоящую выставку необходимые средства.

II.

Постановление 9-го Съезда Советов о мерах по восстановлению сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях.

Неурожай 1921 года охватил около третьей, и притом наиболее плодородной, части сельскохозяйственной площади страны, глубоко подорвал крестьянское хозяйство в наиболее мощных производящих районах и тем нанес тяжкий удар всему хозяйству страны. Этот удар может стать непоправимым на долгие годы, если Республика путем напряжения всех своих сил не предпримет самых решительных мер к предотвращению упадка посевной площади в неурожайных губерниях, к спасению рабочего скота, к наилучшему использованию сократившегося в числе инвентаря, мертвого и живого, к широкому пополнению понесенных крестьянским хозяйством утрат, а также к предотвращению возможных неурожаев в будущем, путем проведения земельных улучшений (мелиораций) и изменения самих способов ведения хозяйства в засушливых местностях.

Признавая эту задачу вопросом совершенно исключительной государственной важностью, возлагая на все органы Советской власти непрременную обязанность отдать ей все свое внимание и силы, Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов постановляет:

1. В целях принятия мер для полного восстановления ущерба, нанесенного крестьянскому хозяйству в голодающих губерниях, поручить Государственной Общеплановой Комиссии при Совете Труда и Обороне, совместно с Народным Комиссариатом Земледелия, разработать в двухмесячный срок программу мероприятий для восстановления и развития сельского хозяйства этих

губерний, на несколько очередей, и выработать сметы необходимых затрат из государственных средств, как безвозвратных, так и возвратных.

2. Поручить Совету Народных Комиссаров принять все меры к привлечению для выполнения названной программы средств из-за границы на основе займов или концессий.

3. Признавая, что восстановление сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях может начаться только при условии действительного обеспечения их в 1922 году из собственного урожая продовольствием, кормом для скота и запасом семян для расширения посевной площади, обязать Народный Комиссариат Продовольствия без всяких промедлений выделить из внутренних ресурсов и немедленно начать доставку голодающим губерниям Поволжья небольшого возможного количества ярового семенного материала, общей суммой никак не менее 25 миллионов пудов, т. е. три четверти потребности для обсеменения ярового клина в размерах 1921 года. Доставку закончить не позднее 1 марта 1922 г. Обязать Совет Народных Комиссаров добавить к названной сумме, из других источников (заграничный ввоз), количество, дающее возможность обсеменить пространство не менее яровой площади 1921 года, использовать произведенную в голодных губерниях вспашку на зябь и пополнить недосев в озимом клину осенью 1921 года. Сверх указанного выше должны быть обеспечены семенные нужды пострадавших от неурожая губерний других, кроме Поволжья, местностей.

4. Обязать Народный Комиссариат Земледелия и его местные органы обратить все силы на проведение в жизнь всех мероприятий, способствующих сохранению крестьянского хозяйства в голодающих губерниях: как-то на заготовку корма для скота, на сохранение инвентаря, выдачей суду крестьянам, приступающим к его продаже, на распространение рядового сева с целью сбережения семян, на широкую организацию весной крестьянской трудовой взаимопомощи в обработке земель, вплоть до организации общественной запашки, на усиленный и бесплатный ремонт орудий, машин и т. д.

III.

Постановление о порядке исполнения настоящих резолюций.

Отмечая, что в отношении мероприятий по сельскому хозяйству многими органами и учреждениями еще не изжит недостаточно внимательный или узко ведомственный подход,—обязать все органы Советской власти всемерно содействовать исполнению всех постановлений 9-го Съезда по сельскохозяйственному вопросу, как первоочередных и боевых заданий.

Председатель. Слово предоставляется т. Шефлеру для оглашения резолюции по сельскохозяйственной кооперации.

Шефлер. Товарищи, комиссией поручено мне огласить и предложить к принятию следующую резолюцию по сельскохозяйственной кооперации.

Резолюция о сельско-хозяйственной кооперации.

«Заслушав доклад о сельско-хозяйственной кооперации, IX Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов постановляет признать что:

I. Основная производительная с.-х. единица—мелкое крестьянское хозяйство—слишком слаба для того, чтобы в самой себе почерпнуть силы, необходимые для восстановления и дальнейшего развития. На помощь ей может прийти: 1) государственное регулирование, и 2) концентрация сил, в форме всесторонней взаимопомощи и развития самостоятельности, на основе хозяйственного интереса.

II. По условиям настоящего момента второй путь является легче осуществимым и может дать скорее желательные результаты. Организационные формы сосредоточения сил мелких с.-х. единиц даны исторически в кооперации. Советская власть при проведении новой экономической политики делает создание и развитие с.-х. кооперации одним из основных моментов своей с.-х. политики.

III. Считая необходимым предоставить широкую и вполне свободную возможность создания и развития всех видов с.-х. кооперации, Съезд считает необходимым особо поддерживать такие кооперативные объединения, которые в основу деятельности своей кладут производственные задания, широкие мелиоративные работы и серьезную агрикультурную деятельность, предоставляя им также широкую возможность заготовки и сбыта средств и продуктов сельско-хозяйственного производства. Самого глубокого внимания к себе требуют также товарищества кредитной кооперации, так как организация в деревне производственного кредита создаст возможность для правильной работы сельско-хозяйственной производственной кооперации. Констатируя недостаточно энергичную работу на местах по развитию сельско-хозяйственной кооперации, Съезд предлагает принять на местах энергичные меры для этого.

IV. Сельско-хозяйственные коммуны и артели (колхозы), как социально вполне выявленные ячейки трудящихся, должны быть вовлечены в кооперативное строительство. Присоединение колхозов к общему руслу сельско-хозяйственного кооперативного движения, необходимо проводить с большой осторожностью, без ломки их положительного революционного содержания и не путем анархического перехода отдельных колхозов на обще-кооперативный устав, а путем организованного включения этого типа сельско-хозяйственной кооперации в общий кооперативный союз. Колхозам при этом предоставляется право организовывать свои самостоятельные губернские объединения. При переводе коммун и артелей в кооперативные организации, необходимо рассматривать каждый случай особо, избирая для данного колхоза такую форму кооперации, которая наиболее соответствует характеру его производительной деятельности и условиям района. Земорганам предоставляется право непосредственной материальной поддержки колхозов, вошедших в кооперативную сеть, помимо союзных объединений, в целях придания этим колхозам значения агрикультурных центров.

V. Органически правильная работа может быть обеспечена лишь вливанием в кооперативное движение свежих сил, в частности в сельско-хозяйственные

кооперации должны быть привлечены бывшие военнопленные, наглядным путем ознакомившиеся в Германии и Австрии с высокими формами ведения сельского хозяйства, красноармейцы и особенно красные командиры, усвоившие дух дисциплины и организационные методы революции, фабрично-заводские рабочие, принесшие в деревню активность пролетариата, — все эти элементы должны быть втянуты в работу по строительству сельско-хозяйственной кооперации. Съезд, в частности, обращает особое внимание на необходимость широкого привлечения к сельско-хозяйственной кооперации крестьянок.

VI. В деловой работе своей, как организационной—в отношении разработки нормальных и образцовых уставов, определения наиболее выгоднейших для данных условий форм кооперирования и проч., так и хозяйственной—в областях производственной, снабженческой, заготовительной и иных, местные земорганы должны всемерно стремиться к экономическому регулированию производственной деятельности сельско-хозяйственной кооперации и к установлению теснейшего контакта с кооперацией, путем привлечения ее к разрешению возникающих вопросов и согласования с нею своей деятельности. Контроль соответственных органов государственной власти должен выражаться в регистрировании, тщательном и серьезном ведении учета и наблюдения за точным исполнением декретов и законоположений.

VII. Органам Советской власти надлежит строго учитывать экономические последствия проводимых сельско-хозяйственной кооперацией мероприятий. При заключении договоров, выдаче ссуд и авансов, предоставлении хозяйственных прав и преимуществ нужно руководиться не только непосредственными хозяйственными соображениями, но обязательно стремиться к тому, чтобы обеспечить наибольшее процветание за теми кооперативными организациями, которые наиболее соответствуют экономическому характеру района, более поднимают с.-х. производительность данной местности и являются наиболее жизнеспособными и устойчивыми.

VIII. Для содействия развитию кооперативного движения необходимо вести пропаганду его. Необходимо привлечение к этому делу органов, ведущих агрикультурную работу, а также издательств и местной прессы».

Председатель. Других резолюций нет? Голосую резолюцию, зачитанную т. Шефлером. Кто за нее, поднимает руку. Кто против? Нет. Принимается.

По докладу т. т. Каменева и Богданова резолюцию огласит т. Богданов.

Богданов. Товарищи, резолюция эта вам роздана. Комиссия работала в двух заседаниях, рассмотрела ее, внесла окончательно некоторые редакционные поправки, которые ни в чем не меняют смысла ни одного из параграфов. Принята эта резолюция единогласно, как представителями центра, так и теми товарищами с мест, которые работали в комиссии. Поэтому предлагается принять ее, не зачитывая. Отдельно, согласно предложению одного из товарищей, принята резолюция о коммунальном хозяйстве, которая удовлетворит тех товарищей, которые выступали здесь по вопросу о коммунальном хозяйстве. Предлагается принять эту резолюцию не зачитывая.

Председатель. Голосую резолюцию, предложенную по докладам т. т. Каменева и Богданова. Кто за нее, поднимает руку. Кто против? Нет. Принимается.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ВОПРОСАМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПРО- МЫШЛЕННОСТИ.

I.

По вопросам экономической политики.

1. Считая, что Советская власть вполне своевременно перешла к новой экономической политике и что правильность этой политики вполне подтверждена намечающимся оживлением хозяйственного оборота, 9-й Съезд Советов вполне одобряет мероприятия Рабоче-Крестьянского Правительства, направленные к быстрейшему проведению в жизнь начал новой экономической политики.

2. При дальнейшем проведении этой политики необходимо самым внимательным образом считаться с хозяйственной обстановкой, характерными чертами которой надо считать: 1) образование внутреннего рынка, как результат отказа от продразверстки; 2) развитие денежного обмена. И то, и другое есть непосредственный результат преобладания мелкого и крестьянского хозяйства в стране. При этих условиях крупнейшей ошибкой было бы применение в области народного хозяйства со стороны Советской власти тех методов, которые применялись ею в предшествовавший период и которые вызваны были специальными условиями эпохи гражданской войны. Рабоче-крестьянская власть, путем систематических, строго-обдуманных и, построенных на точном учете процессов рынка, экономических мероприятий должна взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения.

3. В интересах оздоровления рынка должен быть принят ряд срочных финансовых мер, направленных к восстановлению денежного обращения на основе золотой валюты. Первым шагом к этому должно явиться неуклонное проведение плана быстрейшего сокращения выпуска бумажных денег путем систематического проведения налоговой политики и платности хозяйственных услуг государства. Опираясь на экономическую мощь сосредоточенных в руках рабоче-крестьянского государства средств производства, Советская власть должна обеспечить себе в учреждениях, облегчающих развитие товарообмена (кредитные учреждения, биржи, торговые товарищества, общества для экспорта и импорта, кооперативные объединения разных видов и т. п.), влияние, соответствующее представляемым им интересам трудящихся масс, путем экономического участия государства в подобных учреждениях.

4. Расходы Советской Республики и всех ее центральных и местных учреждений должны быть сведены к минимуму, приведены в связь с ее ресурсами и производиться в порядке строжайшего соблюдения, утверждаемого ВЦИК, государственного бюджета, с предоставлением соответствующим государственным органам большой свободы в распоряжении отпущенными им по бюджету денежными и материальными средствами. Неизбежные на пути сокращения государственных расходов жертвы в области удовлетворения тех или иных потребностей должны быть принесены без колебаний, ибо без решительного сокращения государственного бюджета восстановление народного хозяйства в Советской России невозможно.

5. 9-й Съезд Советов признает поднятие сельского хозяйства первоочередной задачей государственной власти. На основе незыблемого сохранения национализации земли должны быть обеспечены условия, необходимые для правильного существования и развития крестьянского хозяйства путем упрочения крестьянского землепользования и предоставления крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования. Всеми возможными при настоящем состоянии государственных средств мерами должна быть оказана поддержка маломощным крестьянским хозяйствам.

Советская власть должна в тех же целях в первую очередь изучить первый опыт взыскания продналога, а также возможность упрощения, объединения и облегчения для крестьянства выполнения лежащих на нем государственных повинностей, более справедливого их распределения и т. п.

Укрепление союза пролетариата и крестьянства—основы Советской власти—требует дальнейшего оживления, облегчения и упрочения обмена между промышленностью и земледелием.

6. В целях увеличения общего количества продуктов в стране и оживления товарообмена, Советская власть должна: 1) оказывать широкую поддержку всем видам кооперации (в частности—сельско-хозяйственной, промысловой и кредитной), предоставив ей широкую возможность производства заготовок и всестороннего развития местной промышленности и подъема хозяйственной жизни вообще; 2) обеспечить мелким и средним (частным и кооперативным) предприятиям условия правильного развития производства и свободного распоряжения своими продуктами.

7. 9-й Съезд Советов признает, что восстановление и всестороннее укрепление крупной промышленности, остающейся в непосредственном управлении государства и его органов, является, наряду с восстановлением сельского хозяйства, основной задачей Республики. Развитие государственной крупной промышленности, как основы пролетарской диктатуры, требует сосредоточения на ней максимальной части общегосударственных ресурсов и такого планомерного распределения их, чтобы предприятиям государственной промышленности была обеспечена непрерывная производственная работа. Ради этой задачи необходимо дальнейшее и решительное сокращение советских учреждений и снятие с государственного снабжения предприятий, существование которых не может быть обеспечено наличными ресурсами государства.

8. Хозяйственный расчет и общегосударственный план промышленности, сбалансированный на точном учете ресурсов, производства и бюджета каждого государственного предприятия в отдельности и всех их вместе, должны лежать в основе ведения всей государственной промышленности.

Государственным предприятиям и их объединениям должна быть гарантирована широкая самостоятельность в области распоряжения предоставленными им государством ресурсами, обеспечения предприятий сырьем, топливом и подсобными материалами и т. д., а также право реализации определенной доли продукции в целях пополнения недоданных государством ресурсов.

Съезд признает экономически и технически целесообразным организацию управления государственной промышленностью путем объединения ряда отдельных и друг друга дополняющих государственных предприятий в губернском, областном или общегосударственном масштабе. Этим объединениям должна быть предоставлена вся полнота административно-хозяйственных прав, гаран-

тирующих рациональное ведение предприятий на основе строгого хозяйственного расчета. Считая, что новая экономическая политика в корне отрицает «главкისტские» приемы хозяйствования, необходимо решительно бороться со всеми попытками возрождения этих методов управления промышленностью.

9. Интересы повышения производительности труда и улучшение материального положения рабочих масс требуют, чтобы тарифная политика была основана на непосредственной заинтересованности рабочего в производстве и обеспечении его основных потребностей.

Дело снабжения рабочих должно производиться всеми снабжающими органами через заводоуправления по нормам, устанавливаемым профсоюзами.

Вопросы страхования рабочих, социального обеспечения, медицинской помощи и т. п. должны быть специально пересмотрены в связи с теми условиями, которые создает новая экономическая политика.

10. 9-й С'езд Советов считает, что новая экономическая политика не может быть проведена иначе, как при активном участии в ней профсоюзов. Создание объединений, определение их производственных заданий, вопросы налоговой и финансовой политики, определение предприятий, сдаваемых в аренду, условия арендных договоров, вопросы организации труда и управления промышленных предприятий должны обсуждаться совместно с профсоюзами. В частности одной из основных задач профсоюзов при новой экономической политике должно стать выдвижение рабочих-организаторов на посты ответственных руководителей государственных предприятий. 9-й С'езд Советов особенно подчеркивает необходимость организации профсоюзам энергичной защиты интересов труда в частных и арендованных предприятиях.

11. Интересы восстановления народного хозяйства в Советской России требуют облегчения прилива иностранного капитала в различные области хозяйства, как в форме концессий, так и в форме займов.

9-й С'езд Советов целиком одобряет те шаги, которые Советское правительство уже сделало для восстановления торговых, промышленных и кредитных отношений с заграницей. Вместе с тем С'езд признает, что дальнейшее развитие торговых сношений с заграницей требует более прямых и непосредственных связей промышленности с заграничным рынком. Находя, что охранение народного достояния и интересы наиболее выгодной реализации на заграничных рынках тех продуктов, кои разрешаются к вывозу, требуют сохранения за государством монополии внешней торговли, 9-й С'езд Советов считает, что Всероссийским и областным кооперативным объединениям всех родов, государственным промышленным объединениям, обл. и Губэконом и пр. крупным хозяйственным образованиям должно быть разрешено непосредственное производство экспортных и импортных операций на основании особых соглашений их с НКВТ о допущении или ограничении вывоза или ввоза определенных видов товаров и под его контролем. В тех же целях должно быть разрешено образование—при обязательном участии НКВТ—смешанных обществ для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их заграницу и ввоза в Советскую Россию необходимых ей продуктов, с установлением таможенных пошлин ввозных и вывозных.

12. Поскольку победа триумфально обеспечила Советской России—хотя бы временный и неустойчивый—мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному

строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантий личности и имущества граждан.

Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы. Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована.

13. Так называемая «новая экономическая политика», основные начала которой были точно определены еще во время первой «передышки» весной 1918 г., основывается на строгом учете экономических сил Советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контр-революционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контр-революции к началу 1921 г. Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать себе решительное господство. Победа будет тем более решительной, чем более умело, систематично и планомерно будет пролетариат распоряжаться сосредоточенными в его руках— в результате Октябрьской революции—огромными средствами производства, чем крепче будет опирающийся на обмен между городом и деревней союз пролетариата и крестьянства, чем быстрее научатся передовые элементы трудящихся города и деревни вести борьбу на новой почве, новыми приемами, используя новую обстановку, становясь руководителями новых отраслей работы.

9-й Съезд Советов требует от всех работников энергичного и делового проведения до конца намеченных директив в области восстановления экономической жизни Советской Республики.

II.

По докладу ВСНХ.

Заслушав доклад г. Богданова, признать деятельность ВСНХ в области организации промышленности и проведения мер к ее восстановлению в общем и целом правильной.

Признать, что для восстановления крупной государственной промышленности в первую очередь необходимо сосредоточить максимальные средства на усиление топливо-добывающей промышленности и металлургии.

Отмечая успехи, достигнутые в Донецком каменно-угольном бассейне, считать необходимым дальнейшее проведение концентраций производства и сокращение расхода угля на собственные нужды Бассейна, в целях дальнейшего повышения его производительности.

В целях усиления добычи нефти в Баку и Грозном, обратить особое внимание на привлечение в эту область промышленности крупных оборотных средств для полного обеспечения необходимым оборудованием и буровым инструментом.

Учитывая тяжелое положение с дровяным топливом, а также то значение, которое это топливо продолжает играть в общем топливном балансе Республики, обратить внимание всех Губисполкомов и Губэкономсов на серьезность положения с дровяными заготовками и вывозом дров и на необходимость сосредоточения максимальных усилий для создания необходимых запасов у железнодорожных станций и берегов сплавных рек. Особое внимание обратить на Урал, где вся промышленность зависит от лесозаготовок и где необходимо теперь же сосредоточить все внимание ВСНХ и органов Наркомпрода на выполнении лесозаготовительной программы.

Отметить, что намеченная производственная программа по металлургии недостаточна для восстановления основных отраслей народного хозяйства и что необходимо принять дальнейшие меры для усиления работы как южных, так и уральских металлургических заводов.

Обратить внимание на полный застой в рудном деле и обязать ВСНХ в течение ближайшего года приступить как к восстановлению железо-и медно-рудной промышленности, так и к добыче золота и платины.

Одновременно с восстановлением перечисленных основных отраслей промышленности поставить обязательной задачей органов ВСНХ поднять производство заводов, вырабатывающих предметы широкого потребления и крестьянского обихода, в целях наибольшего удовлетворения крестьянского и рабочего населения Республики, при чем, в первую очередь—текстильной, кожевенной и сахарной отраслей промышленности, а также производства сельскохозяйственных машин и орудий.

Отмечая крайнюю незначительность наличных сырьевых запасов, обязать ВСНХ и другие хозяйственные Наркоматы осуществить все необходимые мероприятия, направленные к развитию технических культур и видов животного сырья.

Все хозяйственные органы Республики должны проявить максимум энергии, инициативы и хозяйственного подхода к ведению предприятий, остающихся в непосредственном управлении государства, дабы в результате создать основное ядро крупной государственной промышленности.

III.

По вопросам государственной промышленности.

1. Центральные и областные объединения государственных предприятий организуются ВСНХ, который включает в них предприятия, находящиеся, согласно решению 8-го Съезда Советов, в непосредственном управлении ВСНХ и его центральных органов. Предприятия, переданные в управление местных советов на основании решения 8-го Съезда Советов и их объединения остаются в ведении Губисполкомов и могут быть изъяты или переданы общероссийским или областным объединениям лишь по соглашению или в случае его отсутствия по решению Президиума ВЦИК.

2. В основу взаимоотношений между предприятиями, входящими в общегосударственные или областные объединения, и местными губернскими хозяйственными органами (Губсовнархозы и Губэконосо), кладется принцип оказания взаимных услуг на договорных началах, при чем за Губисполкомами остаются все права контроля, предусмотренные решениями 7-го и 8-го Съездов Советов, однако, без права вмешательства в административно-хозяйственную деятельность правлений предприятий, входящих в общегосударственное или областное объединение.

3. Создаваемые объединения крупной государственной промышленности состоят в подчинении ВСНХ через соответствующие главные (областные) управления по отраслям промышленности при ВСНХ или областных промбюро. При этом аппараты самих главных управлений, по мере включения всех предприятий в указанные объединения, должны сокращаться и по отношению к созданным объединениям выполнять исключительно функции планирования, общего руководства, контроля, государственного финансирования и снабжения.

В соответствии с этим, губернские управления по отраслям промышленности ликвидируются и превращаются в секции общепроизводственного Отдела Губсовнархозов.

4. В отношении снабжения все государственные предприятия делятся на предприятия, оставленные на государственном снабжении и снятые с такового. При этом, в первую очередь должны быть оставлены на государственном снабжении те отрасли промышленности, продукция которых служит для обеспечения снабжения армии или для восстановления основных отраслей хозяйства Республики (военная промышленность, минеральное топливо, металлургия и т. д.).

5. Признать необходимым сосредоточение на оставленных на государственном снабжении предприятиях максимальной части общегосударственных сырьевых, продовольственных, топливных и денежных ресурсов и такое распределение этих ресурсов, чтобы этим предприятиям была обеспечена возможность непрерывного производства работы. Для этого необходимо каждому предприятию предоставить достаточные оборотные денежные и материальные фонды, как из ресурсов центральных органов, так и из ресурсов самих предприятий.

6. Поскольку восстановление крупной промышленности и обеспечение непрерывности ее производства невозможно иначе, как путем непосредственной связи ее с внутренним рынком, где она должна искать пополнения к предоставляемым ей государством ресурсам—предоставить предприятиям и их объединениям право реализации на рынке части своей продукции, в соответствии с утверждаемыми операционными планами и недодачей государством необходимых им ресурсов. В случае, когда продукция таковых предприятий не может быть допущена к вольному обращению на рынке (предметы военной промышленности и т. п.), предприятиям и их объединениям должны быть предоставлены государством для реализации на рынке соответствующие фонды.

7. Все предприятия, снятые с государственного снабжения, получают необходимые им средства путем реализации своей продукции на рынке. В случае же получения части необходимых им ресурсов от государственных органов, оплачивают эти поступления за счет своей продукции либо денежными знаками, либо соответствующей частью продукции.

8. Для наилучшего использования предоставляемых предприятиям государственных ресурсов и проведения в полной мере принципа хозяйственного расчета, управления предприятий и объединений получают все административные права по управлению и право распоряжения всеми материальными, денежными и иными ресурсами, предоставляемыми им государством, а также право реализации предоставляемой им доли продукции и специальных товарообменных фондов.

9. Плановое снабжение государственных предприятий, находящихся в ведении Губисполкомов (§ 1), происходит через Губисполкомы, при чем последним предоставляется право перераспределения отпускаемых центром ресурсов между отдельными предприятиями и их объединениями в пределах утвержденного производственного плана.

10. Поскольку государственным предприятиям приходится для пополнения своих ресурсов обращаться к рынку—предоставить широкое право предприятиям и их объединениям вести торговые операции, как между собой, так и с кооперативами и вольным рынком, учитывая при этом декрет о преимущественном праве госорганов и кооперации. В целях развития торговли разрешить предприятиям и их объединениям иметь товарные склады, магазины, конторы, а ВСНХ и его местным органам (Губсовнархозам) учредить торговые отделы и товарные биржи, последние самостоятельно или по соглашению с Центросоюзом и его органами. Все расчеты между государственными предприятиями должны постепенно переводиться с почвы исключительно бухгалтерских перечислений на почву чековых расчетов, путем использования аппарата Госбанка, а также путем непосредственной денежной расплаты в тех случаях, когда это представляется необходимым для предприятия.

11. Все государственные предприятия, как оставленные на государств. снабжении, так и снятые с него, должны вестись на строго-хозяйственном расчете, с точным учетом всех элементов производства, с сокращением накладных расходов и доведением до минимума всех аппаратов управления, а также вся-

чески стремиться к удешевлению себестоимости продукции без ущерба ее качества.

12. Задачи бюджетно-сметных и других распределительных органов должны ограничиваться по отношению к предприятиям и их объединениям только отпуском утвержденных по бюджету и сметам денежных средств и материальных ресурсов, при чем контроль их над расходованием этих средств должен носить только технический характер.

Ответственность же за целесообразность расходования находящихся в распоряжении предприятий или объединений ресурсов лежит исключительно на правлениях соответствующих предприятий или объединений и проверка их действий снабжающими органами проводится лишь в порядке последующего контроля.

IV.

О коммунальном хозяйстве.

Учитывая важность восстановления коммунального хозяйства, 9-й Съезд Советов поручает ВЧК поставить этот вопрос на ближайшей своей Сессии, создав предварительно комиссию для разработки практических мероприятий.

Председатель. Есть еще добавочная резолюция по докладу о Всероссийской Чрезвычайной комиссии, которую предложит т. Смирнов.

Смирнов. Товарищи, резолюция, которую я вам сейчас зачитаю, очень коротка, но прежде, чем зачитать ее в той форме, которая здесь напечатана, позвольте пояснить ее. Вы все помните, товарищи, что когда рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, то власть к нам перешла сравнительно легко. Многие наши классовые враги, которые тогда были в наших руках, ушли от нас без всякого вреда, из них Краснов, Деникин и др. ушли на Дон. Никто из нас не предполагает, какая трудная кровавая борьба предстоит рабочему классу и крестьянству с буржуазией и помещиками. Но одно дело взять в руки власть, а другое дело ее удержать.

И вот три года гражданской войны последовали после октября. В процессе этой борьбы рабочий класс и крестьяне выдвинули острое орудие—ВЧК. Мы не могли без нее обойтись. За ВЧК на нас из буржуазного мира со всех концов земли сыпались страшные обвинения. Но это орудие было нам необходимо. Теперь, когда в результате трех лет гражданской войны помещики и капиталисты разбиты, Колчак расстрелян, а Деникин в Лондоне пишет мемуары о русской революции и ничего не может сделать, кроме писания мемуаров, когда кадеты создают архив русской революции да и сами отошли в архив и никакой опасности для рабочих и крестьян не представляют, когда Советская власть укрепилась, когда рабочие и крестьяне осознали свою мощь, мы можем это острое оружие изменить, применительно к новым условиям, в каких живет ныне Россия. Точно так же, как Красную Армию мы демобилизовали не от нашей слабости, а от мощи, оттого, что укреплена Советская Республика, точно так же мы можем изменить и другое орудие борьбы—точно так же мы и ВЧК видоизменим, видоизменим метод борьбы с нашими врагами. Мы думаем пред-

ложить ВЦИК в ближайшее время разработать такое положение, когда большая часть преступлений, которые разбирались в ВЧК, разбирались бы нормальными судебными органами. Вот та резолюция, которую мы предлагаем:

Резолюция о ВЧК.

«Съезд Советов отмечает героическую работу, выполненную органами ВЧК в самые острые моменты гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ею делу укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений.

Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти во вне и внутри позволяет сузить круг деятельности ВЧК и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов Советских Республик на судебные органы.

Исходя из этого, Съезд Советов поручает Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть «Положение о ВЧК» и ее «органах» в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности».

Председатель. Кто за оглашенную резолюцию, прошу поднять руку. Считается принятой. Слово по вопросу о Советском строительстве имеет тов. Сапронов.

Сапронов. Товарищи, проект резолюции, розданной делегатам, уже прошел несколько инстанций. Он обсуждался и в Президиуме ВЦИК, затем обсуждался два раза в той комиссии, которая была изорана на пленуме Съезда Советов и затем обсуждался в коммунистической фракции. Больших разногласий по проекту резолюции не было. Внесены некоторые поправки и поэтому я ограничусь коротенькой мотивировкой тех пунктов, которые выдвигаются.

С переходом по всему фронту к мирному строительству требуется внесение коррективов в нашу конституцию, которые давали бы возможность более продуктивно работать. Одним из таких коррективов, довольно, существенным, является корректив по вопросу о Съезде Советов. До сих пор по конституции у нас Всероссийский Съезд Советов должен созываться два раза в год. Губернские и уездные также два раза, а волостные—по конституции, 4 раза, через каждые три месяца. Правда, на последней сессии ВЦИК внесены некоторые поправки. Если принять во внимание те кампании, которые происходят каждый раз по выборам в советы губернские, уездные, волостные, сельские и городские и при этом точно подсчитать, сколько на это тратится времени, то мы увидим, что колоссальнейшее количество времени тратится непроизводительно, и уже давно раздаются требования не только из губернских городов, но и из волостей и сел,—что необходимо, во-первых, установить единообразный срок для всех Съездов Советов, как Всероссийских, так и всех остальных, и затем постановить, что они созываются один раз в год. По обсуждении в комиссии было установлено, что Всероссийские, губернские и уездные съезды созываются только один раз в год, а волостные и сельские советы—два раза в год. В дальнейшем, однако, по целому ряду требований с мест, по обсуждении в комиссии, внесены коррективы по вопросу о созыве съездов волостных в том смысле, что они также созываются один раз в год. Это даст возможность сэкономить

много времени для мирного строительства. Другой мотив был тот, что план работы, как по сельскому хозяйству, так и по другим вопросам нашего хозяйства, требует больше навыка и специализации, и поэтому срок в три месяца слишком ничтожен. Члены исполкомов не успевают привыкнуть к работе, как уже созывается съезд, происходит пере выборы, часто выбираются новые члены исполкомов и им приходится входить в курс дела снова, а от этого страдает работа. Поэтому комиссией принято, что все съезды, начиная от всероссийского и кончая волостными, а также все советы, начиная от столичных и кончая сельскими, выбираются только один раз в год.

Также требуется внесение поправки и в пункты о заседаниях ВЦИК, 7-м Съездом Советов было постановлено, что Сессии ВЦИК собираются каждые два месяца. Практика показала, что созывать через каждые два месяца Сессию ВЦИК не рационально. Если принять еще во внимание наши расстояния, обширность всей Республики и отдаленность отдельных самостоятельных ее частей, которые присутствуют также и на заседаниях Сессии ВЦИК, то мы увидим, что больше времени у членов ВЦИК уходит не на работу, а на дорогу, на разъезды. Затем краткость заседаний ВЦИК делает также мало продуктивной их работу. Поэтому Президиум ВЦИК, обсудив этот вопрос, решил Сессии ВЦИК созывать на более продолжительные сроки, чтобы на этих Сессиях подробнее обсуждать все вопросы, которые будут ставиться, а для подготовки этих вопросов создаются специальные постоянные комиссии, которые ведут подготовительную работу и к каждой Сессии ВЦИК представляют готовые проекты резолюций. Таким образом, сокращается время, которое члены ВЦИК проводят в дороге и, следовательно, продуктивность работы ВЦИК повышается. Далее необходимо было установить созыв этих Сессий, применительно к моментам, когда на местах происходит наибольшее затишье в работе и, наоборот, как только начинается активная работа по тому или другому вопросу на местах, Сессия ВЦИК кончает свои занятия в центре и все члены ВЦИК разъезжаются, но, конечно, не так, как это бывает в буржуазных парламентах, когда депутаты едут на отдых; члены ВЦИК идут на активную работу на местах и вместе с местными работниками, вместе с Губисполкомами, а также уездными и волостными исполкомами, выполняют активную работу в той или другой кампании, которая начинается Советской властью как в центре, так и на местах.

В связи с усилением работ по сельско-хозяйственной кооперации и товарообороту города с деревней требуется также большее привлечение к активной работе крестьянства, в исполнительных органах Советской власти. Настоящий момент вызывает необходимость наиболее широкого привлечения крестьянства к участию в работе во ВЦИК и в Губернских Исполкомах. Борясь всеми способами против контр-революционных элементов, меньшевиков, эсеров и черносотенцев, необходимо всемерно привлекать, хотя и беспартийных, но революционных крестьян, желающих работать и помогать Советской власти. При этом нужно использовать опыт, который они имеют из своей практики и жизни в деревне. Тем самым мы улучшим работу по восстановлению сельского хозяйства и упрочению правильных взаимоотношений города с деревней. В Губисполкомах также необходимо поставить работу так, чтобы были привлечены к этой работе уезды. Поэтому надо установить заседания Губисполкомов, кроме обычных в сессионном порядке, предназначенные для на-

ибольшей связи и использования местного опыта. Поэтому, установленное Конституцией количество членов Исполкома, необходимо увеличить с таким расчетом, чтобы от каждого уезда или промышленного района было не менее как по одному представителю. Эти заседания должны происходить в сессионном порядке в сроки, устанавливаемые губерниями. Таким образом, накопившийся на местах в губерниях опыт будет на этих заседаниях целиком и полностью использован Губисполкомами, работа их будет более продуктивной и пользы от этого местам будет больше.

Затем, товарищи, громадное значение имеет вопрос об оплате всех исполнительных органов на местах, главным образом, волисполкомов и сельсоветов. В процессе гражданской войны не было достаточно времени уделить этому вопросу внимание и упорядочить его. Теперь надлежит обратить внимание на то, что до сих пор члены волисполкомов и весь их аппарат оплачивались не по какой-либо системе, а совершенно случайно. Государственные средства на это не отпускались, или их отпускалось очень мало. На местах Губисполкомы не регулировали этот вопрос, уисполкомы также не регулировали его, и совершенно случайно по разному в разных местах оплачивались члены волисполкомов и сельсоветов, по установлению местного населения. Местное население не везде устанавливало одинаково оплату, а наоборот, в каждом месте по своему, иногда ставя очень низкую оплату, и бедняк-крестьянин деревенский полупролетарий, часто не мог идти работать в сельский совет или волостной исполком, потому что у него не хватало средств к существованию, а он неспособен на то, чтобы добывать себе средства на прокормление каким-нибудь другим путем—путем взяток, например. Поэтому, он отказывался идти работать в исполком или в сельсовет. Благодаря этому, часто попадали в волосты контр-революционные элементы, которые не только занимали ответственные должности в советском аппарате, но часто превышали свою власть, отчего страдало сельское население. Крестьяне часто, благодаря этому, подвергались незаконным действиям со стороны органов этой власти, что дискредитировало Советскую власть. Теперь мы должны принять решительные меры по этому поводу, вынести постановление, чтобы члены волисполкомов оплачивались за счет государства. В виду же того, что из государственных ресурсов мы не в состоянии оплатить и сельсоветы, и все волостные аппараты, принято решение, чтобы эти аппараты оплачивались за счет местных средств. Но регулирование этой оплаты должно происходить под руководством Губернских Исполнительных Комитетов, дабы установить в губерниях однообразную оплату и при том такую, которая давала бы возможность существования представителям Советской власти на местах и самого добросовестного исполнения своего революционного долга.

Далее выдвинулся вопрос о сокращении административно-губернских единиц. Прежние административные территориальные деления устарели; часто во время революции совершенно стихийно возникали губернские единицы, которые образовывались самостоятельно, и Центральному Исполнительному Комитету приходилось считаться с фактом и утверждать новые губернии. Была избрана еще на 7-м Съезде Советов административно-территориальная комиссия, которая должна была разрешить вопрос. Тогда было принято, чтобы административные деления происходили по признакам экономического тяго-

тения. Эта Комиссия до сих пор еще не закончила своей работы, в виду сложности этого вопроса, но тем не менее перед нами стоит вопрос о необходимости сокращения административных губернских единиц. Поэтому предлагается Съезду Советов принять постановление о необходимости такого сокращения, поручив конкретную разработку этого вопроса ВЦИК. Дальше, я скажу несколько слов о взаимоотношениях центра и мест, поскольку вопрос этот затрагивался не раз в записках, подаваемых делегатами. Ненормальность в этом отношении, существовавшая еще до 8-го Съезда Советов, наблюдается и в настоящее время. Правда, такая ненормальность наблюдается. Вполне естественно, что сложность этих взаимоотношений, новизна в работе не устраняются одними резолюциями, принятыми на Съезде, а практикой, долговременной работой. Такие ненормальности вполне естественны, поэтому 9-му Съезду Советов необходимо подчеркнуть, что пункты постановлений 7-го и 8-го Съездов, неизменно остаются и ими должны безусловно руководствоваться работники, как в центре, так и на местах. Вот краткая формулировка тех предложений, которые вносятся Президиумом ВЦИК на разрешение 9-го Съезда Советов. В виду того, что в эти пункты местами внесены значительные поправки, я оглашаю резолюцию уже с имеющимися поправками. Пункт 1-й, который имелся в розданном проекте, вычеркивается. Пункт 2-й, имеющийся в резолюции, остается неизменным и теперь становится п. 1-й.

В целом резолюция читается так:

1. О Всероссийском Съезде Советов.—Во изменение ст. 26-й Конституции РСФСР очередные Всероссийские Съезды Советов созываются ВЦИК один раз в год.

II. О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.—Во изменение постановления 7-го и 8-го Съездов Советов о созыве Сессии ВЦИК (собрание Узаконений 1919 г. № 64 и 1921 г. № 1):

1) Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет созывается Президиумом ВЦИК на сессионные заседания не менее трех раз в год, при чем устанавливается, что в целях подробного обсуждения стоящих вопросов, Сессии ВЦИК созываются на более продолжительные сроки. Сверх того, после Всероссийского Съезда Советов созывается Сессия ВЦИК для образования Президиума ВЦИК, Совета Народных Комиссаров и Комиссий ВЦИК.

2) Чрезвычайные заседания созываются по инициативе Президиума ВЦИК по предложению Совнаркома или по требованию одной трети членов ВЦИК.

3) ВЦИК организует постоянную Бюджетную Федеральную и другие Комиссии, действующие на основании утвержденных ВЦИК-ом положений.

4) Каждая постоянная Комиссия ВЦИК работает под председательством одного из членов Президиума ВЦИК.

5) В виду расширения федерации РСФСР и желания отдельных Советских Республик иметь своих представителей в высшем законодательном органе Республики, 9-й Съезд Советов постановляет: во изменение постановления 8-го Съезда Советов увеличить состав ВЦИК до 386 человек.

III. О С'ездах Советов на местах.—Во изменение ст. 54 Конституции и постановлений 7-го С'езда Советов (Собрания Узаконений 1919 г. № 64 и 1921 г. № 1):

1) Все очередные С'езды Советов автономных республик и областей, губерньские, уездные и волостные созываются один раз в год.

2) Перевыборы городских, поселковых и сельских советов производится один раз в год.

Примечания: 1. В случае необходимости Губисполкомы созывают внеочередные уездные С'езды Советов, а Уисполкомы—волостные С'езды Советов, на которых могут быть переизбраны Исполкомы.

2. Президиум ВЦИК постановляет о созыве внеочередных С'ездов Советов автономных республик, областей и губерний и, в случае необходимости, о перевыборах на них исполнительных органов.

3) В дополнение к ст. 57-й Конституции РСФСР и во изменение постановления 8-го С'езда Советов о работе местных советов (Собрание Узаконений 1921 г. № 1):

Предоставить право губерньским С'ездам Советов вводить в состав Губисполкома сверх нормы, установленной Конституцией, членов Исполкомов с таким расчетом, чтобы в состав Губисполкомов входило не менее как по одному представителю от уезда и по одному представителю от каждого промышленного района. Расширенные заседания Губисполкомов созываются на сессии в сроки, устанавливаемые Губисполкомом.

IV. Об отделах местных исполкомов.—Во изменение постановления 7-го С'езда Советов об Исполнительных Комитетах (Собрание Узаконений 1919 г. № 64):

1) При уисполкомах отделов РКИ, Юстиции, Совнархоза и органов ЧК не образовывать.

2) Предоставить право соответствующим отделам Губисполкомов в необходимых случаях, по соглашению с Уисполкомами, назначить по одному уполномоченному представителю соответствующей отрасли Управления, с предоставлением ему права пользоваться аппаратом одного из Отделов Уисполкома, по указанию Президиума Уисполкома.

Примечание. ВСНХ через губерньские отделы, а также губерньские отделы по собственной инициативе по соглашению с Уисполкомами и по утверждению Губисполкомов в промышленных районах и уездах имеют право образовывать отделы с минимальными штатами.

3) Уполномоченные, а также отделы несут ответственность, как перед Губисполкомом, так и перед Уисполкомом.

4) При Горисполкомах заштатных городов, в промышленных и иных поселениях городского типа (кроме уездных и губерньских городов), с утверждения Губисполкомов могут быть организованы нижеследующие отделы: Управление Народного образования, Коммунального Хозяйства и Здравоохранения.

5) Существующие при Воисполкомах отделы, а также Воэкономсовета упраздняются. Количество членов Воисполкомов устанавливается в три человека.

Примечание. В исключительных случаях Губисполкомам предоставляется право увеличить состав Волисполкома до четырех членов.

Все функции Волисполкома распределяются между его членами по особому установленному положению ВЦИК.

6) Для технического обслуживания всех отраслей управления при Волисполкомах организуется общее делопроизводство.

7) Все члены Волисполкома получают содержание из средств государства; председатели Сельсоветов и весь технический аппарат Волсоветов получают содержание от Губисполкомов за счет местных средств.

V. О постановлениях 7-го и 8-го Съездов Советов. 9-й Всероссийский Съезд Советов подтверждает к неуклонному исполнению те пункты постановлений 7-го и 8-го Всероссийских Съездов Советов, которые остались без изменения.

VI. О количестве губерний и Губисполкомов. Признать необходимым сократить количество Губисполкомов путем объединения соседних губерний, связанных между собой удобными путями сообщения и родственных в хозяйственном отношении. Поручить ВЦИК не позже первой очередной сессии утвердить конкретные постановления о таких объединениях.

Вот проект тех предложений, которые приняты с поправками в той комиссии, которую избрал пленум 9-го Съезда.

Председатель. Товарищи, вопрос, затронутый т. Сапроновым, подвергался наиболее детальному обсуждению как в Президиуме ВЦИК, еще до созыва 9-го Съезда, так и во множестве расширенных комиссий. Кроме этого, вопросы эти вам, работникам мест, наиболее известны. Поэтому Президиум предлагает без прений принять то постановление, которое огласил т. Сапронов, и поручить ВЦИК или его Президиуму, если нужно будет, внести несущественные поправки или изменения в оглашенном постановлении. Ставлю на голосование оглашенное тов. Сапроновым постановление. Кто за это постановление, поднимает руку. Принято всеми против 1.

Дальше, товарищи, Президиум обсуждал вопрос после доклада тов. Ленина и целого ряда докладов по хозяйственному вопросу о сборе продналога. Вам прекрасно известно, какое колоссальное значение имеет своевременный сбор продналога. Поэтому Президиум обращается с просьбой поручить ему, Президиуму, выпустить от имени Съезда воззвание о сборе продналога. Такое воззвание уже выработано и, чтобы не утруждать собрание, предлагаю поручить Президиуму его окончательно сформулировать. Возражений нет? Принимается.

Председательствующий т. Енукидзе. Товарищи, позвольте мне от имени Президиума сделать маленькое предложение через 9-й Съезд Советов всем товарищам, присутствующим тут, относительно раздаваемой литературы. Вам очень хорошо известно, какой литературный голод у нас существует по целому ряду причин на местах. Поэтому Президиум предлагает принять такое постановление: «Принимая во внимание недостаток литературы на местах, в особенности специальной литературы, президиум 9-го Съезда Советов предлагает всем делегатам, в частности, представителям уездов, чтобы всю литературу, раздаваемую на Съезде, не позднее 6 недель после окончания Съезда сдавать в местные библиотеки (А. П. Л. Д. С. М. Е. Н. Т.). Мы полагаем, товарищи, и уверены, что это ни с чьей стороны не встретит возражений. Чем

богаче будут наши местные библиотеки, тем у всех будет больше возможности познакомиться с той или иной литературой. Поэтому прошу считать это постановление принятым. Далее, товарищи, я не могу утруждать ваше внимание оглашением множества телеграмм с приветствиями 9-му Съезду Советов. Как и все Съезды, 9-й Съезд Советов получил массу приветствий со всех концов необъятной нашей республики, и что характернее всего, по ознакомлении со всеми этими приветствиями, видно, что настоящий Съезд привлекает к себе внимание самых низов, самых отдаленных уголков, всевозможных съездов, совещаний и отдельных групп и красноармейских частей. Поэтому, прошу разрешить Президиуму все эти приветствия приобщить к будущим протоколам 9-го Съезда Советов (Аплодисменты. Голоса: просим). Теперь, позвольте, товарищи, по наказу о хозяйственной деятельности Наркоматов предоставить краткое слово для оглашения резолюции т. Сосновскому.

Сосновский. Кроме тех резолюций, которые по отдельным докладом были здесь зачитаны и Съездом одобрены, Президиум предлагает принять общий наказ 9-го Съезда Советов всем государственным учреждениям, Народным Комиссариатам по вопросам хозяйственной политики. Мне не потребуется мотивировать это предложение, ибо содержание его говорит само за себя. Проект этот написан т. Лениным, и я ограничусь его прочтением. (Голоса с мест: Он нам уже прочитан). Значит он вам всем известен? (Голоса с мест: Он роздан на руки).

Председательствующий т. Енукидзе. Он был роздан вам, товарищи. Угодно зачитать его? (Голоса: Не надо, голосуйте). Тогда, кто за этот наказ, товарищи, прошу поднять руки. Считается принятым.

Постановление 9-го Съезда Советов в дополнение и обобщение решений Съезда по отдельным вопросам хозяйственной работы.

9-й Всероссийский Съезд Советов, рассмотрев доклады и отчеты Наркоматов о хозяйственной деятельности за отчетный год, преподает, в дополнение и обобщение постановлений Съезда Советов по отдельным вопросам хозяйственной работы, к неуклонному исполнению всех Советских учреждений в центре и на местах следующие руководящие указания:

1. Главной и неотложной задачей деятельности всех хозяйственных органов Съезд Советов приказывает считать: достижение в кратчайший срок во что бы то ни стало прочных практических успехов в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для подъема земледелия и улучшения жизни трудящейся массы крестьянства.

2. Эту цель, как главнейшую, должны не упускать из виду все органы по управлению промышленности, разумеется, недопуская ни малейшего ослабления задачи снабжения в 100% нужд Красной Армии, что должно быть поставлено в первую очередь в интересах сохранения обороноспособности Советской Республики.

3. Этой же цели должно быть подчинено улучшение положения рабочих в том смысле, что на все рабочие организации (и в первую голову профсоюзы), возлагается обязанность заботиться о такой постановке промышленности,

которая бы быстро и полно удовлетворяла потребности крестьянства, при чем от степени достигнутых в этом отношении успехов должно непосредственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих.

4. Этой же цели должна быть подчинена деятельность Наркомфина, на который возлагается 9-м Съездом Советов задача осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты. Замена эмиссии налогами должна проводиться неуклонно, без допущения малейшей волокиты.

5. Эту же цель во главу угла должны поставить себе все органы и учреждения, ведающие внутренней и внешней торговлей, т.-е. Центросоюз, Наркомвнешторг и т. д. Только быстрыми практическими результатами в деле развития оборота между земледелием и промышленностью Съезд Советов будет измерять и поручает руководящим органам Советской власти измерять успехи этих учреждений. В частности, Съезд Советов предписывает шире прибегать к частно-хозяйственным предприятиям в деле сбора сырья, вывоза его и всеяческого развития торговли, поощая при этом роль государственных органов, как контролирующую и направляющую, и преследуя беспощадно всяческую волокиту и бюрократизм, мешающие живому делу.

6. От всех органов и учреждений, ведающих хозяйственной работой, 9-й Съезд Советов требует несомненно большего, чем до сих пор, внимания и энергии в деле привлечения к государственной работе в данной области всех, сколько-нибудь выдающихся сил из рядов беспартийных рабочих и крестьян.

Съезд устанавливает, что в этом отношении мы отстали;—что не проявляется достаточно систематичности и настойчивости в этом отношении;—что расширение круга хозяйственных и государственных деятелей в этом отношении безусловно и постоянно необходимо;—что всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как Орденом Трудового Знамени, так и денежными премиями.

Съезд Советов обращает внимание всех хоз. органов и всякого рода классовых не чисто правительственных организаций на безусловную необходимость еще более устойчивой работы по привлечению к делу сельско-хозяйств. строительства специалистов, понимая под таковыми как предстателей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели опыт и знание в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяйственными операциями и т. п. Улучшение положения специалистов и обучение под их руководством широкого круга рабочих и крестьян—должны стать предметом неотложной заботы центра и местных учреждений РСФСР.

7. От Наркомюста 9-й Съезд Советов требует несомненно большей энергии в двух отношениях:

Во-первых, чтобы Наркомюст Республики строго следил за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов Республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового

участия их в деле надзора за соблюдением законности; во-вторых, чтобы Нарсуды обратили больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности. Процессы по делам такого рода необходимы и для повышения ответственности за зло, с которым так трудно бороться при наших условиях, и для привлечения внимания рабочих и крестьянских масс к этому важнейшему вопросу, и для достижения практической цели—больших хозяйственных успехов.

9-й С'езд считает, что задача НКПроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадр специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих, и предлагает еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей Республики, так и данной области и данной местности. В частности, 9-й С'езд Советов устанавливает, что во исполнение решения 8-го С'езда Советов о пропаганде плана электрификации России сделано еще далеко недостаточно и требует, чтобы при каждой электрической станции путем мобилизации всех пригодных сил были регулярно устраиваемы лекции, практические занятия для ознакомления рабочих и крестьян с электричеством, его значением и планом электрификации. В тех уездах, где еще нет ни одной электрической станции, должны быть построены с возможной быстротой хотя бы маленькие электрические станции, которые должны стать местным центром указанной работы пропаганды, просвещения и поощрения всяческой инициативы в этой области.

Председательствующий т. Енукидзе. Теперь позвольте краткое слово предоставить председателю Мандатной Комиссии о составе 9-го С'езда Советов. Тов. Максимовский имеет слово.

Максимовский. Товарищи, 9-й С'езд Советов столь же полный С'езд, как и 8-й, с той разницей, что в этом году на основании постановления Центрального Исполнительного Комитета не было такого большого количества делегатов с совещательными голосами, как в прошлом году. Всего делегатов прибыло 1.991, из них с решающими голосами 1.631. Из общего количества 1.631 делегат членов РКП и кандидатов—1.522. Беспартийных—109. Представителей других партий с решающими голосами нет. Эти решающие голоса распределяются таким образом. Я не буду считать по каждой губернии. По губерниям центральной России, т.-е. которые не объединены в отдельные Области—всего 885 делегатов. При чем так же, как в прошлом году, некоторые губернии превеличили свое представительство, посылали больше представителей чем следует. Но на этот раз Мандатная Комиссия все-таки утвердила большинство таких делегатов. Повидимому, к следующему году нужно будет нам установить некоторое определенное количество представителей от каждой губернии. Теперь статистические данные позволяют нам это сделать. Тогда только можно будет правильно дать должное место каждой губернии. Целый ряд губерний, вроде Гомельской, Вологодской, Кубано-Черноморской, Нижегородской и некоторые другие превеличили своих представителей, но тем не менее эти делегаты были нами все-таки утверждены, потому что разница здесь не слишком большая. По Сибири всего 107 делегатов с решающими голосами, при чем здесь некоторые губернии представлены недостаточно. Это прежде всего Иркутская, Якутская Область. В автономных областях всего 54 делегата. Это небольшое количество делегатов, в виду сравнительно небольшой вели-

чины этих областей. К числу всех прошлогодних областей прибавились сейчас: область Коми, Зырянского народа; затем только-что образовавшаяся Карачаево-Черкесская Область, которые тоже получили место на Съезде. По республикам 494 решающих голоса, при чем здесь Съезду придется решить вопрос о голосах Армении и Грузии. Мы в Мандатной Комиссии первоначально не предоставляли полного количества решающих голосов этим республикам, но поскольку они сейчас будут иметь представительство во ВЦИК, постольку следует утвердить за ними определенное количество решающих голосов—для Армении 15 и для Грузии 20. По Красной Армии от различного рода отдельных частей и, между прочим, от 2 или 3-х трудовых частей всего 76 делегатов с решающими голосами. Вот таким образом разбиваются решающие голоса. С совещательными голосами всего 362 делегата, в том числе членов РКП и кандидатов 328, беспартийных 30. От социалистов-революционеров 1 с мест, анархист-универсалист 1 из центра, еврейской с.-д. рабочей партии Поалей-Цион 1 представитель из центра и один представитель Молоканских Общин. Так разбиваются совещательные голоса.

Что касается каких-либо недоразумений, то таковых не было. Был опростован более или менее основательно один мандат некоторыми сибирскими делегатами, но Мандатная Комиссия, рассмотрев этот мандат, нашла его достаточно основательным. Более никаких существенных вопросов в Мандатной Комиссии не было, я предлагаю утвердить это сообщение Мандатной Комиссии в целом.

Голос с места. Сколько женщин?

Максимовский. Женщин 20.

Голос. Социальный состав?

Председательствующий т. Енукидзе. Товарищи, эти данные будут потом разработаны и войдут в протокол Съезда. Прошу сообщение т. Максимовского о составе нашего Съезда утвердить. Кто за то, чтобы утвердить доклад Мандатной Комиссии, поднимает руку. Есть ли против? Нет. Принимается единогласно.

В 7 часов веч. заключительное заседание пленума 9-го Съезда. Объявляю заседание закрытым.

Заседание девятое.

(Вечернее).

Председательствует т. Калинин.

Калинин. Объявляю заседание Съезда открытым. Слово для предложения имеет т. Мануильский.

Мануильский. Товарищи, от имени фракции коммунистов-большевиков, я вношу следующего рода предложение. В порядке дня стоит вопрос о международном положении, доклад о котором должен был сделать Народный Комиссар по иностранным делам Чичерин. Вопрос о нашем международном положении подвергся уже освещению в докладах т. т. Ленина и Троцкого. Мое предложение сводится к тому, чтобы доклад Народного Комиссара по иностранным делам, т. Чичерина, снять. Что же касается вопроса о международном положении, то

поручить Президиуму Съезда выработать соответствующую декларацию от имени Съезда о нашем международном положении.

Председатель. Поступило два предложения. Одно—снять вопрос о международном положении, стоящий на повестке дня. Есть желающие высказаться по этому вопросу? Голосую без прений. Кто за то, чтобы снять этот вопрос с повестки дня? Кто против? Нет. Итак, пункт о международном положении снят с повестки дня. Второе предложение: поручить Президиуму ВЦИК выработать декларацию по международному положению и опубликовать ее от имени Съезда. Есть желающие высказаться по этому предложению? Нет. Голосую. Кто за это предложение? Кто против? Таковых нет. Предложение принято.

Приступаем к следующему пункту порядка дня—выборы во ВЦИК.

Слово по этому вопросу имеет г. Енукидзе.

Енукидзе. Товарищи, в заключение своих работ Съезду предстоит избрать свой Центральный Исполнительный Орган, который до следующего Съезда будет вести всю законодательную и исполнительную работу. Согласно принятого сегодня постановления, было решено расширить состав ВЦИК. Тем самым, если нам в наступающем 1922 г. суждено будет работать мирно, несомненно, работы ВЦИК—Сессий и его Президиума—приобретают большое значение. Мы наблюдаем, что значение этого органа из года в год растет. И уже первый год мирной работы нам показал, что эта работа все углубляется, растет связь с местами и упрочивается то руководство, которое отведено по Конституции этому органу. Поэтому и было принято расширение ВЦИК, чтобы ввести в состав этого органа больше работников с мест, при чем отведены места и беспартийным, главным образом, из крестьянского состава Съезда. И мы надеемся, что их опыт местной работы, их участие на Сессиях ВЦИК принесет очень много пользы.

Список составлен так: одна часть отведена центральным работникам, т.-е. тем работникам, которым придется работать в центре или на разъездной работе в качестве представителей центральных органов; большая часть отведена местам, причем представлены будут решительно все губернии и области нашей Республики, а также все отдельные автономные республики и области. Список по отдельным областям и губерниям и центральный список обобщается в отдельной комиссии и в окончательном виде будет мной сейчас оглашен. Кандидаты распределены по тому же принципу, как и члены ВЦИК. Разрешите огласить намеченный список членов ВЦИК, а потом кандидатов к ним. Общее число членов ВЦИК достигает 386, а кандидатов—126. Беспартийным отведено 30 мест.

Список членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избранных 9-м Съездом Советов: т. т. Ленин, Калинин, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Каменев, Л. Б., Бухарин, Рудзутак, Томский, Лавинский, Петропавловский, Радер, Раковский, Рыков, Молотов, Михайлов, Ярославский, Ворошилов, Олженицкая, Тухачевский, Бутузов, Комаров, Шляпников, Чубарь, Френкель, Сахаров, Смирнов, Енукидзе, Богданов, Семашко, Луначарский, Руднев, Крестинский, Крестинский, Бюхаров, Чибриков, Шмитт, В. В., Довгалевский, Себряков, Ульянова, Н. В., Правдин, Каменев, С. С., Колонтай, Муранов, Покровский, Тухачевский, Бубнов, Владимирский, Ларин,

Ногин, Преображенский, Смирнов, А. П., Сосновский, Шотман, Самойлов, Лутвинов, Цурюпа, Хинчук, Судаков, Калыгина, Аванесов, Буденный, Кржижановский, Желтов, Сокольников, Яковлева, Толоконцев, Кубяк, Смирнов, В., Залуцкий, Скворцов, И. И., Уншлихт, Иоффе, А. А., Медейев, С., Лашевич, Чуцкаев, Теодорович, П., Месяцев, Бела-Кун, Рязанов, Д. Б., Смилга, Склянский, Андреев, А. А., Догадов, Лозовский, Антипов, Куйбышев, Воробьев, Перепечко, Кратт, Ачканов, Лепсе, Владимиров, Шварц, С., Судик, Лебедев, Н. И., Капранов, В. Л., Кроль, Добровольский, Боровский, Ефретов, Антошкин, Озол, Козелец, Б. Шкурин, Дербышев, Горячев, Смирнов-Чубриков, Садовский, Каминский, Захаров, Рязанов, В. П., Гольцман, Лобанов, Сениошкин, Явлон, Доброхотов, Н. Н., Климов, Шаров, Мельничанский, Павлов, Евреинов, Полонский, Крутов, Николаев, Каневский, Кассиор, В., Чернышев, Ширинский, Удов, Пятаков, Мануильский, Д. З., Лебедь, Скрыпник, Иванов, А. В., Гон, Затонский, Кассиор, С., Рухимович, Угаров, Владимиров, М. К., Полоз, Шумский, Ермощенко, Манцев, Минин, Авксентьевский, Кин, Шелехес, Николаенко, Дробнис, Тарногородский, Аверин, Одинцов, Порайко, Примаков, Кузнецов, С. М., Поляков, Сервиченко, Пахомов, Симонов, Новиков, Гамарник, Картавишвили, Кронзис, Клименко, Квиринг, Радченко, Квитек, Ткаченко, Подгойный, Савченко, С., Дьяченко, Мазур, Карбач, Марченко, Карпенко, Нариманов, Киров, Хан-Будалов, Крылов, Сумбат, Мясников, А. Ф., Лукашин, Тео-Габриелян, Червяков, Кирин, Муртазин-Муса, Манатов, Мансуров, Гикаль, Ешба, Думбадзе, В., Мухарадзе, Ф. Мдивани, Каркмасов, Самурский, Мендешев, Коростелев, Г. А., Мурзагалиев, М. К., Букейханов, Казбеков, Тулепов, Данилов, А., Киселев, И. Ф., Мукашев, Бергалиев, Сайт-Галеев, С. Г., Прокофьев, З., Мухтамов, Сабиров, Мухамедшин, Сафаров, Тюркчулов, Рахимбаев, А., Атабаев, Хаджанов, Икрамов, Джантосов, Хидиралиев, Пусобаев, Манджана, Ноговицин, Калмыков, Б., Гудьев, В. Т., Чалчяев, Сорвачев, Мор, Петров, И. П., Холоровский, Косодаев, Громов-Мамонов, Галактионов, Яковенко, Бабкин, Увальев, Полозов, Ковалев, Строев, Бойков, Попов, Б. А., Шиханов, Кудряков, Архинчев, Теплов, Пепке, Семериков, Новоселов, С. А., Семченко, Борчанинов, Калинин, А. Я., Аммон-Каминский, Парамонов, Ситоров, А. П., Сулимов, Мрячковский, Ломов, Болотов, Коричев, Буликов, Н. И., Мышкин, Сергиевский, Муралов, А., Толмачев, Полвян, Я., Головченко, Алиев, У. Л., Шевцов, И. Б., Карионов, Г. Г., Тимме, Булаков, Н. Я., Соколов, А. П., Левочкин, Панков, Анохин, Нечаев, Осьмов, Савостин, Ступше, Маркович, Мальков, С. И., Новиков, И. Ф., Агеев, С. П., Евдокимов, Игнатов, Сперанский, Уфимцев, Хотаевич, Иванов, Рябой, Фирстов, Коротков, Чернов, Цветков, Самсонов, А. К., Артемов, Мурташев, А. И., Голошекин, Гаврилов, Галанин, Рогов, Ф. И., Рогов, М. И., Зеленский, Каганович, Л. М., Богуславский, Урываев, Шкирятов, Уханов, Цихон, Бельский, Г., Сафиров, Матвеев, Лихачев, Тарасов, Полидопов, Филлер, Микоян, Богданов, Тео-Егизарьянц, Песков, Пакун, Соболев, С. А., Сазонов, Шевяков, Смирнов, И. Н., Васильев, А., Авдеев, Николаева, К. И., Евдокимов, Лобов, Бадаев, Угланов, Москвин, Харитонов, Кузьмин, Н. Я., Кондратьев, Шелавин, Гюлдинский, Обросов, Вейнер, Мусатов, Никитин, Сомме, Ситоров, Антошкин, Фоини, М. Г., Васильев, Жук, Плаксин, Еласов, Тулайков, Минков, Леонович, Освенко, Мартынов, Безсонов, Низовцев, Булатов, Рабаков, Рейц, Мейселяков, В. Васильев, Б. А., Запегин, Репин, Чулов, Жданов, А. А., Шилкин, Матвеев, Степанов, Кузаков, Есинов, Бисярин, Зубарев, Муругов,

Павин, Тимохин, Левин, Ворошцов, Гусев, Муралов, Н., Муклевич, Елизава, Аверичкин, Блюхер, Филатов, Боханко.

Список кандидатов: т. т. Максимовский, Кураев, Чельшев, Сергеев, Пезерн, Белобородов, Борисов, Митрофанов, А. К., Сергушов, Невский, В., Бокий, Крыленко, Смородин, Фрумкин, Стучка, Стасова, Митин, Леонов, Малютин, Свицерский, Солец, Стеклов, Чемеринский, Кассиор, П., Пинерович, Наумов, Ивашов, Ф., Володин, Икряннистова, Климова, Зорин, Малютина, Немцов, Кривов, Емшанов, Фомир, Шлихтер, Шефлер, Красиков, Сырцов, Данилов, С. С., Рыкунов, М. В., Винокуров, Амосов, Макс., Подвойский, Грушин, Горшков, Баньковский, Славинский, Будаев, Клейнер, Миков, Юзефович, Королев, Бумажный, Лаврентьев, Графов, Амосов, Янсон, Плехотников, ХарченкоТарас, Киркин, Попов, Н. Н., Рудый, Луговой, Корнюшин, Свистун, Логинов, Майоров, Дейч, Смирнов, М. И., Якир, Дубовый, Майорова, Лянин, Ибрагимов, Коростелев, А., Джангильдин, Сафу-Эмир-Усели, Ендаков, М. Е., Галактионов, А. П., Комутханов, Г. Бабичев, Д. И., Кузнецов, М. Г., Пастухов, М. Д., Громов-Амосов, Молотовников, Шевелев-Лубков, Б. П., Медведев, А. И., Моисеев, С. С., Рындин, К., Жаков, Генцев, Шевченко, Трофимов, Ф. А., Воронин, И. М., Запольский, Стороженко, Н. А., Варейкис, И. М., Игнатьев, Н. С., Калашников, Шорохов, Макаров, А. Г., Маслов, Пашищев, Туляков, Коршунов, С. И., Терешков, П. Т., Пахомов, П., Десов, Дмитриев, Рожнов, Нейбах, И. И., Ефремов, М., Ронжин, Н. Н., Кронберг, Попов, Дотиков, И. В., Шестаков, В. И., Иванов, А. А., Прохощев, Я. Ф., Козьмин, Ф. П., Смирнов, Соколов, Ф., Врачев, Евсеев.

Председатель. Разрешите сначала поставить на баллотировку вопросы о количестве членов ВЦИК и кандидатов. Предложено—386 членов ВЦИК. Есть желающие высказаться по вопросу о количестве членов? Нет. Позвольте голосовать. Кто за то, чтобы количество членов ВЦИК определить в 386? Кто против? Таковых нет. Предложение считается принятым.

Кандидатов предложено 126. Есть желающие высказаться по вопросу о количестве кандидатов? Нет. Кто за оглашенное число кандидатов? Кто против? Таковых нет. Цифра 126 утверждается.

Енукидзе. Я от Псковской губернии неправильно прочитал. Вместо тов. Сомса прочитал Самсонова.

Голос с места. У нас кандидатом от Крыма был т. Сапрун.

Председатель. Как разрешите голосовать—всех вместе или отдельно поименно?

Голоса. Вместе.

Председатель. Разрешите без прений проголосовать вопрос: голосовать весь список в целом или персонально? Кто за то, чтобы голосовать весь список в целом? Кто против? Таковых нет. Голосую весь список. Кто за только что оглашенный список в целом? Кто против? Нет. Список принимается. (Аплодисменты).

Председатель. Товарищи, работа 9-го Съезда Советов считается оконченной. 9-м Съездом Советом мы наложили последний штрих на работу, сделанную нами в период между 8 и 9 Съездом Советов. Когда мы оборачиваемся на пройденный путь, мы видим, насколько сложна и разнообразна была обстановка за этот короткий исторический путь. 9-й Съезд Советов своей работой завершает этот период.

Товарищи, работа 9-го Съезда подвела итог всей той работе, которая была проделана на местах. Работа 9-го Съезда протекала при небывалой солидарности, проявленной всеми делегатами Съезда и при стремлении каждый вопрос разобрать по существу.

На 9-м Съезде Советов было обращено особое внимание на земельный вопрос, который становится краеугольным камнем нашей политики. Я думаю, что то единство, та солидарность, которые были проявлены делегатами 9-го Съезда Советов, будут разнесены по всем углам великой Российской Советской Республики. Позвольте, товарищи, мне перед вашим отъездом в той работе, которая вами будет проводиться на местах, пожелать полного успеха.

9-й Съезд Советов объявляю закрытым. (Продолжительные аплодисменты. Весь Съезд встает и поет Интернационал).

Телеграмма Великого Национального Собрания Турции 9-му С'езду Советов.

(См. стр. 30 Отчета № 5).

Гражданину Калинин, Председателю С'езда Советов России и Союзных стран.

Гражданину Петровскому, Председателю С'езда Советов Украины.

Великое Национальное Собрание Турции было счастливо выслушать заявление г. Фрунзе, чрезвычайного уполномоченного Украинской Советской Республики, заявление, которое само по себе оставляет неизгладимый след в истории нашей независимости. Члены Собрания с живейшим удовольствием выслушали это заявление и каждая фраза вызвала гром рукоплесканий, ничуть не похожий на искусственные демонстрации, полные лжи и лицемерия, лишенные всякой искренности, которые были обычными во времена империалистских правительств, на развалинах которых мы водрузили право самоопределения народов. Настоящее событие позволило установить глубокие взаимные симпатии обоих дружественных народов и представило собою зрелище, которое произвело живейшее впечатление на всех присутствующих членов Собрания. Тот факт, что правительство Украинской Республики, дабы заключить договор дружбы и чтобы еще более упрочить существующие между народами политические и экономические связи, избрало г. Фрунзе, который является одним из самых выдающихся политических деятелей и главнокомандующим, а равно и одним из наиболее храбрых генералов победоносной Красной Армии, этот факт, что об этом назначении мы были извещены накануне битвы под Сакарией, когда враги возвещали миру о нашем окончательном крушении, как о близком событии,—вызывает чувства признательности в Национальном Собрании. Наше Собрание было тем более тронуто этим фактом, что он подтверждает и доказывает высокую искренность в политических отношениях. Среди высоко ценных заявлений гр. уполномоченного великим утешением для нашего народа было соболезнование об ужасных жестокостях, совершенных свирепым врагом на пространстве нашей страны. Я считаю долгом повторить, что драгоценная солидарность обоих наших стран составляет для нас великую силу и в то же время наиболее очевидную и осязательную гарантию достижения целей, которые мы себе ставим.

Польуюсь случаем передать вам дружеские приветствия Великого Национального Собрания—единственного представителя народов Турции.

Председатель Великого Национального Собрания Турции,

Главнокомандующий Маршал **Мустафа-Кемаль.**

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Заседание первое.

	№ отчета.	Стр.
Открытие Съезда	1	1
Доклад ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политике Республики—докладчик т. Ленин	1	3

Заседание второе.

Принятие постановления по докладу т. Ленина	2	1
Доклад о помощи голодающим—докладчик т. Калинин	2	1
<i>Прения по докладу т. Калинина.</i>		
Речь т. Сосновского	2	13
» » Антонова-Овсенко	2	16
» » Представителя Новгородской губ.	2	19
» » Ярославского	2	19
» » Семашко	2	24
» » Нестерова	2	25
» » Данилова	2	27
Заключительное слово т. Калинина	2	29
Принятие резолюции по докладу т. Калинина	2	30

Заседание третье.

Доклад о предварительных результатах новой экономической политики—докладчик т. Каменев	2	31
Доклад о положении промышленности—докладчик т. Богданов <i>Прения по докладам т.т. Каменева и Богданова.</i>	2	47
Речь т. Лихачева	2	58
» » Сикорского	2	59
» » Карташева	2	59
» » Кагановича	2	61
» » Смилга	2	64
» » Пискарева	2	66

Заседание четвертое.

	№ отчета.	Стр.
<i>Продолжение прений по докладам т.т. Каменева и Богданова.</i>		
Речь т. Галактионова	3	1
» » Позерна	3	3
Речь т. Лугинца	3	5
» » Туркова	3	6
Заключительное слово т. Богданова	3	7
» » т. Каменева	3	11
Голосование резолюции и избрание комиссии по докладам т.т. Каменева и Богданова	3	17
Доклад о восстановлении сельского хозяйства—докладчик т. Осинский	3	17
Содоклад т. Тулайкова	3	33

Заседание пятое.

<i>Прения по докладам т.т. Осинского и Тулайкова.</i>		
Речь т. Буденного	3	42
» » Чижова	3	43
» » Чекунова	3	43
» » Лежнева	3	45
» » Треушкина	3	47
» » Головкина	3	49
» » Погорелова	3	50
» » Петрушкина	3	51
» » Короткова	3	53
» » Сосновского	3	54
» » Раковского	3	57
» » Моора	3	61
» » Гавена	3	63
» » Погорелова	3	64
» » Мышкина	3	65
» » Лисицына	3	66
» » Месяцева	3	67
Заключительное слово т. Тулайкова	3	70
Избрание комиссии по докладу т. Осинского	3	71

Заседание шестое.

Приветствие Красной Пресни	4	1
Заключительное слово т. Осинского	4	1
Принятие резолюции и избрание комиссии по докладу т. Осинского	4	11
Доклад о кооперации и кооперативном законодательстве— докладчик т. Хинчук	4	18
Содоклад о сел.-хоз. кооперации—содокладчик т. Шефлер	4	26

	№ отчета.	Стр.
Избрание комиссии по докладам о кооперации	4	32
Доклад о финансах и бюджете—докл. т. Крестинский	4	32
Избрание комиссии по докладу т. Крестинского	4	45

Заседание седьмое.

Заявление т. Мясникова от Азербейджана, Армении и Грузии	5	1
Доклад о строительстве Красной Армии—докладчик т. Троцкий	5	2
Заявление т. Раковского от Украины, Грузии, Армении, Азербейджана и Белоруссии	5	25
Принятие резолюции о Красной Армии и Красном Флоте	5	28

Заседание восьмое.

Доклад по вопросу об электрофикации—докладчик т. Кржижановский	6	1
Утверждение декрета СНК об электрофикации России	6	12
Доклад т. Крестинского от комиссии по финансам и бюджету	6	14
Утверждение резолюции по докладу тов. Крестинского	6	17
Содоклад о работах по электрофикации в России—докладчик проф. Горев	6	19
Сообщение тов. Сосиовского о работах комиссии по сельскому хозяйству	6	26
Утверждение резолюции по сельскому хозяйству	6	28
Утверждение резолюции по докладу тов. Шефлера о с.-х. кооперации	6	38
Утверждение резолюции по докладам т.т. Каменева и Богданова	6	38
Речь тов. Смирнова по вопросу о ВЧК	6	46
Утверждение резолюции по вопросу о ВЧК	6	47
Доклад о Советском строительстве—докладчик т. Сапронов	6	47
Утверждение резолюции по Советскому строительству	6	52
Утверждение наказа по вопросам хозяйственной работы	6	53
Сообщение т. Максимовского от Мандатной Комиссии	6	55
Утверждение доклада Мандатной Комиссии	6	55

Заседание девятое.

Утверждение списка членов и кандидатов В. Ц. И. К. по докладу тов. Енукидзе	6	59
Заключительная речь т. Калининна	6	59
Закрытие Съезда	6	60
Телеграмма Великого Национального Собрания Турции 9-му Съезду Советов	6	61

